

Родная **ЛАДОГА** № 2(16)' 2011

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясеньев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ *Лиляна* (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ *Николай Петрович* (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ *Валерий Николаевич* (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ *Сергей Викторович* (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО *Николай Иванович* (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО *Виктор Гаврилович* (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ *Геннадий Викторович* (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ *Владимир Николаевич* (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ *Чеслав Станиславович* (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ *Аркадий Григорьевич* (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН *Владимир Николаевич* (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ *Юрий Михайлович* (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ *Виктор Иванович* (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ *Валерий Леонидович* (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ *Андрей Юрьевич* (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ *Наталья Алексеевна* (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ПОЧАТЕК *Изидор* (Словакия) — журналист-международник, публицист.

ЧАВЧАВАДЗЕ *Елена Николаевна* (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСТВИЦА

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Темы Благовещения и Боговоплощения в творениях Петербургских святых. К 60-летию со дня рождения, 40-летию научной деятельности, 20-летию архиерейской хиротонии	5
Священник Геннадий Беловолов. Оптинские предания о Достоевском. К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)	86

ПРОЗА

Олег Селедцов. «Пасха в этом году была поздняя...» Рассказы	20
Юрий Бондарев. Ощущение времени. Мгновения	149
Иеромонах Роман (Матюшин). С того света. Рассказ	270
Василий Белов. Весенняя ночь	275

Русский ПАЛОМНИК

Александр Корольков. Благодатный огонь для России	33
---	----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Елена Шаляпина. Россия в период царствования Императора Николая II: некоторые факты	42
Александр Сегень. Пасха в Париже. Святитель Филарет и Пушкин. Статьи ...	72
Николай Коняев. Пасха сорок пятого года	140
Евгений Титков. Кремлевская встреча	156
Архиепископ Паавали (1914–1988). Валаам. История и картины Ладожского монастыря. Отрывок из воспоминаний (1973 г.)	174

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Михаил Леонтьев. Строить на вечном. Консервативный поворот как неизбежность	64
Наталия Нарочницкая. Права человека — реальность или мечта?	235

ПОЭЗИЯ

Лариса Кудряшова	69
Ирина Важинская	135
Василий Дворцов	263

ИСКУССТВО

Екатерина Скоробогачева. Философия Ф. М. Достоевского в творчестве И. С. Глазунова. К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)	101
--	-----

Родная РЕЧЬ

Валентин Распутин. Достоевский — наш современник. К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)	111
Борис Сергуненков Русский язык в современном мире	277

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ветловская. Теория «полифонического романа» М. М. Бахтина и этическое учение Ф. М. Достоевского. <i>К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)</i>	115
---	-----

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина Ефимовская. «В необозримом зеркале времен». <i>К 50-летию поэта Андрея Реброва</i>	125
---	-----

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Моя Смоленка. <i>Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России</i>	183
--	-----

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Марина Сапронова. Северная Африка в путевых заметках русских путешественников и офицеров Генерального штаба XIX века	191
Олег Пересыпкин. Египет — далекий и близкий	207
Леонид Ивашов. России придется лечить глобальное сумасшествие	215
Александр Вавилов. Средняя Азия и радикальный исламизм	221

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Александр Дутин. Многополярная альтернатива	241
--	-----

Северная СТОЛИЦА

Михаил Зарубин. Петербург против небоскребов. <i>Глава из книги «Прогулки с Андреем Толубеевым»</i>	247
--	-----

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Юрий Стишков. Михаил Павлейно. Научно-образовательный центр «Электрофизика» — пример успешного сотрудничества современного промышленного предприятия с высшим учебным заведением	254
Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. Духовно-нравственное воспитание молодежи	260

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	267
---	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Галина Кучина. «Светлый и добрый облик...». <i>Из воспоминаний «Встречи с артистами»</i>	280
---	-----

ВЕХИ

Литературная премия Александро-Невской Лавры	284
---	-----

Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)

**ТЕМЫ
БЛАГОВЕЩЕНИЯ
И БОГОВОПЛОЩЕНИЯ
В ТВОРЕНИЯХ
ПЕТЕРБУРГСКИХ
СВЯТЫХ**

*К 60-летию со дня
рождения, 40-летию
научной деятельности,
20-летию
архиерейской хиротонии*

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Понятием пути можно охарактеризовать и историю государства, и каждую человеческую жизнь. Кажется, что реальный жизненный путь непредсказуем, сложен, он определяется многими условиями, искажается непредвиденными препятствиями. Но человеческая душа чувствует, что существует особый, истинный путь. Люди верующие знают о нем более остальных, исповедуют его и твердо стоят в своем исповедании, повторяя слова апостола Павла: «Для меня жизнь — Христос» (Флп. 1, 21). Путь к истине — путь трудный, заставляющий в первую очередь познать и победить себя, но эта победа способствует победе над всеми силами зла, затемняющими, искажающими наше бытие.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

«Нам естественно желать победы над всем злом, которое окружает нас. Христос тоже хотел этой победы, и Он знал, что есть только один путь для нее — явить Себя на Кресте, был распятым нашего ради спасения. Если мы будем во всех наших скорбях следовать за Христом до конца — то чтобы ни случилось с каждым из нас и со всей Церковью, — прейдут события, которые сокрушат зло, и расточатся “все врази” наши. Потому что Господь уже одержал над злом победу на Кресте, и мы приглашаемся войти в радость Его победы».

Приведенные слова одного из ежегодных Пасхальных посланий архиепископа Курганского и Шадринского Константина (Горянова) сегодня звучат особенно значимо не только во славу непреходящего православного Праздника Христова Воскресения. Но еще потому, что принадлежат они одному из выдающихся современных служителей Русской Православной Церкви, который в этом году отмечает свое 60-летие, 40-летие научной деятельности и 20-летие архиерейской хиротонии. Юбилей — это не только праздник, это особая, узловая дата, которую необходимо отмечать на жизненном пути каждому человеку для осмысления прожитого, сделанного, для подведения определенных итогов и постановки новых задач. Архиепископ Константин, несмотря на все свои ученые степени и звания, человек открытый, общительный, деятельный. Поэтому, наверное, он избрал и открытую, доступную своим духовным чадам форму осмысления этапа своей жизни в виде книги под Евангельским названием «И познаете истину» (Ин. 8, 32).

Эта книга — результат многолетних трудов человека, который в советское время, в сознательном возрасте, будучи ученым-медиком, кандидатом медицинских наук, по глубокой своей вере решил служить Православной Церкви и русскому народу. В 1983 году Олег Горянов, будущий архиепископ Константин, поступил в Московскую духовную семинарию, продолжая заниматься медицинской практикой. В 1986 пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха ректором МДАиС епископом Александром (Тимофеевым). Окончив Московскую Духовную Академию, получил степень кандидата богословия. С 1990 г. был ректором Минской духовной семинарии, епископом Новогрудским, викарием Минской епархии, управлял возрожденной Новогрудской епархией. В 1996 году назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии с титулом “епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии”. С 1999 года профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 году возведен в сан архиепископа, член нескольких академий (РАЕН, АПОБ, АНИС, ПАНИ, МАНЭБ, Академии интегративной антропологии и др.), председатель церковно-общественного совета по биомедицинской этике Московского Патриархата. Один из основателей и первый Президент межвузовской ассоциации «Покров», куда в настоящее время входит 50 гражданских и военных вузов страны, председатель попечительского совета первого в стране Народного Православного университета. Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

Сегодня имя архиепископа Константина (Горянова) известно в России не только как многоуважаемого иерарха Русской Православной Церкви, талантливого организатора и созидателя процесса современного духовного образования, ученого-богослова, но и как православного проповедника и писателя. Его книга — результат многолетних трудов и размышлений,

представляет собой сборник серьезных научно-богословских работ, глубоких исторических исследований, накопившихся за несколько десятков лет пастырского служения. Она особенно актуальна сегодня, когда кажется, что человечество приближается к последним временам, когда идёт дискредитация христианских ценностей, когда уничтожаются многие проявления жизни и превозносится идея смерти, когда правду и ложь обманом меняют местами. Сегодня, более чем когда-либо, необходимо говорить о пути к истине на языке современном, понятном многим, особенно молодежи и людям невоцерковленным, но не утратившим исконных стремлений души. То, что это путь узкий и единственный, следует из названия, которое своей утвердительной формой и Евангельской проекцией обнадеживает любого человека в возможности и необходимости познания истины.

Несмотря на то, что книга состоит из нескольких самостоятельных разделов, она воспринимается не как набор обособленных работ ученого, но представляет собой органичную целостность, обеспеченную бескомпромиссной, доказательной мировоззренческой позицией писателя-богослова, не разделяющего историю России ни по эпохам, ни на периоды царствований. Этот актуальный труд представляет серьезное исследование современности в контексте тысячелетней церковной и светской истории Руси-России, духовное осмысление прошлых трагических событий в жизни православного государства. В книге, обладающей богатым фактическим материалом, не только прослеживается неразрывная связь времен, общенационального единства в русле православной веры, но исследуются конкретные пути, даются неотложные, оптимальные методы решения задач в обеспечение независимости России как духовной и территориальной целостности в третьем тысячелетии. Поэтому особо актуально звучат слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, произнесенные на открытии Богословской конференции Русской Православной церкви «Православное богословие на пороге Третьего тысячелетия», где, в частности, подчеркивалось: «ведь именно богословие, основывающееся на вере Церкви, является тем ключом, с помощью которого мы можем открыть шифр истории, осознать истинный смысл свершающихся исторических событий. И в наибольшей степени это справедливо тогда, когда речь идет о Великом Юбилее пришествия в мир Спасителя. «Слово плоть бысть и вселися в ны» (Ин. 1, 14) — именно это историческое событие, совершившееся в Вифлееме Иудейском две тысячи лет назад, стало переломным моментом в истории: Бог, пребывая Абсолютным и Неизменным, стал Человеком; не оставив вечности, Он вошел в самую гущу человеческой истории и возглавил ее... Во Христе восстанавливается вся человеческая природа в полноте ее проявлений, в том числе восстанавливается и преобразается человеческая мысль, очищается человеческий разум... Актуальность Православного богословия не означает приспособления к духу века сего».¹

Концептуальное значение имеют первые две главы книги, куда включены статьи из диссертации и богословские труды архиепископа, представляющие собой тематические научные работы и доклады, сделанные Владыкой

¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Слово на открытие конференции. // Богословская конференция Русской Православной церкви. Православное богословие на пороге Третьего тысячелетия. Москва, 7–9 февраля 2000 г. Материалы. — М., 2000. — С. 5–7.

на международных и всероссийских богословских и научно-практических конференциях и чтениях. Символично, что открывает книгу статья, посвященная эсхатологическому учению в творениях Святых Отцов и рассмотрению его значения в современном мире. Исследование проблемы эсхатологии в современном мире, исполненном страхами апокалиптического характера, архиепископ проводит на базе учений Мужей апостольских, ранних отцов Церкви и золотого века святоотеческой литературы. Ученый показывает несколько исторических теорий в рамках исследуемого вопроса, который, оставаясь во все времена покрытым тайной Божиего Промысла, в наибольшей полноте предстает в трудах святителя Иоанна Златоуста. Деликатно рассматривая вопросы конца мира в традициях православного учения, архиепископ дает возможность взглянуть на будущую судьбу человечества с надеждой, основывающейся на том, что во многом эсхатологические сроки зависят от человека, его веры и истинного упования.

В связи с этим антропологическая теория Виктора Несмелова, выдающегося русского философа, которому была посвящена диссертационная работа архиепископа Константина на тему: «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов. Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1990», а в книге приводятся ее главы, преобразованные в самостоятельные статьи, представляется закономерным звеном духовного пути всего человечества, в котором непреходящее значение имеет каждый человек, каждая верующая душа.

О значении личности в историческом процессе на примерах жизни выдающихся наших православных соотечественников, которым выпало испытание жить в Смутные времена, говорится почти в каждой статье исторического раздела книги. Здесь обращает на себя внимание мощная, многоплановая статья «День победы», посвященная современному значению проповеднического подвига св. прав. Иоанна Кронштадтского, и статья «Да будет воля Твоя», об осознанном искупительном подвиге последнего русского Царя Николая II. Нравственные и физические подвиги автор книги исследует посредством полифонии, путем параллельного сопоставления судеб национальных духовных лидеров и исторических периодов нашего Отечества, выходящего по сей день из самых страшных войн, из беспроектных Смутных времен лишь с помощью Божией и верою народа православного. К сожалению, глухи часто оказывались русские люди к пророкам в своем отечестве, не слышали отца Иоанна, пошли за предателями Царя. И только своею кровью, бесчисленными жертвам искупали эту свою роковую духовную глухоту.

Много помощи русскому человеку на трудном пути к истине может оказать православный пастырь. Мысли о воспитании будущего священника — болевой, насущной темой проходят в некоторых исследованиях книги. Это закономерные размышления священника, который 18 лет возглавлял духовные школы в Белоруссии и в России, в Санкт-Петербурге. Причем, видно, что личный опыт владыки Константина базируется на историческом опыте русского духовного образования.

В книге вообще много тем, в которых звучит тревога пастыря о будущем русской молодежи и русского народа, что свидетельствует об активной жизненной позиции архиепископа Константина, о значимости его дела в системе православного образования и определяется высокой научно-педаго-

гической компетенцией и его писательским талантом. Художественные особенности литературного почерка Владыки на основании его творческих работ раскрываются и исследуются в литературно-критической статье В. Ефимовской «Копье Пересвета», размещенной в заключительной части книги. Там же находятся благодарственные письма, поступавшие на имя Владыки от известных людей нашего времени по случаю торжественных событий, связанных с историей страны и в ознаменование вех личного жизненного пути выдающегося священника. Эти письма создают особый событийно-исторический фон и являются уникальными свидетельствами из жизни Русской Православной Церкви на рубеже тысячелетий. Так, например, конкретно говорится о деятельности архиепископа Константина на посту ректора Санкт-Петербургской духовной академии в благодарственном письме от 10 октября 2008 года, написанном преподавателями этого исторического учебного заведения: «Ваше Высокопреосвященство! Дорогой Владыко Константин! Позвольте выразить Вам от лица профессорско-преподавательской корпорации сердечную благодарность за Вашу многообразную и плодотворную деятельность на посту ректора Санкт-Петербургских Духовных Школ. При Вашем участии в 1997 году было открыто иконописное отделение, на котором ныне обучаются 37 студентов. В 1998 году благодаря Вашим стараниям был вновь открыт Церковно-Археологический музей, а в 2000 году была проведена крупномасштабная конференция памяти В. В. Болотова. С 1998 г. Вы возглавили процесс перехода Духовных Школ на двухуровневую современную систему богословского образования, а в 2006 г. состоялся первый выпуск Академии по новой программе и последний — по старой. Благодаря этому процессу Семинария из среднего учебного заведения стала высшим, а Академия — уникальной аспирантурой, где лекции сочетаются с консультациями преподавателей и библиотечной работой студентов. Под Вашим руководством значительно повысился научный уровень диссертаций и публикаций Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, а журнал Христианское Чтение стал по-настоящему академическим»... Много добавляют зрительному образу пастырской деятельности и образовательного процесса размещенные в издании уникальные фотографии из личного архива владыки Константина.

Представленные в книге фактические материалы подтверждают, что процесс познания истины состоит не только из теоретических изысканий, но включает и практическую деятельность, сопровождающуюся проповедью догматического учения христианства и правил жизни духовной, в обеспечение заповеди Христа своим ученикам, говорившим им: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...» (Мф. 28:19–21). И сегодня актуальны слова преп. Иустина (Поповича): «Для нас, христиан, эта жизнь на земле — школа, в которой мы учимся, как можно обеспечить себе жизнь вечную и бессмертие. Ибо какая нам польза от этой жизни, если мы не можем ею приобрести жизнь вечную? Но чтобы с Господом Христом воскреснуть, прежде человек должен с Ним пострадать и Его жизнь прожить, как свою» (Преп. Иустин (Попович). Философские проповеди. — М., 2005. — С. 146). Книга архиепископа Константина (Горянова), интересная, не оставляющая читателя равнодушным, — тоже об этом. Это живая духовная школа, это современная жизненная наука, помогающая нам двигаться одним един-

ственным путем — путем к Пасхальному Свету, в след за Христом к радости Его победы.

В честь Юбилея архиепископа Курганского и Шадринского Константина (Горянова) мы публикуем из его новой книги статью «Темы Благовещения и Боговоплощения в творениях Петербургских святых», за основу которой взят доклад, сделанный владыкой Константином на Всеправославной богословской конференции в Назарете.

Редакция журнала «Родная Ладога»

ТЕМЫ БЛАГОВЕЩЕНИЯ И БОГОВОПЛОЩЕНИЯ В ТВОРЕНИЯХ ПЕТЕРБУРГСКИХ СВЯТЫХ

Темы Благовещения и Боговоплощения являются ключевыми аспектами христианского богословия, которые и определяют бытие Церкви и человека. Эти темы не поддаются препарированию методами классической логики и не относятся к области так называемого позитивного знания, для которого все выходящее за его рамки является безумием (1 Кор. 1, 23). Любые рациональные схемы и методы познания рассыпаются в прах перед встречей с тайной Боговоплощения, так как никакой рациональный схематизм не может быть присущ явлению Жизни и никакой метод не в силах абстрактно познать тайну бытия Личностного Бога. Все неудачные попытки рационализировать тайну вошли в историю Церкви одним коротким словом — ересь. Осмысление этой тайны доступно лишь через причастие человека к этой Жизни, через единый модус бытия Бога и человека, который осуществляется в Церкви Христа. Святоотеческая мысль, все христианское богословие Православ-

Святитель Феофан Затворник

ной Церкви как раз и исполнены жаждой подобного осмысления и стремления словесно выразить истину о воплощении Бога. Этой жаждой осмысления столь великой тайны жила и русская богословская мысль. На примере четырех подвижников благочестия XIX, начала XX вв., Святителей Феофана Затворника, Филарета (Дроздова), Игнатия (Брянчанинова) и св. прав. Иоанна Кронштадтского, мы попытаемся проследить как интерпретировала темы Благовещения и Боговоплощения богословская мысль Русской Церкви.

Епископ Феофан Затворник, в миру — Георгий Васильевич Говоров (1815–1894), после окончания Орловской духовной

семинарии и Киевской духовной академии долгое время занимался преподавательской работой. Последовательно занимал должности ректора Олонецкой семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, а в 1859 году был хиротонисан во епископа Тамбовского; в 1866 году удалился на покой и ушел в затвор в Вышенской пустыни Тамбовской епархии, посвятив себя подвижническим трудам и богословию. Известен своими произведениями по аскетике, глубокомысленными поучениями, трудами по нравственному богословию и экзегезе Священного писания. Канонизирован на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году. Поводом к канонизации, по определению Собора, явились его труды как «просветителя, богослова, аскета и проповедника»¹.

Св. Феофан Затворник (Говоров) рассматривает Благовещение как главенствующее событие в истории спасения человеческого рода, главенствующее в своей причинности. Церковь называет «святое Благовещение главизною нашего спасения, то есть его началом, источником, семенем, корнем...», так как «в следствии его уже были рождение, обрезание, сретение, возрастание премудростью и разумом, крещение, явление миру с проповедью и чудесами, страдание и крестная смерть, воскресение, вознесение на небо, ниспослание Святого Духа на апостолов, устроение апостолами всей Церкви Божией, обнявшей всю Вселенную, и нас достигшей»². В этом Святитель и видит смысл слов праздничного тропаря «днесь спасения нашего главизна». Событие Благовещения Святитель поэтически сравнивает с зарей, — «когда Архангел в первый раз возвестил Преплагоденной Деве: радуйся, — тогда, можно сказать, только занималась заря радостного дня, имевшего воссиять впоследствии...»³. В событии Благовестия Пресвятой Богородице святитель Феофан переживает явление тайны, откровение предвечного совета. Он говорит о великой тайне благочестия, которая «приходит в явление, совет предвечный открывается, премудрость, сокровенная от века и от родов, провозвещается. Пришло время, и исполняется положенное от сложения мира»⁴. Несмотря на то, что явление тайны стало достоянием человечества, по своему характеру Благовещение глубоко мистично, так как сам механизм события остается загадкой для человеческой мысли, потому что «только Всевидящий Триипостасный Бог видел, как и почему, по благоволению Отца, Сын Божий должен стать сыном человеческим, и Дух Святой низойти и осенить к зачатию браковнеискусную. Мир Ангельский и человеческий видит действующее, исполняет повеленное, но не постигает совершающегося»⁵. В Благовещении происходит феофания, явление Триипостасного Бога, так как в этом событии участвуют все Три Лица Пресвятой Троицы. Святитель Феофан говорит о том, что в таинстве Благовещения Бог Отец благоволил даровать нам Сына Своего, Сын идет

¹ Поместный Собор Русской Православной Церкви. Материалы. — Изд. МП, 1990. — С. 144.

² *Феофан (Говоров)*, еп. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. — М., 1883. — С. 97;

³ *Феофан (Говоров)*, еп. Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их. — М., 1893. — С. 112.

⁴ *Феофан (Говоров)*, еп. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. — М., 1883. — С. 98.

⁵ Там же. — С. 98.

сотворить волю Отца и Дух Святой нисходит, чтобы осенить Пречистую¹. Именно в Благовещении начинает реализовываться Боговоплощение, именно в нем происходит кеносис — уничиженное снисхождение Бога Слова к людям, когда Он благоволил вместо образа Бога принять на себя образ раба и вместо божественной жизни жить жизнью богочеловеческой. Начало Боговоплощения, по мысли святителя Феофана, связано со «всесторонним самоуничижением. Единородный Сын Божий, который есть сияние славы и образ ипостаси Отца, идет себя умалить, зрак раба принимает, — глубоко нисходит, чтобы поднять глубоко падшего, и в уничижении, сокровенно, произвести благодатное устройство спасения»². Пресвятая Дева, как говорит Святитель, «не видела в Себе совершенств, хотя ими украшены были ее душа и тело», поэтому «великое дело воплощения, сила которого простирается на всю вечность, прикрыто отовсюду глубоким самоуничижением и смирением, и совершилось в смиренной хижине плотника, в том городе, от которого никто не ждал ничего доброго»³. Из этого святитель Феофан делает глубокий нравственный вывод, о том, что «смирением, самоуничижением и в нас начинается дело спасения»⁴. Этим двум чувствам нас учит пример Божией Матери, но также событие Благовещение дарит нам «радость». «От Владычицы Богородицы, как наследие от матери детям, радость перешла ко всем христианам, и стала неотъемлемым их достоянием...»⁵. Святитель замечает, что есть немало вещей, которые радуют людей, но радость христиан совершенна и не сравнима ни с чем, так как поводом к ней является то, что «мы были в плену у врага, — и вот — искуплены честной кровью Господа. Мы были в узах и темнице греха и страстей; — и вот — выходим на свободу для делания добра. Мы были в болезненном расслаблении ума и сердца; — и вот получаем исцеление здравомыслия и обрученные на всякие добрые чувства. Мы были под гневом, как преступники; — и вот — снова принимаемся в милость Отца нашего небесного за помилование»⁶. Совершенство радости обуславливается тем, что через Благовещение «вдовствующая земля снова обручается небу»⁷. В Благовещении «жена предстоит от лица рода нашего, как начало благословения, потерянного женою. Пречистая Дева обретает благодать, которой лишила нас праматерь»⁸. В этом высказывании, сопоставляя Еву и Деву Марию, святитель Феофан проводит типологию, характерную для ранних Отцов Церкви, таких как Иустин Философ и Иринеи Лионский, которые Богоматерь именовали Новой Евой, новой Матерью человеческого рода⁹. Поучая свою паству о значимости и величии этого праздника, святитель Феофан в своих частных размышлениях отказывается от каких-либо рациональных рассуждений и находит созерцание как единственно верный способ сопричастия и сопереживания

¹ *Феофан (Говоров)*, еп. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. — М., 1883. — С. 97.

² Там же. — С. 98–99.

³ Там же. — С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — С. 102.

⁶ Там же. — С. 102–103.

⁷ Там же. — С. 89.

⁸ Там же. — С. 90.

⁹ См. *Иринеи Лионский*. Против ересей. Кн. 4, 33, 11.

данному евангельскому событию, — «видя такое пресветлое Божье устроение о нас следует воззвать: да молчит всякая иная мысль человека, стой, созерцай, изумляйся, наслаждайся, пей это пиво, вечно новое, и не мешай взыграниям сердца твоего никаким посторонним помышлением»¹.

Достоин внимания тот факт, что, выступая, большей частью, как аскет и учитель нравственности, епископ Феофан свои аскетические воззрения основывает на Боговоплощении, а точнее на кеносисе, умалении Бога Слова снишедшего к людям. Кеносис, как мы уже говорили выше, носит обоюдный характер и основан на взаимном самоуничижении. Так и любой, желающий следовать за Христом, должен умалиться и самоуничижиться, и Дева Мария, не видевшая, по слову Святителя, в себе совершенств, является тому примером. Только в таком самоуничижении, которое достигается последовательной аскезой, видит Святитель залог встречи Бога и человека.

Весьма интересны мысли относительно Благовещения великого русского богослова митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), канонизованного Русской Православной Церковью в 1994 году. Святитель родился в 1783 году, после успешного окончания семинарии занимался преподавательской деятельностью², был организатором и ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Его проповедническая деятельность длилась 62 года, 50 из них в архиерейском сане³. Митрополит Филарет известен своей подвижнической жизнью, пастырскими трудами и своими глубокими богословско-научными работами, как в области догматического богословия, так и в области истолкования Священного Писания. Умер Святитель в возрасте 83 лет в 1867 году, снискав себе славу «московского Златоуста».

Рассуждая о тайне Благовещения, святитель Филарет, как и его современник епископ Феофан Затворник, указывает на непостижимый характер этого явления⁴. Высказывания Святителя подчеркивают антиномию (с греч.: противоречия в законе) данного события, — непостижимость не умаляется в свете всемирной известности факта Благовещения. «...Сия тайна, *сокровенная от век и родов* (Кол. 1, 26), превратилась во всемирную славу: но тем не менее и теперь еще остается тайной»⁵. Это событие не может являться предметом праздного любопытства, приобщение к этой тайне возможно только посредством веры — «тайна гонит

Митрополит
Филарет (Дроздов).
Акварель В.И. Гау. 1854

¹ Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. — М., 1899. — С. 33.

² Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1995. — С. 112–113.

³ Кременецкий П. Слава Богоматери (по проповедям митр. Московского Филарета). — М., 1900. — С. 111.

⁴ Филарет (Дроздов), митр. Слова и речи. — М., 1848. Ч. 1. — С. 148.

⁵ Там же.

от себя прочь любопытство по тому самому, что есть тайна. Она призывает к себе веру...»¹. По мысли Святителя, как швартовка корабля не может быть успешной, если на побережье нет подходящей гавани, так и явления благодати и Сына Божия не реализовались бы в человеческой истории, если не обрели бы «достойное хранилище» в лице Божией Матери, — «Воистину благословенна в женах единственная Пресвятая Дева, которая представила Себя достойным хранилищем пришедшей с небес тайне, чтобы она не обратилась вспять, как наполненный сокровищами корабль от берегов, не имеющих пристани; — которая, быв возводима в превыспренный сан Богоматери, не попустила своему помыслу, ниже на один волос, подняться из глубины смирения; — которая умела обнять бесконечное Слово Божие столь малым словом человеческим; *се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему* (Лк. 1, 38)»². Святитель замечает, что слова Девы Марии есть то самое сокровище, которые небеса тысячи лет искали на земле, поэтому это событие носит обоюдный характер — «Радостным благовещением от неба приобретено благовещение от земли к небу, взаимно вожделенное»³. Святитель Филарет замечает, что в этих словах «изрекло себя послушание веры»⁴. Синергия — это ключевой момент Благовещения, так как «под именем послушания разумеется последование воли человеческой, как сотворенной и зависимой, воле Божией, как творческой и вседержавной»⁵. По своей значимости согласие Девы Марии, выраженное словом «буди», уподобляется некоему второму творению, так как «слово твари низводит в мир Творца»⁶. В этой короткой фразе реализуется «чистейшая и совершенная преданность Мариамы Богу, волей, мыслию, душою, всем существом, всякою способностью, всяким действием, всякою надеждой и ожиданием»⁷.

Благовещение, как начало Боговоплощения, становится также и началом богопознания, так как «без познания Бога нельзя быть спасену и блаженну»⁸, поэтому «надобно, чтобы Сын Божий, когда Он *водит открыты* спасительное Богопознание нынешнему человеку, снишел еще, и вступил в образы познания, ближайшие человеку; чтобы Слово Божие, не переставая быть Словом Божиим, вступило в образы человеческого слова; чтобы *образ Бога невидимого*, не преставая быть тем, что Он есть, вступил в образы видимые для ока земнородного ума; чтобы Он явился или в образах преходящих, — и вот откровения и видения Святых: или в образе пребывающем, — и вот воплощение Сына Божия»⁹. Из этой немного громоздкой фразы мы можем сделать вывод, что Богопознание невозможно без воплощения Сына Божия, Который и явил нам в Себе *образ Бога невидимого* (Кол. 1, 15). В противном случае «сокровище Богопознания лежит сокрыто во внутренности самого Божества», и оно «недоступно по недостигаемой вы-

¹ Филарет (Дроздов), митр. Слова и речи. — М., 1848. Ч. 1. — С. 148.

² Там же.

³ Там же. — С. 153.

⁴ Там же. — С. 154.

⁵ Там же. — С. 155.

⁶ Там же. — С. 157.

⁷ Там же.

⁸ Там же. — С. 149.

⁹ Там же.

соте Его»¹. Таким образом, трансцендентность Божества была явлена человечеству через Боговоплощение, и только через него человек может придти к Богу — «...и человек не может придти к Богу сам собою, без особенного, чрезвычайного низведения к нему силы Божией; — без такого посредства, которым бы расстояние между Богом и человеком было наполнено, разделение уничтожено, общение, ничем не пресекаемое, восстановлено; без посредства, которое бы с совершенным единством касалось обеих разделенных сторон, — Бога и человека. И такое посредство есть Богочеловек»².

Парадоксально, но святитель Филарет утверждает, что воплощение Слова начинается не с события Благовещения, а имеет весьма древнюю предысторию³. Он считает, что обетование о избавлении рода человеческого от греха, проклятия и смерти, было дано человеку в Раю после его грехопадения. В этом обетовании Господь под *Семенем Жены* указывает на грядущее воплощение Сына Божия от Девы. Таким образом, «благовещение спасительного для человеков воплощения Сына Божия начато не Архангелом в Назарете, а Самим Богом в Раю: ибо там было провозглашено определение Божие о победоносном Семени Жены, о рождении Христа Спасителя от Девы»⁴. В подтверждение этой мысли Святитель Филарет указывает на тот библейский факт, что Адам, уразумев «тайну изречения Господня о Семени Жены», дает своей жене новое имя — Ева, которое означает жизнь, и «которое было бы совсем неблагоприятно и неуместно, если бы не относилось к этой тайне»⁵. Святитель задается вопросом — почему это обетование не исполнялось в течение стольких веков, если благая весть о воплощении Сына Божия была провозглашена в «первые дни мира»? Отсутствие синергии Божественной и человеческой воли делало невозможным свободное принятие тварью своего Творца, так как «в твари одаренной свободой не достает готовности к принятию действия Божия, когда в ее воле недостает соответствия воле Божией»⁶. Таким образом, эта дарованная человечеству в Раю благая весть еще на протяжении многих веков реминисцировала в ветхозаветном предании и «неоднократно сияла в последующих откровениях пророческих»⁷. Необходим был достойный представитель человечества, чья бы воля была согласна с волей Бога, через которого реализовалась бы воля Предвечного Совета Пресвятой Троицы, поэтому, пишет Святитель, «тайное действие Провидения искало в роде человеческом и готовило *благословенную в женах*, которая бы могла своею чистотою божественную молнию привлечь, принять, вместить, удержать, не быв опалена огнем Божества, и таким образом через себя существенно усвоить всему человечеству благословение Христово»⁸. Вся ветхозаветная профития сконцентрировала свое внимание на конечный результат этого «изыскания», интуитивно и бо-гооткровенно предчувствуя момент, когда *Дева во чреве приишет, и родит*

¹ Филарет (Дроздов), митр. Слова и речи. — М., 1848. Ч. 1. — С. 148.

² Там же. — С. 150.

³ Кременецкий П. Слава Богоматери. — М., 1900. — С. 13.

⁴ Там же. — С. 16.

⁵ Там же. — С. 15.

⁶ Там же. — С. 16–17.

⁷ Там же. — С. 17.

⁸ Там же. — С. 17.

сына (Ис. 7, 14), ожидая то единственное творение, в котором будет достигнута цель тварного бытия, — всесовершенное единение с Богом.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

вославленного иночества»². Канонизирован Русской Православной Церковью, как и епископ Феофан, на Поместном Соборе 1988 года. Поводом к канонизации, по определению Собора, явились его «глубокое богословствование, образ молитвенности и пример всецелой отданности для служения Богу»³.

Рассуждая о вочеловечивании Бога, святитель Игнатий именно в святости Богоматери и ее родителей видит необходимое условие реализации плана Творца по спасению погибающей твари. Дева Мария была нравственно предуготована праведностью своих родителей, и ее собственная праведность зиждилась на добродетелях, — «Родившись от праведных родителей, Богоматерь проводила и сама жизнь самую праведную. Чистота и смирение были главнейшими ее добродетелями»⁴. Это и послужило тому, что «рожденная от святых супругов, Дева соделалась Богоизбранным и Богоосвященным сосудом, в который вселился Бог-Слово, в котором это Слово-Творец всего видимого и невидимого — благоволением Отца, при содействии Духа, послужило семенем при посредстве творческой силы Своей, вочеловечилось»⁵. Часто в размышлениях святителя Игнатия мы встречаем антиномичные утверждения

Епископ Игнатий, в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов (1807—1867), в 1831 году принял монашество и, довольно быстро пройдя лестницу монашеских послушаний, долгое время был настоятелем Приморской Сергиевской пустыни, неподалеку от Петербурга, потом епископом Кавказским¹. В 1861 году он удаляется на покой и полностью отдает себя богословским трудам. Им были написаны ряд прекраснейших аскетических трактатов, таких как «Аскетические опыты», «Приношение современному монашеству», «Слово о смерти» и ряд других произведений, которые принесли ему славу «красы русского православного иночества»².

¹ Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. — Париж, 1937. — С. 393.

² Христианство, Энциклопедический словарь. — М., 1993. Т. 1. — С. 568.

³ Поместный Собор Русской Православной Церкви. Материалы. — Изд. МП, 1990. — С. 144.

⁴ Игнатий (Брянчанинов), еп. Собр. сочинений. — СПб., 1886. Т. 4. — С. 413.

⁵ Там же. — С. 412.

и типологические сравнения, призванные подчеркнуть непостижимость тайны Боговоплощения, — «Родившийся от Марии Богочеловек соделал Деву Материю, а Матерь сохранил Девою. Бог и Творец Девы соделался ее Сыном, пребывая ее Богом и Творцом. Соделавшись ее Сыном, Он соделался ее Икупителем и Спасителем. Первый Адам без участия жены произвел жену; Приснодева без участия мужа зачала и родила Нового Адама»¹. И у святителя Игнатия мы встречаем типологию «Нового Адама», выраженную за 17 веков до него св. Иринеем Лионским. Святитель Игнатий замечает, что «сошествие Святого Духа на Приснодеву совершилось дважды»². Первый раз «сошел на нее Святей Дух после благовестия, произнесенного архангелом Гавриилом, очистил ее, чистую по человеческому понятию соделал благодатно-чистою, способную принять в себя Бога-Слово и соделаться его Матерью»³, второй раз сошел «Святей Дух на Деву в день Пятидесятницы, когда Он сошел на святых Апостолов, с которыми Богоматерь неразлучно пребывала по вознесении Господа на небо»⁴. Оба эти сошествия Святого Духа важны для спасения, так как в первом случае речь идет о рождении Бога-Слова, а во втором — о рождении Церкви. Задаваясь вопросом о значимости Благовещения, Святитель говорит, что исключительная значимость этого праздника обусловлена тем, что «Богоматерь принесла Богочеловеку возвышеннейшее телесное служение и возвышеннейшее служение духа»⁵, тем самым, положив *главизну*, начало нашего спасения, открыв нам путь вечной жизни, не ограниченный естеством.

Удивительно, но в богословии святителя Игнатия Благовещение непосредственно связывается с сошествием Святого Духа. Можно даже утверждать, что для Игнатия факт Благовещения — это, в основном, вопрос пневматологии. Стержнем события является не весть Ангела сама по себе, а сошествие Духа. Первое дарование человечеству Святого Духа связано с воплощением Бога-Слова, второе — с рождением Церкви. Таким образом, личность Девы Марии является как бы посредствующим звеном в принятии человечеством дара Духа Святого.

Другой подвижник благочестия протоиерей Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев), настоятель Андреевского собора в Кронштадте, получил широкую известность как крупный благотворитель, основавший для нищих «Дом трудолюбия», и как великий молитвенник, по молитвам которого известны множество исцелений. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1989 году. К сожалению, его литературные труды по-прежнему затмеваются в свете его славы как великого пастыря. Между тем его дневник «Моя жизнь во Христе» и ряд его поучений представляют исключительный интерес в богословском плане. Именно в них Благовещению и Боговоплощению отведено центральное место.

Для праведного Иоанна Кронштадтского тайна Благовещения неразрывно связана с тайной вочеловечения Бога и рассматривается исключительно в связи с Боговоплощением. Через девственное материнство Марии Бог вы-

¹ *Игнатий (Брянчанинов)*, еп. Собр. сочинений. — СПб., 1886. Т. 4. — С. 412.

² Там же. — С. 414.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 415.

⁵ Там же. — С. 363

Св. праведный Иоанн Кронштадтский

рывает человечество из объятий смерти, исполняет ожидание всего человечества и дает начало всеобщему преобразению. В связи с этим Иоанн Кронштадтский восклицает: «Возвеличьте чистыми сердцами и устами Матерь Божию, возвеличенную и превознесенную над всеми тварями, Ангелами и человеками, возвеличенную Самим Богом, Творцом всякой твари, и помните, что таинство воплощения и вочеловечения Сына Божия совершилось для нашего спасения от греха, проклятия, праведно на нас изреченного в начале от Бога за грехи, и от смерти временной и вечной»¹. Кронштадтский пастырь задается вопросом, что возвышает Деву Марию на столь несравнен-

ную высоту, что послужило причиной Ее богоизбранничества? «Три величайшие добродетели: смирение, чистота и пламенная любовь к Богу, чуждая всякой любви земной, вещной. Она сама исповедует, что *Господь призрел на смирение рабы своей* (Лк. 1, 48)»². В связи с этим образ Божией Матери у Иоанна Кронштадтского становится нравственным образцом, примером для подражания: «Поучимся, — говорит он, — у Пресвятой Девы кротости, смирению, чистоте помыслов и чувств, совершенной любви и преданности Богу, терпению скорбей... Учитесь у Матери Божией всякой добродетели...»³.

Воплощение Бога, факт соединения Божественного и человеческого, стали возможными лишь в акте свободного волеизъявления Девы Марии, своим согласием распахнувшей человечество для принятия Сына Божия — Слова, потенциально соделавшей каждого человека нерукотворенным храмом Божества, — «Через Благовещение Бог снисшел на землю, стал Богочеловеком на всю вечность, чтобы обитать в человеках, жить в них, как в Своих храмах нерукотворенных»⁴. Совершенная радость Благовещения состоит еще и в том, что в словах Архангела: *Радуйся, Благодатная, Господь с тобою, благословенна Ты в женах* — заключается вся полнота сотериологии, подобно тому,

¹ *Сергиев Иоанн*, прот. Полное собрание сочинений. — СПб., 1896–1901. Т. 1. — С. 454–455.

² Там же. — С. 456.

³ *Сергиев Иоанн*, прот. Полное собрание сочинений. — СПб., 1896–1901. Т. 7. — С. 13.

⁴ Там же. — С. 11.

как в зерне уже содержится вся возможность жизни. «Какая неизреченная радость для всех! Бог во плоти грядет на землю, и Сам будет обитать между людьми; возвестит им тайны спасения, просветит их небесным светом, оснует Церковь на земле, ниспошлет Духа Святого, преподает Таинства спасительные и Заповеди верующих в Него, подаст им все средства ко спасению; принесет Себя в жертву Отцу Небесному во искупление всего мира и вкусит смерть крестную и Своей смертью сокрушит жало смерти нашей, — воскреснет из мертвых и всем подаст воскресение, вознесется на небеса и всем отверзет заключенное небо. О, сколько благ неоценимых возведено и дано нам через благовещение архангельское Деве Марии, — восклицает Иоанн Кронштадтский, — «через мудрое и верное принятие Ею сего благовестия и через зачатие и воплощение от Нея Духом Святым Сына Божия!»¹

Достоин внимания тот факт, что у св. Иоанна Кронштадтского не выражена никакая-либо богословская система, как, например у св. Феофана Затворника. Однако св. Иоанн Кронштадтский выражает богословский опыт, — свой опыт жизни во Христе и со Христом, что придает его богословию теоцентрический характер. В основе этого теоцентризма лежат как раз два великих таинства — Благовещения и Боговоплощения, и примером данному утверждению служат его проповеди, в которых этим событиям уделено первостепенное внимание.

Таким образом, на примере четырех подвижников благочестия XIX и начала XX вв. мы можем сделать заключение о том, что темы Благовещения и Боговоплощения занимали центральное место в сотериологии (учение о спасении) вышеуказанного периода, являясь постоянным источником проповеднического вдохновения и отправными точками любого богомыслия. Эти стержневые темы, как мы видели, русская богословская мысль интерпретировала строго в рамках святоотеческого предания, являя себя достойной наследницей греческих отцов Церкви, тех, кто своим богословским гением, верой и любовью служили Христу и Его верному стаду.

Список использованной литературы:

- Игнатий (Брянчанинов)*, еп. Собр. сочинений. — СПб., 1886. Т. 4.
Иринея Лионский. Против ересей.
Кременецкий П. Слава Богоматери (по проповедям митр. Московского Филарета). — М., 1900.
Сергиев Иоанн, прот. Полное собрание сочинений. — СПб., 1896–1901.
Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. — М., 1899.
Феофан (Говоров), еп. Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их. — М., 1893.
Феофан (Говоров), еп. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. — М., 1883.
Филарет (Дроздов), митр. Слова и речи. — М., 1848. Ч. 1.
Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. — Париж, 1937.
Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1995. Т. 1–3.

¹ *Сергиев Иоанн*, прот. Полное собрание сочинений. — СПб., 1896–1901. Т. 7. — С. 10.

Олег СЕЛЕДЦОВ

«ПАСХА В ЭТОМ ГОДУ БЫЛА ПОЗДНЯЯ...»

Рассказы

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 году г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года, участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. Живет в Майкопе, Республика Адыгея.

ПЛЕСК ЗЛАТОЗВОННОЙ РЕКИ

— Ну, вот и все. Такая она. Москва! Понравилась?

— Еще бы!

Глазки у Коленьки искрились. Надо же, неделю почти без роздыху бродили они по московским улицам, переулкам, бульварам и проспектам. Тверская, Моховая, Никольская, Лубянка, Сретенка, Варварка, Волхонка... От одних названий дух трепещет, замирает сердце и душа рвется в полет. А Плющиха! А Арбат! Сколько садов, парков обошли. И все пешком. Какой трамвай, какой троллейбус? Метро еще куда ни шло. Это же *московское* метро. Здесь каждая станция — чудо. Ах, любил Алексей столицу. До самозабвения любил. Каждый раз, ступая на перрон Курского или Павелецкого вокзала, едва ли не лезгинку плясал от счастья. Стремился сюда, календарики заводил: сколько осталось до поездки в... Ах, ты, Боже мой! В Москву! Слово какое! Звуки какие!! Мо-а-а!.. Мама. Mamochka моя! Мелодии твоих колыбельных маршей поили меня духовным молоком сквозь сотни и сотни километров, сквозь годы и десятилетия. Я жил где-то в глуши, зная, точно зная, что есть, есть у меня не строгая, самовлюбленная мачеха, а добрая, всеми любимая и искренне любящая мама — моя Москва...

И жену свою Оленьку влюбил Алексей в столицу. Вместе теперь ездили они сюда в отпуск. Смешно, правда? Все нормальные люди в отпуска из столицы к югам едут. А Алексей с женой — с югов в столицу. Нет, ну, нельзя, конечно, Москву идеализировать. Здесь хвастает, что называется, негатива. Банки, бандиты, бродяги, бордели, правители. Но ни Алексей, ни Оленька

их в упор не видели. Какие банки, когда есть Сокольники? Какие бандиты, если есть Патриаршие пруды? А на Воробьевых горах и сам забываешь, бродяга ли ты или остепенившийся, замшелый житель провинции, многие годы рутинно отбывающий трудовую повинность в некоем учреждении. Не надо Москву идеализировать, не надо. Боготворить не надо. Москва — не Бог. Но Бог в Москве пребывает. Это уж точно. Не в Кремле. В золоте куполов кремлевских соборов, храма Христа Спасителя, церковей Варварки, в колокольных хорах Большой Ордынки и Большой Никитской, в торжественном смирении Донского, Сретенского и Новодевичьего монастырей. Особенно это чувствуется, да и видится невооруженным, что называется, глазом на Пасху. Ах, и Пасха в Москве. Вот уж действительно праздников праздник, чудо дивное из всех чудес. Пасха красная, радость небывалая. Именно на Пасху и привез Алексей семью в столицу. Нет, не то, чтобы он был верующим и подгадал пасхальные дни для своеобразного паломничества. Нет, вовсе нет. Просто Пасха в этом году была поздняя, приходилась на майские праздники, а это значит, что меньше хлопот и у Оленьки, и у самого Алексея было на их работах с отгулами, заменами и прочей канителью. Да и Коленьку в школе отпустили без разговоров. Мальчик в Москве первый раз. Вот уж счастья-то! Алексей ему даже завидует немного. Еще бы. Человек открывает для себя столицу. Оленька сперва волновалась, ну, что знакомство с Москвой может закончиться для сына разочарованием. Напрасно. Коленька был в восторге. Все ему здесь интересно: и театры, и музеи, и магазины. А Детский мир! А планетарий! А Кремль! Оленька даже беспокоиться начала, не переутомился бы. Все-таки десять лет ребенку.

— Может, не поедешь сегодня с нами? Дома посидишь?

— Что ты, мама? — в голосе неподдельный испуг, — я же в Москву приехал. Как же можно дома-то?

Действительно, как можно? Ведь дорога каждая секунда. Все меньше дней остается до их отъезда. Хорошее всегда скоротечно. Скоро, очень скоро, через два дня, нет, уже завтра. Не хочется думать об этом. Однако думай не думай, а всем праздникам всегда приходит конец. И в день отъезда, стоя на Таганской площади, Алексей, словно оглядывая дни, проведенные здесь, не в силах скрыть печальную нотку в голосе, резюмировал:

— Ну, вот и все. Такая она. Москва! Понравилась?

— Еще бы!

Глазки у Коленьки искрились. Эх, если бы можно было не уезжать.

— Папа, а давай еще куда-нибудь ходим. Ну, пожалуйста.

— Сынок, у нас поезд вечером. Надо еще собраться. Продукты подкупить.

— Успеем. До вечера еще целый день.

Целый день — целая вечность. Столько еще можно успеть. Столько посмотреть, запомнить, запечатлеть в сердце.

— Что думаешь, жена? Не пора ли заняться сборами?

— В самом деле, Алеша, поезд только вечером. Время еще есть. Давай куда-нибудь ходим еще.

Честно говоря, Алексей и сам-то рад был бы еще денек-другой погулять по Москве. А сборы? Ерунда — пятиминутное дело, если с умом.

— А куда пойдем?

— Куда поведешь.

— Может в Останкино? К телебашне?

— Можно.

— Или в ботанический сад. Хотя там сейчас нечего делать. Не сезон. Вот что, а не поехать ли нам в монастырь? Туда, где Патриарх живет, в Даниловский?

— Поехали, поехали! — Коленька запрыгал, в глазищах пожар.

— Ну, поехали, — согласилась Оленька, — только ненадолго.

И вот позади неповторимая суeta столичной подземки. На выходе из дверей станции «Тульской» в лицо брызнул фонтан солнечного света. День сегодня был поистине расчудесный. Яркая, теплая, пасхальная весна накрыла Москву своим омофором. Даже люди переменялись. Идут по своим делам и пытаются улыбаться. Улыбаться! В какие-то веки. Ах, весна-проказница. И все какие-то свои, родные. И важный господин в длинном, темном плаще, с барсеткой, впаянной в правую руку, и пухленькая девчушка, успевшая, едва пригрело, оголить по моде свой плохо укрываемый свитерком живот, пардон, целлюлит, и нищие, стоящие в обнимку со своими костылями у святых врат обители, и монахи, не умеющие спрятать под строгими, черными одеяниями красную, пасхальную радость. Хорошо здесь! Правильно сделали, что приехали.

Сразу за святыми вратами монахи из скита продают живой березовый сок, крашенные яички и пирожки монастырской выпечки. Как не купить? У-у-у! Вкуснотища! Оленька по хозяйски, словно всю жизнь носила, поправляет на голове платочек — монах-стражник снабдил. Зашли в храмы. Троицкий. Отцов вселенских соборов. Крохотная старушка, по-девичьи радуясь, звонко приветствовала

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес, — кричит Коленька.

Надо же, знает.

— К мощам прикладывались, милые?

— Нет. А как это?

— Зайдите в собор. На второй этаж. Там ковчежец. Мощи святого князя Даниила Московского. Сына самого Александра Невского. Князь Даниил основатель сей обители. Великий угодник. Исцеляет и мечты исполняет. Идите-идите. Только с верою. Угодник всем рад, кто с верою-то к нему.

Поднялись на второй этаж. У ковчеге небольшая очередь. Люди шепчут чего-то, целуют ковчежец, лбами к стеклу прикладываются. Кое-кто кладет на ковчег иконки, крестики нательные. Приложились и Алексей с женой и сыном.

— Папа, — шепчет Коленька, — я тоже хочу иконку и крестик.

Алексей смотрит на жену, та не возражает. Подошли к свечному ящику.

— Здравствуйте.

— Христос воскрес!

— Ой, да, извините. Воистину воскрес. Нам бы иконку небольшую вот этого князя. Даниила. И крестик ребенку.

— Мальчик крещеный?

— Да, конечно. Как родился, его крестили.

— А где крестильный крестик?

— Так. Потерялся где-то. Туда-сюда.

Алексею отчего-то стыдно. Сейчас их, как нашкодивших школьников, выгонят. Но нет. Монах не сердит. Спрашивает как о чем-то обыденном, даже удивительно.

— У вас с супругой тоже, наверное, нет крестиков? Вы сами-то крещеные?

— Да. Конечно. Да.

— Вот есть серебряные, есть подешевле. Возьмите вот эти. Вам с супругой. Вот иконка. А мальчику вот этот крестик. От меня в подарок. Христос воскрес!

— Воистину... воскрес... — Коленька даже задохнулся от нечаянной радости, прижал подарок к груди обеими ручками.

Вернулись к мощам. Казак на послушании у ковчега глядит строго. Бровями черно-густыми пошевеливает. Чего доброго не пустит. Что, дескать по второму кругу пошли? Но строгость его испаряется от звонкого голоса Коленьки:

— Христос воскрес, дяденька! А можно нам крестики приложить и иконку?

— Воистину воскрес, малыш. Конечно можно. Давай сам.

— Вы простите его, что он так кричит.

— Это ничего. Сегодня можно. Ему можно, — строго поправляется казак-послушник, — нынче праздников праздник. Пасха великая. Чего уж там.

Алексей и Оленька снова прикладываются к ковчезцу и все втроем, почти нехотя, идут на выход. У Алексея в голове звучит невесть когда слышанное: «С миром изыдем». Это когда ж он такое слышал? В детстве? На крестинах сына? И запомнил. Надо же. Дивны дела твои, Господи. Хе... А это-то откуда знаешь? Ну и ну. Однако пора и честь знать. Нужно ехать домой, собираться в дорогу.

— Ну, что, поехали?

— Папа, давай еще немного побудем.

— Нет, мальчики, в самом деле пора.

И тут... всех троих обрызгало золотом колокольного звона. С колокольни лился ручей медного смеха, сокровенной песни, почти забытой, но живущей все-таки где-то, в самых отдаленных уголках памяти, едва ли не на генном уровне. Ах, что это за песня. В ней вся Русь. Вся. Без остатка. С бескрайними ее таежными просторами, с бездонными ее голубыми озерами, с непонятной, вековой, народной мудростью, с историей ее трагической до сердечного разрыва и прекрасной до непросыхающих слез в девичьей синеокости. И Алексею вдруг захотелось окунуться в этот звон, этот смех, эту песню, словно мальчишке в знойный июльский полдень в ласковую прохладу морской волны. С головой. На миг, на минуту, на всю жизнь.

— Папа, а можно мне позвонить?

— Шутишь.

— Я где-то слышал, в школе кажется, учитель рассказывал, что на пасху разрешается звонить всем, кто захочет.

Их разговор услышал проходивший мимо старичок-монах в тяжелой шапке — клобуке на слабенькой, седенькой голове. Услышал, несмотря на гулкий звон колоколов.

— Пусть позвонит ребенок. Сегодня можно. И святейший благословил. На пасхальной седмице каждый день в определенные часы звонить всем, чья душа просит. И ты звони, сынок, и жене твоей можно.

— Правда? Спасибо, батюшка.

А Оленька, смутившись, добавила зачем-то:

— Благословите, батюшка.

— Бог вас благословит, дети, ну, ступайте с миром. Там, небось, уже очередь. Многие хотят звону напиться, словно водицы животворной.

На колокольню ведет узкая, крутая, каменная лестница. Вдвоем не разойдешься, назад, если кто-то следом поднимается, не воротиться. Нужно сначала подняться до конца, пропустить идущих за тобой, а потом уж и спускаться осторожно, рискуя сорваться и свернуть шею, как говорят монахи: «ежели без благословения-то». Однако поднялись. Красиво здесь. Не очень высоко, но четверть Москвы видна. А монастырь-то сверху каков! Игрушечка. Красотища! А вот и патриаршая резиденция с огромным нерукотворным Спасом над входом.

— Смотри, сынок, здесь Патриарх живет.

— Здорово!

Очередь на звоннице небольшая. Две девицы раскрасневшиеся лупят в колокола, как умеют. С ними совсем маленькая девочка. Пытается раскачать язык «благовестника». Монашек-послушник ей помогает. Муж с женой, в возрасте уже, дожидаются очереди. Да паренек один, Алексеев, пожалуй, ровесник просто стоит, слушает. Улыбка во все лицо. Девушки отзвонились, нехотя отходят, уступая место супружеской паре. Те звонят недолго. Стараясь не мучить колокола сильными ударами. Да разве ж это мучение? Радость, радость колокольная! Радость пасхальная!!

Вот и их очередь подошла. Паренек их пропускает. Коленка от нетерпения даже прыгать стал с ножки на ножку, точно ему не десять лет, а годочка четыре всего. Монашек улыбается, видя детское нетерпение. Парень смеется. Да и сам Алексей не сдерживает улыбки. Эх, чего там! Если честно, и сам бы сейчас не прочь вот так попрыгать с ноги на ногу от избытка нахлынувшей внезапно радости.

Они втроем поднимаются по деревянным ступенькам к колоколам. Как? Что? Чего? Куда? Первый же раз! Эх, была не была. Алексей берет в руки веревки, тянущиеся к колокольным языкам. Дает пробный удар, еще один, еще.

Длин, дили, длин, дили-дили-длин.

Ага, что-то полчается. Коленка тут как тут, перебирает по очереди средние колокола.

Дон, дин, ди-ин.

Бам-м-м...

Раскачала Оленька могучий язык благовестного колокола.

И... Полилась песня. Песня? А как же. Нет, конечно, в ней не было и намека на традиционные, радующие и греющие душу русские звоны ростовской ли, ярославской, тверской традиций. Куда там. Тут кто во что горазд. И все же и в этом блаженном звоне была своя гармония. Ведь от всей души, ведь в радости же! Как сердце подсказало, как струнки душевные зазвенели. И полились золотые ручьи странного этого звона с колокольни на монастырский двор, залили Троицкий собор, источник, патриаршую резиденцию и дальше, выплеснулись за стены монастыря, полноводной рекой потекли по Даниловскому валу и дальше, дальше. Ликуй, Москва! Пасха. Пасха Христова! Слушайте все, наполняйтесь струями златозвонными. От избытка чувств, внезапной волной окативших его с головы до ног, заплакал

вдруг Алексей, не стесняясь мужских своих слез, точно в этот миг исполнилось самое его заветное желание, и, стало быть, жизнь не зря прожигалась. А чего, собственно, такого-то? Ну, бьет себе парень в колокола. Делов-то. Ан, нет. Здесь нечто большее. И как объяснить-то это большее, эту тайну, внезапно явившуюся? Да и надо ли объяснять? Текут секунды, обряжаясь в краски не медных вовсе, золотых колоколов. Лютят звуки необъятной радости, врываясь в дома и сердца спешащих по делам москвичей. Замедляют суетный бег москвичи, пускают улыбки на омертвевшие было лица. И нищий калека, несущий многолетнюю вахту у монастырских стен, бросает вдруг беззубым ртом довольно:

— Ах, как выводят стервецы. Ишь ведь...

Слушай, Москва, нашу пасхальную, первую в жизни радость. Слушай. И запомни нас такими.

Они плохо помнили, как спускались вниз по крутым ступеням колокольни, как шли к метро, почти зачарованные неожиданным волшебством только что совершенного таинства. Что дорога? Что расставания? Об этом ли теперь думать? В сердце до сих пор живой музыкой звучит их златозвонная песня. Да еще светлое из уст послушника на колокольне:

— Христос воскрес, милые!

И дружное, почти хором:

— Воистину воскрес!

А у звонницы уже изготовились петь *свою* песню новые звонари.

— Ну, вот и все. Такая она. Москва! Понравилось?..

МЕДАЛЬ

Священник церкви святого великомученика Георгия станицы Старорусской получил к Пасхе награду. Медаль преподобного Сергия Радонежского сверкала на груди иерея таинственным серебряным светом. Епископ, вручавший награду, как-то по-особому глядел на отца Василия — торжественно и чуть печально. Батюшку поздравили пастыри других церквей благочиния и знавшие его по прежнему месту службы миряне. Раньше отец Василий служил в республиканском центре в кафедральном соборе штатным клириком, а два года назад получил назначение в Старорусскую, где православный приход находился на грани уничтожения. Что делать? Иерей — тот же солдат. Рассуждать на тему: нравится — не нравится не приходится. Назначил Владыка — терпи, смирись и выполняй. Христианская жизнь в Старорусской церкви действительно тогда почти замерла. Верующее население этой некогда исключительно русской станицы спешно переезжало в Россию, за бесценок распродавая жилье и имущество, на их место мгновенно селились горцы. Место-то тут благодатное. Воздух целебный, пьянящий, источники лечебной воды, земля мягкая, словно пух, плодородная. А сады! А горы! Жить бы и жить. Но накрыла станицу, как и множество других населенных пунктов, волна второй кавказской войны. Бывшие добрые соседи разом превратились в злейших врагов. С гор туманом опустилось то, о чем раньше и думать не смели — межнациональная вражда и религиозная нетерпимость. За этими мудреными словами стояли, не прячась, грабежи, насилие, пожары, слезы, кровь, смерть. И все это густо было замешано на ненависти. Мужчин угоняли в рабство, парней

с особой жестокостью убивали, девушек насиловали, женщинам вспарывали животы. Жители Старорусской, оставшиеся в станице, пытались было найти защиту у властей, но новые местные власти, неизменно бородатые и камуфлированные, прямо заявляли им, что земли эти исконно горские, что всяким незаконно живущим здесь свиньям лучше бы убратся в свою грязную, пропившуюся Россию. Пробовали старорусичи найти защиту в местной церквушке — древней, восемнадцатого века постройки, да куда там! Горцы врывались прямо на службу, издевались над стареньким батюшкой, опрокидывали подсвечники, забирали иконы, чтобы упражняться на них в меткости стрельбы из «калашей». А однажды, после неудачной засады на «федералов» вывели старика-священника за алтарь храма и расстреляли. На апсиде остались следы от пуль, окрасив в некоторых местах белую каменную кладку красным. Два месяца приход был без окормления, а затем в Старорусскую прислали иеромонаха — осетина. Горец. Сможет, пожалуй, договориться с новой властью. Да только в те времена и муфтию местному, осуждавшему ваххабизм, жилось не сладко, чего уж говорить о православном горце. Полторы недели только и прожил новый батюшка в Старорусской, а после сгинул где-то в горах, в плену. Осталась разграбленная и поруганная церковь осиротевшей, теперь уже надолго. Затем был Хасавюрт, затем новый штурм Грозного. Бородатых и камуфлированных на административных постах сменили усатые в штатском. Над бывшим сельсоветом робко затрепетал российский флаг. Жизнь вроде бы стала налаживаться, но русское население с еще большим энтузиазмом стало выезжать за пределы республики. Через год станичная церковь, которую все это время тайком, но регулярно посещали две-три старушки, получила наконец нового настоятеля в лице отца Василия. Сделано это было, чтобы хоть как-то приостановить бегство коренных жителей. Скоро жизнь в приходе наладилась. По праздникам на службу приходило до пятнадцати человек и даже дети. Но еще долго при грохоте ружейной пальбы на горских свадьбах — традиция такая — падали за литургией прихожане Георгиевской церкви на пол, и лишь отец-настоятель оставался спокоен, вынося верным чашу для приобщения Святых Даров.

И вот, спустя два года, иерей Василий был награжден медалью. Признаться, батюшка с детства мечтал о награде. Рожденный в середине шестидесятых в строго атеистической семье он был убежденным строителем светлого коммунистического будущего и больше всего боялся, что третья мировая война начнется до того, как его примут в пионеры, и он не сможет попасть в один ряд с Лене́й Голиковым, Маратом Казеем и другими славными Героями Советского Союза. Стать Героем — была самая заветная мечта будущего иерея и в пионерском, и в комсомольском возрасте. Дома тайком он вырезал из картона геройские звездочки, раскрашивал их золотым и красным и цеплял на форменный школьный костюм. Он и космонавтом стать стремился потому, что за полет в космос полагалась Золотая Звезда. Годы шли. Война не начиналась. В пожарах на глазах будущего пастыря никто не горел, в воде не тонул. Спасать было некого. В армии он служил добросовестно и был-таки представлен к медали «За отличие в воинской службе», но по каким-то причинам в командовании округом фамилию его из наградных списков вычеркнули. А затем началась перестройка. Стране стало не до героев. Василий поступил в институт культуры. Случайно по-

пал на службу в православный храм и уже через год прислуживал в этом храме иподьяконом. Затем лет на десять новый священнослужитель забыл о наградах. Все его прежние детские и юношеские мечты казались ему теперь глупыми и суетными. И поэтому известие о вручении церковной награды явилось для отца Василия полной неожиданностью.

Закончилась торжественная пасхальная служба. Отец Василий сел в кабину своего подержанного «Москвича». На груди его сияло пасхальной радостью серебро наградной медали. Батюшка завел мотор, хотел было трогать, но задержался. Снял медаль, внимательно, бережно разглядел ее со всех сторон, попробовал на вес и спрятал в карман. Не то, чтобы он боялся, но, как говорится: «Береженого Сам Бог бережет». Новых жителей Старорусской не стоило раздражать видом церковной награды. Не то, чтобы за это убьют или искалечат, но так все же спокойней будет. И въехал отец Василий в свою станицу с медалью в кармане, сопровождаемый пустыми настороженными взглядами новых «станичников».

Три недели медаль покоилась в наградной коробочке в шкафчике с богослужебными книгами, и о существовании ее знал лишь сам отец Василий да матушка его. Даже деткам своим малышам-близняшкам Сереже и Герману не показывал батюшка награды. Вдруг разболтают по станице. А этого сейчас не хотелось бы. На антипасху приезжал в Старорусскую в сопровождении милиции епархиальный архиерей, служил литургию. Осведомился, как медаль. Отец Василий спрятал глаза и что-то промычал в ответ. Епископ слегка покачал головой, но ничего не сказал.

Наступил праздник Победы. Девятого мая после службы отец Василий смотрел телевизор. Фильмы все о войне, о фронтовиках, и вдруг на одном из каналов наткнулся батюшка на передачу о российских народных промыслах. И ужаснулся, узнав, что нет больше всемирно известных чудо-подносов из Жостово и шкатулок из Федоскино, что почти погибли от нефинансирования знаменитейшие промыслы Палеха и Гжели. Что вся продукция, продающаяся в магазинах под марками этих знатных предприятий сегодня, является дешевыми подделками. Что кучка дельцов зарабатывает на производстве подделок бешеные деньги, а крупным чиновникам от российской культуры нет до этого абсолютно никакого дела. Грустно стало отцу Василию, обидно, и с каждой минутой обида в душе нарастала. Встав к святому углу, помолился батюшка на иконы, особенно усердно обращаясь к игумену земли русской — преподобному Сергию. Слезно молился, почти рыдая. За страну свою, за народ российский униженный, поруганный, за станичников своих, оставшихся верными Родине и церкви или разбежавшихся мыкать горе по чужим городам и весям. За семью свою, подвергающуюся из-за его служения опасности, за себя маловерного и трусоватого. Помолившись и наплакавшись вволю, надел отец Василий свое иерейское облачение, достал наградную коробочку и, сверкнув на святой угол серебром улыбки Сергия Радонежского, счастливый вышел из дома. Пройтись по станице и поздравить станичников с Днем нашей общей победы. На небе собирались тучи, готовые пролиться на землю слезами дождей, но серебро медали золотом горело на груди батюшки, зажигая звезды радости в сердцах встречающихся ему удивленных старорусских станичников. А может и не будет сегодня грозы? Бог знает.

ОБНИМАЮЩИЙ НЕБО

Ох, и умел же радоваться Мишутка. Даром таким, что ли, наградил его Господь. И ведь не прыгает там до потолка, не скачет, как несмышленный козлик, а вот улыбнется всей широтой узенького своего личика, блеснет серебряными росинками в уголках огромных синих глазищ и выплеснет не умеющую удержаться, переполнившую худое мальчишечье тельце радость звонким постукиванием хрустальных колокольчиков искреннего детского смеха. Недолго смеется. Вскоре затихает и, словно бы чуть припудривает себя порошком из грустинок. Но не грустит, не печалится, нет, просто боится расплескать свою радость без остатка, по-детски старается запечатлеть ее в маленьком сердечке. А и радостей-то у него? Письмо от матери, что в городе большом старается устроить свою жизнь; медведика или там собачонку деревянную безногий сосед дядя Ваня ему выстругает. Вот и радости. А один раз сделал сосед ему оленьчика, да такого живого, с такими чудными рожками. Уж как радовался Мишутка! Полсела в этой радости купалось.

И еще очень любил мальчик ходить с бабушкой Катей к сельской церкви. Древняя, намоленная церковь Казанской Божьей Матери, построенная едва ли не при Алексее Михайловиче, пережила царей и многих иных вождей, уцелела в революцию, избежала ран в гражданскую, коллективизацией хотели было на нее покуситься, да то ли селяне воспротивились, то ли Сама Богородица вмешалась. Так и стояла церковь, сверкая золотом крестов на голубых, как июльское небо, пяти главках и в Отечественную войну, и в годы возрождения. А вот при Хрущеве сгустились-таки над Казанским храмом черные и, похоже, беспросветные тучи. Как-то заметно обезлюдело село с громким, отнюдь не сельским именем Державное. Знамо дело: война, раскулачивание, снова война, голод, голод, опять голод. Кому посчастливилось, в города перебрались. Но таких немного. Вот и прихожан в сельской церкви поубавилось изрядно. А раз нет богомольцев, чего уж задаром пропадать полезным квадратным метрам? Можно сделать склад или общежитие, хотя какое тут общежитие — вон сколько домов с заколоченными глазами. А еще лучше — просто взорвать. И то дело, чего церемониться, если лет через двадцать миру будет предъявлен последний русский поп?

Ну, а пока участь Казанской церкви решалась на высоких этажах власти, приход ликвидировали, иконостас разгра... простите, увезли куда надо, заодно уж и уцелевшую в прежние лихолетья церковную утварь и облачения.

Тихая, помертвевшая, беззащитная стояла церковь на холме, и лишь нежный блеск не потускневших от времени крестов указывал на таинственное: жива еще, молится скорбно о тех, кто снова и снова вязнет в тине предательства и зловонной жиже беспамятства.

Бабушка Катя водила сюда Мишутку каждый день. Не молиться, нет. Этого она и сама, так уж получилось, как следует не умела. А так. Придут, постоят. Помолчат. К чему слова, если Мишутка дрожит восхищенным вздохом-выдохом, если росинки в его расчудесных глазах увеличиваются и, не в силах удержаться, скатываются по щекам крупными, сверкающими, как кресты на куполах, каплями.

Когда началась и как пришла к нему эта любовь к брошенной людьми, приговоренной властями культовой постройке, Бог весть. Но известно, что с особым трепетом, с недетским, глубинным восторгом Мишутка стал подходить к сельской церквушке после того, как однажды бабушка Катя, по обыкновению помолчав, вдруг вздохнула глубоко и тревожно и сказала, не внуку даже, себе, пожалуй:

— Стоит матушка. Сколько уж веков. И пока стоит — и мы живы будем.

— Это как, бабушка?

— Да ведь она, родимая, небо держит. Вот посмотри. Не будь ее, упадет на нас небо и, не дай того Бог, раздавит в лепешку.

Мишутка остолбенел. Лобик его покрылся испариной.

— Это правда, бабушка?

Бабушка Катя не ответила, словно не ребенок задал ей этот вопрос, а она сама спрашивала. Совесть свою что ли? И словно найдя ответ в отдаленных глубинах памяти, когда сама она была пятилетней девчуркой, с такими же, как у Мишутки синими распахнутыми глазенками и знала что-то, некую тайну, услышанную от своей бабушки, об этой вот церкви, о роде своем и о себе тоже, но с годами, нагрузив душу заботами, горестями и бедами, забыла ее, теперь вот вспомнив, выпалила разом, твердо и уверенно:

— Держит родимая. За всех за нас держит. А как же? Сколько людей жалуется, что дышать им тяжелее стало. И есть отчего. Известно. Сколько церковей порушено. Нечем небо держать. Не дай Бог кому нашу свалить, то-то беды будет.

Глубоко и прочно легли эти слова в сердечко мальчугана. Чаще стал задумываться Мишутка о чем-то своем, детском, а может и вовсе не детском. Чаще стал всхлипывать жалобно по ночам, не в силах справиться с беспощадной тревогой нападавших на него снов. И бабушка Катя, видя, как печален стал ее ласковый Мишутка, тоже терзалась и плакала, украдкой конечно, чтобы, не дай Бог, не увидел внук.

Но зато какой радостью каждый раз искрились глазенки мальчика, когда, проснувшись, он видел в окне над густыми кронами садовых деревьев пять небесного цвета куполов и горящих в рассветном золоте церковных крестов. То-то радости, то-то счастья!

Однажды возле Казанской церкви Мишутка вострепнулся, словно кто-то невидимый шепнул ему на ушко некую страшную тайну. Мальчуган даже дышать перестал на несколько мгновений, а потом осторожно, еле слышно, боясь словами повредить этой явившейся ему тайне, сказал бабушке Кате:

— Посмотри, бабушка, она... не держит. Она обнимает небо. Обнимает. Видишь?

Кто его знает, что там привиделось ребенку. Бабушка Катя посмотрела на знакомую с рождения церковь и так и этак. Обнимает? Ишь ты. Придумает же. Хотя... Надо же. Такой малец, а разглядел.

Больше они не говорили. Просто стояли и смотрели. И досмотрелись до того, что защемило вдруг в сердце у бабушки Кати. Вспомнила она, что именно эта тайна о церкви, обнимающей небо, и была ей известна в далеком ее детстве. И захотелось бабушке сбросить с плеч шесть десятков лет, растопласть руки и так же, как вот эта церквушка, обнять небо. Такое тяжелое, такое бескрайнее, такое родное и такое близкое.

Церковь простояла заколоченной всю осень, зиму, великий пост. Пасха в этом году была поздняя. По новому стилю в первой декаде мая. И вот к майским праздникам решили районные власти отрапортовать в Москву о сносе очередного рассадника народного опиума. На страстной подогнали к селу специальную технику и огромными чугунными шарами стали с размаху терзать древнюю кладку. Кресты скинули накануне. Мишутка не видел. Бабушка Катя прочно затянула глаза-окна своей избы темным покрывалом и решила ни под каким предлогом не пускать внука на улицу.

— Страшное дело творится, Мишутка. Нечего тебе на такое смотреть.

Мальчик не спрашивал ни о чем. Он зажался в уголок, где у бабушки Кати висели иконы, и не плакал, а словно думал о чем-то, глядя перед собой невидящим взором. И даже когда сквозь толщу избяных бревен и черноту плотных век-штор стали доноситься жуткие, глухие удары, не переменял Мишутка своего положения, лишь вздрагивал иногда, словно превращаясь в эхо очередного удара.

Церковь оказалась прочнее, чем представлялось властям. Стенобитная техника и всякие там бульдозеры причинили, конечно, урон древнему храму, но и раненый он продолжал стоять, по-прежнему обнимая небо лишенными крестов куполами. До Первоя оставалось два дня, не считая этого. Рапортовать в Москву об успешном завершении задания райкомовскому секретарю было жизненно необходимо, тем более, что кресло под ним стало в последнее время заметно покачиваться. Снос вредной церквушки стал для него теперь делом чести. И не только. Решили прибегнуть к помощи саперов.

Взрывчатки заложили сколько полагалось, может быть даже чуть больше, для надежности. А что, опыт уже имелся. Эти предки строили на совесть. Бывало бахнет взрыв, развееется дым, осядет пыль, а церковь стоит. Покосилась кое-где, потрескалась, а все себе стоит. Да и то, строили-то не вдруг, годами, десятилетиями. Кладку не цементом — свинцом скрепляли. Ну, хвала партии, ко времени нашего рассказа научились взрывники расправляться и с такими крепкими орешками. Словом, заложили сколько надо, протянули шнуры, все такое. Людей на безопасное расстояние эвакуировали. Теперь только команду получить да цепь замкнуть. Делов-то. За командой дело не стало, а вот дальше неприятность одна получилась.

Откуда ни возьмись у самой церквушки, как раз возле закладки динамита, мальчонка очутился. Совсем маленький, пяти лет, не больше. Куда только взрослые смотрят? Саперы, понятное дело, в шоке, уполномоченный из района волосы от ярости рвет, на ком — не важно. Это хорошо еще, что старшина саперной роты — опытный вояка, орденоси́нец, не сразу, не мгновенно после приказа на кнопку нажал, словно почувствовал что. А то было бы делов. Такой рапорт в Москву к Первоя, что все райкомовское начальство полетело бы, как «U-2» над Свердловском. Подбежали, естественно, к пацаненку. Как? Да чего, да откуда? А малец глазенками хлопает, в них слезищи, что перепелиные яйца, вот ей Богу, не вру. Лепечет что-то.

— Что? Что ты говоришь?

— Дядечки, миленькие, не надо. Не трогайте ее. Небо ведь упадет. Задавит всех. Миленькие.

Да что за глупость-то? Чей это ребенок? Чей ребенок?!

Пригляделись селяне, батюшки, так ведь это Мишутка, Катерины Симачовой внучок. Он и есть. Он и не он. Боженьки, да он болен, весь в жару. Его в постель надо. Эй ты, служивый, не трогай ребенка! Иди сюда, Мишутка. Пойдем домой.

— Нет. Нет! Пожалуйста! Не трогайте ее. Миленькие, родненькие.

Уполномоченный прямо ногами затоптал.

— Кончайте этот цирк! Ребенка убрать! Родителей наказать! Церковь взорвать! Живо!!

Ну, естественно, кому надо расстарались. Мальчугана на руки да и от греха подальше. А он вырывается, кричит. Все про небо какое-то, дескать вот-вот рухнет, и всем присутствующим, между прочим, прямо по темечку. Ну, бред, конечно. Что с больного ребенка возьмешь? Однако странное действие возымели все эти события на селян. Молчаливо, почти равнодушно наблюдавшие доселе за расправой над церквушкой, теперь точно встрепенулись мужики, бабы да старушки.

— Братцы, товарищи, что же это делается? Это ведь церковь нашу, матушку родимую рушат! А мы-то? Мы-то чего? Здесь деды наши и прадеды молились, с женами своими венчались, здесь половина из нас крестились. И теперь ее динамитом?

И прорвало селян. Тут уж всем досталось: и саперам, и райкомам, и Кузькиной матери, и кукурузе. Уполномоченному едва бока не намяли. Насилу убрался в служебном своем авто. Динамит разметали, шнуры повывергивали, старшине под нос жирный кукиш от селповской продавщицы Нюски достался. Вот тебе Первомай. Вот это весело!

Весело-то весело, а что навех докладывать? Задание сорвано. В селе бунт. А что? Бунт и есть! Вон глупые селяне вокруг израненной своей церкви, за руки взявшись стали, словно обнялись, идиоты. Ну, сами с собой и с культовым зданием обнялись. Я и говорю, идиоты. Что делать, что делать? Ждать. Не войска же по случаю народного праздника в село вводить? Погудим. Утро, как этот самый народ говорит, вечера мудренее.

До поздней ночи торжествовали селяне, обнимаясь со спасенным храмом. Все, даже неисправимые атеисты. В Бога, конечно, они не уверовали, здесь другое. Здесь дело принципа: ты не строил — ни тебе и валить. Не твое, так нечего своими вонючими городскими лапами чужое добро хватать. Вот так! А как же?

Далеко за полночь стали расходиться по хатам. Да и то, митинговать-то все горазды, а по хозяйству кто управляться будет? Старшина саперный, али уполномоченный? Все, все по домам. Пора и честь знать.

Бабушка Катя обнаружила пропажу внука не сразу. А что? Он в уголке тихохонько сидел, точно и нет его. А дел в хате неувпоровот. Словом, когда кинулась, а его, сердечного, и след простыл. И тут схватила бабушку Катю за сердце такая тоска неминуемая, такая тревога беспощадная, что впору упасть посеред избы и завывать в голос искалеченным зверем. Словно знала Катерина, что стряслась беда с ее любимым внучком. Беда страшная, не исправить, не изменить. Ох, горе-горюшко. Не уберегла. Не уберегла старая дура. Побежала, конечно, с девчоночьей резвостью. Знала куда бежать. Знала.

А там уже все село. Уполномоченный на своей машине вперед к коммунизму улепetyвает. Заметалась бабушка Катя.

— Внучонка моего не видели? Мишутку моего? Здесь быть должен.

— Как же! Как же, родненькая, видели. Здесь он. Да где же? Только что был.

В суматохе как-то позабыли про мальчугана. Нет, что говорить, геройский парень. Кабы не он, ого-го... А так стоит матушка, стоит, подпирает небо. Молодец, Катерина, славного внука растишь.

А мальчик лежал прямо на земле. Совсем рядом. И единственным, кто по-прежнему был с ним, кто держал его мертвой хваткой, не отпуская, был сильнейший жар. Мишутка все время бредил, но глазенки его временами распахивались, и в них на мгновения отражалась ясность спасенного неба. Бабушка Катя бережно подняла почти невесомое тело внука и осторожно, боясь повредить хрупкую свою ношу, понесла домой.

К вечеру Мишутке стало совсем плохо, и бабушка Катя, непрерывно обтиравшая худенькое тельце уксусом, поняла, что бежать за докторами поздно и бесполезно. Она не стала выть и рыдать, чтобы не пугать больного, лишь зажгла все имевшиеся у нее в хозяйстве свечи, словно этим хотела прогнать надвигающуюся на них безобразную тьму беды. Мальчик все так же бредил, говорил о небе, о церкви, называл кого-то миленькими и родненькими, о чем-то просил кого-то. Ближе к полуночи затих, забылся, и лишь когда селяне стали от спасенной церкви расходиться по домам, Мишутка открыл глаза.

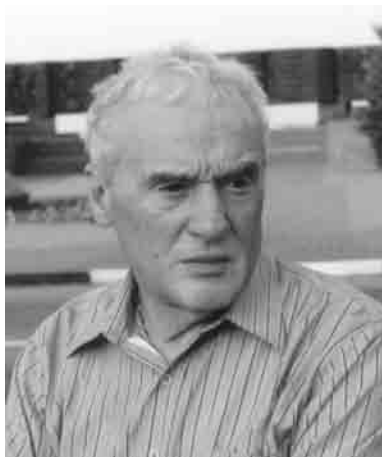
— Бабушка... она не держит... она обнимает небо. Это правда. Я знаю.

Больше он ничего не говорил. Лишь в широко распахнутых глазищах, отражая отблески догорающих свечей, лучилась детская радость, которой мальчуган последний раз обнимал синее, как и его глаза, бескрайнее небо. Мишутка умел радоваться.

Церковь взорвали через неделю. Обыденно, без особого шума.

Русский ПАЛОМНИК

**Александр
КОРОЛЬКОВ**

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ ДЛЯ РОССИИ

Александр Аркадьевич Корольков — родился в Алтайском крае. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А. И. Герцена, член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Христианская душа ищет встреч со святыми местами, со святынями, но особо выделяет Землю, которая так и именуется — Святая. Прежде шли к Святой Земле годами, погибали в пути от диких зверей, от жажды и голода, от неведомых болезней; кому-то Господь даровал припасть к святым камням, которые соприкасались со ступнями Спасителя, отыскать в ночном небе Вифлеема звезду, которая когда-то возвестила о самом главном и необходимом для землян Рождении, очиститься от греховной накипи там, где принял за всех нас страдания Иисус Христос.

Иерусалим — начало начал нашей духовной истории, вся культура, все струны души русского народа звучат мелодиями христианства. Отсюда, из Иерусалима в мир шагнула вера, которая сделала этот мир одухотворенным, обретшим цели в Вечности, вера превратилась в Веру,двигающую судьбы народов. Миллионы паломников приходили в Иерусалим, какая-то их часть лицецерела схождение Благодатного Огня, кто-то для себя, кто-то и для публикации оставил свои записи, а нынешнее телевидение и вовсе создает эффект присутствия; многократно написано, рассказано, показано все, что происходит в канун Светлого Христова Воскресения, и все же каждый паломник имеет собственную душу, собственное сердце, собственное созерцание, а они неповторимы.

Хроника полутора суток нашего паломничества вместила и впечатления от перелетов, и от разговоров с попутчиками, и от автобусных переездов к Иерусалиму от Тель-Авива, и от молебна в Троицком Соборе, и от встречи с Патриархом Иерусалимским, и от знакомства со Старым городом, где, как отмечалось в энциклопедическом издании конца XIX столетия, «из ста семидесяти

улиц нет ни одной совершенно прямой, или вполне удобной для экипажной езды, движение по ним возможно только пешком или верхом», множество событий расширило границы обычного течения времени и могло бы превратиться в обширное повествование. Между тем, и мне, и, полагаю, читателю, не нужна поверхностная хроника, имеет смысл поделиться потрясениями души при встрече с высшими святынями христианства. Понимаю тех, кто приходит в Храм Гроба Господня в третий, в седьмой раз, а такие были в нашей группе. Единственная встреча с Храмом — это ожог для души, для чувств; настолько она молниеносна, что нет в ней времени для обдумывания, для рефлексии, как принято говорить в философии.

Уже стало привычным, естественным ежегодное появление в пасхальную ночь Благодатного Огня из Иерусалима — в Храм Христа Спасителя Владимир Иванович Якунин вносит лампаду с Благодатным Огнем и совершается таинство возжигания свечей от лампы, преодолевшей путь за немногие часы от Храма Гроба Господня к храмам нашей столицы, и не только столицы.

В. И. Якунин в Троицком соборе, Иерусалим

Перед входом в пещеру-часовню, в Кувуклию, еще сохраняется сознательная оценка происходящего, хотя уже трепещет душа, улавливая перемены в лицах, фигурах, согбенно покидающих место, где свершилось Воскресение Христа.

В Кувуклии не было душно, напротив, воздух показался чистейшим, освежающим, отчего же выходили отсюда в испарине? Да оттого, что есть баня очистительная для тела, а есть — очистительная для души. Ради такого преображения и входят в Храм Гроба Господня, ради такого и преодолевают тысячи километров, терпят неимоверную жару и скопление паломников, не спят ночами, выстаивают в очередях. Это Храм

спасительной надежды, здесь открывается строка «Символа Веры» — «Чаю воскресения мертвых». Икона Христа словно благословляет вошедшего сюда на таинство будущего воскресения. Преображение Господне, о котором помним по праздничному дню 19 августа, имеет отношение и к каждому из нас, разумеется, это преображение иного смысла, но как еще точнее обозначить то просветление, которое потрясает и изменяет нашу душу?

К плите, на которой лежал Христос, снятый с креста, припал я, потеряв всякие представления о внешнем мире, по-видимому, там и произошло, хотя бы на мгновения, превращение внешнего человека во внутреннего, о котором много писали богословы. Крохотная пещера, в которой погребен был Спаситель, воспламеняет к подлинности дел, поступков, а это и есть преобразование, дарованное мгновениями бессловесного моления в Кувуклии под благословляющим Образом Воскресшего Христа. Лампады, свечи, сияющие в часовне-пещере, оставляют ощущение света, неземного света, после которого солнечный день на площади неподалеку от Храма показался тусклым. Наши паломники расположились за уличными столиками, пили чай, кофе, воду, почти не переговариваясь, каждый оставался в тех мгновениях, которые соединили его с божественным, богочеловеческим миром.

Смеркалось, когда наш автобус взбирался все выше и выше, то расширяя обзор, то сужая его горами и деревьями, пока не углубились мы в зеленый оазис, наполненный тишиной монастырского уединения. Свечи приобрели не только для того, чтобы возжечь здесь в храме, но чтобы потом они стали напоминанием об этом прохладном вечере на горе, где обитала Елизавета, мать Иоанна Крестителя и родственница Пресвятой Девы Марии, первая передавшая ей Благовест о том, что она и есть «благословенная между женами».

С 1865 года и в течение двадцати девяти лет главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был архимандрит Антонин (Капустин), его усилиями Русская Церковь создала свои духовные очаги на Святой Земле. «С его личностью, — отмечал выдающийся богослов архимандрит Киприан (Керн), — связано очень многое, если и не все, что роднило нас с Палестиной и с паломничеством туда»¹. «18 участков земли приобретены о. Антонином, в том числе был куплен участок в Горней («Айн-Карем»), по преданию, месте целования праведной Елисаветы, где архим. Антонин начал организацию женской полумонашеской общины»².

Горний монастырь — островок русской монашеской жизни в Иерусалиме, это родной дом для наших паломников, забота о них, сопровождение — основное послушание для насельниц этой обители. Не оставили без внимания они и наши два автобуса, пояснения их не похожи на заученную трескотню экскурсоводов; душа, наполненная любовью ко Христу, словно свидетельствует об евангельских событиях: монастырская жизнь с Богом и в Боге сделала их сопричастницами истории Святой Земли.

День, показавшийся неправдоподобно длинным — от Москвы до Горнего монастыря в Иерусалиме — завершился скромной трапезой с благословения настоятельницы монастыря матушки Георгии: как путешествующим позволено было в эту скорбную Великую Пятницу отведать соки, оливки, монастырские овощи, хлебцы.

На ночлег определили нас в современную гостиницу, достоинства которой оказалось возможным оценить утром. Отель «Ридженси Иерусалим» лишь небольшой своей частью открылся нашему взору при подъезде к нему, стро-

¹ *Архимандрит Киприан*. Памяти архимандрита Антонина (Капустина). — Париж, 1955. — С. 1.

² *Архимандрит Киприан*. Там же. — С. 12.

Шествие к Храму Гроба Господня

ение скатывалось под гору. Оказалось, что выбраться из отеля можно лишь через шестой этаж, более низкие этажи уходят лесенкой под гору. Только утром открылись с обширной ложи, соединенной с коридором четвертого этажа, бесконечные взгорья Иерусалима. Удивительно, что обозреваемое здесь воочию вспоминалось как уже многократно виденное, картины эти совпадали с иконными пейзажами Святой Земли, при всей их ненатуралистичности, они передавали нашим чувствам не внешние пейзажи, а их сокровенную, духовную суть, поскольку природа Иерусалима хранит в себе духовную энергию, оттого издавна благоговели паломники не только перед несомненными святынями этой Земли, но перед всей неповторимостью этих мест.

Календарь пасхальных праздников в 2010 году совпал и у православных, и у католиков. Если очевидцы схождения Благодатного Огня прежних лет повествовали о невозможности высвободить руку, о потерянных в толчее туфлях, то можно было предположить, какое число верующих заполнит Храм Гроба Господня на сей раз. По-видимому, такими предположениями были в несравненно большей степени озабочены служители порядка, они имели изрядный опыт, чтобы оберечь паломников и не помешать им — это мы почувствовали сразу, количество полицейских не оставляло сомнений в серьезности их отношения к этому дню.

Чтобы легче видеть нам друг друга, а полиции пропустить паломническую группу в Храм, снабдили нас шейными шелковистыми платками — козынками, повязали мы их, как когда-то пионерские галстуки, козынки смотрелись весело, их голубовато-белые полосы напоминали что-то морское.

Прохлада раннего субботнего утра быстро оттеснялась теплом, исходящим будто и не от солнца, а от внутреннего дыхания воздуха, земли,

возможно, свою работу исправно выполняла пустыня, где-то неподалеку подступающая к взгоркам Вечного Города. Улочка, входящая в старый город, похожа на окаменелое русло речки, над ней вздыбились высокие берега стен. Группу нашу, как и другие группы паломников, остановили полицейские. Начиналось долгое ожидание, к которому нас готовили организаторы поездки. Солнце раскаляло тесный коридор, особенно правую его сторону. Якунин призвал всех переместиться под левую стену в спасительную тень, чтобы уберечься от обмороков и сердечных приступов. Напоминание не зряшное, в подобной поездке два-три года тому назад кто-то свалился без сознания. Духота тесных улочек может подкосить любого. За правой стеной возвышался армянский квартал. Сопровождавший нас местный выходец из России указал на развесистую оливу, к которой был привязан Христос. И хотя понятно, что уцелело не дерево, но это было то самое место, и память христиан поддерживалась возрастанием здесь поросли от того самого дерева. На этой улочке, во всем Старом городе, особенно же в Храме Гроба Господня, чувствуешь присутствие Христа, словно и нет огромных по человеческим меркам двух тысячелетий. Он не просто рядом, Он в нас.

И вот появился смуглый полицейский, суровое лицо превращало его вовсе в мулата. Проехала полицейская машина, похожая на военный газик, на ступенях улочки для проезда таких машин сооружены скосы, по этим гладким скосам особенно скользят подошвы, и хорошо, что мы были предупреждены о выборе подходящей обуви, ибо едва удалился явно крупный полицейский начальник, как стало ясно, что нашей группе дают зеленый свет для движения к заветной цели. Кто-то повлек нас со спортивной быстротой, около меня оказалась монахиня, которой я опрометчиво попытался уступить дорогу, тем самым замедлив бег, и тотчас потерял главные ориентиры — лидеров нашей группы; стоило сил совершить рывок, чтобы с колотящимся сердцем наконец поймать взглядом платок-косынку на бегущем впереди мужчине. Теперь уж я неотступно следовал за ним, косынка пестрой бабочкой порхала, то убыстряя, то замедляя полет, и я неотступно гнался за нею. Хотя привычны мне и жаркая русская баня, и велосипедные нагрузки по ухабистым лесным дорогам, и долгие переходы с увесистым рюкзаком на плечах, — эта прерывистая пробежка по старому Иерусалиму сбивала дыхание, сказывалось и опасение быть отсеченным от нашей группы, остаться за пределами Храма, к которому все в этот день стремятся, а при приближении к Храму, при знакомом уже повороте к обступившим с обеих сторон торговым лавкам, стало трудно протискиваться сквозь людское скопление, оставался маленький ручеек, и его обозначила маячившая впереди косынка, дававшая надежду на то, что не отстал.

Площадь перед Храмом Гроба Господня, которая на самом деле уже и не площадь, а часть самого Храма, лишь не перекрытая куполом, разделяет потоки паломников предусмотрительно выставленными металлическими ограждениями, патрульными с автоматами, среди которых немало совсем юных чернявых девушек. Вправо потекли наши платки-косынки, теперь они уже успокоительно выстроились в ряд, и, наконец, можно было рассмотреть не только косынки, но знакомые лица, маяком возвышался ректор московской консерватории Александр Сергеевич Соколов, этот маяк вскоре исчез, ему уже посчастливилось попасть в Храм. И тут возник сбой на самом

подступе к полицейскому кордону, ведающему входом: слишком напористо надавили на заграждения паломники, а это стало моментальным сигналом на прекращение впуска в Храм, решетки сомкнулись, и мы остались за их пределами. Наш ряд замер, а поток, направляемый в Храм, ожил слева. Нас, с приметными косынками на шее, осталось не более пяти-шести, но ангелы-хранители не покинули нас, и еще на мгновение приоткрылся створ заграждения, толчок руки полицейского в плечи помог одолеть последнее препятствие, и открылось пространство Храма Гроба Господня. Кто-то незримо направлял наше движение мимо Камня Миропомазания, где Иосиф и Никодим помазали бездыханное тело Спасителя миррой и алоэ. Повернули налево, немногие, в том числе и мой спутник по самолету, детский хирург-травматолог Алексей Георгиевич Баиндурашвили, попали вместе с Владимиром Ивановичем Якуниным к Кувуклии. Проход к Кувуклии заужен подобием арки, по сторонам которой поднимаются ступени, удобные для фотожурналистов и полицейских, зорко наблюдающих с высоты во все стороны Храма. Мы тоже могли видеть многое, правда, лишь краешек Кувуклии, то есть собственно пещеры Гроба Господня, над которой возведена мраморная часовня, там мы были накануне. Созерцали мы едва ли не все пространство Храма, поскольку стояли, видя и вход в Храм, и весь путь патриаршей процессии в Кафоликон и к Кувуклии.

Рассказы о неимоверной тесноте стояния в ожидании Огня не оправдались, по крайней мере для нас, находящихся поодаль от Кувуклии. Ба-

*Слева направо:
А. А. Корольков, прот. Александр Румянцев, А. Г. Баиндурашвили*

рьер, отделяющий российскую группу от остальных паломников, создавал достаточно просторную площадку, и мы придвигались к локтю друг друга лишь тогда, когда желали на цыпочках заглянуть в сторону Кувуклии. У стены же достаточно свободно, там подходили мы к иконе Матери Божией, неторопливо молились, тихо переговаривались, вдоль стены стояла скамья, по очереди, уступая друг другу, наши паломники присаживались.

Доводилось слышать скептически-язвительное, мол, возродили языческое огнепоклонство. Не огню поклоняемся, а Свету Христову, Свет же этот проявил себя сразу после Воскресения Спасителя, когда Ангел сидел при входе в пещеру. Были ведь времена иконоборчества, нашлись и тогда воители с почитанием икон, тоже убеждали, будто противостоят язычеству, слава Богу, разобрались, что поклонение иконам и идолопоклонство ничего общего между собой не имеют.

Храм полнился ожиданием. Слабый свет, проникающий с улицы в Храм, не мог одолеть полумрак, и лишь усиливал трепетное ощущение тайны этого дня. Никто не мог точно сказать о времени схождения Благодатного Огня, шел уже четвертый час ожидания, течение времени не ощущалось, лишь напоминало о совете прихватить питьевой воды из автобуса, я же взял остаток воды, чтобы погасить свечу, когда придет тому черед.

Мерное течение ожидания было ошеломительно прервано резкими выкриками, звоном бубнов, визгами, трещотками, выделялся крупный араб, сидящий на плечах другого араба, внешне щуплого, но лихо крутящего своего наездника, который размахивал распятием, сделанным наподобие детской русской тряпичной куклы. Невиданное для русской церкви громко-голосие дышало мощной энергией, и эта призывная энергетика передалась нам, с радостным восхищением и благодарностью смотрели мы на шумное шествие к Кувуклии, шествие многократно показанное в разные годы нашим телевидением, но картинка несопоставима с живым действием. Неистовство христиан-арабов продолжалось недолго, они смолкли сразу, как только приблизились к Кувуклии.

Мы не могли видеть, как в полдень опечатали Кувуклию, но когда процессия во главе с Патриархом Иерусалимским и всей Палестины Феофилом III с хоругвями и пением проследовала из Кафоликона к Кувуклии, стало ясно, что близится то, ради чего совершено паломничество.

Наступила тишина. По-видимому, Патриарх уже вошел в Пещеру Гроба Господня и молится там у смертного ложа Спасителя, у той каменной плиты, к которой довелось нам приложиться накануне. Тревога невольно вползла в сердце: а вдруг не произойдет то, что бывает только накануне православной Пасхи, вдруг грехи наши земные воспрепятствуют Благодати Божией?!

И тут по затемненной стене Храма проблеском искр пробежало предвестие События. Тишина не ушла, она стала еще напряженнее, словно все затаили дыхание... Еще мгновение и вспыхнули огни свечей, вспыхнула всеобщая радость, казалось, все свечи загорелись одновременно, так быстро передавали огонь от свечи к свече. Запылала и моя, чисто иерусалимская свеча, точнее тридцать три свечи, соединенные в одну белую с синеватой окоемочкой, она пылала обильно, как и тысячи других свечей. Юная инокиня, стоящая рядом, омывала огнем истощенное великим постом лицо, испробовал и я необжигающее чудо Благодатного Огня. Воздух Храма наполнился свежестью, какая бывает после утренней грозы.

Мы помнили уговор, помнили, что не только ради собственной радости пришли к Храму Гроба Господня в эту Великую Субботу, а чтобы одарить Благодатным Огнем все приходы нашей России. Из сумки извлек я еще две свечи, зажег и их, а потом, смочив платяную салфетку минеральной водой, загасил. Успел увидеть, как беспомощно пытается инокия задуть свою свечу, отдал ей мокрую салфетку. Опаленные Благодатным Огнем иерусалимские пасхальные свечи увезем мы и в свои дома, и в дома дорогих нам людей, станут они помощью в наших слабых молитвах.

Ручеек наших паломников с платочками на шее потек к выходу и беспрепятственно выплеснулся на храмовую площадь. Сияющие, возбужденные лица говорили о том, что Пасха для нас уже наступила, свет Воскресения Христа пришел к нам, ибо этот Свет, этот Огонь и стал некогда знаком Воскресения.

Легко и свободно устремились мы по каменным лабиринтам, не теряя взглядом организаторов паломничества. Казалось, вот-вот вынырнем за пределы Старого города, но впереди загрели бубны, из левой улочки, куда мы намеревались свернуть, шла колонна арабской молодежи с возгласами ликования, музыкой. Вдоль стен улицы выстроились зрители, своего рода болельщики, поддерживающие шествие. На перекрестке колонна остановилась, закупорив улочки, неожиданное препятствие могло задержать нас надолго, ибо возбуждение арабов лишь нарастало. Неведомо, за кого приняли нас болельщики, одна из них громко сказала по-немецки — «Schwein», но тут же, по-видимому, увидев депутатский значок с российским флагом на груди нашего паломника, сменила негодующий тон, воскликнув «Рус!», и тут же с большим воодушевлением: «Вива, рус! Вива, Палестина!» Кто-то из наших отозвался негромко «Вива», с тем мы и миновали шумливое торжество.

Подле Русской Духовной Миссии, на тенистой ее стороне, тихой и домашнему уютной, приготовлено походное застолье — бутерброды, зелень, сыр, кувшины с соком, фрукты. Наполнили стаканчики вином, выпили за встречу Благодатного Огня. Второй тост Владимир Иванович Якунин предложил за отсутствующих жен, паломничество было мужским. Тут же раздались призывные возгласы, приглашающие в автобусы. Стрелки часов приближались к шестнадцати часам, а предстояло еще многое — и часовая дорога до аэропорта Бен Гурион близ Тель-Авива, и таможенная процедура, и сам перелет до Москвы, и все должно произойти в срок, чтобы к полуночи в храмы нашей столицы пришел Благодатный Огонь.

Только в самолете сказалось утомление двух бессонных суток. Ведь в четверг к часу ночи мы только устроились в московской гостинице, а в половине четвертого утра надо было уже подниматься: к шести назначен сбор во Внукове. В самолете не умею спать, да и собеседник в соседнем кресле оказался замечательный. Пятница была насыщена встречами с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Исидором, с министром культуры Государства Израиль, аудиенцией с Патриархом Града Иерусалима и всей Палестины Феофилом III. В тот же день поклонились мы Храму Гроба Господня, вошли в Кувуклию, поднялись на Голгофу, вечерние часы провели в Горнем монастыре — и все это в течение одного неполного дня, перевозбуждение от впечатлений которого не давало уснуть и в следующую ночь. А в субботу происходило все то, о чем рассказываю с опозданием,

К святыням Храма Гроба Господня

сразу удержал бы в памяти больше деталей, но по впечатлениям двух неполных дней и не стоит стремиться к детализации.

Возможно, когда-нибудь произойдет иная, уединенная встреча со святынями Иерусалима, неторопливая, тихая. Пусть невозможно ныне шагать по пустыне, как встарь, высматривая на горизонте кресты, купола, но все же и в наше время существуют ранняя и ночная службы, на которых стоят самые стойкие прихожане, а монашеское присутствие помогает сосредоточиться на молитве.

Пока же воздаю благодарение Господу и добрым, сердечным людям за радость встречи Благодатного Огня; в многолюдье этой встречи есть и мое личное прикосновение к вечной тайне Воскресения Христа, как и во всякой соборности, которая соединяет в себе общую и личную судьбу, стояние перед Вечностью каждого и всех вместе.

Благодать — сокровенное слово нашего церковного языка, она окрыляет, дает силы в исполнении добрых дел, поступков. Россия выстаивала всегда милостью Божией, то есть Благодатью. Не случайно в годы потрясений, ломки устоев пришел к нам Благодатный Огонь, огонь Надежды, Веры и Любви.

Невиданным сиянием встретил нас московский аэропорт. В кабинках пограничников, таможенников, в руках пассажиров уже горели свечи. Взрослые, дети, приехавшие специально в этот час к аэропорту, усаживались с горящими лампадами в машины. От трех лампад, специально приспособленных для безопасного перелета, сотни москвичей, и не только москвичей, затеплили свои свечи, лампадки. Благодатный Огонь пошел по России. Он очень нужен России.

Фотографии Игоря Высоцука

История и современность

*Дружная, общая, основанная
на взаимном доверии работа — вот
девиз для нас всех, русских!
Дайте государству двадцать лет
покоя, внутреннего и внешнего,
и вы не узнаете нынешней России!*

П. А. Столыпин, 1909 г.

Елена ШАЛЯПИНА

РОССИЯ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II: НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ

Елена Леонидовна Шалыпина — родилась в Ленинграде в 1955 году. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке. В настоящее время работает свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). Живет в Санкт-Петербурге.

В годы правления Императора Николая II Российская Империя, преодолевая известное промышленное несовершенство и не имея при этом столь необходимого ей продолжительного внешнего и внутреннего мира, тем не менее достигла результатов, достойных восхищения. Это было время широкой законодательной деятельности, экономических, социальных и политических реформ. Заметно повысился уровень жизни народа, увеличился естественный прирост населения. К 1914 году Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспевания. По заключению французского экономического обозревателя Э. Тэри, сделанного в книге «Россия в 1914 г. Экономический обзор»: «...Экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно... От правительства зависит сделать его еще лучше... Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Одной из первых реформ, проведенных в России при Императоре Николае II, была денежная реформа. Еще со времени Крымской войны Россия не имела устойчивой валюты, что затрудняло развитие торговли и промышленности. В 1870–80-х годах кредитный рубль испытывал значительные колебания, его курс внутри страны

составлял в среднем 64 коп. Не только золота, но и полноценного серебра почти не было в обращении. Если население России как-то приспособилось к такой ситуации, то внешняя торговля весьма страдала из-за спекуляций на курсе рубля. Необходимость реформы становилась очевидной. Подготовка к ее проведению началась еще при Александре III и заключалась в накоплении золотого запаса, предназначенного для стабилизации рубля. Были сокращены бюджетные расходы. При министре финансов С. Ю. Витте в 1892 году государственные доходы превысили расходы уже на 1 млрд рублей. В 1896 году в периодической печати появилось сообщение о предстоящей денежной реформе. В русском обществе это известие не встретило, однако, сочувствия. Протестовали против реформы некоторые члены Государственного Совета. Были и зарубежные противники стабилизации (например, Франция). Основания для критики выдвигались самые различные. Витте пришлось вести нелегкую борьбу с общественным мнением. В итоге вопрос о реформе был разрешен на самом высоком уровне. 2 января 1897 года на особом заседании финансового комитета под председательством Государя Николая II было постановлено приступить к осуществлению реформы. Указ 3 января предписывал начать чеканку новой золотой монеты. Новый золотой рубль приравнивался к полутора дореформенным золотым рублям. Новые российские кредитные билеты стали свободно обмениваться на золото. Чеканилась также полноценная серебряная монета: рубли и полтинники. Момент для реформы был выбран очень удачно, после больших урожаев в 1893—1896 годов. В своих мемуарах С. Ю. Витте писал: «В сущности, я имел за себя одну только силу, но силу, которая сильнее всех остальных — это доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II»¹. Благодаря удачно проведенной денежной реформе Россия упрочила свое финансовое положение. Устойчивая золотая валюта пользовалась высоким доверием и на внутреннем денежном рынке, и за границей. Прямым следствием твердой обеспеченности российской валюты явился быстрый рост промышленности в силу возросшего притока иностранных капиталов (хотя при этом общий объем иностранных вложений в промышленность не превышал 9—14 % всех промышленных капиталов, как и в большинстве стран Западной Европы). Пользовались неизменным спросом облигации внутренних займов Государственного банка: «К 1914 году россияне одолжили государству 4,5 млрд рублей, причем держателями ценных бумаг были в основном средние слои населения. Доверие было настолько велико, что, даже когда во время Первой мировой войны прекратился обмен банкнот на золото, население по-прежнему купило бумажные деньги, надеясь обменять их после окончания войны»².

В 1897 году была произведена первая всероссийская перепись населения, по результатам которой численность населения России (без Финляндии) составила почти 126,6 млн чел.

¹ Цит. по: *Мирек А.* Император Николай II и судьба православной России. — М., 2008. — С. 96.

² *Мартинов С.* Финансы и банкирский промысел. — СПб., 1993. — С. 14.

**Численность постоянного населения Российской Империи
по данным ЦСК МВД в 1897 г. и 1909–1914 гг. (на январь, тыс. человек)¹**

Регионы	1897 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Евр. Россия	94 244,1	116 505,5	118 690,6	120 558,0	122 550,7	125 683,8	128 864,3
Польша	9456,1	11 671,8	12 129,2	12 467,3	12 776,1	11 960,5	12 247,6
Кавказ	9354,8	11 392,4	11 735,1	12 037,2	12 288,1	12 512,8	12 921,7
Сибирь	5784,4	7878,5	8220,1	8719,2	9577,9	9788,4	10 000,7
Сред. Азия	7747,2	9631,3	9973,4	10 107,3	10 727,0	10 957,4	11 103,5
Финл.	2555,5	3015,7	3030,4	3084,4	3140,1	3196,7	3240,0
Всего	129 142,1	160 095,2	163 778,8	167 003,4	171059,9	174 009,6	178 378,8
Без Финл.	126 586,6	157 079,5	160 748,4	163 919,0	167 919,8	170 902,9	175 137,8

Согласно приведенной таблице за двадцать с небольшим лет правления Императора Николая II население России возросло почти на сорок процентов. Вообще за 100 лет (с 1810 по 1910 год) рост населения Европейской части России превысил рост населения в других странах Европы. Если население России увеличилось на 192 %, то в группе всех остальных стран Европы — на 102 %. Причем за 50 лет (с 1860 по 1910 год) рост населения России превышал рост населения Англии, Германии, Италии и Франции². При этом естественный прирост населения европейской России в 1913 году был примерно на 50 % выше, чем в 17 государствах Европы³. Естественный прирост населения постоянно увеличивался в период с 1896 года по 1913 год. Если в 1896–1900 годах среднегодовой естественный прирост составил 1661,5 тыс. человек, то в 1911–1913 годах — 2017,2 тыс. человек⁴. Бурное развитие российской промышленности в конце XIX — начале XX века оказало существенное влияние на рост городского населения. «С 1897 года по 1 января 1914 года численность городского населения России (без Польши) возросла на 8581,2 тыс. чел. или на 58,4 %... Население Петербурга увеличилось более, чем на 1 млн и составило 2,3 млн чел., население Москвы за тот же период увеличилось на 816 тыс. и составило 1,8 млн чел. Причем увеличение численности населения обеих столиц происходило не только за счет притока извне, но в известной мере за счет естественного прироста (то есть за счет превышения числа родившихся в городе над числом умерших)»⁵. При этом рост городского населения поглощал лишь небольшую часть естественного прироста сельского населения, тогда как в странах Западной Европы города не только поглощали весь естественный прирост сельского населения, но также и часть его основного состава. При Николае II Россия достигла самого высокого в своей истории уровня рождаемости. Одновременно снижались показатели смертности русского населения, хотя

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 16.

² Рашин А. Г. Население России за 100 лет. — М., 1956. — С. 49.

³ Там же. — С. 226.

⁴ Там же. — С. 163.

⁵ Там же. — С. 88, 112–116.

в этом отношении Россия уступала Западу (в основном за счет высокой смертности в детском возрасте до 5 лет).

Рост населения, свидетельствующий о жизненной силе нации и о наличии условий, дающих возможность прокормить возрастающее число жителей, сопровождался заметным повышением уровня благосостояния. Народный доход России вырос с 8 млрд руб. в 1894 году до 22 млрд в 1914 году, то есть почти в три раза. Количество товаров, отечественных и импортных, потребляемых внутренним рынком, более чем удвоилось за двадцать лет. Потребление сахара, к примеру, возросло с 25 млн пудов в год (8 фунтов на человека) в 1894 году до 81,7 млн пудов в год в 1913 году (19 фунтов на человека). Высокими темпами росли доходы промышленных и сельскохозяйственных рабочих. В среднем по европейской России годовой заработок сельскохозяйственных рабочих увеличился в 2,5 раза, промышленных — почти в 4 раза; «уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 % американского»¹ (с учетом цен на важнейшие пищевые продукты). Сумма вкладов населения в государственные сберегательные кассы удвоилась за предвоенное десятилетие². Доходная часть российского государственного бюджета увеличилась с 1200 млн (в 1894 году) до 3,5 млрд рублей к 1914 году³. Бюджет возрастал без введения новых налогов и без повышения старых, отражая рост народного хозяйства. Налоги в России, и прямые, и косвенные, были самыми низкими в мире.

Налоговое бремя в разных странах мира на одного жителя в 1913 г. (руб.)⁴

	Все налоги	Прямые налоги	Косвенные налоги
Россия	9	3	6
Англия	43	27	16
Франция	22	12	10
Германия	22	13	9
Австрия	21	10	11

Общая сумма налогов на одного жителя России была в два раза ниже, чем во Франции, Германии и Австрии и в четыре раза ниже, чем в Англии. Особенно низкими были прямые налоги. К слову сказать, в конце 1904 года, находясь в состоянии войны с Японией, Россия почти не ощущала экономических и финансовых затруднений. Налоги поступали как и в мирное время, а золотой запас Государственного банка возрос за год на 150 млн рублей (с 32,9 млн руб. на 01.01.1904 до 878,2 млн руб. на 01.01.1905)⁵. Хочется вспомнить

¹ Платонов О. А. История русского народа в XX веке. Т. 1. Гл. 3.

² Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 172.

³ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 498.

⁴ Платонов О. А. История русского народа в XX веке. Т. 1. Гл. 3.

⁵ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 260.

обязательства Государя Николая II, принятые им на себя при начале царствования: «...с твердою решимостью всецело приять на себя высокую задачу, которую предначертал себе незабвенный возлюбленный его родитель Император Александр III, посвятить все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклониться от вполне миролюбивой, твердой и прямотушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению»¹.

Миролюбие, которое В. О. Ключевский назвал «историческим призванием России», всегда полагалось в основу внешней политики русского правительства. Известно стремление Императора Александра III оградить Российскую Империю от военных столкновений. Император Николай II сделал в этом направлении следующий, весьма знаменательный шаг.

*Император Николай II
в кабинете в Нескучном саду. 1900 г.*

Провидя опасность мировой войны, как провидели ее многие, Николай II один оказался в состоянии поставить перед мировыми державами вопрос об ограничении вооружений. Нота русского правительства от 12 августа (1898 года), распространенная по всему миру, начиналась словами: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств»². В ноте было высказано предложение о созыве международной конференции для обсуждения мер по сохранению всеобщего мира. Несмотря на непонимание, с которым была

встречена правительствами государств мира русская нота 12 августа (и последующая за ней — от 30 декабря 1898 г.), конференция все-таки состоялась летом 1899 года в столице Голландии Гааге. Слова русского делегата барона Стааля: «Ограничения военного бюджета и вооружений — главная цель конференции; мы не говорим об утопиях, мы не предлагаем разоружения; мы хотим ограничения, остановки роста вооружений»³, — не были услышаны. Тем не менее Первая гаагская международная конференция положила начало всем последующим мирным конференциям XX века. Хотя на первой конференции 1899 года соглашения были достигнуты лишь по некоторым второстепенным пунктам, сама постановка вопроса на междуна-

¹ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 21. — СПб., 1897. — С. 125.

² Цит. по: С. С. Ольденбург. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 96.

³ Там же. — С. 104.

родном уровне была беспрецедентной. Американский президент Гардинг на Вашингтонской конференции 9 ноября 1921 года по вопросу о морских вооружениях сказал: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново. При этом случае быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского»¹.

Гаагская конференция показала, что рассчитывать на мирные разрешения международных конфликтов нельзя. Неизбежным выводом из неуспеха конференции была необходимость усиления военной мощи России. Еще с 1895 года Государь предвидел возможность военного столкновения с Японией за преобладание на Дальнем Востоке. Он всегда учитывал это как на дипломатическом уровне, так и на военном. В этой связи в первой половине царствования большое внимание уделялось строительству военно-морского флота и перевооружению армии, ускоренными темпами велось строительство Сибирской железной дороги. Однако темпы военных приготовлений России были много ниже по сравнению с японскими, чему было немало причин. Необходимость укрепления позиций русских войск на Дальнем Востоке не вызвала должного энтузиазма ни в лице министра финансов С. Ю. Витте, ни в лице военного министра А. Н. Куропаткина. Финансирование было явно недостаточным, распоряжения Николая II выполнялись крайне медленно и не в полном объеме. Было упущено время. В итоге Россия оказалась слабее подготовленной к войне. В правительственных кругах преобладало равнодушное отношение к надвигавшейся войне с Японией, в народных массах — непонимание целей этой войны. В русском обществе патриотический подъем первых месяцев войны быстро прошел ввиду неудач русских войск, уступив место совсем иным настроениям. Обыватель не считал Японию серьезным противником и в большинстве своем не мог понять, как мы не можем справиться с «какими-то» японцами. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться революционные партии, оседлав излюбленного антимонархического конька. Антивоенная агитация, политические убийства: финляндского генерал-губернатора Г. И. Бобрикова, министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Затем забастовка на Путиловском (военном) заводе, политическая провокация 9 января (так называемое «кровавое воскресенье»), ряд забастовок в других городах, военные бунты (броненосец «Потемкин»), ограбления банков, почтовых контор (ради добычи средств на нужды «революционного» движения, на покупку оружия, на пропаганду). Таковы были средства, пущенные в ход врагами самодержавия на фоне трагических событий русско-японской войны. В дестабилизации внутригосударственной жизни России безусловно были крайне заинтересованы ее военные противники, в первую очередь Япония. Ее военные и финансовые ресурсы были сильно истощены за один год войны, тогда как Россия не испытывала больших затруднений, используя свою военную мощь только на одну десятую часть. Частичные мобилизации коснулись всего одного миллиона призывных, что было не намного больше армии мирного времени. Тогда как Япония перед началом войны увеличила армию мирного времени в два

¹ Цит. по: С. С. *Ольденбург*. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 107–108.

Государь Император в автомобиле. 1910 г.

с половиной раза. Государь верил в Россию и не считал ее побежденной, он готов был продолжать войну. Мирные переговоры начались не по его инициативе. Переговоры начались по инициативе США и Германии. Никто не верил, что Япония согласится на условия, выдвинутые Николаем II. Но она согласилась. Никаких контрибуций, которые могли бы покрыть военные расходы, только материальное возмещение содержания русских военнопленных, и южная часть Сахалина при условии безвозмездного возвращения северной, — вот, собственно, все, что получила японская сторона.

Россия осталась в Азии великой державой. Ее хозяйственный механизм продолжал свое поступательное движение, практически не пострадав от войны. Была полностью достроена и введена в эксплуатацию на всех участках Сибирская железная дорога. О ней стоит сказать несколько слов отдельно. «В 1892 году Наследник Цесаревич назначен был председателем комитета Сибирской железной дороги, председательство в котором оставил за собою и по восшествии Своем на престол»¹. Закладка пути была произведена Наследником Николаем Александровичем во Владивостоке. Строилась дорога одновременно на нескольких участках.

Протяженность Великого Сибирского пути составила 8000 верст, это была самая длинная в мире железнодорожная линия. В процессе ее строительства были сооружены десятки тоннелей, сотни мостов и виадуков, в том числе мост через р. Амур длиной 2500 метров. Военно-стратегическое значение Великого Сибирского пути трудно переоценить: именно по нему

¹ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 21. — СПб., 1897. — С. 125.

осуществлялась переброска войск и военной техники на дальневосточный фронт. Но и хозяйственное значение этой дороги было велико. Лесные пространства русского севера и Сибири принадлежали казне. Даже при малоинтенсивной разработке они давали государству ежегодно несколько десятков млн рублей. Во время строительства Сибирского пути стало увеличиваться число переселенцев, быстрее стали развиваться города Сибири: Омск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток и др. В 1895 году был основан новый город Ново-Николаевск (в советские годы переименованный в Новосибирск). К 1914 году он насчитывал почти 100 тыс. жителей. Земельная реформа Столыпина способствовала увеличению потока переселенцев в несколько раз. Всего с 1894 по 1914 год в Сибирь из внутренних губерний переселилось около 4 млн человек. Их устройством занималось Переселенческое управление, бюджет которого вырос с менее одного миллиона рублей в 1894 году до тридцати миллионов рублей в 1914 году. Государь Император Николай II уделял исключительное внимание «большой азиатской программе» и во внешней и во внутренней политике. Население азиатской части России возросло за двадцать лет с 12 до 21,5 млн человек, при этом западной Сибири — с трех до семи млн человек¹. Еще в 1900 году указом от 12 июня Государь провел реформу об отмене ссылки на поселение в Сибирь, чтобы, как сказано в указе, «снять с Сибири тяжелое бремя местности, в течение веков наполненной людьми порочными». Указом 16 сентября 1906 года свободные земли Алтайского округа Сибири, состоявшие до того в личной собственности царствующего Императора, были переданы Переселенческому управлению для устройства безземельных и малоземельных крестьян европейской России. Крестьянам, как переселенцам, так и старожилам, было передано свыше 27 млн га плодородных земель на льготных условиях (земли переселенцам предоставлялись за почти номинальную плату 4 руб. с десятины с рассрочкой на 49 лет)². Государство всячески поддерживало переселенцев: освобождало от налогов на длительный срок, выделяло денежные пособия, обеспечивало бесплатный перевоз имущества в места нового проживания, снабжало сельскохозяйственными орудиями по умеренным ценам. К 1913 году крестьянство в Сибири было уже заметно зажиточнее, чем в европейской части России. Переселенческие потоки достигали и Дальнего Востока, и Туркестана. В жарком и сухом климате Туркестана успешно решалась проблема орошения земель. На площади в 100 тыс. десятин засушливой степи были созданы водохранилища, в которые собиралась вода реки Мургаб. В период с 1895 по 1910 год там была устроена хлопковая плантация площадью 25 тыс. десятин, разведены фруктовые сады, образовались поселения, освещаемые электричеством. В Самаркандской степи открыт был оросительный канал, получивший название Романовского. В год 300-летия Дома Романовых был отпущен 1 млрд руб. на оросительные и мелиорационные работы. Заселение и освоение новых земель требовало строительства новых железных дорог. Широкомасштабное железнодорожное строительство началось в России еще в 1861 году. Интенсивность развития железнодорожной сети по всей территории России видна из нижеприведенной таблицы.

¹ *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 513.

² Там же. — С. 514.

Железнодорожное строительство в России¹

Годы	Открыто для движения дорог (в верстах)		
	Казной 2158	Частными обществами 19078	Всего 21236
До 1880			
1881–1890	5 023	2 349	7 372
1891–1900	7 750	11 272	19 022
1901–1909	7 542	3 678	11 220
1910	1 177	468	1 645
1911	193	1386	1 579
1912	164	586	750
1913	733	248	981
	24 740	39 065	63 805

К 1917 году в России было в эксплуатации уже свыше 76 000 верст (1 верста = 1,067 км) и примерно 14 000 верст в постройке. Рост железнодорожного строительства сопровождался столь же интенсивным ростом паровозо- и вагоностроения. Отечественный железнодорожный парк пополнялся за счет отечественного же производства. Наиболее известные заводы транспортного машиностроения в Петербурге: Невский и Путиловский. В 1897 году быстроходный паровоз конструкции завода Путилова, развивавший скорость до ста верст в час, демонстрировался на парижской выставке. Паровозы и вагоны строились не только для внутренних потребностей, но и на экспорт. В Центрально-промышленном районе производством подвижного состава для железных дорог занимались Брянский, Коломенский и Сортовский заводы, на Юге — Луганский и Харьковский, на Урале — Боткинский. Рельсы также производились преимущественно на отечественных заводах, как для российских железных дорог, так и на экспорт. Развитие железнодорожной сети стимулировало рост добывающей промышленности, прежде всего — угольной и нефтяной отраслей.

Угольная промышленность России начала стремительно наращивать производительность с середины XIX века. Уже на Всероссийской выставке 1896 года (в Нижнем Новгороде) был отмечен рост добычи каменного угля с 230 млн пудов (в 1882 году) до 500 млн пудов. Председатель Нижегородского ярмарочного комитета С. Т. Морозов отметил, что «целые отрасли промышленности у нас могут с успехом заменить иностранцев»². Эти слова можно отнести и к каменноугольной отрасли. К 1913 году производство угля достигло 2,2 млрд пудов.

Главным центром добычи угля был Донецкий бассейн. Если в 1894 году он давал менее 300 млн пудов, то в 1913 году — свыше 1,5 млрд. Рост каменноугольной промышленности с самого начала сопровождался государственной поддержкой. Началась разработка новых залежей Кузнецкого

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 109.

² *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 61.

Государь Император осматривает автомобили

бассейна в Западной Сибири. Всего по России за двадцать лет добыча угля возросла более, чем вчетверо.

Нефтедобывающая промышленность в России начала развиваться в последней четверти XIX века. На этот период приходится особенно быстрый рост нефтедобычи, что связано с разработкой обильных нефтяных пластов Бакинских месторождений. К 1914 году Россия становится крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти, причем на экспорт шли продукты ее переработки (керосин, мазут), а не сырая нефть. В 1913 году по показателю добычи (10 млн т) Россия занимала второе место в мире после США. На экспорт шло свыше 700 тыс. т нефтепродуктов, что составляло 14 % мирового вывоза¹.

В период царствования Императора Николая II бурно развивалась и металлургическая промышленность. Центр черной металлургии перемещается с Урала на Юг России, где располагались Криворожское и Керченское месторождения железной руды. Постройка в 1880-х годах Екатерининской железной дороги, соединившей Кривой Рог с Донецким бассейном, дала толчок небывалому росту металлургической отрасли в этом районе. Южная металлургия по технической оснащенности, по технологичности и по производительности превосходила западноевропейскую, но отставала от США. «В 1912 году выплавка на одну печь на Юге России составляла 3,2 млн пудов, в Англии — 2 млн, в Германии — 2,6 млн, в США — 5 млн пудов»². Всего по России за предвоенное пятилетие рост суммы производства на одно предприятие металлической отрасли составил: 91,9 % (черная металлургия), 208,1 % (добыча железной руды), 75,4 % (цветная

¹ Платонов О. А. История русского народа в XX веке. Т. 1. Гл. 2.

² Там же.

металлургия)¹. За двадцать лет, с 1894 по 1914 год, выплавка чугуна увеличилась почти в 4 раза, выплавка меди — в 5 раз. Перед Первой мировой войной по производству чугуна Россия вышла на пятое место в мире, по производству стали — на четвертое. В предвоенный период наблюдается рост продукции металлообрабатывающей (главным образом машиностроительной) промышленности почти в два раза: с 330,7 млн рублей (в 1908 году) до 646,1 млн рублей (в 1913 году)². К 1913 году 63 % оборудования и средств производства, необходимых в промышленности, производились внутри страны. Соответственно, сократился импорт машинного оборудования. Сокращался ввоз сельскохозяйственных машин и оборудования за счет увеличения производства отечественной техники. Объем производства сельскохозяйственных машин в России за 1897–1912 годы увеличился почти в шесть раз: с 9,2 млн до 52,3 млн рублей. Промышленный рост сопровождается внушительным ростом производительности труда, в основном за счет технического перевооружения, а также за счет внедрения различных форм научной организации труда. В России создается своя школа научной организации труда, в периодической печати появляется серия статей по этой теме. К началу Первой мировой войны в России было 8 заводов, применявших научную организацию труда, тогда как, например, во Франции — лишь один. Государство, всячески поддерживая развивающуюся промышленность, в то же время ограждало рабочих от чрезмерной эксплуатации. Еще в 1896 году был издан закон 2 июня об ограничении рабочего времени. Для мужчин была установлена максимальная продолжительность рабочего дня не более 11,5 часов, а в субботу и в предпраздничные дни — не более 10 часов; 10-часовой предел вводился также для работ в ночное время. Норма ниже русской была в то время только в Австрии (11 часов) и в Швейцарии (10,5 часов). В Англии, Германии, США, Бельгии вообще не было законодательных ограничений труда для мужчин. В 1903 году в России был издан закон об установлении ответственности предпринимателей за несчастные случаи, по которому фабрикант освобождался от ответственности только в случае доказанной вины рабочего. Пострадавшему, в случае утраты трудоспособности, назначалась пенсия в размере двух третей заработка; на лечение выдавалось пособие в размере половины заработной платы.

Рост русского хозяйства в предвоенное десятилетие был настолько силен, что на русской промышленности почти не отразился мировой промышленный кризис 1907–1908 годов, поразивший США и европейские государства. За десять лет (1903–1913) «продукция всей нашей горной и фабрично-заводской промышленности почти удвоилась. В том числе за вторую половину этого периода, после мирового кризиса 1907–1908 годов, мы имеем средний ежегодный прирост не менее 10 %. Это блестящий темп для капиталистической страны. Но если взять 1905–1907 годы... то окажется, что в России за этот период мы имели, в среднем тоже свыше 10 % прироста в год, а в сумме за 2 года — 21,5 % прироста. В Германии

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 45.

² *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. — М.: Наука, 1966. — С. 453.

за те же два года индекс промышленной продукции вырос всего на 4,4 %, в США — на 5,4 %»¹. Некоторое сокращение производства по ряду отраслей в 1905–1909 годах сменилось резким подъемом 1910 и 1911 годов.

Итоги промышленности за 1903–1913 гг.²

Год	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность		Итого	
	число раб. (тыс.)	продукция (млн руб.)	число раб. (тыс.)	продукция (млн руб.)	число раб. (тыс.)	продукция (млн руб.)
1	2	3	4	5	6	7
1903	777	970	884	1421	1661	2391
1904	782	1099	863	1521	1645	2620
1905	786	1111	873	1392	1659	2503
1906	790	1145	909	1577	1699	2722
1907	826	1265	931	1776	1757	3041
1908	840	1187	976	1788	1816	2979
1909	841	1275	964	1812	1805	3087
1910	870	1359	1018	2172	1888	3531
1911	965	1495	1042	2307	2007	3802
1913	1034	1863	1060	2434	2094	4297
1914	1240	2237	1117	2526	2357	4763

Из отраслей легкой промышленности выделялось текстильное, в основном хлопчатобумажное производство. С развитием хлопководства в Туркестане снизилась зависимость России от ввоза хлопка. К 1913 году туркестанский хлопок покрывал половину потребности русских предприятий. Продукция ткацкой промышленности почти полностью обеспечивала потребности населения страны, но и импорт тканей увеличился в несколько раз, отражая возросший спрос. Из отраслей пищевкусовой промышленности наибольшее значение имели сахарная, мукомольная и маслодельная. По производству сахара Россия занимала второе место в мире, давая пятую часть его мирового производства. Богатейший выбор кондитерских изделий на любой вкус полностью удовлетворял спрос широких слоев населения. Своего расцвета достигло маслоделие. Прежде всего, это производство растительных масел: подсолнечного, льняного, конопляного, горчичного, хлопкового и др. Производство сливочного масла начало возрастать в связи с постройкой Сибирской железной дороги. Именно в Сибири начался интенсивный рост маслодельной промышленности. К 1910 году Россия стала крупнейшим в мире (после Дании) экспортером сливочного масла.

¹ Струмилин С. Г. Очерки экономической жизни России и СССР. — М.: Наука, 1966. — С. 450–451.

² Там же. — С. 451.

Производство сахара в 1913–1914 гг. (тыс. т)¹

Весь мир	8855
Россия	1724
США и Канада	675
Германия	2716
Франция	781
Италия	328

Благосостояние русского народа определялось прежде всего уровнем развития сельского хозяйства. Сельскохозяйственным трудом в России занималось свыше 75 % населения. Продукция сельского хозяйства являлась главным предметом экспорта. Россия считалась житницей Европы. Вследствие финансовой политики С. Ю. Витте, считавшего главной задачей индустриализацию народного хозяйства, в последнее десятилетие XIX века в сельском хозяйстве накопилось множество проблем, требующих неотложного решения. Война с Японией и революционная смута 1905–1907 годов задержали проведение преобразований, подготовленных большой предварительной работой. Рядом указов в августе-сентябре 1906 года был образован земельный фонд. Указом 5 октября 1906 года крестьянское сословие было уравнено с другими в отношении государственной и военной службы и поступления в учебные заведения. Начало земельной реформы было положено Императорским указом 9 ноября 1906 года. Указ предоставлял каждому крестьянину право выхода из общины. Крестьянин мог в любое время потребовать закрепления в личную собственность того участка земли, которым он фактически пользовался. Предприимчивым крестьянам открывались широкие возможности: они могли получить кредит в Крестьянском банке (согласно указу 19 октября) под залог своих земель и могли приобретать, на льготных условиях, новые участки из земельного фонда, состоявшего из нескольких млн десятин в европейской России и обширных площадей в Сибири (для переселенцев). При этом неприкосновенной оставалась жизнеспособная часть крупного землевладения, хотя земельный фонд пополнялся в немалой степени за счет скупки Крестьянским банком помещичьих земель. Процесс ликвидации крупного землевладения, в основном дворянского, с экономической точки зрения был негативным, поскольку снижал общую эффективность землепользования. Но дворянское сословие в значительной своей части перестало заниматься сельским хозяйством. Поэтому земельная реформа предполагала не только обеспечение крестьян собственной землей, но и меры по повышению производительности мелких хозяйств. «С аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России могут быть сопоставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог», — писал в «Русской Мысли» П. Б. Струве². Главная заслуга в осуществлении реформы принадлежит П. А. Столыпину. «Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной само-

¹ Платонов О. А. История русского народа в XX веке. Т. 1. Гл. 2.

² Цит. по: С. С. Ольденбург. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 413.

стоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание. Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящего его идеей, был всегда вопрос землеустройства. Не беспорядочная раздача земель,.. а признание неприкосновенности частной собственности и... создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»¹. Результаты реформы должны были сказаться не сразу. Но уже в 1908 году П. А. Столыпин в своей речи в Государственной Думе 5 декабря мог сказать: «Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; **не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина.** Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно сделало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой 3 200 000 десятин земли»². Законодательство по ст. 87 Основных законов, в данном случае, означало принятие закона 9 ноября без участия Государственной Думы, так как I Дума была распущена 9 июля 1906 году, а II Дума открылась только 20 февраля 1907 году. К 1911 году было подано уже свыше 2,6 млн прошений на передел или выделение земельных участков. К 1913 году наблюдается значительное улучшение в области сельского хозяйства. Повысилась производительность сельскохозяйственных угодий, увеличился экспорт сельскохозяйственной продукции. Государство выделяло немалые средства на оказание агрономической помощи крестьянскому населению, на распространение сельскохозяйственного образования. Так, «ассигнования из казны на эти цели возросли за 1908—1912 годы с 5702 тыс. до 21 880 тыс. рублей. В 1913 году они достигли уже 29 055 тыс. рублей... Открыто свыше 300 новых сельскохозяйственных учебных заведений, более 1000 курсов; проводятся чтение лекций, беседы по разным вопросам сельского хозяйства — в 20 тыс. пунктов; во всех губерниях европейской России организуется система опытных станций, полей, участков; на Кавказе и за Уралом их более 290; земства ввели институт участковых агрономов; приняты меры по поддержанию и улучшению животноводства, по распространению усовершенствованных машин и орудий, семян, посадочных материалов и удобрений; осуществляются меры по осушению и орошению земель и т. д... Значительное внимание обращается на развитие молочного хозяйства и в особенности маслоделия. В этой области сельского хозяйства достигнуты крупные успехи, как о том свидетельствуют нижеследующие данные о вывозной торговле маслом»³:

¹ Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной Думе...: 1906—1911. — М., 1991. — С. 99—100.

² Там же. — С. 178.

³ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 59—61.

Вывезено масла	в 1901 г.	в среднем за год		в 1912 г.	в 1913 г.
		в 1902—1907 гг.	в 1907—1911 гг.		
тыс. пудов	1968	2575	3675	4422	4736
на сумму (тыс. руб.)	26 434	33 329	52 997	68 074	71 159

Для подготовки опытных руководителей в данной области был открыт молочно-хозяйственный институт в г. Вологде. К этому времени уже действовали такие высшие сельскохозяйственные учебные заведения, как Лесная академия в Москве, Петровская земледельческая академия, Петербургский земледельческий институт, Новоалександровский институт сельского хозяйства. Всего в России в 1913—1914 годах было 10 высших государственных сельскохозяйственных учебных заведений (6 земледельческих и 4 ветеринарных). В 1913 году по сбору главных сельскохозяйственных культур Россия вышла на первое место в мире. Было выращено около половины мирового производства ржи, четвертая часть пшеницы, почти четвертая часть овса, около двух пятых ячменя, шестая часть картофеля. Очень высокими были показатели экспорта яиц (3572 млн штук) и льна (16 632 тыс. пудов)¹. На долю России приходилось две пятых мирового вывоза сельскохозяйственной продукции. Это был практический ответ всем оппозиционным силам существующего государственного устройства. Здесь уместно вспомнить знаменитые слова П. А. Столыпина: «В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. **Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!**»² В целом, начало XX века было отмечено устойчивым превышением экспорта над импортом. В то же время Россия вывозила не более 6—8 % своей продукции, доля же ее в мировом импорте составляла всего 3,5 %³. Таким образом, Российская Империя практически обеспечивала сама себя всем необходимым. После 1906 года чрезвычайно быстро начала развиваться кооперация, и в виде торговой организации, и в виде кредитных обществ. К 1912 году число кооперативов приблизилось к семи тысячам, за пять лет их число увеличилось в шесть раз, причем количество сельских кооперативов увеличилось в двенадцать раз, составив две трети от общего числа. Отдельные кооперативы имели обороты по несколько миллионов рублей. Московский союз потребительных обществ, включавший 800 кооперативов, в 1914 году имел общий оборот в 10,5 млн рублей и занимал пятое место среди кооперативных объединений Европы. Кредитные кооперативы с 1905 по 1914 год увеличили свой основной капитал в 7 раз. В мае 1912 года открылся Московский Народный Банк, акционерами которого на 85 % были кредитные кооперативы. Кредитная кооперация получила такое

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 213.

² Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной Думе...: 1906—1911. — М., 1991. — С. 96.

³ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 210.

быстрое развитие благодаря широкой финансовой поддержке государства. Ссуды Государственного банка органам мелкого кредита достигали сотен миллионов рублей.

Нельзя обойти вниманием и такой важный вопрос, как дело народного образования. Царское правительство придавало этому вопросу большое значение, что выразилось, прежде всего, в постоянном росте размеров финансирования Министерства народного просвещения. Внимание, главным образом, уделялось начальному и среднему образованию. Бюджет МНП с 33,1 млн рублей в 1901 году увеличился до 142,7 млн рублей в 1913 году¹. На нужды образования, в том числе профессионального, расходовали также средства: Святейший Синод (на содержание церковно-приходских школ и школ грамотности), Министерства торговли и промышленности, финансов, земледелия, Военное и Морское ведомства, земства, сельские и городские общества, частные лица (например, в Петербурге на средства банкира А. Штиглица было открыто художественное училище технического рисования, носившее до 1917 года его имя, в советское время переименованное в училище им. В. Мухомовой). «В 1906 году Министерством народного просвещения был выработан проект введения всеобщего обучения. ...основные начала министерского проекта получили 3 мая 1908 года силу закона, и с этого времени начинается широкий отпуск средств на народное образование и планомерное открытие школ, имеющее своей конечной целью обеспечить доступность начального обучения для всего населения Империи ...русская начальная народная школа, ...ныне поддерживаемая крупными отпусками из средств казны, развивается в центральных великорусских и малороссийских губерниях достаточно быстрым ходом при должном взаимодействии правительства и местных организаций, ...достижение здесь в недалеком будущем общедоступности начального обучения можно считать обеспеченным»². Министерство народного просвещения ставило также ближайшей задачей распространение сети русских начальных школ на окраинах Империи и в тех местностях, где преобладало нерусское население. В России в 1913–1914 годах действовало 63 государственных высших учебных заведения (в том числе 10 университетов) и 54 общественных и частных, в которых обучалось 123,5 тыс. студентов практически из всех сословий Российской Империи.

Стремительный экономический рост государства не заслонял в то же время негативных сторон хозяйственной жизни. Несмотря на растущие военные расходы и ежегодное повышение кредитов на нужды образования, бюджет оставался бездефицитным. Но значительная часть государственного дохода поступала от введенной со второй половины 1890-х годов казенной винной монополии. Повышение доходов населения с одной стороны, «отхождение крестьянского населения от храма, ослабление, особенно в молодом поколении, религиозно-нравственных начал»³ с другой, вызывало увеличение пьянства. Участились случаи хулиганства в деревнях и городах. Появились трезвеннические организации, как реакция на падение нравов.

¹ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 342, 344.

² Там же. — С. 343, 344.

³ Фирсов С. Церковь в Империи. — СПб., 2007. — С. 138.

Источник зла видели в казенной винной лавке, хотя частные кабаки скорее способствовали распространению пьянства. Вопрос о запретительных мерах дошел до обсуждения в Государственной Думе. Но министр финансов В. Н. Коковцев не верил в эффективность таких мер против пьянства и заботился о том, чтобы подобные меры не принесли ущерба госбюджету. Государь придерживался другого мнения и считал долгом царской власти начать борьбу с этим пороком. В результате Коковцев получил отставку в конце января 1914 года. 19 июля Германия объявила войну России. Государь воспользовался первыми днями войны, чтобы провести реформу о запрещении продажи спиртных напитков. Сначала запрет был введен, как обычная мера, сопровождающая мобилизацию. 22 августа было объявлено о продлении запрета (на водку, вино и пиво) на все время войны. В начале сентября, принимая Великого Князя Константина Константиновича в качестве представителя Союзов трезвенников, Николай II объявил о своем решении навсегда запретить в России казенную продажу водки. Ни в одной стране мира до 1914 года не принимались такие решительные меры по борьбе с пьянством. Государство таким образом отказывалось от одного из самых крупных своих доходов. Несмотря на появившееся самогоноварение, потребление спирта в России в первые годы войны уменьшилось в несколько раз.

В России на рубеже веков было положено начало совершенно новым направлениям промышленного производства. Это электротехническая, химическая, автостроительная, авиастроительная отрасли, строительство подводных лодок. Начало Первой мировой войны дало толчок ускоренному развитию некоторых отраслей, например автомобилестроению. Первые попытки создания в России самодвижущейся сухопутной техники начались еще в первой половине XIX века. Первый русский автомобиль с двигателем внутреннего сгорания мощностью в 2 л. с. был представлен на Нижегородской выставке в 1896 году, но большого интереса не вызвал. Тем не менее к концу века насчитывалось уже некоторое число автозаводов, выпускавших от нескольких единиц до нескольких сотен единиц автомобилей в год. Автомобили Русско-Балтийского вагонного завода (РБВЗ) показывали высокие ходовые качества, неоднократно участвовали в различных автопробегах, выдерживая конкуренцию с иностранными моделями. Например, в 1910 году в пробеге с нагрузкой в 5 человек по сложному маршруту Петербург—Неаполь—Петербург (свыше 10 тыс. км) автомобиль не выявил никаких неполадок¹. В 1915 году на высшем государственном уровне было принято решение о создании отечественной автомобильной индустрии, основу которой в первое время должны были составить шесть наиболее перспективных предприятий: завод «Автомобильного московского общества» (АМО), АО «В. А. Лебедев» в Ярославле, АО «Русский Рено» в Рыбинске, АО «Аксай» в Ростове-на-Дону, Русско-Балтийский завод (переведенный в начале Первой мировой войны из Риги в Москву) и завод «Бекас» в Мытищах. Между Главным военно-техническим управлением и АО «Кузнецов, Рябушинские и К°» 27 февраля 1915 года был заключен договор о строительстве и пуске первого автомобильного завода в Москве.

¹ www.avtomash.ru/pred/prom/2007120905.htm.

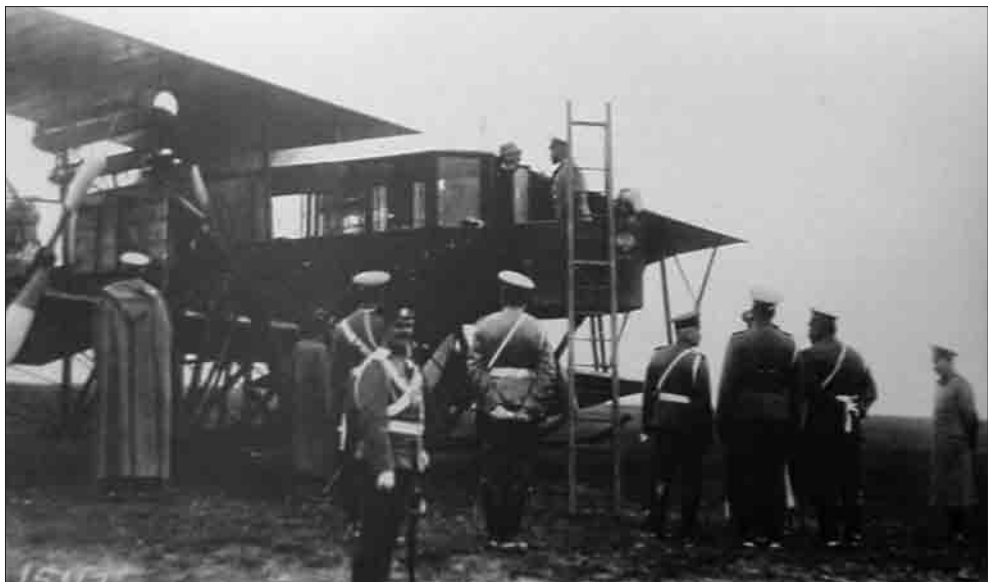
Предприятие должно было производить полутоннажные грузовики по итальянской лицензии «ФИАТ–15 ter». С целью постройки завода 20 июня 1916 года было организовано «Автомобильное московское общество» (АМО). На должность директора будущего завода был приглашен Д. Д. Бондарев, бывший к началу Первой мировой войны директором завода «Промет» в Петербурге. Привлечено было также много талантливых специалистов из других отраслей. Место для постройки завода было выбрано на берегу р. Москвы. Строительство велось весьма интенсивно. Газета «Русские ведомости» от 21 июля 1916 года писала: «...в постройке находятся три крупных главных корпуса... Рядом с заводскими корпусами в сосновом бору строится рабочий поселок: большие здания для квартир служащих и холостых рабочих и отдельные домики, с садом и огородом, для семейных рабочих... К осени постройка должна закончиться, а весной должен быть выстроен первый автомобиль». Заведующий Главным военно-техническим управлением генерал-майор Г. Г. Кривошеин 23 августа 1916 года осмотрел строительство завода АМО и нашел его вполне удовлетворительным. Срок пуска завода был запланирован на март 1917 года. Но строительство задерживалось по причине военного времени. Например, осенью 1916 года германскими подводными лодками были потоплены два судна с грузом станочного оборудования для АМО. Тем не менее в апреле 1917 года строительство завода было в основном завершено. Но события революционного времени на несколько лет задержали начало производства. Некоторое время в корпусах завода пытались наладить ремонт иностранных автомобилей. Выпуск первого, созданного на заводе АМО, автомобиля произошел 1 ноября 1924 года. Впоследствии завод был переименован: в 1931 году он получил название ЗИС (завод имени Сталина), а в 1956 году — ЗИЛ (завод имени Лихачева). Примеров, подобных истории с заводом АМО, множество. Брянский машиностроительный завод, одно из старейших предприятий России, основанный в 1873 году как «Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода», существует до настоящего времени; завод разрабатывает и выпускает тепловозы, грузовые вагоны различных типов, судовые дизели и другую продукцию. Возвращаясь к автомобилестроению добавим, что до 1917 года в отечественной промышленности автомобили выпускались еще такими фирмами, как «П. А. Фрезе и К^о», АО «Г. А. Лесснер», Товарищество «Политехник», «П. Д. Яковлев», «К. Крюммель», «И. П. Пузырев» (в Санкт-Петербурге), «Братья Крыловы и К^о» и др. В конце XIX века в России появились реальные условия для создания самоходных машин на электрическом ходу. По проекту инженера И. В. Романова строились первые отечественные электромобили (акционерным обществом «П. А. Фрезе» — одним из создателей первого русского автомобиля с ДВС). Первый трамвай в Российской Империи пустили 2 мая 1892 года в Киеве, его создатель — инженер А. Е. Струве. Несколько позднее трамвайное движение открыли в Н. Новгороде, Витебске, Курске, Одессе, Казани, Твери, Москве и Петербурге, в 1912 году — во Владивостоке. До 1917 года в Петербурге появилась уникальная пригородная линия в Стрельну, Петергоф и Ораниенбаум.

С 1881 года начал работу Воздухоплавательный отдел Императорского русского технического общества, открылись Петербургский, Севастопольский, Владивостокский частные аэроклубы, закупавшие французские само-

леты. Было организовано Московское общество воздухоплавания, совершен первый групповой перелет на частных самолетах из Петербурга в Москву. 30 января 1910 года был образован Отдел воздушного флота при Особом комитете по усилению воздушного флота. Эту дату принято считать днем рождения нового рода войск: отечественных Военно-воздушных сил. В России началась подготовка летных кадров. Еще до начала Первой мировой войны военное ведомство обучило около 300 летчиков. Основными центрами подготовки были военные авиационные школы в Гатчине и Севастополе. Подготовка велась также при аэроклубах Петрограда, Москвы и Одессы. Большую роль в подготовке летного состава сыграли теоретические курсы авиации при Московском высшем техническом училище (Императорское техническое училище), созданные в октябре 1914 года по инициативе Н. Е. Жуковского. Назначение курсов: теоретическая и практическая подготовка будущих летчиков, летчиков-наблюдателей и мотористов. Теоретические курсы были открыты также при кораблестроительном факультете Петербургского политехнического института. С середины 1916 года школа авиации Московского общества воздухоплавания, теоретические курсы при МВТУ и частная школа А. А. Анатры (Одесса) были подчинены Управлению военно-воздушного флота и реорганизованы в военные школы, по окончании которых слушатели получали звание прапорщика. Всего к 1917 году в России насчитывалось 12 летных школ, включая школы летчиков-наблюдателей. С 1909 года начинается производство самолетов на отечественных заводах «Дукс», «Первое Российское товарищество воздухоплавания С. С. Щетинин и К^о», «Русско-Балтийский вагонный завод». Первое специализированное авиастроительное предприятие в России «Первое Российское товарищество воздухоплавания С. С. Щетинин и К^о» было основано в июле 1909 года. Производство самолетов началось в 1910 году с постройки бипланов «Россия-А» и монопланов «Россия-Б», было изготовлено по 5 экземпляров машин. Затем завод занимался выпуском самолетов французских моделей. По заказу Военного ведомства с 1910 по 1917 год выпущено 1300 самолетов. В годы Первой мировой войны Военному ведомству было сдано 1569 самолетов (французского проекта «Farman-IV») и гидропланов, выпущенных заводом «Дукс» (в 1919 году завод был переименован в Государственный авиационный завод № 1 — ГАЗ № 1)¹. Таганрогский авиационный завод АО «В. А. Лебедев и К^о» (в настоящее время ОАО «ТАВИА»), основанный в 1916 году, уже в 1917 году становится крупнейшим по производственной площади авиационным заводом в России. Этот завод в основном специализировался по постройке гидросамолетов. В условиях Первой мировой войны завод в рекордные сроки организовал производство, осуществляя сборку французских и английских самолетов, а также выпуск отечественных двухместных самолетов-разведчиков «Лебедь-12» (конструктор Л. Д. Колпаков-Мирошниченко). Всего к 1917 году В. А. Лебедев открыл пять самолетостроительных заводов в разных городах (Петрограде, Ярославле, Рыбинске, Пензе, Таганроге)². В апреле 1913 года И. И. Сикорский поднял в воздух первый четырехмоторный биплан собственной конструкции С-9 «Гранд». 25 июня самолет, совершивший посадку в Царском

¹ ru.wikipedia.org/wiki/ГАЗ-№1.

² www.taganrog-avia.com./istor.htm.

*Император Николай II осматривает самолет
И. Сикорского в Царском Селе. 25 июня 1913 г.*

Селе, осматривал Император Николай II и остался доволен увиденным. И. Сикорский получил от Николая II памятный подарок — золотые часы. Позднее, после небольших доработок, машину переименовали в «Русский витязь». Следующая модификация четырехмоторного самолета, получившая название «Илья Муромец», была построена в октябре 1913 года. Эта модель на несколько лет опередила аналогичные разработки за рубежом (первые тяжелые бомбардировщики появились у союзников только в 1916 году). 28 февраля 1914 года Военный Совет утвердил представление Главного военно-технического управления о заказе «Русско-Балтийскому вагонному заводу» десяти самолетов «Илья Муромец». 16–17 июня второй самолет этого типа «Илья Муромец Киевский» под управлением И. Сикорского совершил рекордный перелет Санкт-Петербург—Киев с одной промежуточной посадкой в Орше. 1280 км было преодолено за 13 часов 5 минут. В ходе серийной перестройки, продолжавшейся до конца войны, самолет неоднократно модернизировался, менялись двигатели, усиливалось бомбардировочное и пулеметное вооружение. Всего было построено 79 самолетов типа «Илья Муромец» серий «Б», «Г», «Д» и «Е». В ходе войны была значительно усовершенствована русская морская авиация. К лету 1914 года на Балтике имелось несколько авиастанций для гидросамолетов. В 1916 году на вооружении было: на Балтийском море — 40 гидросамолетов, на Черном море — 45, объединенных в авиаотряды. На черноморском ТВД из 10-ти авиаотрядов 3 были корабельными. В начале 1915 года Черноморский военный флот получил авиатранспорты «Император Николай I» и «Император Александр I», переоборудованные из броненосцев. На Балтике имелся один авиатранспорт «Орлица», переоборудованный из парохода и введенный в строй в феврале 1915 года. Германия в 1915 году имела 2 авиатранспорта и 7 авиастанций. Россия в годы Первой мировой войны создала достаточно сильный и многочисленный воздушный флот. Спектр его боевой деятель-

ности был широк: воздушная разведка с фотографированием, корректировка артиллерийского огня, бомбометание, воздушный бой, борьба с подводными лодками, обнаружение мин, штурмовые действия против наземных войск. За годы войны вооруженные силы России получили 6812 самолетов и 5511 двигателей, из которых 5012 самолетов и 1800 двигателей отечественного производства, остальные закуплены во Франции, Италии и Англии¹. Если говорить о вооружении России в целом, то к 1916 году оно было уже вполне удовлетворительно. К концу 1916 года военное снабжение возросло в огромных размерах. Производство ружей удвоилось по сравнению с 1914 годом и составило 110 тыс. штук в месяц, производство пулеметов возросло в шесть раз (900 штук в месяц), производство легких орудий — в девять раз (665 в месяц), производство 3-дюймовых снарядов — в шестнадцать раз (1,6 млн вместо 0,1 млн штук), по другим же сведениям производство снарядов возросло с 50 тыс. (в месяц) перед войной до 2 млн в 1916 г., то есть в 40 раз. В 4 раза возросло производство тяжелых орудий, в три раза производство самолетов. С конца 1915 года Россия начала получать в возрастающих размерах вооружение из-за границы. Для обеспечения иностранного ввоза оружия и военного оборудования в начале войны было начато строительство 16 000 км железных дорог, к концу 1917 года было достроено 12 000 км. На ТВД были построены новые стратегические железнодорожные ветки для переброски войск и вооружения, в том числе Мурманская железная дорога протяженностью 1050 км (самая северная железная дорога в мире). Постройка Мурманской дороги, несмотря на огромные трудности, была осуществлена в рекордный срок 20 месяцев (с марта 1915 года по ноябрь 1916 год). Увеличилась добыча топлива: угля с 1946 млн пудов (1914 год) до 2092 млн пудов (1916 год), нефти с 550 млн до 602 млн пудов. Площадь посевных площадей под хлопком увеличилась с 430 тыс. до 534 тыс. десятин. Численность армии возросла до 8-ми млн, включая тыловые части. Строились новые сверх-дредноуты для Балтийского и Черноморского флотов. Россия блестяще справлялась и с финансированием военных расходов. Кроме того, Россия добилась от союзников, после долгих дипломатических переговоров, окончательного признания своих прав на Константинополь и проливы (Босфор и Дарданеллы)². Россия была на пороге победы, об этом говорят факты. И не только факты, но и противники, и союзники России в этой войне. Например, У. Черчилль пишет: «Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение. Гигантская машина скрипела и стонала. Но она продолжала работать. Еще одно усилие и победа должна прийти. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти — в глазах Царя это значило вызвать немедленный развал. Досужим критикам, никогда не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чем-то простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе от самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю... Сама негибкость строя придавала ему мощь... Са-

¹ www.transport.ru/2-period/wflota/96-/antosh.htm.

² *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 590–592.

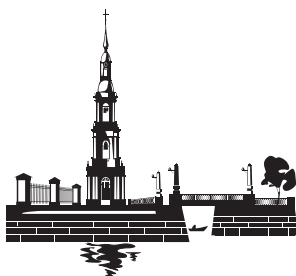
модержавный Царь, какие бы ни бывали прискорбные упущения, повелевал Россией. Никто не может доказать, что власть на три четверти или на половину царская, а на остальную долю парламентская, могла бы чем-либо вообще повелевать в подобные времена»¹. Недовольство существующим государственным строем тоже являлось фактом, и фактом прискорбным. Лозунг «Отечество в опасности!» трактовался с самых противоположных точек зрения. В 1917 году русская военная мощь должна была достичь высшей точки. «Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что он при невероятно тяжелых условиях довел Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог»². Самый краткий обзор экономического прогресса России показывает, что потенциал ее был далеко не исчерпан. И причины последующего тяжкого поражения ее могучего организма были, безусловно, не экономические, а духовные. Сокрушение самодержавного порядка действительно вызвало «немедленный развал» всех областей внутренней жизни, из которого страна потом долго выбиралась. Причем выбиралась, используя хозяйственный задел, созданный в бытность ее Российской Империей.

У. Черчилль, бывший во время русской революции английским военным министром, впоследствии высказался в своей книге «The world crisis. 1916–1918» так: «Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. *Силу Российской Империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна*»³.

¹ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — СПб., 1991. — С. 600–601.

² Там же. — С. 642.

³ Там же. — С. 643.

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

СТРОИТЬ НА ВЕЧНОМ

*Консервативный поворот
как неизбежность*

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль» и др. Работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2002 г. — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». С 2009 г. гл. редактор журнала «Однако». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему «победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Консерватизм — понятие, с одной стороны, чрезвычайно широкое и неопределенное, с другой стороны, чрезвычайно узкое. Поэтому вообще разговор о консерватизме — это разговор ни о чем. Консерваторов воспринимают, в основном, как правых, это естественно. В чем идея, грубо говоря, правых консерваторов? В том, что они ищут фундаментальных смыслов, ищут выходов в прошлом, в традиции. Левые ищут в будущем, в том, чего нет на самом деле. А либералы не ищут ни в чем, они живут сегодняшним днем. Это такая очень примитивная, но верная политическая ссылка.

У либералов не существует ни прошлого, ни будущего. Это очень легко проверить на наших либералах, они у нас дистиллированы чистые, не замутненные ничем, кроме национального предательства. Потому что для либералов не существует понятия национального предательства, потому что у них не существует прошлого. Таким образом, не существует истории, не существует обязательства перед предками, ничего не существует — это даже не предательство, это прагматизм.

Вообще, что имеется в виду под консерватизмом, если рассматривать это не как ругательство, а как некую позитивную логику? Ну, во-первых, ничто не появляется из ничего. Я много раз говорил, что вот моя концепция общества и человека, и государства состоит в том, что человек отличается от животного тем, что он имеет прошлое, память, обязательства и так далее. Это и

есть собственно структура человека социального — это его прошлое, и оно опять же самое ценное.

Но когда говорят «консервативная революция», некоторые смеются над этим, хотя это абсолютно, совершенно очевидные вещи. Мир знает огромное количество успешных консервативных революций, практически все успешные революции были консервативными. Даже большевистская революция была консервативной, это банальная вещь опять же, что большевики во многом воспроизводили социально-культурный, социально-религиозный стереотипы традиционной Руси. И благодаря этому только и были успешны, потому что то, что они придумали, не было абсолютной конструкцией, умозрительной такой (конструктивизмом), а это было некое воплощение традиции в новой форме. То же самое и здесь.

С другой стороны новые формы. Дело в том, что консерватизм (такой позитивный консерватизм) ищет в истории, в прошлом и в настоящем не прошлое, то, что было и прошло, а вечное, то есть некие фундаментальные вечные ценности. Консервативная революция — это попытка построить на вечном. Не на случайном, не на привнесенном, не на заимствованном, а на вечном. Дальше уже очень важная задача отделения прошлого от вечного — что в каждом элементе прошлого прошло, а что может остаться в политической системе, в социальной системе, в культуре, в ценностях, в традициях и так далее.

Взгляд на историю может быть только один, если это взгляд на историю, если это не есть актуальные политические манипуляции. Взгляд на историю как на единый исторический процесс. Он не может быть никаким другим. Это взгляд на единый исторический процесс, где существует определенная цивилизация. Грубо говоря, мы знаем, что на этой земле, условно, двадцать веков назад тоже проживали какие-то другие люди. Но от них строить историческую преемственность невозможно, находясь в здравом уме и твердой памяти.

Не будучи украинцем национально «свидомым», делать этого невозможно. Для этого надо быть украинцем «западенцем», который строит свою историческую преемственность от событий и людей, которых никогда не существовало в природе. Но с момента появления этой цивилизации, это уже непрерывный исторический процесс.

Если говорить о русской истории, кратко ее охарактеризовать, то русская история великая и трагическая, как и всякая великая история. Уважение, внимание и понимание катастрофы и трагедии в истории собственной страны не менее значимо и не менее величественно, чем внимание и уважение к триумфу.

Существуют разные пласты истории, существует так называемое патриотическое воспитание, которым занимаются все страны, которые являются субъектами историческими и которые формируют такое же субъектное общество. Это, в общем, сказки и мифы. Когда нас начинают ругать, что мы что-то там переписываем, мифологизируем, российская история мифологизирована на порядки меньше, чем лю-

бая история любой известной нам страны (европейская, неевропейская). Потому что она подвергалась переосмыслению за последний обозримый период столько раз, сколько никто, никогда и нигде этого не делал.

Не может быть в России дееспособной власти, которая отдаст Севастополь. Не может быть! Без боя Севастополь отдать нельзя. Я сейчас совершенно не касаюсь плоскости отношений с братской Украиной, с которой я не представляю себе никакой войны, потому что нельзя воевать с самим собой.

Повторяю, что консерватизм всегда опирается на традицию, а традиция всегда национальна, она является тем корнем, из которого произрастает достаточно сложная политическая конструкция. Именно поэтому консерватизм в гораздо меньшей степени универсален, чем все остальные политические направления. С этой точки зрения, он очень слабо сводим к «левому» и «правому». Так, например, в западной политической традиции консерватизм чаще связан с правыми течениями, в отечественной же всегда было очень сильно социальное направление. На чем же вообще основывается консервативное мировоззрение? Повторюсь, на том, чем человек отличается от животного: тем, что у него есть память и, что очень важно, есть свои мертвые. У животных мертвых нет, а у человеческого общества, в отличие от стаи, есть историческая память.

Другой очень важной чертой консервативного сознания является историчность мышления. То есть понимания, что все процессы имеют некий корень, могут изгибаться в своем историческом развитии, как ветка дерева, ветка же не может расти из ничего, она растет от корня. И покуда существует это дерево (данная конкретная цивилизация), у него есть корень. Когда мы говорим о русском консерватизме, то имеем в виду некий набор таких исторических ценностей, на основе которых формировалась наша цивилизация. В первую очередь, это религиозные ценности как самые базовые. С другой стороны, это геополитические ценности, которые в некотором роде являются производными ценностей религиозных, более того, как мне кажется, эти базовые ценности тесно взаимосвязаны друг с другом. Это — Православие и Империя. И здесь возникает вопрос консервативного отношения к государству. Что мы понимаем под государством? Какое нам нужно государство и зачем оно нужно?

Я не буду пересказывать либеральные концепции государства как ночного сторожа, будучи уверен, что в историческом плане настоящее государство нужно для того, чтобы выиграть войну во всех ее смыслах. Необязательно выигрывать ее на поле боя, напротив, когда ты строишь государство, у которого основная задача — выиграть войну, существует большая вероятность, что воевать не придется.

Что же такое Империя? Это — сакральное государство, само по себе являющееся одной из основных ценностей данного общества и задачей всех граждан которого является служение этому государст-

ву. Разумеется, при таком восприятии государства вся система институтов, принципы отбора элит и так далее, строятся по вполне определенному критерию — верности Империи.

Теперь несколько слов о кризисе. Я не буду рассказывать банальные вещи о том, что мы считаем этот кризис системным. Системный кризис — это кризис системы, из которого система выйти в существующем виде не может. Потому что смысл такого кризиса в том, что данной системе пришел конец. А если системе пришел конец, значит, из этого кризиса вообще нет выхода по определению. Таким образом, если мы согласны с тем, что нынешний кризис — не только экономический, но и социальный, мировоззренческий, ценностный, религиозный и т. д., то это означает необходимость трансформации системы. Другое дело, что данная трансформация может проходить быстрыми катастрофическими путями (крах системы), это может быть и некая деформация, эволюция системы. Но в любом случае на выходе это будет другая система. И разные элементы, то есть разные цивилизации, разные мировые силы будут выходить из этого кризиса с разной динамикой и разными путями. При этом некоторые, наверное, придут к завершению своего цикла.

Отмечу, что сейчас мы говорим не об экономической, а о социальной системе, в основе которой лежат западные ценности — эгалитарный гуманизм, то есть идея о том, что, во-первых, человек стоит в центре всего, а во-вторых, все люди равны. С консервативной точки зрения, это бунт против Бога. И демократия, первоначально родившаяся как форма власти среди реально более или менее равных людей, эволюционировала в сторону того, чтобы признать формально равными реально неравных людей. И чем дальше она идет в этом развитии, тем больше входит в противоречие сама с собой. Очевидно, что подобная система работать не может, соответственно, появляется система преодоления этого псевдоравенства, то есть имитация. Нужно сказать, что современная демократия дошла до высших форм этой имитации, она имитирует практически все, публичная политика сначала отделяется от реальной, а потом уничтожается вовсе. В итоге, как правильно говорит наш французский друг Ален де Бенуа, в современном обществе политики нет вообще. Оказалось, что эта система не способна реагировать на вызовы, при этом, как и советская система, она оказалась бессильной не только перед экономическими вызовами, но перед всеми вызовами вообще. Она дошла до такого состояния, что любой вызов вызывал в ней системный сбой.

И здесь нужно сделать оговорку, что, безусловно, существует некая непубличная стратегическая власть, которая не выходит в сферу демократии. Но проблема заключается в том, что она не способна действовать в полном противоречии со своей публичной маской, и это вызывает немедленную катастрофу, потому что имитация рушится. То есть действия, для которых нужно демонтировать демократические формы управления народом, гамильтоновскую мечту о демо-

кратии как способе обуздания великого чудовища, недоступны для этой власти. Люди же, готовые и способные к подобным решениям, отсеиваются еще на уровне кадрового отбора.

Но вернемся к нынешнему вызову — кризису, благодаря которому у нас появляется некий «чистый лист», возможность освобождения от той модели, которой, по большому счету, мы не так уж долго и увлекались. Ведь если мы возьмем нашу предыдущую, «красную» модель, то и ее, с одной стороны, можно считать самобытно русской и консервативной. Хотя, конечно, с другой стороны, она являлась имитационной моделью в самых примитивных формах. И вот сейчас у нас появилась возможность перейти к совершенно иной — консервативной общественной формации. Почему я считаю, что именно консервативный подход позитивен? Потому что, если мы считаем, что ничего не появляется ниоткуда, то все элементы этой конструкции есть в нашем прошлом. И выстраивать ее надо именно из этого прошлого.

Нужно заметить, что консерватизм тоже бывает разный. С одной стороны, существует чисто охранительный «победоносцевский» консерватизм, с другой, — то, что называется «консервативной революцией», когда, исходя из традиционных ценностей, выстраиваются совершенно новые институты. На мой взгляд, чисто охранительный консерватизм у нас не работает потому, что в нашей традиции есть вещи, которые связаны не только с непримиримыми логическими противоречиями, но и с непримиримыми физическими противоречиями (по причине непримиримости мировоззрений их носители привыкли убивать друг друга). В качестве примера подобного стихийного, но довольно последовательного эмоционального консерватизма, можно привести попытку нашей власти выстроить образ прошлого, склеив его буквально по кусочкам. Однако даже в наш Государственный гимн проникла идея сакральности государства: «Россия — священная наша держава». А ведь Государственный гимн является частью Основного закона. Так что можно смело говорить о том, что сакральное понимание государства является основополагающим обязательным актом.

И в заключение хотелось бы еще раз повторить, что имитационное, а, следовательно, совершенно антиконсервативное по своему смыслу социальное строительство зашло в тупик. И, скажем прямо, я, по большому счету, не очень расстраиваюсь по поводу абсолютной бессодержательности нашей современной политики, поскольку ее возможности резко ограничены во времени. С исторической же точки зрения они уже закончились. И тот консервативный поворот, который нам предстоит сделать, крайне радикален. Но, к сожалению, для того, чтобы наибольшее количество людей, лояльно мотивированных к собственной стране в структурах власти, убедились в том, что у этого поворота нет альтернативы, нужно лбом удариться об стену. Да, конечно, это затратно. Да, мы тратим время и ресурсы, которые могли бы дать нам лучшие стартовые условия. Но, наверное, этого не избежать.

Лариса КУДРЯШОВА

«МОЛИТВЫ БЛАГОСТЬ, ВЕРБЫ ВЕТОЧКА...»

Лариса Пахомьевна Кудряшова — родилась в 1954 году в Латвии. Закончила филологический факультет Даугавпилсского педагогического университета. Работала учителем, библиотекарем, корреспондентом газет. С 1993 по 2003 год была членом Союза писателей Латвии. Была инициатором, составителем и участником альманаха «Дни поэзии» поэтов, пишущих на русском и других славянских языках. В 1998 году переехала в Россию. Автор шести поэтических книг и многочисленных публикаций в православной периодике. Ее книги духовной поэзии: «Предстою пред Господом», «Свет святого Валаама», «Между ранним и поздним дождем», «Время исповедания». Автор известных песен. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ВЕЧЕР ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ

В Страстную вьюжило и вьюжило,
Снегами поздними мело.
Земля как будто занедужила,
А сердце встречею жило.

И светозарная, всесветлая
Навстречу Пасха нам плыла,
Тепло, торжественно, приветливо
Лампада вечная цвела.

Среди пурги, беды, ненастия
Мы веровали — с нами Бог,
Креста и Воскресения счастье,
И жизни будущей залог.

И, наполняя сердце сладостью,
Молитва слышалась с небес,
И всякое дыханье с радостью
Ей вторило: «Христос Воскрес!»

Молитвы благодать, вербы веточка,
Дорога белая и лес...
И счастье знать, и счастье веровать:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»

РУСЬ

Трепещут времени воскрылья...
Забыв о веке, налегке
Лечу туда, где говорили
На чистом русском языке.

Где к Храму каждая дорога,
Где русский лик и русский слог,
Где все о Боге, все о Боге,
И в каждом человеке Бог.

Где ворогу не разгуляться,
И где, соборностью сильна,
Слита в одно большое братство
Родная русская страна.

Где правит царственный властитель —
Хранитель русских рубежей,
Где Матерь Божия и Спаситель
И сонмы праведных мужей.

Любовь и милость, совесть, вера,
Размах и удаль, хлеб и соль,
И щедрость русская без меры,
И за свою Отчизну боль.

Умение нести все беды
В терпенье кротком и святом,
А в час сраженья — до победы
С мечом, молитвой и Крестом...

Вновь белый снег покроем землю —
И тихий сад, и сонный лес,

А я смотрю и все приемлю,
И слышу музыку небес.

И верую, светло и свято,
Что дух сильней, чем кровь и плоть,
И Русь, что на Кресте распята,
Воскреснет, как воскрес Господь!

ЗНАМЕНА

Среди пиров и дележа —
И знаменья времен, и знаки:
И суховей, и зной, и жар,
И саранчи набег на злаки.

Внезапное разлитие вод,
И град, что летом рубит зелень,
Неурожай и недород,
Дурманящее разум зелье.

И дым пожаров по лесам,
Неправый суд, подлог, насилие;
И детский плач, и женский срам;
И ослепленность, и бессилье.

В разруху брошенный народ,
Власть силы, наглости и денег.
Часов стремительнейший ход,
И нравов истинных паденье.

Иссякновение любви,
Господство похоти и плоти,
И храмы снова на крови,
Хоть и в великой позолоте.

Нашествие иных племен,
Соседство нищеты и злата;
И войнами закат червлен,
И брат с враждой идет на брата.

И глад, и трус, и хлад, и мор.
Безвременье и бездорожье.
И рабства нового позор.
И хлеб — дороже и дороже...

И страх, и трепет на земле.
И — начертанье на челе...

* * *

Пахнет морем желтый берег гладкий,
Шепот волн, и чайки у воды,
Дерева, томясь от ноши сладкой,
Вниз роняют спелые плоды.

Золотятся гроздья винограда
Среди ровных изумрудных гряд,
И цикад немолчные тирады,
И недолгий огненный закат.

Хочется забыть о всех невзгодах,
Здесь, сейчас, не смеживая век,

Но лишь солнца шар исчезнет в водах,
Ночь зайдется криком дискотек.

Мира угасающего муки
Даже здесь пронзают тишину:
Новостей отрывистые звуки
Про теракт, пожары и войну.

И не скряться. Поздно или рано,
Без предупреждений и без слов,
Где-нибудь в кварталах Тегерана
Мир взорвется, бездну расколов.

РУССКОМУ ПОЭТУ

Пустуют русские угодья,
В них не есенинская грусть.
Он и теперь им неуютен,
Всем тем, кто ненавидит Русь.

Кощунствовать над русским словом
Опять слетелось воронье,
И вот — оно уже готово —
Для фильма пошлое вранье.

Хохочут в бешеном веселье,
Кривляясь из последних сил.
Так ненавистен им Есенин,
Как и тогда, когда он жил.

Глядит в своей беззлобной боли
На немощных пигмеев он,
Омыт народною любовью,
Воспет, возлюблен и прощен.

И он уже в себе не волен,
Он — часть Российской стороны,
Как это озеро, и поле,
И сад в сиянии луны.

И перед ним они бессильны,
Роняя ложные слова.
Возлюбленный певец России,
Он жив, как и она жива!

РЯБИНУШКА

Позабудешь печали и тяготы
И осеннюю стылую хмарь —
Пламенеют багряные ягоды,
Словно в песне, певаемой встарь.

Здесь, где кажется все перемолото,
Где живут в ослепление больном,
Среди дикого, страшного города,
Гроздь рябины горит за окном.

И поймешь —
мы не брошены Господом,
Мы с тобой — на родимой земле,
Мы пройдем через скорби и горести
И не сгинем в бушующей мгле.

Русь украсится белыми ризами,
Все чужое пройдет, отболит!..
Вьются голуби, голуби сизые,
Не сгорая, рябина горит.

* * *

Распростерлись снега над Россией,
Ветер стонет средь голых раки.
Сколько выстрадать и пересилить
Русским людям еще предстоит!

Воронье по багряному следу
Выюга гонит колючей волной.
За грядущую нашу победу
Мы заплатим безмерной ценой.

Но другой нам Отчизны не надо —
Сердцу чужд иноземный уют,

А весной среди зарослей сада
Молодые побеги взойдут.

И, собрав всех в рассеянье сущих,
Верных Богу и Русской Земле,
Станет Русь виноградною кущей,
Чудом Божиим на хладной золе.

И в высокой заоблачной сини
Солнце правды над Русью взойдет.
Все мы выдержим, все пересилим,
Потому что мы — Русский народ!

История и современность

Александр СЕГЕНЬ

ПАСХА В ПАРИЖЕ

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ И ПУШКИН

Статьи

Александр Юрьевич Сегень — родился в Москве 12 апреля 1959 года. В раннем возрасте стал сочинять, но по-настоящему обратился к литературе в возрасте двадцати лет. Поступил в Литературный институт, окончив его, учился здесь же в аспирантуре, занимаясь исторической публицистикой Николая Михайловича Карамзина. Опубликовал его трактат «О древней и новой России». Сегень — автор романов и повестей на современные темы: «Похоронный марш», «Страшный пассажир», «Тридцать три удовольствия», «Время Ч», «Русский ураган», «Заблудившийся БТР», «Гибель маркера Кутузова», «Есенин». Под влиянием знакомства со Львом Николаевичем Гумилевым сочинил роман «Евпраксия и рыцарь Христа» и далее не раз обращался к написанию романов, действие которых разворачивается в разные исторические эпохи. Это романы «Древо Жизора», «Тамерлан», «Абуль-Аббас — любимый слон Карла Великого», «Державный. Государь Иван Третий», «Поющий король» о Ричарде Львиное Сердце, «Солнце земли Русской» об Александре Невском, «Поп» о священниках на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, «Господа и товарищи» о событиях в Москве в октябре-ноябре 1917 года, повесть «Свет светлый» о митрополите Киевском и всея Руси Алексее святителе и чудотворце Московском. Роман «Державный» был удостоен премии Московского правительства, роман «Похоронный марш» — премий имени Горького и Шукшина, роман «Русский ураган» — Большой премии Союза писателей России. Как публицист Сегень постоянно печатает статьи по русской истории и культу-

ре, особое место в его творчестве занимает православная публицистика. За статьи о русской истории и Православии он удостоен премии имени Булгакова, за статьи о чеченской войне — премии Союза журналистов «Золотой гонг», за роман «Поп» — премии Патриархии «Просвещение через книгу». Доцент Литературного института. В последнее время Сегень обратился и к кинодраматургии. Он написал сценарий фильма на основе собственного романа «Поп». По этому сценарию режиссер Владимир Хотиненко снял художественный фильм. Написаны сценарии «Патриарх», «Выстрелы в Донском монастыре», «Хождение за три пустыни». **Живет в Москве.**

ПАСХА В ПАРИЖЕ

Путешественник, оказавшийся на Южном Урале, с удивлением обнаружит, что именно здесь расположены Берлин и Варна. Каково же будет его изумление, когда он узнает, что и Париж тоже находится тут, а не во Франции! Так уж получилось, что уральские казаки, в начале девятнадцатого века осваивавшие здешние места, дали своим поселениям звонкие имена, связанные со славой русского оружия. Вот и попали на географические карты населенные пункты, воскрешающие в памяти громкие победы наших предков — Бородиновка, Тарутино в честь сражения за Тарутинский редут, Чесма во славу Чесменского сражения. Ну, а Париж, и заодно с ним Фер-Шампенуаз, знаменуют собой память о весне и Пасхе 1814 года, когда солдатуньки-браво-ребятушки закончили свой Заграничный поход и разгромили Наполеона в его собственном гнезде.

«Ils ont traverse le Rheine...» («Они переправились через Рейн...») — с этих слов начинался один из бравурных гимнов доннаполеоновской Франции, под который и до сих пор плачут ностальгирующие по своей глубокой старине французы. В конце 1813 года «великая армия» Наполеона тоже переправлялась через Рейн, но на сей раз — отступая под натиском сил превосходящего противника. А 1 января 1814 года, в годовщину переправы через Неман, русская армия под пронизывающим ветром, сквозь дождь и снег переходила мост через Рейн в округе Базеля. Они двинулись на Бельфор, взяв направление на Париж.

«О, Париж! Ах, прекрасная Франция!» — мечтали наши офицеры, но впереди ждало их сильное разочарование. «Жители бедны, необходимы, ленивы и в особенности неприятны. Едят они весьма дурно, как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота их отвратительна, как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте. Дома поселян выстроены мазанками и без полов. Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам губернеры говорили, и меня обнадеживали тем, что впереди будет, но мы двигались вперед, и везде видели то же самое», — писал в своих заметках Н. Н. Муравьев.

Наполеон в спешке стягивал пополнение и к середине января собрал около 175 тысяч необученных солдат. Он призвал своих подданных к народной войне. Тем временем наша армия двигалась по Франции и беспрестанно брала один город за другим. Таким маршем, пройдя без малого полторы тысячи километров, 8(21) марта она, наконец, встретилась с арми-

ей Наполеона у Арси, на берегу реки Об. Но Бонапарт не вступил в битву, а двинулся к северу, навстречу основной армии союзников. Этот маневр и погубил его. Первое сражение произошло в шестистах километрах от французской столицы, близ селения Фер-Шампенуаз 13(26) марта. Русско-австрийская кавалерия нанесла поражение французам, шедшим на помощь к Наполеону. Путь русским на Париж оказался распахнутым.

Через четыре дня после победы при Фер-Шампенуазе авангард нашей армии под командованием генерала Раевского вышел на позицию, с которой уже открывался дальний вид на столицу Франции. Штурм начался утром 18(31) марта, а уже в 11 часов утра маршал Мармон известил брата Наполеона Жозефа, формально возглавлявшего битву за столицу: «Я не мог продержаться оборону более двух часов и предупредить несчастье насильственного взятия Парижа».

Император Александр I, отпуская от себя пленного генерала Пейра, велел передать Мармону, что он хочет мирного решения, но готов идти на самый решительный штурм города: «С бою или церемониальным маршем, на развалинах или в пышных палатках, но Европа должна нынче же ночевать в Париже».

К вечеру началась выработка условий капитуляции. Последние выстрелы прозвучали уже на Монмартре. Труднее всего было уломать прусского фельдмаршала. «Накажи меня Бог, но я охотнее направил бы на это революционное гнездо мои пушки, нежели подзорную трубу», — злобно ворчал семидесятилетний Блюхер.

В сумерках русский император объезжал войска и весело поздравлял их с победой. На радостях Барклай-де-Толли был произведен в звание

Вступление Русской армии в Париж. 1814 год. Художник А. Кившенко

фельдмаршала. Капитуляцию подписывали уже в три часа ночи. Битва за Париж была выиграна гораздо меньшей кровью, чем предполагалось. Французы потеряли 9 тысяч погибших, русские — 6 тысяч, австрийцы и пруссаки, как водится, прятавшиеся за нашими спинами, — 3 тысячи.

Спрятав акт о капитуляции себе под подушку, царь Александр крепко зевнул, упал на постель и заснул мертвым сном. Наутро он бодро принимал депутацию перепуганных парижан. Русский император горел жадной мести за сожженную Москву. Но мстить он собирался совсем не так, как мстили бы европейские вандалы. Он решил наказать французов полным проявлением истинно православного великодушия.

— Передайте парижанам, — сказал он депутации, — что я не вступаю в их стены в качестве врага, и что от них зависит иметь меня другом.

Он действительно прикладывал все старания, стремясь предотвратить насилие победителей над побежденными. Совсем не так действовали войска союзников. Всюду, куда входили прусские и австрийские войска, оставалась выжженная земля, разграбленные и сожженные дома, обезображенные трупы. Народы, как известно, не прощают другим былого, но утраченного величия. Из всей нашей армии, увы, разбоями, грабежами и убийствами отличались только казаки. С той поры слова «прусак» и «казак» стали для французов синонимами слов «насильник», «грабитель», «убийца». Но остальная русская армия соблюдала приказы государя и не чинила никакого вреда покоренным французам.

Наполеон оказался в окружении вблизи собственной покоренной столицы. Александр не шел ни на какие с ним переговоры, требуя одного — беспрекословной капитуляции. 19 марта (1 апреля) 1814 года в Париж вошли русская и прусская гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия, батальоны австрийских гренадер и вюртембергский полк, общей численностью — 35 тысяч человек. Русский император открывал торжественное шествие. При нем был будущий покоритель Кавказа генерал Ермолов. Победители вошли в грязное и вонючее Сен-Мартенское предместье. Лишь на Северном бульваре начали попадаться роскошные и богатые дома, улицы, вымощенные камнем. Из окон свисали белые простыни и скатерти, заменявшие собой роялистские знамена. С тех пор белый флаг стал символом капитуляции.

Прекрасное владение французским языком приводило к тому, что русских офицеров парижане поначалу воспринимали как своих соотечественников-роялистов, до сей поры пребывавших в эмиграции. Парижанки впрыгивали в седла к русским офицерам-красавцам, но, даже узнав, что те русские, не спешили спрыгнуть.

Александр старался никоим образом не проявить своей надменности над побежденными. Даже французский историк Тьер писал: «Он никому не хотел так нравиться, как этим французам, которые побеждали его столько раз, которых он победил, наконец, в свою очередь, и одобрения которых он добивался с такой страстностью. Победить великодушием этот народ — вот к чему он стремился в ту минуту более всего». В доказательство своего великодушия он отпустил на волю всех пленных. Ненавидя Наполеона, Александр при этом приказывал незамедлительно пресекать всякие беспорядки и расправы над бонапартистами. Любопытен случай с Вандомской колонной, на вершине которой красовалась медная фигура Бонапарта. Ее хотели свергнуть, набросили веревки, но послан-

Император Александр I Благословенный

ные Александром семеновцы предотвратили сей, как теперь бы сказали, «акт вандализма». Когда же царь увидел Вандомскую колонну, он усмехнулся: «Если б меня поставили столь высоко, то и у меня бы голова закружилась!»

В это время шел Великий пост, и Александр стремился показать обезбоженной Европе, что он — православный государь. Он постился и в еде, и в чувствах, не давая ненависти к поверженному врагу проявиться хотя бы в чем-либо. Наполеон собирал в Фонтенблo последние силы. Десять лет назад здесь он вырвал из рук папы Пия VII императорскую корону и сам вознес ее себе на чело. Здесь же ему суждено было произнести слова

отречения от престола. У него оставалось 60 тысяч верных штыков, но маршалы во главе с Неем, Коленкурom и Макдональдом убедили Бонапарта в бесполезности дальнейшего сопротивления.

Акт об отречении Наполеона пришел к Александру на Страстной неделе, когда русский монарх особенно строго постился, готовясь приобщиться Святых Тайн. Вместе с ним строго постилась и вся армия. Пасха наступила 10(23) апреля. В Париже не существовало ни одной православной церкви. На площади Согласия, где был казнен Людовик XVI, воздвигли алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия. Семь священников в богатых облачениях совершили богослужение. Многотысячная паства, состоящая из русских воинов, пришедших сюда через всю Европу, грянула: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Французы в ошеломлении и восторге, выпученными глазами взирали на величайшее религиозное действо.

«Все замолкло, все внимало! — вспоминал потом Александр. — Торжественная это была минута для моего сердца; умиротелен и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы в земле иноплемеников, столь недавно еще нагло наступавших в Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу».

Отечественная война 1812 года и Заграничный поход 1813–1814 годов завершились в день Воскресения Спасителя. Удивительная историческая рифма этому событию будет достигнута спустя полтора столетия, когда Великая Отечественная война 1941–1945 годов также закончится в Светлую Христову Пасху!

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ И ПУШКИН

Единственная икона, на которой изображен Пушкин, это миниатюра работы известного современного изографа Зенона. Разумеется, Александр Сергеевич фигурирует на ней не в качестве святого, но в пропорциях, равных святому Филарету Московскому. Они изображены сидящими рядом, митрополит — справа, поэт — слева. У митрополита на левом колене Библия, у поэта на левом колене лира. Та самая, которой он «вверял изнеженные звуки безумства, лени и страстей». Филарет изображен в церковном облачении и епитрахили, над головой у него нимб святого. Пушкин — в поэтической тоге и вместо нимба у него на голове лавровый венец.

Десница Филарета приподнята с указующим перстом. Он только что дал наставление. Десница Пушкина опрокинута ладонью к зрителю, это означает, что, пораженный величавым голосом проповедника, он внезапно прервал «звон струны лукавой».

Когда говорят о рождении нового русского литературного языка XIX века, сами собой звучат два звонких имени — Карамзина и Пушкина. А ведь имен должно быть три — Дроздов, Карамзин и Пушкин. В 1806 году Карамзин, запершись в своем кабинете, создавал первые тома «Истории государства Российского»; Пушкину еще только семь лет, и он даже не лицеист; а в проповедях Василия Дроздова уже звенит та искра будущего великого и могучего языка нашего!..

Все мы прекрасно помним картину Репина «Пушкин читает стихи на экзамене 8 января 1815 года». Любой из нас скажет, что на ней изображен юный лицеист, вдохновенно вспорхнувший одним крылом, и старый Державин, радостно приподнявшийся из-за стола и вытянувшийся в сторону молодого дарования, чтобы лучше слышать читаемое им. Но не всякий вспомнит сразу, кто еще изображен на этом знаменитом полотне. А между тем, справа от Державина Репин изобразил архимандрита Филарета, лицо которого обращено не к Пушкину, а к зрителю, и лицо это выражает некое недоумение — мол, чему так восхищаются Державин и сидящий справа от Филарета министр народ-

Митрополит Филарет и Пушкин

ного просвещения Разумовский — Алексей Кириллович, который вместе со Сперанским подал в свое время мысль о создании Царскосельского лицея.

Репин мастерски работал на контрасте: радуется Разумовский, ликует Державин, вдохновенно читает свои дивные строки Пушкин... А вот зло-вредному монаху все сие зело не по душе. Внутри он так и скрежещет, вознепщеваху и вознегодоваху. Аж позеленел от злости.

На самом деле, нам остается только гадать о том, что испытывал Филарет, слушая стихи Пушкина.

Лицейсты первого набора сдавали экзамены для перехода на второй курс. В числе прочих дисциплин, само собой разумеется, был Закон Божий. Его преподавал пресвитер Н. В. Музовский, но поскольку императорский лицей являлся привилегированным учебным заведением, то на экзамен по Закону Божьему пригласили ректора Петербургской духовной академии. Филарет принимал его 4 января, а 8 января он присутствовал на экзамене по российской словесности. Но не в качестве экзаменатора, а в качестве почетного гостя.

Пушкин читал свои «Воспоминания в Царском Селе». Слушателей не могла не поразить величавость стихов, сочиненных столь юным даровани-ем. Что могло не нравиться Филарету? Изобилие античного язычества. Тут и наяды плескаются, и Элизиум полнощный, и русская Минерва, и Зевс со своим перуном, и чада Беллоны... Филарет в своих проповедях говорил о том, что Спаситель вел русские полки на врагов, а у Пушкина «потомки грозные славян перуном Зевсовым победу похищали».

Но его не могло не восхищать все остальное.

*Страшишь, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*

Вот, и про святой алтарь, слава Богу, сказано. А дальше и о небесном Вседержителе:

*Сразились. — Русский победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал.*

А каков финал дивного стихотворения! Чудо! Как могло это не нра-виться?

*В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.*

*Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.*

Трудно себе представить, чтобы Филарет, сам вдохновенный, сам пылающий, сам — весь поэзия, невзлюбил стихов гениального лицейца! Согрешил Илья Ефимыч, показывая его зеленым от злости, как и во многих своих иных полотнах согрешил великий русский художник!

Смею предположить, что Филарет тогда взял талантливую юношу на заметку. А что? Вырастет, повзрослеет, сделается мудрее и продолжит дело перевода священных текстов на современный русский язык. Голова кружится от одной только мысли, что если бы Пушкин не погиб в 1837 году, если бы он дожил до преклонных лет, и в сии мудрые годы взялся бы за переложение Библии, какой бы перевод мы получили!..

Другая встреча Филарета с Пушкиным состоялась зимой 1830 года, и была она эпистолярной. Генеральша Хитрово привезла в дом на Волхонке, принадлежавший другу святителя Филарета Сергею Михайловичу Голицыну, свежий номер «Северных цветов» с новыми стихами Пушкина. Раскрыв альманах, она с восторгом стала читать гостям Голицына:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Эти стихи были написаны Александром Сергеевичем в день его рождения в 1828 году, но лишь теперь вышли в свет. Слушая горестные строки, Филарет ужаснулся бездонной глубине отчаяния и безверия, распахнувшейся пред ним. Он приехал вечером к себе на Троицкое подворье и тотчас сел за перо. Привыкший проповедями исправлять людей, святитель принялся исправлять поэзию Пушкина:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

*Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.*

Вскоре стихотворный ответ Московского митрополита полетел на берега Невы. Филарет мог лично привезти его в Петербург, отправившись на зимнюю сессию Святейшего Синода. Но он поручил это сделать все той же Хитрово.

Стихотворение «Не напрасно, не случайно...» получил не тот Пушкин, который писал «Дар напрасный». Тогда, в конце двадцатых годов, возвращенный из ссылки Николаем I, он оказался в петербургском свете, окунулся в его суету и ужаснулся не только самой этой суете, но и своей собственной сопричастности ей. Прошло время, Александр Сергеевич впервые по-настоящему полюбил, душа его открылась и засияла по-новому. Он побывал в действующей армии, увидел победоносную доблесть русского солдата, сам рвался в бой и осознал его упоение. В наступившем 1830 году он готовился к свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой. Сей год станет годом Болдинской осени, но уже сейчас, в январе, из-под пера гения одно за другим выходили стихи, свидетельствующие о новом великом приливе его творчества. Он пишет:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...*

Он пишет:

*Нет, я не дорожу мятежным наслаждением
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем...*

Он пишет:

*Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый.
Здесь речи — лед, сердца — гранит...*

И вот из этой самой Москвы, куда душа его летит, ему весточка. Да от кого! От самого владыки Московского!

Если бы он получил письмо Филарета в ту пору, когда сочинял «Гавриладиу», можно только с ужасом вообразить, какая усмешка, какая гримаса исказила бы его лицо.

Но сейчас это и впрямь уже «умнейший человек России». Он потрясен ответом святителя Филарета.

Быть может, он даже целует бумагу, на которой светятся начертанные Владыкой буквы. И в воскресенье 19 января 1830 года он садится писать ответное стихотворение:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей*

Пушкин в Царском Селе. Художник И. Е. Репин

*Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Свое творчество он назвал лирой, Филаретово — арфой!

Позднее, публикуя эти стансы 12 февраля в «Литературной газете», Пушкин переделает последнюю строку, уйдя от определенного образа митрополита Филарета к обобщенному образу некоего серафима, с маленькой буквы:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Но в тот воскресный день он писал именному адресату — Филарету Московскому. И главное, в чем признается царь русской поэзии, что его душа «отвергла мрак земных сует».

С этой очищенной душой он в марте отправится в Москву. 6 мая состоялась его помолвка с Натальей Николаевной, которой он пишет в это время:

*Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.*

В своем духовном прозрении Пушкин расстается с грешным прошлым. Он мечтает впредь сделаться верным мужем, избавиться от пагубного донжуанства. Не менее важно и то, что он вскоре произносит анафему безбожной толпе, анафему гордыне, анафему жажде славы. Эта анафема — в одном из самых лучших и главных его стихотворений:

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Пушкин в Петербурге, Филарет в Москве. Филарет приехал в Петербург, Пушкин уехал в Москву. Филарет вернулся в Москву, Пушкин вернулся в Петербург. Будто судьба нарочно разводит их друг с другом. Но в сей год между ними — тесная духовная связь. «Твоим огнем душа согрета...» Московский Златоуст вдохнул в душу царя поэтов новую жизнь.

Свадьба состоялась 18 февраля 1831 года в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Митрополит Филарет находился в Петербурге на очередной сессии Святейшего Синода. Да и мог ли он венчать Пушкина? Хочется думать, что да, будь он в Москве, не кто иной, как он совершил бы таинство венчания. Было бы хуже знать, что Филарет находился в Москве и не присутствовал на столь важном событии в жизни столь важного человека России.

Впрочем, некое касательство к этому венчанию имел и Филарет. Известно, что он запретил совершать таинство венчания Пушкина и Гончаровой в

домовой церкви князя Сергея Михайловича Голицына и настоял, чтобы это произошло в храме Большого Вознесения у Никитских ворот.

Сам Пушкин потом отметил в этом року Провидения — ведь он сам родился в день праздника Вознесения Господня.

Пушкин тридцатых годов это тот, чья «душа согрета огнем Филарета». Он уже семьянин, у него один за другим рождаются дети, и он поступает на службу. Он знакомится с министром народного просвещения и президентом Петербургской академии наук графом Сергеем Семеновичем Уваровым, автором знаменитой триады «православие — самодержавие — народность», ставшей девизом всей николаевской эпохи. Пушкин открыто заявляет о себе как о русском патриоте стихотворением 1831 года «Клеветникам России»:

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

Пушкин пишет свою величественную «Осень». Он создает «Историю пугачевского бунта», отнюдь не такую, какую можно было потом учить в школах по советским учебникам. Он творит удивительные по силе народного звучания свои пушкинские русские сказки и дает «Песни западных славян», якобы перевод Мериме, но на самом деле настоящее славянское произведение.

И вот наступает год 1836-й, предсказанный как конец света... Вокруг Пушкина сгущаются тучи. Царь хочет его гибели? Увольте! Не хотят видеть его жизнь и дальнейшее взросление те, кого он именовал клеветниками России. Им не может нравиться то, как он с иронией отзывается о «правах человека», за которые они другим готовы рвать глотки — «Не дорого ценю я громкие права...»

Пушкин ходит в церковь! «Во дни печальные Великого поста» он восторгается каноном Андрея Критского:

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Он начинает печатать свой журнал «Современник», коего успеет издать лишь четыре тома, пятый будет выпущен его друзьями в качестве посвящения погибшему поэту. Он заканчивает «Капитанскую дочку», свое последнее крупное произведение. Пушкин не собирается умирать:

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу...*

Он затеял величественный труд «Историю Петра Великого». Но конец света все ближе и ближе. Он наступит не в 1836 году, а 27 января 1837-го, в день Святителя Иоанна Златоуста, на Черной речке...

Умирающему Пушкину Император написал: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки». Государево прощение — за государственное преступление, именно так тогда квалифицировалась дуэль. Николай I не только простил Пушкина за поединок, но и постановил после кончины поэта: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсioen и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 рублей на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единоновременно 10 000 рублей».

Дуэль признавалась не только государственным, но и православным преступлением. В отношении дуэлянтов не существовало особых постановлений, они попросту приравнивались к самоубийцам, коих нельзя было отпевать в храме, хоронить внутри церковной ограды и поминать вкупе со всеми христианами. На исполнении этой строгости в отношении Пушкина настаивал Петербургский митрополит Серафим. Переменить его твердую точку зрения взялся Московский митрополит.

Возможно, Филарету в числе других, а возможно, лишь одному Филарету мы обязаны тем, что Александр Сергеевич удостоился христианского упокоения.

Иначе каков был бы соблазн для тех, кто обожает Пушкина и не слишком тверд в вере, обидеться на Церковь и отойти от нее! Только представить себе, как благодаря подобной твердости Серафима (Глаголевского), радовался бы весь антиправославный мир, если таким образом ему бы «подарили» Пушкина! А при безбожной власти большевиков Александра Сергеевича и вовсе превратили бы в образец деятеля антихристианского сопротивления! Ведь, как и на могиле Льва Толстого, на могиле Пушкина не стоял бы крест.

А сейчас? Тоже страшно представить. Скольких нынешних православных священников посмертное отлучение Пушкина ввело бы в соблазн проповедовать, что читать творения русского гения грешно!

Конечно, утверждать, что посмертным спасением великого поэта мы обязаны Филарету, преувеличение. Здесь, прежде всего, во многом сыграло свою роль доброе отношение Государя Императора. Вот если бы Николай Павлович уперся в букву гражданского и религиозного закона, тогда дело плохо. Но и мнение Филарета внесло свою важную лепту. И слава Богу, что он в то время оказался в Петербурге!

Когда пишут о кончине и погребении Пушкина, постоянно укоряют, а то и проклинают власти за то, что не устроили пышных похорон. Но устроить такие значило отменить строгое отношение к дуэлянтам. Митрополит Серафим запретил отпевать Александра Сергеевича в Исаакиевском соборе, и отпевание проходило в церкви, которую всегда обозначают как «Конюшенная», дабы подчеркнуть, что гения русской словесности отпевали чуть ли не на конюшне. На самом деле это храм Спаса Нерукотворного Образа, расположен-

ный неподалеку от Мойки на Конюшенной площади внутри довольно величественного здания Конюшенного двора. Пишут, что это очень тесный храм. На самом деле храм довольно просторный, в чем нетрудно сейчас убедиться, поскольку он восстановлен. При советской власти в нем размещался целый институт гидропроекта.

Когда говорят, что Царь запретил отпевание в Исаакиевском соборе, невольно возникает мысль о шедевре Монферрана. Но в 1837 году нынешний главный собор Петербурга еще только строился, заканчивалось возведение купола. И это был четвертый Исаакиевский храм города.

Исаакий Далматский — святой, память которого совершается 30 мая (12 июня), а это день рождения Александра Невского и Петра Первого. Вот почему главным храмом северной столицы должен был стать именно собор во имя Исаакия. Ведь Петр построил свой град в тех местах, где Александр разгромил на Неве шведов.

Первая церковь во имя святого Исаакия Далматского, деревянная, маленькая, появилась возле Адмиралтейства на месте, где сейчас высится Медный всадник, еще при Петре. Вторая, каменная, была возведена на ее месте, в 1735 году она сгорела, и ее разобрали. Третий Исаакиевский собор строился там же при Екатерине II, закончен был при Павле I, а освящен при Александре I. По проекту архитектора Ринальдини это должно было быть высокое строение из мрамора, на мраморном основании, но император Павел пустил мрамор на строительство Михайловского замка, и на мраморном основании был возведен нелепый кирпичный собор, который довольно быстро стал ветшать и разрушаться. Судя по всему, в 1837 году именно в этом разрушающемся соборе хотели отпевать Пушкина. Но Император повелел перенести отпевание в храм Спаса Нерукотворного Образа, являвшийся придворным храмом.

Тем самым Государь подчеркивал, что Россия прощается не только с великим поэтом, но и с государственным деятелем.

Отпевание совершали архимандрит и шестеро священников. Пришли лучшие поэты, гроб несли Крылов, Вяземский, Жуковский. Присутствовали высшие чины, среди которых был и министр народного просвещения Уваров. Ну а то, что ни один из архиереев, включая Филарета, не почтил своим посещением сего отпевания... Следует, повторяю, учитывать, что отпевали дуэлянта, по церковным понятиям — самоубийцу, впрочем, успешшего покаяться перед смертью настоятелю храма Спаса Нерукотворного Образа, протоиерею Петру Песоцкому.

Главное то, что снова Филарет спас Пушкина. В первый раз это было в 1830 году, когда он озарил душу поэта своим посланием. Второй раз — после смерти, когда он настоял на христианском погребении гения русской словесности.

Церковь Спаса Нерукотворного Образа, где отпевали Пушкина. Старинное фото

Священник
Геннадий БЕЛОВОЛОВ

ОПТИНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДОСТОЕВСКОМ

К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)

Геннадий Владимирович Беловолов, протоиерей, клирик Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви, настоятель храма св. Иоанна Богослова (историческое подворье Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря). Родился 8 августа 1958 года на Северном Кавказе в крестьянской семье (день ангела — 23 января / 5 февраля — преп. Геннадий Костромской). До 10 лет семья жила в с. Ипатово Ставропольского края. Среднюю школу закончил в г. Пятигорске в 1975 году. Учился в Московском институте культуры на отделении режиссуры, но был исключен за религиозные убеждения. В 1983 году окончил филологический факультет Кубанского государственного университета (г. Екатеринодаре) и позже (1992–1996) аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге (группа Ф. М. Достоевского). В 1983–1985 годах работал учителем в школе в г. Екатеринодаре (Краснодар), в 1986 году экскурсоводом в горах Карачево-Черкессии (Теберда, Домбай). С 1987 года является научным сотрудником Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. При музее в течение нескольких лет (1988–1995) регулярно проводил православные собрания, пользовавшиеся большой популярностью у молодой православной интеллигенции Петербурга. В выставочном зале музея организовал первые в городе выставки православной тематики: первая выставка современных православных икон, выставка пасхальных яиц, выставки православных художников и фотографов. Был одним из инициаторов и активным участником возвращения собора Владимир-

ской Божией Матери (1989). 18 октября 1992 года митрополитом Иоанном (Снычевым) был рукоположен во диакона, а 22 ноября 1992 года также митрополитом Иоанном — во священники с назначением в храм св. Ап. Петра и Павла села Сомино Бокситогорского района Санкт-Петербургской епархии. На дальнем приходе построил храм во имя св. Иоанна Кронштадтского в селе Подборовье (освящен в 1997 году) и храм во имя иконы Божией Матери «Невской Скоропослушницы» в селе Заборье (освящен в 2006 году), посвященный подвигу Дороги Жизни в годы Блокады. Восстановил из руин каменный храм Тихвинской Божией Матери в селе Поток.

В 1998–2004 годах закончил Московскую духовную семинарию (заочный сектор). В 1999 году назначен также настоятелем храма св. Ап. Иоанна Богослова (Леушинское подворье) в Санкт-Петербурге. В настоящее время служит и окормляет в общей сложности семь храмов. Духовник Сестричества памяти игумении Таисии на Леушинском подворье. Основатель и директор Мемориального музея-квартиры св. Иоанна Кронштадтского в Кронштадте (открыт в 1999 году), а также Музея игумении Таисии при Леушинском подворье. Инициатор проведения Леушинских стояний на берегу Рыбинского водохранилища в селе Мяксе, селе Брейтово и г. Весьегонске (начиная с 1999 года). Основатель, организатор и ведущий ежегодных «Рождественских Таисийских вечеров» в Большом драматическом театре Санкт-Петербурга (совместно с нар. арт. РФ Кириллом Лавровым). Главный редактор православного издательства «Леушинское подворье», автор многих научных статей по творчеству Ф. М. Достоевского, наследию св. Иоанна Кронштадтского, игумении Таисии Леушинской, а также книг и статей по церковной истории и о современных подвижниках. Особой темой исследований являются исторические описания чудотворных икон Божией Матери (написано около 20 книг). Пишет художественные рассказы и стихи (некоторые из них положены на музыку). Редактор православной газеты «Леушино». Ведущий программы «Пастырский час» в прямом эфире на «Православном радио Санкт-Петербурга». Автор и комментатор информационного агентства «Русская линия». Инициатор духовных акций-поездов в поддержку Беслана (2004) и Косово (2008), Цхинвали (2009). Награжден орденом св. благоверного князя Александра Невского 2 степени (2007), медалью св. Иоанна Кронштадтского (2008). В 2008 году стал лауреатом премии Клуба Православных журналистов в Москве «за работы по св. Иоанну Кронштадтскому». В 2009 году удостоен звания лауреата Всероссийской историко-литературной премии св. Александра Невского Союза писателей России за создание Мемориального музея-квартиры св. Иоанна Кронштадтского.

Поездка Достоевского в Оптину Пустынь в июне 1878 г. была одним из важнейших событий духовной жизни писателя¹. Вызванная личным переживанием смерти младшего сына Алеши, эта поездка во многом определила творческие идеи и характер романа «Братья Карамазовы».

¹ См. также: Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература. — СПб., 1994.

Знакомство с Оптиным старцем Амвросием, этим живым воплощением русской святости, «хранителем образа Христова», носителем народной правды, подвело итог многолетним духовным и творческим исканиям писателя.

Встреча эта носит глубоко символический характер. В лице великого гения русской литературы и великого святого Русской Церкви после почти векового разрыва встретились Церковь и интеллигенция, Православие и культура, святость и гениальность, что во многом определило характер взаимоотношений русской культуры и Православия в последующее время.

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЕЗДКИ

Об этой поездке сообщают все биографии и биографические очерки жизни Достоевского. Однако источниковедческая база этой темы ограничивается практически тремя источниками.

1. Письмо Достоевского

Первый — это письмо Достоевского своей жене от 29 июня 1878 г., написанное из Москвы сразу же после возвращения туда из Оптиной Пустыни, в котором писатель излагает подробности поездки в монастырь.

Как явствует из письма, Достоевский 23 июня 1878 г., вместе с В. С. Соловьевым выехал из Москвы по Московско-Курской железной дороге до станции Сергиево за Тулой. Далее спутники пересели на экипаж до Козельска. В пути выяснилось, что произошла ошибка в расчете расстояния: до Ко-

зельска было не 30 км, как предполагалось, а 120, к тому же дорога оказалась не почтовой и ехать пришлось «на долгих», то есть на одной тройке с остановками на отдых и корм лошадей. Время в пути удлинилось более чем на сутки.

25 июня в воскресенье Достоевский приехал в Оптину Пустынь. О самом пребывании в монастыре в письме сказано чрезвычайно кратко: «В Опт(иной) Пустыни были двое суток. Затем поехали обратно на тех же лошадях...».

Возвращение в Москву, судя по всему, тем же путем заняло два дня. Все путешествие длилось семь дней. Достоевский обещает жене: «Обо всем расскажу, когда приеду».

Итак, Достоевский пробыл в Оптиной Пустыни три дня или двое суток, что подтверждается

Федор Михайлович Достоевский

Свято-Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни

также записью в монастырской «Книге записей приезжающих посетителей», где пребывание писателя помечено 25, 26, 27 числами июня.

Письмо Достоевского как источниковедческий документ содержит протоально подробный хронометраж поездки, однако, к сожалению, никак не раскрывает ее содержательную сторону. Самое важное — встречи и беседы со старцем Амвросием — осталось за рамками письма.

2. Престольный праздник скита Оптиной Пустыни

В письме Достоевского есть косвенное указание на причину поездки Достоевского в Оптину Пустынь именно в это время.

В письме очевидно явное неудовольствие писателя от изменения графика поездки, непредвиденной задержки в пути: «...узнали, что ехать не 35, а 60 верст. (Главное в том, что никто не знает, так что никак нельзя было узнать заранее.) (...) Мы решили ехать и ехали до Козельска, то есть до Опт(иной) Пустыни, ровно два дня, ночевали в деревнях, тряслись в ужасном экипаже» (Там же).

Чтобы понять неудовольствие писателя, нужно не только учесть трудности езды «на долгих». Заглянув в православный календарь на те дни, когда Достоевский стремился попасть в Оптину Пустынь, обнаружим удивительное совпадение: 24 июня празднуется праздник Рождества Иоанна Предтечи, известный в народе как день Ивана Купалы, который являлся престольным праздником скита Оптиной Пустыни.

Безусловно, что поездка Достоевского в Оптину Пустынь была *приурочена* именно к этой дате — главному празднику Оптинского скита.

3. Сороковины Алеши Достоевского

С этим праздником совпала скорбная для писателя дата — сороковины памяти сына Алеши (умер 16 мая).

Сороковины являются важнейшей поминальной службой после отпевания, которая требует обязательного посещения храма и участия родных

усопшего. По нашему мнению, Достоевский приезжал в Оптину, имея и более конкретную цель: совершить поминание сына на сороковой день его смерти. Выявление этого факта позволяет восполнить картину пребывания писателя в Оптиной Пустыни.

Достоевский должен был заказать панихиду, отстоять ее. Это, видимо, произошло 26 июня, в понедельник, в праздник Тихвинской иконы Божией Матери. Третьим храмом в Оптиной служил Казанский храм.

В монастырях традиционно заказывалось не только разовое поминание, но оставлялось также поминание на год, или на несколько лет, или так называемое «вечное». Можно предположить, что Достоевский оставил поминание на какой-то срок и имя «усопшего младенца Алексия» возносилось в Оптиной после Достоевского достаточно долго.

4. «Воспоминания» А. Г. Достоевской

Сведения, сообщаемые А. Г. Достоевской, опираются на письмо Достоевского от 29 июня 1878 г., а также являются пересказом рассказа писателя, обещанного в этом письме.

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни

Очевидно, что за давностью лет многие подробности стерлись в памяти А. Г. Достоевской, и она ограничивается описанием общего впечатления писателя о старце Амвросии.

О встрече Достоевского и старца Амвросия А. Г. Достоевская вспоминала: «Вернулся Федор Михайлович из Оптиной Пустыни как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал мне про обычаи Пустыни, где ему привелось пробыть двое суток. С тогдашним знаменитым “старцем”, о. Амвросием, Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине, и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление. Когда Федор Михайлович рассказал “старцу” о постигшем нас несчастии и моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующая ли я, и когда Федор Михайлович отвечал утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери... Из рассказов Федора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведом и провидцем был этот всеми уважаемый “старец”»¹.

5. Заметки А. Г. Достоевской на полях романа «Братья Карамазовы»

Третьим — и самым содержательным — источником являются заметки А. Г. Достоевской на полях издания сочинений Достоевского 1906 г.

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. — М., 1971. — С. 323.

На полях главки «Верующие бабы» Анна Григорьевна сделала заметки, которые свидетельствуют, что диалог верующей бабы со старцем Зосимой в романе основывается на реальной беседе Достоевского со старцем Амвросием: «Эти слова передал мне Феодор Михайлович, возвратившись в 1878 году из Оптиной Пустыни; там он беседовал со старцем Амвросием и рассказал ему о том, как мы горюем и плачем по недавно умершему нашему мальчику. Старец Амвросий обещал Феодору Михайловичу “помянуть на молитве Алешу” и “печаль мою”, а также “помянуть нас и детей наших за здравие”. Феодор Михайлович был глубоко тронут беседою со старцем и его обещанием за нас помолиться»¹.

О встрече Достоевского со старцем Амвросием известно в основном через восприятие А. Г. Достоевской.

II. ОПТИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ: О ДОСТОЕВСКОМ

Все сведения в жизнеописаниях Достоевского восходят к этим трем первоисточникам и являются их пересказами.

Таким образом, круг источников оказывается достаточно узок и потенциально исчерпан. По сравнению со значимостью самой встречи он представляется неизмеримо малым.

Однако есть еще один неучтенный «мемуарист» — сама Оптина Пустынь. Дело в том, что посещение Достоевским Оптиной Пустыни не осталось незамеченным и память о нем сохранилась в монастыре не только записью в «Книге записей приезжающих посетителей». Существуют отдельные высказывания Оптинских старцев о Достоевском, косвенные оценки и случайные суждения, предания и рассказы монахов. Весь этот разрозненный материал, частично известный прежде, частично забытый, частично только опубликованный, до сих пор не сводился воедино и как целое не введен в научный оборот. Собранный же вместе, он представляет собой единое свидетельство Оптиной Пустыни о Достоевском.

1. Мнения Оптинских монахов в передаче К. Н. Леонтьева

Прежде всего о суждениях, ставших широко известными благодаря передаче и интерпретации К. Н. Леонтьева².

Леонтьев первым вынес за церковную ограду высказывания и мнения Оптинских монахов о Достоевском и его романах. Известно резко отрицательное отношение Леонтьева к идеям Достоевского, к его «недостаточному христианству».

Дважды Леонтьев в подтверждение своих оценок романа «Братья Карамазовы» прибегает к авторитету Оптиной Пустыни и ссылается на Оптинских монахов.

Приведем эти известные пассажи из писем И. И. Фуделю и В. В. Розанову, которые в контексте настоящей темы могут восприниматься иначе.

¹ См.: *Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. — Пг., 1922. — С. 67.

² Сводку и анализ этих суждений см.: *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Константин Леонтьев // *Достоевский: Материалы и исследования.* — Л., 1991. Т. 9. — С. 199–222.

«А когда Достоевский напечатал свои надежды на земное торжество христианства в “Братьях Карамазовых”, то Оптинские неромонахи, смеясь, спрашивали друг у друга: “Уж не вы ли, отец такой-то, так думаете?”»¹.

«В Оптиной “Братьев Карамазовых” *правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож*. Достоевский описал только его наружность, но *говорить* заставил совершенно *не то*, что он говорит, и не в *том* *стиле*, в каком Амвросий выражается»².

Леонтьев услышал в Оптиной то, что хотел услышать. Настораживает анонимность приводимых Леонтьевым оценок: «отец такой-то».

2. Старец Амвросий о Достоевском

В отличие от анонимных мнений, передаваемых Леонтьевым, известны другие высказывания конкретных Оптинских старцев о Достоевском.

Преподобный Амвросий Оптинский

Наиболее значительное суждение о Достоевском принадлежит великому Оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию (Гренков, 1812–1891). Оно было зафиксировано и впервые опубликовано духовным писателем Е. Н. Поселяниным (Погожевым), который, как и К. Н. Леонтьев, был духовным чадом старца Амвросия, неоднократно приезжал в Оптину Пустынь, специально собирал материалы о старце Амвросии. Сразу после кончины старца Амвросия (10 октября 1891 г.) Е. Поселянин опубликовал в «Душеполез-

ном чтении» очерк «Отец Амвросий; Его советы и предсказания», в котором привел слова старца о Достоевском после их келейной беседы наедине. Собственно, это даже не слова, а всего лишь два слова. «О. Амвросий постиг сущность смилившейся души писателя и отозвался о нем: “Это кающийся”»³.

Это слово старца Амвросия о Достоевском, видимо, было широко известно среди Оптинской братии. Независимо от Е. Поселянина его пересказывает живший на покое в Оптиной Пустыни архимандрит Агапит (Беловидов, 1843–1921?) в составленном им наиболее полном жизнеописании старца Амвросия: «Любил также старец побеседовать и с мирскими благочестивыми, в особенности образованными, людьми, каковых бывало у него немало. Посещали старца и светские писатели, как, напр., Достоевский и

¹ Письмо к И. И. Фуделю от 19–31 января 1891 г. // *Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891.* — СПб., 1993. — С. 554.

² Письмо В. В. Розанову от 8 мая 1891 г. // Там же. — С. 568. Курсив мой. — Г. Б.

³ *Поселянин Е. И. Отец Амвросий: Его советы и предсказания* // Душеполезное чтение. 1892. — № 1. — С. 46.

В. С. С(оловьев). О первом из них старец с свойственной ему пронизательностью отозвался: «Это кающийся»¹.

Характерно, что оба автора — Е. Поселянин и о. Агапит, отмечают точность этой характеристики: «О. Амвросий *постиг сущность* смирившейся души писателя», «старец с свойственной ему *пронизательностью* отозвался» (курсив мой. — Г. Б.).

Покаяние — начало и основа духовной жизни в христианстве. О смысле покаяния писал великий учитель покаяния преп. Ефрем Сирин: «Покаяние же, полагаясь на Божие благоволение, срастворяет кающегося с благодатию Святаго Духа и человека всецело делает сыном Божиим, чтобы ненавистную одну накладку иметь ему на себе»².

Акт покаяния является практическим выражением веры, ибо покаяние невозможно без объекта покаяния — Бога. Кающийся — значит, сущностно верующий, правоверующий, православный. Глубина покаяния показывает степень облагодатствованности человека. В церковном смысле даже святость подвижника определяется мерою его покаяния (пример преп. Марии Египетской).

Слова старца Амвросия о Достоевском можно без преувеличения назвать онтологической оценкой («постиг сущность») и высшей духовной «похвалой», когда-либо изреченной о писателе.

В периодически возникающей, начатой еще Леонтьевым полемике о «православности» Достоевского³ необходимо прежде всего вспомнить это суждение Амвросия Оптинского, которое является словом святого преподобного отца Русской Православной Церкви.

Интересно сравнить отзыв старца Амвросия о Достоевском со столь же кратким, но совершенно противоположным по смыслу его отзывом о Л. Н. Толстом. И. Концевич со слов Эльмера Мода, «друга и биографа Толстого», описывает последнюю встречу Толстого и старца Амвросия в 1890 г. (за год до кончины последнего): «Войдя к старцу, Толстой принял благословение и поцеловал его руку, а выходя поцеловал в щеку, чтобы избежать благословения. Разговор между ними был столь острым и тяжелым, что старец оказался в полном изнеможении и еле дышал. “Он крайне горд”, — отозвался о нем о. Амвросий»⁴.

Покаяние и гордость — диаметрально противоположные понятия. Гордость — это отсутствие, невозможность покаяния, и наоборот, покаяние — преодоление гордости. Пожалуй, о Толстом так кратко и так емко тоже никто не говорил.

3. Старец Иосиф (Литовкин) о Достоевском

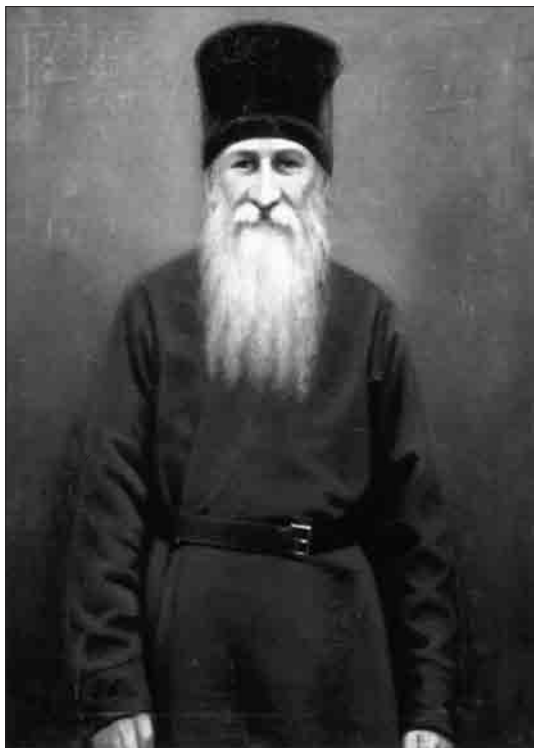
После кончины старца Амвросия его преемником по старчеству стал его келейник иеросхимонах Иосиф (Литовкин, 1837—1911), который так-

¹ [Агапит, архимандрит]. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — М., 1900. Ч. 1. — С. 94.

² Ефрем Сирин. Творения. — М., 1994. Т. 3. — С. 168. Репринт изд.: Сергиев Посад. 1912.

³ Последний пример: Лурье В. М. Догматика «религии любви». Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. — СПб., 1996. Сб. 2. — С. 290—309.

⁴ Концевич И. М. Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого: [Сб. статей]. — М., 1995. — С. 39.

*Прп. Иосиф (Литовкин),
старец Оптиной пустыни*

же собирал рассказы о своем духовном отце. В 1898 г. старец Иосиф послал в журнал «Душеполезное чтение» пространное письмо, в котором изложил собранные им сведения о пребывании в Оптиной Пустыни некоторых знаменитых писателей. Редакция опубликовала письмо в виде статьи под названием «Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев перед “старцами” Оптиной Пустыни»¹.

Большая часть статьи составляет материал о Н. В. Гоголе и И. В. Киреевском. Достоевскому посвящен всего лишь один абзац. Тем не менее он представляет большую ценность, так как о. Иосиф, будучи в то время келейником старца Амвросия, мог быть очевидцем посещения Достоевского.

«Среди старожилов нашей обители сохраняется воспоминание о посещении оной в 1877 году (ошибка! — в 1878 г. — Г. Б.) другим знаменитым нашим писателем Ф. М. Достоевским. Подолгу длились его беседы со старцем о. Амвросием о многих насущных вопросах духовной жизни и спасении души. Вскоре затем появились в печати “Братья Карамазовы”, написанные отчасти под впечатлением посещения его Оптиной Пустыни и бесед с о. Амвросием»².

В этой простой записи важно свидетельство старца Иосифа о теме беседы Достоевского и старца Амвросия: «о многих насущных вопросах духовной жизни и спасении души». Как увидим далее, это не просто общие слова, но точное указание действительной темы беседы.

Также важно, что старец Иосиф признает, что «Братья Карамазовы» написаны «под впечатлением посещения Оптиной Пустыни и бесед с о. Амвросием». У старца Иосифа в этом письме была возможность высказать какое-то несогласие с Достоевским в духе оценок Леонтьева. Но он этого не сделал. (Какая разница тона подлинных оценок Оптиных старцев и тех мнений «таких-то отцов», которые передает Леонтьев!)

Скорее наоборот, в письме можно прочесть косвенное признание того, что в Оптиной Пустыни узнали свой монастырь в «пригородном монасты-

¹ [Иосиф, иеросхимонах]. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев перед «старцами» Оптиной Пустыни // Душеполезное чтение. — 1898. Ч. 1. — С. 157–162. То же: Отд. оттиск. — М., 1898; Шамордино, 1911.

² Там же. — С. 162.

ре» «Братьев Карамазовых», а в старце Зосиме — отражение образа старца Амвросия.

4. Старец Анатолий (Потапов) и старец Зосима

Восприятие образа старца Зосимы как отражение реального старца Амвросия имело неожиданное продолжение в реальной действительности, когда уже самую Оптину Пустынь и Оптиных старцев стали воспринимать через призму романа «Братья Карамазовы» и образ старца Зосимы.

Этот «обратный эффект» относится прежде всего к старцу иеросхимонаху Анатолию (Потапову, 1855—1922). Он также был учеником и келейником старца Амвросия, одним из его духовных наследников. В начале XX в. о. Анатолий был признанным Оптиным старцем, духовным наследником старца Амвросия, к которому приезжало много читающей интеллигентной публики (в том числе П. Флоренский).

Вот что писал студент Санкт-Петербургской духовной академии И. Смоличев, побывавший у старца Анатолия в 1912 г.: «Келлия иеромонаха Анатолия находится при одном из маленьких храмов, в коридоре которого постоянно ожидают богомольцы, жаждущие благословения о. Анатолия. Перешагнув порог скромной келлии, мы увидели перед собой небольшого роста, слегка согбенного старичка, иеромонаха, лет шестидесяти, но еще бодрого на вид и необыкновенно подвижного и оживленного; со светлой улыбкой и ласковой, несколько торопливой речью, он приветствовал нас. Яркий образ Зосимы — олицетворение идеального, светлого, божественного — невольно всплыл в нашем представлении при виде одухотворенного, детски светлого лица батюшки о. Анатолия»¹.

Литературный герой определял восприятие действительности. Роман «Братья Карамазовы» для русской читающей публики становился подчас своего рода путеводителем по Оптиной Пустыни.

Старец Анатолий (Потапов)

¹ *Смоличев И.* По святым обителям. В Оптиной Пустыни (Из воспоминаний студента дух. акад.) // Русский инок. — 1914. — № 4. — С. 245—246.

III. СПОР В КЕЛЬЕ СТАРЦА АМВРОСИЯ!

В 1995 г. в альманахе «Оптина Пустынь» были опубликованы «Записки» протоиерея Сергея Сидорова (хранящиеся в фондах Церковно-исторического музея Свято-Данилова монастыря), который был духовным чадом старца Анатолия (Потапова) и часто в начале XX в. приезжал в Оптину Пустынь. Во время посещения Оптиной Пустыни в 1916 г. ему удалось побывать в келье старца Амвросия, в которой тот принимал Достоевского. В это время келью занимал архимандрит Ф. (автор записок не расшифровывает монограмму).

Келья старца Амвросия Оптинского

Мемуарист утверждает, что в келье среди других хранились автографы Достоевского (трудно сказать, что имеется в виду, возможно — роспись в гостиничной книге посетителей).

«Старец любезно показывал нам различные предметы домашнего обихода отца Амвросия (...) Отец архимандрит поделился с нами и своими интересными воспоминаниями. Он присутствовал при

знаменитом споре Достоевского с отцом Амвросием о вечных муках, когда Достоевский и Владимир Соловьев в 1879 (sic!) году посетили старца»¹.

Что это за спор? Был ли он или же это монастырская легенда?

1. В. С. Соловьев о Достоевском в Оптиной Пустыни

Д. И. Стахеев пересказал со слов В. С. Соловьева некоторые обстоятельства пребывания Достоевского в Оптиной: «Федор Михайлович Достоевский, например, вместо того чтобы послушно и с должным смирением внимать поучительным речам старца-схимника, сам говорил больше, чем он, волновался, горячо возражал ему, развивал и разъяснял значение произносимых им слов и, незаметно для самого себя, из человека, желающего внимать поучительным речам, обращался в учителя.

По рассказам Владимира Соловьева (он был в Оптиной Пустыни вместе с Достоевским), таковым был Федор Михайлович в сношениях не только с монахом-схимником, но и со всеми другими обитателями Пустыни, старыми и молодыми, будучи, как передавал Соловьев, в то время в весьма возбужденном состоянии, что обыкновенно проявлялось в нем каждый раз при приближении припадка падучей болезни...»². К воспоминаниям Стахеева

¹ Записки протоиерея Сергея Сидорова // Оптиная Пустынь: Православный альманах. — СПб., 1996. Вып. 1. — С. 123.

² Стахеев Д. И. Группы и портреты. Листочки воспоминания: О некоторых писателях и о старце-схимнике // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. — СПб., 1993. — С. 246.

нужно относиться достаточно осторожно¹. Скорее, этот рассказ отражает впечатление, произведенное паломничеством Достоевского в монастырь, на русскую либеральную общественность, к которой относился Стахеев.

Однако можно сделать вывод, что какая-то достаточно живая беседа произошла в келье Амвросия между старцем, писателем и философом.

О чем шла речь в келье Амвросия?

В общем тему беседы назвал старец Иосиф. Е. Поселянин приводит отзыв старца Амвросия о Вл. Соловьеве, который дает возможность представить основную тему и проблему беседы в келье. «Видел батюшка (Амвросий. — Г. Б.) и В. С. С. (Соловьева. — Г. Б.) и отозвался о нем: «Этот человек не верит в загробную жизнь»².

Это, кажется, косвенно подтверждает архимандрит Агапит: Амвросий «о втором дал неодобрительный отзыв» (т. е. о Соловьеве)³.

Если верить этим источникам, создается действительно картина серьезной полемики, прежде всего между старцем Амвросием и Соловьевым, о вечной жизни.

В. С. Соловьев

2. Иеромонах Ераст о споре

Однако вернемся к спору. Составитель «Исторического описания Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита» (1902) иеромонах Ераст приводит важные поправки по поводу этой беседы, и в частности о Владимире Соловьеве. Приведем полностью эту цитату: «Считаем долгом восстановить здесь истину относительно отзыва о. Амвросия о Вл. С. Соловьеве. Автор «Очерков жизни о. Амвросия» (1 ч., 94 с.) (то есть архимандрит Агапит. — Г. Б.) пишет, что о В. С. Соловьеве старец сделал «неодобрительный отзыв», причем сослался на январскую книгу Душеполезного чт(ения) за 1892 г., с. 46; а там сказано, что «Соловьев не верит в будущую жизнь». Очевидно, слова старца, если их и слышала госпожа Н от самого о. Амвросия, то не поняла смысла их. Нам лично о. Амвросий сказал (по поводу полемики К. Н. Леонтьева с Соловьевым о сочинениях Данилев-

¹ По замечанию В. А. Котельникова, они «отличаются каким-то глумливым, совершенно ракинымским тоном» (*Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература*).

² *Поселянин Е. И. Отец Амвросий: Его советы и предсказания.* — С. 46.

³ [*Агапит, архимандрит*]. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. — С. 94.

ского): “Спроси-ка Соловьева, как он думает о вечных мучениях?”. В этих словах старца исключается всякое сомнение относительно веры Соловьева в будущую жизнь. Да это и видно и из последних замечательных сочинений его, Соловьева: “Оправдание добра” и “Три разговора под липами”»¹.

3. Был ли спор?

Подытожить все имеющиеся сведения о споре в келье старца Амвросия можно следующим образом: спора в светском смысле этого слова не было. Судя по всему, это было «рассуждение мистическое»: «о спасении души», «о будущей жизни», «о вечных мучениях». Возможно, именно здесь, в келье старца Амвросия, обсуждались некоторые идеи «Бесед и поучений старца Зосимы», в частности беседы «О аде и адском огне».

Вполне естественно, что живая беседа о вечных вопросах бытия могла привести писателя в волнение, о котором Соловьев вспоминает, как о «весьма возбужденном состоянии».

IV. ПОЗДНИЕ ОПТИНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДОСТОЕВСКОМ

Поразительно, что предания о Достоевском сохранялись в Оптиной Пустыни вплоть до 1917 г. и даже в первые годы советской власти.

1. Анекдот о сломанном стуле

Спор в поздних Оптиных преданиях обрел некоторые «вещественные доказательства».

Протоиерей Сергей Сидоров при описании кельи старца Амвросия сообщает: «Здесь были кресла, где сидел Гоголь, стул, который сломал во время спора со старцем Амвросием Достоевский»². «Легенду о сломанном стуле» можно отнести к жанру монастырского — или околомонастырского — фольклора. Этот анекдот мог возникнуть на потребу светских паломников, искавших «ярких подробностей» пребывания в Оптиной великих писателей.

2. Кресло Достоевского в Оптиной Пустыни

Хотя «стул», связанный с памятью Достоевского, все же был. О нем упоминает старец Варсонофий (Плеханков, 1845—1913). Будучи в начале XX в. скитоначальником Оптинского скита, он принимал посетителей в той же келье, что и старец Амвросий. Однажды в келейной беседе с духовными чадами он упомянул имя Достоевского: «Достоевский, который бывал здесь и сживал на этом кресле...»³.

Итак, память о посещении Достоевским Оптиной имела и материальное выражение в виде «мемориального» кресла, что можно считать первым опытом музеефикации пребывания писателя в монастыре.

¹ [Ераст, иеромонах]. В. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита. — Изд. Оптиной Пустыни, 1902. — С. 125.

² Записки протоиерея Сергея Сидорова // Оптина Пустынь: Православный альманах. — СПб., 1996. Вып. 1. — С. 123.

³ [Варсонофий (Плеханков), схиархимандрит]. Беседы схиархимандрита Оптинского скита Варсонофия с духовными детьми. — СПб., 1991. — С. 36.

3. Предание о посещении Достоевским петрашевца Н. С. Кашкина

Неожиданное предание записала поэтесса Надежда Павлович в начале 1920-х гг. Она в это время работала в существовавшем некоторое время в Оптиной Пустыни музее. Последние монахи рассказали ей, что Достоевский, будучи в Оптиной, переправлялся на другой берег Жиздры на лодке (а не на пароме) и посещал находившегося неподалеку в своем имении Н. С. Кашкина, знакомого Достоевского по кружку Петрашевского¹.

Подтвердить или опровергнуть это предание представляется практически невозможным.

V. СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ О ЗАГРОБНОЙ УЧАСТИ ДОСТОЕВСКОГО

В келье старца Амвросия речь шла не только «об адском огне», но и о рае.

Старец схиархимандрит Варсонофий также был учеником старца Амвросия и, возможно, от своего учителя слышал о беседе Достоевского со старцем, что однажды достаточно подробно пересказал своим духовным чадам:

«Достоевский (...) говорил старцу Макарию (очевидно, что это ошибка, вместо “Амвросию”. — Г. Б.), что раньше он ни во что не верил.

— Что же вас заставило повернуть к вере? — спрашивал его батюшка Макарий.

— Да, я видел рай. Ах, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, — и с тех пор повернул к Богу!

И действительно, повернул он круто, и мы веруем, что Достоевский спасен»².

Здесь находится ценный материал для понимания «Сна смешного человека», но главное — мы соприкасаемся с тайной загробной участи души Достоевского. Старец Варсонофий заглянул, если так можно сказать, в посмертную биографию писателя, в область, не

Преподобный Варсонофий Оптинский

¹ Павлович Н. А. Оптина Пустынь. Почему туда ездили великие? // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». — М., 1980. Т. 12. — С. 84–91.

² [Варсонофий (Плеханков), схиархимандрит]. Беседы схиархимандрита Оптинского скита старца Варсонофия с духовными детьми. — С. 36.

доступную никому другому. Как видим, Оптиной Пустыни была открыта тайна Достоевского, и Оптинские старцы знали ее: «мы веруем, что он спасен».

По сути, старец Варсонофий сказал то же самое о Достоевском, что и старец Амвросий: «это — кающийся», ибо покаяние по учению св. отцов есть «путь ко спасению».

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Достоевский и Оптина Пустынь

Комплекс Оптинских преданий о Достоевском говорит о глубокой духовной связи и сродстве Достоевского и Оптиной Пустыни.

Достоевский, пробывший в монастыре всего три дня, тем не менее, остался в памяти Оптиной преданиями и легендами, реальными и вымышленными.

Посещение Достоевским Оптиной Пустыни не только стало событием его духовной жизни, но, как мы видели, было также примечательным событием и для истории самой Оптиной Пустыни.

Можно сказать, что Оптина приняла Достоевского и запечатлела в своей памяти его образ. Более того, думаем, что имеем основание утверждать: Достоевский соединился с образом Оптиной, так что уже невозможно понять и представить себе писателя без Оптиной или вне Оптиной, как, впрочем, наверное, и Оптину нельзя представить без Достоевского.

2. Канонизация Собора Оптинских старцев

Теме «Достоевский и Оптина Пустынь» придает особую значимость состоявшаяся 26 июля 1996 г. канонизация Собора преподобных отцов и старцев, в Оптиной Пустыни просиявших. Этот собор составляет четырнадцать имен Оптинских старцев.

Четверо из упоминавшихся в настоящей работе Оптинских старцев причислены среди прочих к лику святых: преподобный Иосиф, преподобный Анатолий, преподобный Варсонофий, а также преподобный Амвросий (канонизирован в 1988 г.). Таким образом, слова и суждения Оптинских старцев о Достоевском приобретают характер святости и силу церковного предания.

**Екатерина
СКОРОБОГАЧЕВА**

ФИЛОСОФИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ГЛАЗУНОВА

*К 190-летию со дня
рождения Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества.

Родилась в г. Самаре. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

Искусство Ильи Сергеевича Глазунова, столь многогранное и емкое, продолжает традиции классики, реализма, но вместе с тем наполнено иносказательным идейным звучанием. Глубина трактовок и многоплановость свойственны его студенческим работам, развиты в последующих произведениях, явно выражены в новых картинах художника. При всем многообразии содержания различных эпох и современной жизни, при обращении к конкретным событиям и личностям Ильи Глазунов выделяет их главное — смысл, остро переживает его, отражая в своих произведениях, в том числе в иллюстрациях к русской классической литературе.

Несомненно, что его творчество не может быть причислено к какому-либо стилю или художественному направлению, кроме реализма, если следовать определению реалистического искусства М. А. Врубелем, который говорил, что «только реализм родит глубину и всесторонность», или если опираться на слова Ф. М. Достоевского, писавшего «о реализме в высшем смысле этого слова».

В творчестве И. С. Глазунова одно из значимых мест занимают образы к произведениям русской классической литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Блока, П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, А. И. Куприна. Художник не только дает характеристики конкретным персонажам и событиям, но отражает свое понимание религиозной, философской, эстетической жизни России XIX века, времени, когда, несмотря на многие сложности и противоречия, был достигнут расцвет нашего национального самосознания, русской классической культуры. Среди иллюстраций центральными, несомненно, являются образы к произведениям

*Ф. М. Достоевский
в Петербурге.
И. С. Глазунов, 1956*

*Ф. М. Достоевский
в Петербурге.
И. С. Глазунов, осень 1985*

Ф. М. Достоевского, идеи которого особенно близки И. С. Глазунову со студенческих лет. Для него Федор Михайлович Достоевский — писатель-пророк, философ. В многочисленных иллюстрациях Илья Сергеевич выражает идеи писателя.

Острые по звучанию образы созданы И. С. Глазуновым в 1956 году в композиции «Ф. М. Достоевский в Петербурге», в трех иллюстрациях к роману «Идиот» (образы князя Мышкина, Настасьи Филипповны и Рогожина) — это первое обращение 26-летнего художника к творчеству Ф. М. Достоевского. Уже тогда Илью Глазунова интересовала атмосфера произведений писателя, передача духовного напряжения, тревоги, присущих его повествованию. Он стремился раскрыть философию Ф. М. Достоевского, в зримых образах передать его идеи, что, бесспорно, удалось.

Одним из подтверждений тому следует назвать композицию «Ф. М. Достоевский в Петербурге» (1956 г.), которое воспринимается не только как реалистично трактованный образ, но как воплощение идейного пространства произведений писателя. Драматизм передан и в цветовом решении, и через отдельные детали — застывшие громады домов, нависающие над серой водой канала, черные ветви деревьев, тянущиеся к тревожному небу, в котором за тучами едва угадывается солнечный свет. Здесь все овеяно памятью о жизни Достоевского и судьбах его героев.

Каждая картина, созданная художником и обращенная к повествованию Ф. М. Достоевского, представляет рассуждения философского, религиозного, этического характера, как живописный триптих к роману «Братья Карамазовы»: «Ф. М. Достоевский. Ночь» (1992 г.), «Голгофа» (1985 г.), «Великий инквизитор» (1985 г.) — обобщенные глубинные заключения о России, ее историческом пути, неразрывно связанном с православной верой.

Илья Сергеевич Глазунов ставит перед собой сложнейшие задачи, изображает «философские мислеобразы», раскрывая важнейшие идеи писателя. Одной из основных в мировоззрении Федора Михайловича Достоевского является

идея всемирной отзывчивости, которая отражена во многих его произведениях. Все творчество Ф. М. Достоевского, по заключению ряда критиков, обращено к человеку, к его духовному миру. Развитие идеи всемирной отзывчивости он прослеживает в характеристике различных, во многом контрастных персонажей своих произведений, то есть выявляет божескую,

Ф. М. Достоевский. *Белая ночь.*
И. С. Глазунов, 1983

а не демоническую сторону людей. В понимании Достоевского человек — это всегда образ и подобие Божие, как бы ни было сложно увидеть это подобие. Способность человека к всемирной отзывчивости позволяет оценить его близость к духовным идеалам, к тому духовному свету, к которому так мучительно стремятся многие герои произведений Достоевского.

Идея всемирной отзывчивости пронизывает все творчество писателя, всю его философию, но впервые он провозглашает ее в речи на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 году. Говоря о значении Пушкина для России, он делает вывод о «способности всемирной отзывчивости»¹ русского народа и его гения — Пушкина. «Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим...»².

Несомненно, данная идея исключительно значима в творчестве и Ильи Сергеевича Глазунова, художника, философа, историка. Близки художнику и рассуждения об идее всемирной отзывчивости в произведениях Ф. М. Достоевского, которые И. С. Глазунов отражает в своих образах. Закономерно, что критики нередко называют художника «Достоевским в живописи».

Говоря о всемирной отзывчивости на основе произведений Ф. М. Достоевского и И. С. Глазунова, следует вспомнить большинство центральных персонажей, поскольку данная идея каждому из них, как Божьим творениям, присуща изначально. Она неотделима от христианских заповедей, от всепрощающей христианской любви, от православного мировоззрения и противопоставлена атеизму, нигилизму. Чем в большей степени теряет человек способность к всемирной отзывчивости, тем менее он подобен образу Божьему.

Эту способность невозможно различить в ряде персонажей Ф. М. Достоевского и И. С. Глазунова, в других она малозаметна. Кто-то мучительно борется с собой и окружающим миром, чтобы не утратить или приобрести ее. Характеристики таких героев, на мой взгляд, предельно остры, выразительны и у Ф. М. Достоевского, и у И. С. Глазунова, так как в одной личности сконцентрированы и немощи человеческие, и сила Господ-

¹ Ф. М. Достоевский. *Дневник писателя.* — СПб., 2005. — С. 433.

² Там же. — С. 434.

Двор. И. С. Глазунов, 1983

У проруби. И. С. Глазунов, 1983

ня, вражда и любовь, тьма и свет. Именно через страдания и, казалось бы, тягчайшие деяния, непоправимые ошибки они приходят к духовному свету. Исключительно важно — раскрыть поиск, духовное движение персонажа. Этим объясняется предельное напряжение, контрастность трактовки образов И. С. Глазуновым, в которых через четкость линии, насыщенность тона и цвета, акценты светотени, выразительность портретных характеристик и детали дальнего плана он раскрывает философский смысл.

Но есть и ряд героев, которым в высшей степени присуща способность к всемирной отзывчивости. Именно они провозглашают торжество света, возможность обретения горнего мира человеком в земной жизни и свидетельствуют о великой вере писателя в Человека. Возможно попытаться классифицировать причастность персонажей Ф. М. Достоевского и И. С. Глазунова к идее всемирной отзывчивости.

О сути романа «Идиот» Ф. М. Достоевский писал: «Главная идея... изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете», показать, что «сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества»¹. В данном высказывании сформулирована и идея всемирной отзывчивости, которая нашла воплощение в образе главного персонажа, князя Мышкина — «князя Христа», по Достоевскому. Название романа объясняется прежде всего

¹ Ф. М. Достоевский. Идиот. — СПб., 2003. — С. 641.

тем, что князь Мышкин, живущий по нормам православия, которые неотрывно связаны с идеей всемирной отзывчивости, кажется идиотом для окружающих. Так писатель раскрывает духовный конфликт между личностью и обществом.

В романе «Идиот» идея всемирной отзывчивости прозвучала наиболее ясно и сильно, но также раскрыта в ряде других произведений: в повести «Неточка Незванова», в романах «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Бесы». И могло ли быть иначе? Русскому человеку столь свойственна отзывчивость, что невозможно раскрыть его суть, не обратившись к этой идее.

Всемирная отзывчивость — идеал духовной красоты для Достоевского. «Если... не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии... Христос в себе и в слове своем нес идеал красоты...»¹. Ее проявления он находит в образе маленькой Неточки, столь восприимчивой к окружающему, в обостренном чувствовании не столько реальной, сколько придуманной жизни героями романа «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные». Именно через обретение всемирной отзывчивости герои романа «Преступление и наказание», Родион Раскольников и Соня Мармеладова, преодолевают духовную бездну. И особенно поражают проявления этой идеи среди жестокости хаоса в романе «Бесы».

Исключительно емко и концентрированно выводы Достоевского даны в «Дневнике писателя», который сосредоточил религиозно-философские заключения, опыт многих лет. В частности, в разделе «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» он пишет: «... Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо

Неточка Незванова. И. С. Глазунов

¹ Ф. М. Достоевский. Из письма Ф. М. Достоевского В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. в книге «Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы». — М., 2003.

Алеша. И. С. Глазунов, 1983

святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!»¹

О таких святых с наивысшей силой пишет Достоевский в романе «Братья Карамазовы» — это Алеша Карамазов и старец Зосима. Их образы являются едва ли не совершенное воплощение идеи всемирной отзывчивости. Достоевский вновь противопоставляет их окружающему миру, и пояснением этих

образов могут служить слова самого писателя: «Если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства... Под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему»². Алеша Карамазов и старец Зосима — свидетельство неискаженной Христовой веры, уникальные, редчайшие характеры и в созданиях Достоевского, и в реальном обществе современного писателя XIX в. Напряжение их поиска христианских истин, а значит, и идеи всемирной отзывчивости раскрывает Ф. М. Достоевский, а зримое выражение его идей находит в своих образах И. С. Глазунов.

Художник языком графики показывает место персонажей Достоевского в окружающем мире, несоответствие духовных идеалов с целями реального общества. И. С. Глазунов выявляет приверженность персонажей Ф. М. Достоевского духовным идеалам, от наименьшей до почти полного им соответствия. Художник дает глубокие и вместе с тем ясные и лаконичные оценки сути героев, оценить которую во многом позволяет воплощение в их образах идеи всемирной отзывчивости.

Через портретные характеристики он раскрывает удаленность от духовных идеалов Свидригайлова, Рогожина, Ставрогина, Шигалева, Валковского, Петра Федоровича Карамазова, Смердякова. Каждому образу находит индивидуальное прочтение, в котором характерная внешность отражает внутренний мир, идейное содержание образа.

Исключительно емко и сложно И. С. Глазунов вслед за Ф. М. Достоевским выражает идею «высшего» человека вне морали в образах Раскольникова, Кириллова, Ивана Карамазова, являя мучительный поиск человека. Этот поиск удален от идеи всемирной отзывчивости, как в образе Кириллова, содержит сложное рассуждение о ней Иваном Карамазовым, как, например, в его «Легенде о Великом Инквизиторе», или постепенное, мучительное приближение к ней, как в образе Родиона Раскольникова.

Путь к идее всемирной отзывчивости и в целом к христианским истинам, Достоевский раскрывает в отношении героев, одержимых идеей «высшего

¹ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. — СПб., 2005. — С. 46.

² Ф. М. Достоевский. Из вступительного слова, сказанного на литературном утрене в пользу студентов Санкт-Петербургского университета в книге «Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы». — М., 2003.

человека», но также в отношении тех, в ком «все противоречия вместе живут». Такие образы многочисленны и у Ф. М. Достоевского, и у И. С. Глазунова. Мы можем вспомнить Мечтателя, музыканта Ефимова, Ивана Петровича, подростка Аркадия, Версилова, Игрока, Дмитрия Карамазова и других. В образах художника предстают уже не уникальные сильные личности, а вполне обыденные персонажи: люди, подверженные многим слабостям, противоречивые в своих мыслях и поступках, типичные не только для общества XIX в., но и для современности. В многочисленных портретных образах, созданных И. С. Глазуновым, мы видим, как «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Герои Достоевского, приближаясь к идее всемирной отзывчивости или теряя причастность к ней, разрешают те же вопросы, которые встают перед самим писателем. В письме к брату, М. М. Достоевскому, в 1847 года Федор Михайлович писал: «...Быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее»¹. К решению этой задачи в произведениях Достоевского нередко приближаются женские персонажи, что емко и тонко отражено в картинах И. С. Глазунова. Вслед за писателем художник обращается к сложности духовного выбора в образах Настеньки, взрослой Неточки, Наташи, Сони Мармеладовой, Настасьи Филипповны, Лизаветы Николаевны, Катерины Ивановны, Грушеньки и других. Данные женские образы Ф. М. Достоевского и И. С. Глазунова — это цельные, сильные, сложившиеся личности. Подобные образы И. С. Глазунова самодостаточны и завершены, и, даже не зная произведений Ф. М. Достоевского, зритель может постигать их суть, размышлять о характере и судьбе представленного персонажа.

Княжна Кати. И. С. Глазунов

¹ Ф. М. Достоевский. Из письма М. М. Достоевскому 22 декабря 1849 г. в книге «Ф. М. Достоевский. «Белые ночи. Двойник. Произведения 1846–1859 гг.». — М., 2003.

Летний сад. И. С. Глазунов, 1983

но и пейзаж подобен «философскому мыслеобразу» — передачи настроения повествования, идеи.

Женские и детские образы являют высокую степень причастности к идее всемирной отзывчивости, но в наибольшей мере ей следуют трое героев Ф. М. Достоевского — князь Мышкин, Алеша Карамазов и старец Зосима. Они занимают одно из центральных мест в творчестве и Ф. М. Достоевского, и И. С. Глазунова. Данные персонажи принадлежат к разным социальным слоям, поставлены в разные жизненные ситуации, отношение к ним окружающих также различно. Однако они исключительно близки между собой духовной целостностью и силой, содержанием своей внутренней жизни, в которой предельно ясно выражена идея всемирной отзывчивости.

«Подвиг братолюбивого общения», по словам Ф. М. Достоевского, свершает князь Мышкин. Он находится среди петербургской знати, в духовно чуждой ему среде, но все же не изменяет своим принципам, не теряет веры. Так, этот с виду слабый человек свершает подвиг, принося великую жертву — собственное душевное равновесие. Илья Сергеевич Глазунов впервые в графической картине создал образ Мышкина в 1956 году. Тогда студенту Художественного института им. И. Е. Репина было всего 26 лет. Но молодой художник уже пережил войну, трагедию блокады, гибель близких. Однако велико в нем было осознание величия нашего народа, истории России, красоты классического искусства, велико и стремление служения им. Потому в душе художника, а затем в его картинах столь пронзительно выражены полюсы добра и зла. Исключительно сильно художественное ре-

Говоря об идее всемирной отзывчивости, нельзя не отметить и детские образы: Неточки Незвановой, княжны Кати, Нелли в решении Ф. М. Достоевского и И. С. Глазунова. Благодаря анализу женских и детских образов возможно заключить, что в их понимании способность к всемирной отзывчивости является и присущей человеку изначально, и приобретенной среди несовершенств земного мира путем душевной борьбы, страданий. Ранимые и слабые, чистые душой, дети ввергнуты в то же беспощадное противостояние добра и зла. Об этом позволяет судить напряженное звучание произведений И. С. Глазунова: «Неточка Незванова» на фоне осеннего бесприютного Петербурга, «Нелли», среди вечернего зимнего холода просящая милостыню. Здесь не только портретные характеристики героев,

шение его образов князя Мышкина, Алеши Карамазова — «раннего человека», старца Зосимы, достигшего вершин монашеского подвига. Они близки народу. Вслед за А. С. Пушкиным Ф. М. Достоевский дает нам «художественные типы красоты русской, обретавшейся в народной правде, в почве нашей...»¹. Как и А. С. Пушкин, он провозглашает: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены»². Также и картины И. С. Глазунова созвучны данным словам. Подтверждением могут служить не только образы к произведениям Ф. М. Достоевского, но и многочисленные исторические картины художника. Вере «в дух народный» посвящены «Вечная Россия», «Легенда о граде Китеже», «Сергий Радонежский и Андрей Рублев», «Храни Бог Россию!», «Чудо. Асфальт» и многие другие.

Среди множества персонажей характеры, подобные князю Мышкину, Алеше Карамазову, старцу Зосиме, редки у Ф. М. Достоевского, нечасто обращается к ним и И. С. Глазунов. Чтобы найти объяснение этому, стоит вспомнить, что и писатель, и художник являются «реалистами в высшем смысле», размышляют о правде жизни, изображают «все глубины души человеческой»³. Люди, столь сильные духом, столь причастные к идее всемирной отзывчивости, редки в реальном мире. Такие образы немногочисленны, но тем важнее, ибо доказывают, что возможно достижение света среди тьмы. Они все же характерны для нашего народа, и их возникновение из народной среды, их признание в ней свидетельствуют о духовном единении. Картины зримо подтверждают для нас заключение художника о созданиях Ф. М. Достоевского, верное и в отношении его собственного творчества: «Достоевский выводит своих героев из бездн падения к свету и показывает, что возрождение человека возможно всегда...»

Исходя из рассмотренного материала, возможно заключить, что идея всемирной отзывчивости является одной из центральных в произведениях Ф. М. Достоевского. Она исключительно важна и для И. С. Глазунова, ибо выражает «вечную борьбу добра и зла, света и тьмы, Бога и сатаны». Об этом свидетельствует не только обращение художника к литературным сюжетам, но и все творчество, поскольку, по выводам Достоевского, идея все-

Скит. И. С. Глазунов, 1983

¹ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. — СПб., 2005. — С. 432.

² Там же. — С. 432.

³ Там же. — С. 465.

Оптина Пустынь. И. С. Глазунов, 1983

ти» связано прежде всего с именем Ф. М. Достоевского. Но она присутствует во многих центральных памятниках религиозно-философской мысли Руси и России. Со времен Древней Руси и до настоящего времени наша национальная культура воплощает «высоту Божьего совершенства». Об этом свидетельствуют памятники храмового зодчества, иконописи и фресковой живописи, полузабытая символика декоративно-прикладного искусства, философские трактаты, классическое изобразительное искусство XIX, XX в., литература и музыка. Именно такое воплощение духа народа, его мировоззрения, особенно значимо. Идея всемирной отзывчивости всеобъемлюща. Через обращение к ней раскрывается самобытность творческой личности, отдельной эпохи, народа, вневременная суть национального мировоззрения, что подтверждает и искусство Ильи Сергеевича Глазунова.

мирной отзывчивости неотделима от духовной жизни России. Например, возможно обратиться к произведениям классическим русской литературы: А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Н. С. Лескова, Гончарова, И. С. Тургенева. И разве не размышляют в живописи о всемирной отзывчивости, неотделимой от христианских заповедей, В. И. Суриков, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, И. Н. Крамской, Н. Н. Ге и многие другие? Раскрытие духовной жизни, в том числе через обращение к данной идее, является важным критерием оценки значимости творчества.

Это обоснованно, поскольку в идее всемирной отзывчивости выражены философско-религиозные устои национального мировоззрения. Для нас понятие «идея всемирной отзывчивос-

Валентин РАСПУТИН

ДОСТОЕВСКИЙ — НАШ СОВРЕМЕННОК

*К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

У нас невольно, от постоянного общения с ними, создаются зримые и монументальные образы самых великих художников в литературе: Пушкин, блистающий талантами, как рыцарскими доспехами, по духу и образу жизни истинно рыцарь, высоко поднявший значение и честь литературы, защищавший честь России и свою личную честь; Гоголь — как нахохлившаяся вещая птица, слетевшая на многострадальную нашу землю из неведомых высот; Толстой — точно корневище огромного дуба, глубоко в землю запустившего корявые и мускулистые лапы корней и вбирающего все начала жизни и все учения мира... Толстой, сиротствующий без креста на своем могильном холме... И Достоевский со скрещенными на коленях руками и мученическим лицом, с пристально устремленными вперед глазами, как на известном портрете Перова, и в глубокой думе, выдающей огромную работу ума и души. Толстой — произведение природное, былинное, похожее на мифологического Пана, при всей своей могучести так и оставшееся незавершенным; Достоевский — произведение духовное, не корневое, а плодное и по мысли, по характеру работы совершенное. Его глубины — это немеренность человеческой души, безудержные страсти его героев сравнимы с горячим выплеском лавы из запущенных и обремененных грехом пластов, до них чудом достает смиренный и пронзительный луч любви и вызывает извержение, после которого должны последовать или гибель от непереносимой боли, или преображение. У Достоевского лицо духовника, озабоченного устройством душевных глубин, всё, о чем он говорит, он го-

ворит доверительно, наклоняясь к вашему уху, порой сбиваясь, торопясь, потому что желающих подойти к нему много, но, не сбиваясь с доверительности, договаривая до конца. Вот это-то собеседование, требовавшее полного внимания, и признавалось не умеющими слушать за «болезненное впечатление». В храме другой язык, чем на улице. К чтению Достоевского приходится готовить душу, как к исповеди, иначе ничего не поймешь.

Достоевский — пророк, Достоевский — поразивший мир своим буйным и выверенным психологизмом художник. Все это неоспоримо. Конечно, пророк, многое предугадавший и многое сказавший навечно. В сущности, все у него, за исключением двух-трех политических статей в «Дневнике», сказано навечно, и чиновника, поступающего на государственную службу, следовало бы подвергать экзамену, читал ли он Достоевского, что он взял у Достоевского. Но для нас как-то не столь уж важно, что он пророк, для нас пророк — далекое, поднебесное понятие, до которого не дотянуться, а так не хочется отпустить от себя Федора Михайловича и лишиться его близости и доверительности. Его пророчество объясняется тем, что он был умным и внимательным зрителем русской жизни и как исповедник знал, где в человеке искать человека. У него десятки откровений, которые превосходят человеческий ум, даже самый проникающий, и которые, кажется, не могут быть земного происхождения, но озарение знает, в каком сосуде блеснуть.

Самое важное, быть может, для нас сегодня — припомнить, что из своей вечности Федор Михайлович говорит о народе, из которого он вышел, о литературе, которой он служил, о жизни, которую наблюдал. Он говорит:

«Все наши русские писатели, решительно все только и делали, что обличали разных уродов. Один Пушкин, ну да, может быть, Толстой, хотя чудится мне, что и он этим кончит... Остальные все только к позорному столбу ставили, или жалели их и хныкали. Неужели же они в России не нашли никого, про кого могли сказать доброе слово, за исключением себя, обличителя?.. Почему у них ни у кого не хватило смелости (талант был у многих) показать нам во весь рост русского человека, которому можно было поклониться? Его не нашли, что ли!..»

Не больно-то его и искали. После Достоевского литература еще усердней занялась переустройством социальной жизни; как жуки-древоточцы, художники крошили основание тысячелетнего здания, умилаясь в перерывах родным картинам вокруг, родным лицам и родным песням. Поумиляются — и снова за работу. Рухнуло здание (отчего так хочется думать, что доживи Достоевский до возраста Толстого, этого не произошло бы с такой стремительностью и безоглядностью, с каким-то бурлацким «эх, ух-нем!» — хотя здравый смысл подсказывает, что и он не удержал бы этого безотчетного разрушительного порыва, но так велик был авторитет Достоевского, таким обнадеживающим ореолом засияло его имя, что просвещенным русским людям представилось, что даже похороны Федора Михайловича, многотысячные, явившие огромную соединенную боль и волю, сумели остановить надвигающуюся революцию) — но рухнуло здание, принялись выстраивать новое, в литературе поменяли почерк с критического на социалистический, последний потребовал «героя нашего времени» по идеологическим меркам. Позднее, после войны, литература сумела-таки поклониться воину, защитнику Отечества, еще позднее нашла она и подходящие чувства,

и язык, чтобы поклониться старикам, хранителям народных традиций и языка, веры и совести, на своих плечах в несказанной муке вынесших Россию из голода, холода и неурядства, но поклонилась им литература уже с края могилы, в которую уходила русская деревня. А затем опять, и с еще большей страстью, с еще большим остервенением, началось поношение народа, не прекращающееся по сей день: и такой он, и сякой.

Да, и такой, и сякой...

«Но народ сохранил и красоту своего образа, — отвечает Достоевский. — Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет найти в этой грязи брильянт. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто

делает, а по тем великим и святым вещам, по которым и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же в народе мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!»

Хорошо сказано Аглаей Епанчиной в «Идиоте»: «Есть два ума — главный и не главный». У Достоевского во взгляде на Россию и народ ее был именно главный ум, видящий дальше изображения перед глазами, проникающий через времена, освещенный любовью и состраданием, подтвержденный их духовным значением.

Достоевский — наш современник. Не ахти какое открытие, каждый большой писатель больше времени, в которое он живет, поскольку нерядовой талант — это кладовая со многими дверьми и это истины, раскрывающиеся, точно цветы во всякую весну, перед каждым новым поколением. Но Достоевский, как и Пушкин, ближе и современней нам целого ряда других великих, точней, обширней, сердечней и глубже. Даже постоянно читающие Федора Михайловича знают: у него строки имеют способность прирастать к прежнему тексту. Не было — и вдруг обнаружилось, и обнаружилось в удивительном созвучии с происходящими событиями. Он сумел рассмотреть наших новых либералов и сказал об их преступном обезьянничанье и пресмыкательстве перед Западом. Он точно побывал в Думе, когда там принимался Земельный кодекс, и воскликнул, дивясь неразумности «народных

*Ф. М. Достоевский.
Художник Ю. Селиверстов*

представителей», осмелившихся торговать землей: «...земля — всё, а уж из земли для него (для крестьянина. — *В. Р.*) всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, всё, что есть драгоценного». Он сказал и о реформе образования, и о необузданных свободах, и о чужебсии, и о национальном вопросе, и о братстве, и о русских, отторгнутых от родины, но остающихся русскими, и о том, что наш всемирный путь лежит не через Европу (а он считал Европу второй родиной), а через нашу национальность. Более 120 лет назад он сказал решительно обо всем, что считается сегодня злободневным, и заключил:

«Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет... Откройте русскому человеку русский “свет”, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, скрытое от него в земле. Покажите ему в будущем обновление всего человечества и Воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий, вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше!»

Две силы — родная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя. Когда насильственно отвергнута была вера, почти столетие, литература, пусть и недостаточно, пусть и притчево, иносказательно, но продолжала духовное дело окормления и не позволила народу забыть молитвы. Теперь, при иных порядках, отвергается литература русского склада. В нашей словесности Смердяковы могли быть литературными героями, но не могли быть авторами, властителями дум. Теперь они родственной толпой, подбадривая и подталкивая вперед друг друга, кинулись наперебой выводить смердяковское: «Россия-с, Марья Кондратьевна, одно невежество. Я думаю, что эту проклятую Россию надо завоевать иностранцам». Сумеет ли, в свою очередь, вера поддержать литературу, трудно сказать. Ибо России для ее нравственного и духовного спасения и возвышения нужна не просто хорошая, честная, чистого письма литература — ей нужна литература сильная и влиятельная, жертвенного реализма, достойная Пушкина и Достоевского.

Валентина ВЕТЛОВСКАЯ

**ТЕОРИЯ
«ПОЛИФОНИЧЕСКОГО
РОМАНА» М. М. БАХТИНА
И ЭТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

*К 190-летию со дня
рождения Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Валентина Евгеньевна Ветловская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом). Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета. Член СП России. Член Международного общества Достоевского. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Лауреат Всероссийской православной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского. Автор многих статей и книг по теории и истории классической русской литературы. Известный исследователь творчества Ф. М. Достоевского. Живет в Санкт-Петербурге.

По-видимому, ни один из русских писателей из всей чрезвычайно богатой и многообразной русской литературы на всем протяжении ее существования не будоражит так умы современного интеллигентного человечества и Запада, и Востока, как Ф. М. Достоевский. И это понятно. Трудно найти даже и в мировом искусстве такое разнообразие идей, такое глубокое проникновение в тайны человеческой души, в тайны путей и перепутий отдельных лиц и всего людского рода, какие мы встречаем в произведениях этого писателя. Следует сказать не только о глубине, но и о необычайной смелости, которая отличает мысль этого художника, смелости, идущей и от безудержной искренности и страстности его натуры, и от удивительной силы его ума. Известно признание Достоевского, сделанное по случайному поводу (в письме А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.): «...натура моя <подлая и> слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил». Это почти так и есть, хотя покаянная нота, звучащая в приведенных словах, предупреждает о преувеличении (ведь покаяние не терпит оговорок). Но нет никакого преувеличения в словах о собственной «беспредельности», когда речь идет об усилиях Достоевского понять и выразить доступными ему средствами публицистического и художественного слова те законы добра и зла, которым сознательно или бессознательно повинуются человеческая душа, благодаря которым она живет и приумножает жизнь вокруг себя или, напротив, мертвит все, что с нею рядом, скудеет сама и, еще живая, умирает. Законы жизни и смерти и отдельных людей, и всего человечества — предмет постоянных размышлений Достоевского. Но что

может быть важнее этого предмета? Вот почему творчество писателя привлекает внимание наиболее взыскательных и строгих умов, вот почему в моменты тяжких испытаний, когда вопросы жизни и смерти сами собой встают перед каждым человеком или целым народом, его творчество привлекает внимание многих. Тут действует нужда, необходимость отыскать какую-нибудь опору, твердые критерии и ориентиры, чтобы не растеряться, не заблудиться и не погибнуть окончательно. На почве такой нужды и явилось широкое признание Достоевского русской образованной публикой в последние годы творческой деятельности писателя и ближайшие десятилетия, последовавшие за его кончиной. И сейчас, в пору новых социальных потрясений, нравственной, интеллектуальной и политической смуты, мы испытываем ту же нужду.

Я имею в виду, в первую очередь, Россию. Но, разумеется, дело не только в ней. Иначе мы бы здесь не рассуждали. Похоже, весь мир томится духовной жадью. Об этом свидетельствует, в частности, и книга Дэвида Уолша (David Walsh), профессора, заведующего кафедрой политических наук в Католическом университете Вашингтона, вышедшая первым изданием десять лет назад, в 1990 г., и вскоре переизданная (1995 г.). Книга называется «После идеологии. Возвращение к духовным основаниям свободы» («After Ideology. Recovering the Spiritual Foundations of Freedom». San Francisco). В ней автор предпринимает попытку нащупать возможности преодоления кризиса, в котором оказался современный мир, утративший веру в сверхличный, божественный источник жизни и всех ее важнейших смыслов и ценностей. Необходим другой, постсовременный (postmodern) порядок. Д. Уолш пишет: «За последние двадцать лет термин “постсовременный” стал весьма употребителен. С недавних пор он применяется к тем мыслителям, которые понимали, что все попытки, ведущие к установлению нормального социального порядка, провалились, и настаивали на том, что никаких альтернатив больше нет». Но, по мнению Д. Уолша, эти мыслители в действительности «застряли в современности, в ее разложении, и не вышли за ее пределы к чему-то, что можно было бы назвать истинно постсовременным». В противоположность им Достоевский и те немногие писатели и философы, которые так или иначе усвоили его уроки (Камю, Вегелен, Солженицын), являются «неоспоримыми проводниками» в новое будущее. «Столкнувшись с крайностью зла в нашу эпоху, — пишет Д. Уолш, — они поняли его связь с восстанием против Бога, укореняющимся в современном мире. Воспротивившись его разрушительной силе, они вновь обрели мощь трансцендентной любви, с которой должно начаться настоящее восстановление порядка. Они завершили тот путь, который нашей цивилизации остается еще выбрать» (цитирую по переводу: Софи Оливье. Достоевский в наше время¹).

Д. Уолш не сомневается ни в том, что Достоевский является религиозным (православным) философом и даже политиком, ни в том, что его социальная программа, его проповедь переустройства мира несет положительный смысл и проникнута глубокой верой в благие силы «миров иных». В обширной литературе о Достоевском ни то, ни другое нельзя считать общим мнением. Находились и находятся ученые, которые не видят в рус-

¹ О книге Д. Уолша «После идеологии. Возвращение к духовным основаниям свободы» // Русская литература. 1999. № 3. — С. 118.

ском писателе философских свойств вообще. Заметим сразу: это было бы справедливо в том случае, если бы философия раз и навсегда была привязана лишь к определенному способу мыслить (точнее: излагать мысли), к той форме, которую выработала для себя европейская (прежде всего — немецкая) наука об общих законах развития природы и общества. Но ведь думать можно по-разному. Находились и находятся и такие ученые (например, Л. Шестов, 1866—1938; З. Фрейд, 1856—1939), которые признают у Достоевского эти свойства, но так, что лучше бы они этого не делали, поскольку в их истолковании философия писателя (более последовательно или менее) служит оправданию зла. На суждения подобного рода вслед за автором, о котором он пишет, кратко, но убедительно возражает А. В. Гулыга (1921—1996) в статье 1996 г., предпосланной русскому переводу книги современного немецкого ученого Райнхарда Лаута, чьи идеи и общий пафос ему глубоко симпатичны.

В книге мюнхенского профессора Р. Лаута «Философия Достоевского в систематическом изложении», вышедшей в свет в 1950 г., взгляды русского писателя представлены в стройной системе, обнимающей проблемы психологии, метафизики и этики. Во введении к своему исследованию автор пишет: «...я вижу свою задачу в том, чтобы показать философское мировоззрение Достоевского в его внутренних взаимосвязях <...> здесь <...> предпринята попытка выявить философское содержание произведений Достоевского <...> и кристаллизовать его, насколько это возможно, в учение. Ибо Достоевский был не только писателем, но и философом». И далее, не соглашаясь с замечаниями Томаса Манна насчет «болезненности» Достоевского (имеется в виду статья Манна «Достоевский — но в меру»), Р. Лаут заявляет: «Так Достоевского не понять! Нужно действительно не только признать, но и понять «великое здоровье» Достоевского, его нравственное здоровье. Это означает, что нужно рассматривать его негативную психологию и философию с более высоких позиций его положительной философии и социологии»¹. Последние части книги, излагающие философские взгляды Достоевского в привычной для европейца форме, так и называются: «Метафизика: философия негативного», затем: «Метафизика: положительная философия». Анализ положительной философии знаменательно заключает весь трактат.

Исследование Р. Лаута, начиная с самого его названия и структуры, насквозь полемично. Однако в своей полемике с теми суждениями, о которых только говорилось, ученый опустил еще одну возможность подхода к произведениям Достоевского. О ней напомнил А. В. Гулыга. Он пишет: «Творчество Достоевского — постоянный диалог добра и зла, причем спор ведут не равнозначные величины. Здесь кроется третья ошибка в оценке Достоевского, будто его творчество — трибуна в равной мере как злого, так и доброго начал в человеке. Опираются при этом на М. Бахтина, на его концепцию о «полифоничности» романов Достоевского. Однако забывают, что М. Бахтин писал в условиях жестокой цензуры. И для того, чтобы сказать доброе слово о христианстве, он вынужден был уравнивать его в правах с проповедью атеизма»².

¹ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. — М., 1996. — С. 13, 15.

² Там же. — С. 7.

М. М. Бахтин
Художник Ю. Селиверстов

Объяснение причины появления «полифонической» концепции М. Бахтина условиями «жесткой цензуры» мне представляется неверным. Достаточно прочесть несколько страниц его книги без предубеждения и особой заботы оправдать или извинить ее автора, чтобы почувствовать самый искренний, самый неподдельный энтузиазм, с каким тот развивает свои идеи. Цензура, думаю, тут ни при чем. Но мысль об ошибочности «полифонической» концепции мне, да и не только мне, а многим (хотя, конечно, далеко не всем) литературоведам, изучающим творчество Достоевского, кажется справедливой. Убеждена, что Достоевский не был проповедником и добра, и зла; и христианства, и атеизма; одновременно с молитвой «о здравии» он не пел «за упокой», и его нельзя упрекнуть в нарушении заповеди Христа и следовании кривыми путями отступника, ибо Христос сказал: «...да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет" (т. е. либо "да",

либо "нет")», а что сверх этого то от лукавого»¹.

Но прежде чем пояснить это убеждение, надо сказать о М. М. Бахтине и его книге.

М. М. Бахтин (1895–1975) — один из самых известных (если не самый известный) исследователей Достоевского, великолепно эрудированный и блестяще одаренный. Он оказал сильнейшее воздействие на литературную науку не только в России, но и за ее границами. Учился Бахтин сначала на историко-филологическом факультете Новороссийского (позднее названного Одесским), затем Санкт-Петербургского университетов. Изучал европейскую философию и литературу, занимался проблемами поэтики и эстетики, историей и теорией искусствознания и культуры в широком плане. Много работал в провинции. Судьба не слишком баловала ученого. Его жизнь полна невзгод и лишений (о которых, кстати сказать, Бахтин не любил распространяться), он был арестован (1929), и если годы репрессий его не уничтожили, то только потому, что эту разрушительную работу оставили болезни (хроническому костному заболеванию), которой Бахтин страдал с юных лет и которая привела его к тяжелой инвалидности (в конце концов, в 1938 г., — к ампутации ноги).

Бахтин много писал (и редко печатался), далеко не все его рукописи сохранились, в переездах и жизненных переплетах они терялись, кое-что он

¹ Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 37.

был вынужден восстанавливать заново. Первую свою книгу «Проблемы творчества Достоевского» Бахтин опубликовал в 1929 г., когда ему было 34 года. В 1940 г. он закончил работу над другим капитальным исследованием — «Франсуа Рабле в истории реализма», которое собирался защитить в качестве диссертации, но война помешала этим планам. Диссертация была защищена лишь в 1946 г. (в Москве, в Институте мировой литературы). Сама книга о Рабле, ныне не менее знаменитая, чем книга о Достоевском, долгие годы (целые 20 лет) оставалась в рукописи, пока наконец в 1965 г. издательство «Художественная литература» не решилось взять на себя смелость ее опубликовать (под названием «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»). Поразительная свобода и независимость мысли, яркое изложение теоретически отвлеченного, философского материала вообще отличают работы Бахтина, и, надо думать, эти качества доставили ему в жизни немало хлопот.

Они в полной мере проявились уже в первой книге. Судьба ее тоже необыкновенна. Впервые вышедшая в свет в конце 1920-х гг., она в переработанном и значительно расширенном виде была переиздана в 1963 г. под названием «Проблемы поэтики Достоевского» и с тех пор выдержала на родине несколько изданий (1972 г., 1979 г.). В книге немало глубоких и точных наблюдений, начиная с идеи о повышенной роли самосознания у героев Достоевского, их очевидной свободе; о нежелании этих героев втискиваться в какие-то завершающие, ограничивающие, опредмечивающие их рамки и кончая соображениями о некоторых особенностях пространства и времени в произведениях этого писателя или о слове «с оглядкой», в котором его герои предвосхищают чужую реакцию и чужое слово. Но детализация здесь не нужна. Сосредоточимся на главной мысли исследователя, поскольку именно она прямо связана с пониманием идеологической, религиозно-этической и философской позиции гениального художника.

По мнению Бахтина, Достоевский является творцом особого типа романа, который по аналогии с музыкальной формой исследователь назвал «полифоническим». Бахтин обратил внимание на тот факт (который до него замечали и другие), что литературная критика обычно не поднимается над уровнем героев Достоевского и соглашается или спорит с Иваном Карамазовым и Раскольниковым, Ставрогиным и Великим инквизитором, не разрешая их проблем. Создается впечатление, что «дело идет не об *одном* авторе-художнике <...>, а о целом ряде философских выступлений *нескольких* авторов-мыслителей»¹. Бахтин полагает, что такой подход согласуется с волей Достоевского и «отвечает основной структурной особенности» его романов. Он пишет: «*Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского*. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях (как, скажем, у Л. Толстого и других «монологистов». — В. В.), но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события»². Это «некоторое событие» в том

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1963. — С. 5.

² Там же. — С. 7.

и состоит, что оно объединяет «равноправные» (и, подчеркнем, разнонаправленные) голоса отдельных персонажей. «Слово героя о себе самом и о мире, — говорит Бахтин, — так же полновесно, как обычное авторское слово <...> Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы *рядом* с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев»¹. В этой «полноценности», то есть, говоря другим языком и уточняя, неподотчетности, неоспоримости всех и каждого, со всеми их «сознаниями» и «голосами», и заключается, по мысли Бахтина, заслуга «полифонического» романа. Приведу конкретный пример (чего Бахтин в данном случае тщательно избегает). В «Братьях Карамазовых» Федор Павлович Карамазов спрашивает детей, Ивана и Алешу, есть Бог или нет? Иван отвечает:

«— Нет, нету Бога.

— Алешка, есть Бог?

— Есть Бог.

— Иван, а бессмертие есть..?

— Нет и бессмертия...

— Алешка, есть бессмертие?

— Есть.

— А Бог и бессмертие?

— И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.

— Гм. Вероятнее, что прав Иван».

Герои высказывают три точки зрения, которые исчерпывают все возможности по-разному взглянуть на один и тот же предмет (отрицание, утверждение, сомнение). Что остается здесь автору? По мнению Бахтина, только одно — изобразить их все, признать их «равноценность» и «полноценность» и отойти в сторону подальше, никому не мешая. Между тем то или иное решение проблемы предполагает определенные следствия. О них в романе тоже говорится: «...для каждого частного лица <...> не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы (закон любви к себе подобным. — В. В.) должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному <...> и эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении». Это мысль Ивана, которая героя не пугает и которую он внушает Смердякову, непосредственному убийце их отца. Равнодушен ли к ней и другим соображениям героя Достоевский — художник, писавший об искусстве слова: «В поэзии нужна страсть, нужна *ваша идея*, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности равно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит». Нет, не равнодушен. Идеи Ивана писатель ставит в центр повествования (книга «Про и contra», главы «Бунт» и «Великий инквизитор»), чтобы всеми художественными средствами (то есть логическими и внелогическими путями) их опровергнуть.

Задетый полемическими выпадами критики против «Братьев Карамазовых», Достоевский для себя записал: «Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей гла-

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1963. — С. 8.

ве, которому ответом служит весь роман». Здесь важно указание и на силу чужого высказывания (высказывания Ивана), и на ее границы, очерченные в пределах целого произведения. Опровержению героя «служит весь роман».

Скажем (по необходимости очень кратко) и об отрицании, и об его опровержении.

Иван отрицает Бога довольно своеобразно. Согласно логике героя, в конце концов, неважно, есть Бог или нет, поскольку если он есть, то, так сказать, ему же хуже... Иван отрицает мир Божий. И делает это на том основании, что в этом мире страдают ни в чем не повинные дети. Если представить себе Бога (такова мысль героя) наделенным истинно божественным разумом бесконечно высокой сущности (как это и должно быть), то один только факт, что этот разум спокойно допускает страдания детей, уже свидетельствует о его и впрямь нечеловеческой природе, а следовательно, утверждает Иван, он человеку абсолютно чужд и непонятен. Непонятен не столько уму (потому что перед лицом Бога с собственной глупостью можно и смириться), сколько человеческому сердцу: ведь страдания невинных детей возмущают естественное нравственное чувство. Логика Ивана в пределах его речи неопровержима. Неопровержим также (уже не только в этой речи, но в целом романе) главный аргумент, направленный героем против Божьего мира в его нынешнем виде: этот мир нельзя принять до тех пор, пока в нем страдает хотя бы один ребенок. Этот вывод вполне разделяет Достоевский.

Но вот с путями переустройства мира, которые Иван предлагает в поэме «Великий инквизитор», Достоевский решительно не согласен. Не согласен потому, что они (чего Иван при всем своем уме не понимает) совсем не исключают страдания детей: ведь эти пути предполагают страдания взрослых. Герой Ивановой поэмы, Великий инквизитор, ведет человечество к счастью мечом и властью, основанной на лжи и требующей слепого повиновения. Во имя общего счастья (пока несуществующей, но в неопределенном будущем ожидаемой гармонии) сейчас и реально горят костры, на которых Великий инквизитор, его рабы и «священная» стража сотнями сжигают непослушных еретиков, не сумевших понять в своей ограниченности и «прирожденном бесчинстве» собственного блага. Невозможно допустить, что эти сотни сожженных покинули землю без единого скорбного вздоха. Точно так же невозможно допустить, что ни одна из оставшихся в живых душа ни о ком из них страдальчески не вздохнула. Если так, то среди этих живых были

*Ф. М. Достоевский
Художник Ю. Селиверстов*

дети, поскольку среди сожженных были, конечно, их отцы. И останься даже большинство детей безучастными к несчастью взрослых, страдание за отца одного только ребенка (такого, как Илюшечка) уже означало бы не шаг в грядущую гармонию, а ту же дьявольскую «ахинею». Вот почему черт в кошмаре Ивана так ядовито усмехнулся, припомнив его поэму. Полемизируя со своим героем, Достоевский метил не только в католичество, но и в социализм, в идею любого насильственного переустройства общества во имя «хлеба», то есть сугубо материальных благ, с помощью власти, всевозможных чудес и навязанного другим авторитета. Общее счастье на материальных началах, без Христа и вопреки Христу, представлялось писателю самой мрачной, самой неисполнимой утопией. Страдания отцов, которое Иван, несмотря ни на какие оговорки, все-таки считает дозволенным (ср.: «Все дозволено», а также: «Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял...») — , неизбежно несет страдания детям — вот главный аргумент Достоевского, направленный против проповеди бунтующего героя. Эта важнейшая мысль рассмотрена в романе с разных сторон и с большою подробностью. Она ясно выражена в эпизоде с «мочалкой» (история Мити со штабс-капитаном Снегиревым и Илюшечкой), она же повторена сюжетным ходом событий: гибель старика Карамазова (отца) оборачивается страданиями детей — мучениями Мити, гибелью Смердякова. Не случайно в происшедшей «катастрофе» (хотя в ней так или иначе виноваты все братья) наиболее виновным оказался Иван: сначала он идейно вдохновил Смердякова на убийство, а затем «разрешил» ему преступление. «О, мы разрешим им и грех, — говорил Христу Великий инквизитор, — они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения <...> наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя» .

Смердякову достаточно было уверовать в теорию Ивана «всё позволено», чтобы при первом же случае это «всё» себе «позволить». Иван не оценил способностей лакея. Теория, им воспринятая, оправдывала любое злодейство. Она отменяла как лишнее особые позволения грешить, о которых рассуждает Великий инквизитор. И если для того, чтобы усвоить общий принцип, Смердякову нужно было специальное «руководство», то до конкретных и крайних применений этого принципа он, никого не спрашивая, «своим умом дошел» . Ни о какой любви преступника к кому бы то ни было (за взятые на себя грехи и готовность принять наказание) в данном случае тоже не может быть речи. Ведь с тех пор как «всё позволено», греха нет, как нет и преступления. Следовательно, если кому-нибудь хочется брать на себя эти выдуманные грехи и, страдая, нести за них ответственность, то преступнику, который преступником себя не считает, разумеется, нет дела до столь непонятных чувств и всей их «возвышенной грусти». Ему гораздо ближе просто корыстные соображения — своя или чужая мысль о выгоде. С нее Смердяков и начинает. И здесь он более последователен и логичен, чем Иван: для преступления Смердякову не нужна другой «санкции истины», кроме желания «мошенничать» и общего разрешения это делать. Эта-то простота вывода (со всем ужасом его практических следствий) и заставила Ивана содрогнуться. Ведь он высказал свою мысль лишь в виде гипотезы, в истинности которой он сам в глубине души не уверен. Но ему нечего возразить Смердякову: с точки зрения теории Ивана убийца прав. И точно так же: ему нечего возразить на глумливые насмешки

черта: «Для Бога не существует закона! Где станет Бог — там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... всё дозволено и шабаш! Все это очень мило; только если захотел мошенничать, зачем бы еще, кажется, санкция истины? Но уж таков наш русский современный человек: без санкции и смошенничать не решится, до того уж истину возлюбил...».

Теория «всё позволено» любое мошенничество и даже злодейство возводит в ранг истины, находя им оправдание. Но, как правильно заметил черт, ни тому, ни другому на самом деле оправдания и не требуется. Достаточно поставить себя на первое место, предпочтя всему и всем (с теорией ли, без теории), чтобы всякие оправдания стали излишни. Для того чтобы все себе позволить, вообще не нужно никаких разрешений и «санкций», было бы только желание... К такому неожиданному результату ведет логика автора, который указывает все промахи и ошибки теоретизирующего героя.

Я привела лишь немногие аргументы Достоевского, опровергающие Ивана. Все они вместе взятые убеждают в том, что о «равноправии» автора и героя здесь не может быть речи. Внимательный анализ произведений Достоевского не подтверждает «полифонической» концепции Бахтина. Но безусловно эта концепция заставляет сделать самый внимательный анализ.

Исследование Бахтина, на мой взгляд, скорее ставит вопросы, чем отвечает на них. Но в науке, как известно, постановка вопроса не менее важна, чем ответ.

Правильный же ответ на проблемы поэтики Достоевского здесь (в книге Бахтина) мог бы быть только чистой случайностью — в виде озарения, удачной догадки, поскольку автор пользуется не индуктивным, а дедуктивным методом. Он не столько выносит свои суждения из материала, сколько их туда привносит. Характерно, что идеи, которые выразились в понятиях «полифонии», особым образом истолкованного «диалога» и т. д., явились ученому до книги о Достоевском и независимо от нее. «Кратчайшую формулу бахтинского диалога, — пишут его биографы, — находим уже у раннего Бахтина, хотя термин “диалог” пока еще не найден. Вот эта формула: “Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой единого и единственного события, в котором мы участники...”» и т. д.¹ Как бы то ни было, сам Бахтин не видел возможности понять и объяснить сложный мир романов Достоевского вне полифонии. Он пишет: «С точки зрения последовательно-монологического видения и понимания изображаемого мира <...> мир Достоевского может представляться хаосом <...>. Только в свете сформулированного нами основного художественного задания Достоевского (имеется в виду высказанная Бахтиным концепция. — *В. В.*) может стать понятной глубокая органичность, последовательность и цельность его поэтики»² И далее: «Учиться нужно не у Раскольникова и не у Сони, не у Ивана Карамазова и не у Зосимы, отрывая их голоса от полифонического целого романов (и уже тем самым искажая их), — учиться нужно у самого Достоевского, как творца полифонического романа³, то есть одобряющего любого и каждого со всеми их “голосами».

¹ Гуревич П., Махлин В. Пророк в своем отечестве // Советская культура. 22 июля 1989 г.

² Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — С. 9.

³ Там же. — С. 50.

В своей теории романа Достоевского Бахтин не слишком далеко ушел от тех, кто остается на уровне героев этого художника. И даже совсем не ушел. Напротив, беду читателей и исследователей Достоевского (невозможность подняться над уровнем его героев) Бахтин теоретически узаконил, возведя ее в принцип — в принцип полифонического романа, где уже не тот или иной герой и его слово (в обычной терминологии Бахтина — «голос»), а все герои с их словами (все «голоса») для автора одинаково значимы и ценны, где все они «равноправны».

Замечу кстати, что подняться над уровнем некоторых героев Достоевского и в самом деле довольно затруднительно. Следуя ясной для него логике вещей, писатель уводил этих героев (с их идеями и программами) в такие далекие (или глубокие) сферы, в которых реальные люди терялись и переставали что бы то ни было различать. Пути их собственной мысли были гораздо короче, а взгляд — уже. По поводу Ивана Карамазова Достоевский для себя записал: «Ив<ан> Ф<едорович> глубок, это не современные атеисты, доказывающие в своем неверии лишь узость своего мировоззрения и тупость тупеньких своих способностей».

Превзойти такую глубину, какой Достоевский наделял своих героев, и подняться над ними действительно трудно. Это не значит, что сам писатель был неспособен это сделать. Какую бы свободу он ни предоставлял герою, эта свобода всегда относительна. И какими бы глубокими идеями он его ни наделял, эти идеи всегда остаются только частью еще более глубокой и всеобъемлющей системы воззрений, принадлежащей именно автору. Эта система не вмещается в тесные рамки «полифонической» концепции Бахтина, низводящей и Достоевского до уровня его персонажей. И хуже. Парадоксальным образом выходит так, что, будучи переведенной из плана поэтики в план содержательный, эта концепция на самом деле заставляет писателя одобрять не все и всякие «голоса», а только один — «голос» Ивана, его теорию, согласно которой нет никаких нравственных границ и запретов, нет узды и удержу никому и ничему, ни словам, ни делам, ибо раз и навсегда «всё позволено». Однако с этой-то теорией, как я старалась показать, приводя лишь немногие аргументы, решительно и спорит Достоевский.

Думается, что время наложило свой отпечаток на исследование Бахтина. Отчасти установленный, отчасти становящийся режим сплошного единомыслия, неприятия иных точек зрения, иных убеждений, кроме официально признанных и разрешенных, со всей его грозной и угрожающей серьезностью заставлял увидеть ценность в разнообразии, в многоголосье, в «веселой относительности всякого строя и порядка», в «веселой относительности всего»¹. Вот почему, когда в России этот режим зашатался, книга Бахтина о Достоевском сделалась чрезвычайно популярной. Полифонию нашли более или менее всюду, у каждого писателя, у которого ее хотели найти, даже у самого «монологического» из них — у Л. Толстого. Но русская литература (а Л. Толстой и Достоевский безусловно) знала и утверждала границы человеческой свободы — всякому индивидуальному порыву и своеволию, так как вне этих границ нет и не может быть культуры, нет и не может быть жизни вообще; вне их только хаос и разрушение. И какую бы свободу ни даровал Достоевский своему герою, он делал это лишь для того, чтобы провести именно эту мысль.

¹ Бахтин М. Поэтика романов Достоевского. — С. 166.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина
ЕФИМОВСКАЯ

«В НЕОБОЗРИМОМ ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕН»

*К 50-летию поэта
Андрея Реброва*

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

В наше время, когда, кажется, всё и обо всем уже сказано, изобличены тайны, сняты покровы, все вспорото и выпотрошено, когда литература становится конструктором из навязанных коммерческим постмодернизмом стандартных блоков, а творчество теряет смысл, содержащийся в этимологии самого слова, когда создание художественного произведения заключается в умопостигаемом, часто примитивном, но финансово прибыльном методе, трудно быть услышанным и оцененным поэту, который создает нечто новое, по выражению Виссариона Белинского «долженствующее быть сущим» и «совершенно никогда и нигде небывалое». Трудно, но возможно. Это подтверждается поэтическим творчеством коренного петербуржца Андрея Реброва. Поэзия Андрея Реброва — явление самобытное, как личная молитва в храме, и, кажется, неиссякаемое, как народная вера. Неиссякаемость определяется не только внутренним потенциалом и прирожденным талантом, но зависит от духовного источника, корнящегося в глубинах рода, в судьбах и православной вере предков, которые поныне составляют неотъемлемую часть исторического монолита по имени Россия. Этой связью определяются и многие факты биографии, и особенности творчества поэта.

Андрей Борисович Ребров родился в 1961 году в Ленинграде. Детство прошло в историческом центре города: в Александровском саду, у Львиного мостика, близ Николо-Богоявленского собора, в котором, перед призывом в армию, он принял таинство Крещения. Как вспоминает сам поэт: «В разные годы совершал паломничества по русским святым местам: жил на Валааме, в Дивеево, Задонске, Оптиной Пустыне, Псково-Печерском монастыре».

*Крестный ход в Сомино.
Алтарник Андрей Ребров*

Странствования по монастырям, общение с монашествующими, весь молитвенный, духовный строй жизни «островков Святой Руси» позволил ему глубже задуматься «о смысле бытия и собственно-го творчества». Путь субъективного самоутверждения в творчестве — считает Андрей Ребров, ведет в духовное небытие, становится базисом «искусства ради искусства». А это может быть чревато оскудением мыслеобразов и истощением их энергетической наполненности. Смысл творчества, убежден поэт, в служении Господу силой собственного поэтического дарования. С 1993 г. Андрей Ребров часто встречался с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым), получил от него благословение на творчество. Эти встречи оказали серьезное влияние на духовное становление и творческое будущее автора поэтического сборника «Крылица» и созданных позже — «Выбор», «Глубокие выси», а в настоящее время главного редактора известного петербургского журнала «Родная Ладога».

Важными духовно-нравственными авторитетами для своего творчества Андрей Ребров считает поэтическое наследие Пушкина, Тютчева, прозу Достоевского. Ему близок общий строй духовного поиска русской классической литературы. Этот поиск поэт продолжает и дополняет собственным творческим и религиозным опытом, поэтически исследуя и подтверждая, что Мир и Вечность — понятия не столько внешнего, космического порядка, сколько внутреннего, духовного пространства человеческой души, открытой Богу. Стремлением к преодолению границ тварной природы определяются творческие способности и поэтические возможности художника, фазозависимый вектор духовного зрения которого позволяет не просто увидеть прошлое или заглянуть в будущее. В пространстве своего сердца ему удастся совместить и постичь разные времена, которые в представлении поэта соседствуют «в необозримом зеркале времен». В нем поэт не просто видит отражение истории своей страны, русского народа, своего рода, но как будто задается целью определить личный духовно-нравственный потенциал, вынося на суд каждого, бывшего и будущего члена этого бесконечного ряда, свою настоящую жизнь.

*И я как в вещем полузабытьи
Глазами внуков зрю в глаза свои,
Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.*

Хотя Андрей Ребров родился в 60-е и многие годы жил при народной власти, он не ностальгирует по этому атеистическому отрезку истории, но с уважением относится ко всем тогда жившим и претерпевшим. В приведенной строфе об этом свидетельствует определение — горня, позволяющее предположить, что поэт оценивает жизненный путь предков, которым выпало жить во времена тяжелейших испытаний, как подвиг служения Родине, заповеданный Господом в любые времена.

Духовные стремления и достижения русского народа и членов его собственного рода являются тем фундаментом, на котором автор созидает храм своего творчества. Фундамент этого творчества определяется тем, что существенное содержание жизни в его индивидуальном поэтическом бытии поэт рассматривает с христианской позиции, основанной на том, что «Сверхсущий предопределил и произвел все сущее». Поэт убежден, что наша жизнь не сводится к одной бессмысленной суете, в которой мы живем, и в которой растрачивается и сгорает что-то бесценное, вечное, высшее, что ощущаем мы в себе. Невидимое и неслышимое для простого глаза и слуха видимо и слышимо поэтической душе Андрея Реброва, которая освобождается от всепоглощающей суеты и наполняется восторгом от касания «мирам иным».

*Гляжу, гляжу на росстань из светлицы.
И пламенеет сердце от тоски,
Когда, с веселых крон взлетая, птицы
Зовут, зовут меня в небесный скит.*

Поэт в своих произведениях стремится в инобытие, что, бесспорно, требует высочайшего напряжения, духовных и физических сил, которые он черпает в молитве, считая ее помощницей поэзии. Сложно применить понятие «вдохновение» к стихам Андрея Реброва — к стихам емким, образно концентрированным, сгущающим «положительные свойства жизни». Поэтический творческий процесс Андрея Реброва скорее можно охарактеризовать понятием «синергия». По определению это понятие характеризует взаимодействие божественной благодати и свободной воли человека. «Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его вся сила их» (Пс. 32, 6) Этот великий, непостижимый для человеческого ума акт творения мира из ничего является прообразом всякого творческого акта, и, в частности, поэтического. По мысли отцов Православной Церкви — творчество является не только модусом существования Бога, но и безусловным атрибутом Его сущности. Так святой Григорий Палама, архиепископ Солунский, как поясняет исследователь его творений о. Иоанн (Экономцев), соединяя учение о человеке с учением о Боге, видит образ Божий в человеке, прежде всего, в способности человека творить. Он считает, что дар творчества выделяет человека из всего мироздания и предопределяет ему в нем особое место. Но если Богу доступно творчество из ничего, то творческая сила человека имеет источник — нетварный Божественный Свет, с помощью Которого человек, призванный Богом к творчеству, совершает творческий подвиг, имеющий вселенское значение в смысле продолжения божественного творения мира¹.

¹ Иоанн (Экономцев), иг. Православие. Византия. Россия. Сборник статей. — М., 1992.

Поэзию Андрея Реброва можно считать элементом этого прибавления к уже существующему в Мироздании. Никто до него так не видел, не слышал и так не писал:

*Засквозили зеницы озер,
Словно знаками звездного слова
Их глубинный исполнился взор.
Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звездно брезжили дали веков.*

В этих строках как будто происходит вложение друг в друга миров малых и больших, конечных и бесконечных, смертного и бессмертного. Мир природы автор сопоставляет миром Библейских пророков и откровений, пронизанным Божией истиной, и с миром беспредельным, необозримым, небесно-космическим, не смешивая эти миры, но подчеркивая их подобие, взаимосвязь и взаимозависимость. Особые творческие силы нужны для того, чтобы увидеть эту связь, но большие — чтобы выразить в художественных образах.

По своей неизреченной милости Бог дает каждому человеку неизмеримо больше, чем тот в состоянии принять. Каждый творящий человек по-разному приобщается к великому дару Духа Божьего, к Божественному свету. Созерцание этого света всегда достигается упорным трудом, жертвой, нравственным совершенствованием, уединением, духовным восхождением и в идеале — аскетизмом. В своем творчестве поэт стремится к осознанию этого высочайшего уровня жизни. Потому ему близки темы покаяния и спасения, темы героического взлета народного духа, темы соборности, ему интересны образы людей аскетического склада — священников, монахов, героев. Его творчество направлено не просто на максимальное сближение этических и эстетических сторон идеального, но на рассмотрение их в слиянии. Это стремление всегда придавало русскому духу особую животворящую красоту. В этом стремлении поэт обращает свои поэтические строки Преосвященнейшему Константину (Горянову), епископу Тихвинскому. Своего выдающегося современника он наделяет, кажется, былинными, мифическими свойствами. Но образы стихотворения, посвященного монаху-богослову, монаху, который в наши дни действительно трудно воюет за православное просвещение, стоит за исконные традиции русской веры, не выдуманные, но прочувствованные, увиденные зоркой душой поэта и запечатленные чутким, художественным словом.

*Шел чернец строкой незавершенной,
Посох придержа в руце своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.
А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов...*

*Шел монах без устали и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.*

Если задуматься о сущности поэзии Андрея Реброва, то можно увидеть ее в идее верующей личности. Эта творческая идея не новая, коренящаяся в истоках русской поэзии, берущей свое начало от В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Но современный нам автор вынужден по-своему воплощать эту новую для нашего времени надвременную идею, духовные истоки которой были «заморожены» на долгие богоборческие времена. Но она не иссякла под толщей атеизма и нашла свое выражение в нашем веке в новых образах и словах. Поэтому сегодня с уверенностью можно говорить об эпохе «возрождения» духовной поэзии, где творчество Андрея Реброва обладает своей значимой ролью, хотя бы потому, что поэт одним из первых в петербургской поэтической среде, в начале 90-х годов, обратился к темам русской веры, образам Православия, вошел сам и ввел своих читателей в видимый и невидимый мир Русской Православной Церкви. Идеи и темы стихов Андрея Реброва, в те времена не всем понятные, бывало, подвергавшиеся яростной атеистической критике некоторыми соратниками по поэтическому цеху, сегодня стали востребованными и варьируемыми в петербургской поэтической среде, и Андрей Ребров по праву считается одним из основателей современного направления духовной лирики. Можно говорить о собственном его художественном методе и авторском стиле, которые определяются личностным мировоззрением, лирической интроспекцией, переживаниями души, несущей в себе всю действительность, весь зримый и незримый мир. Когда-то князь Вяземский, видимо с осуждением, так писал о поэзии В. А. Жуковского: «У Жуковского всё душа и всё для души», а сам Василий Андреевич в своем дневнике как будто отвечал: «Мир существует только для души человеческой»¹. Эти слова применимы к миропониманию Андрея Реброва, творчество которого возросло дочерней веточкой на разветвленном генеалогическом древе русской Поэзии.

Но современная духовная поэзия не есть лишь повторение достижений прошлого, механизм творчества заключен в совершенствовании. Историческая и личная память современного человека свидетельствует о страшных временах из новой истории России, когда не только душой, но духом мог жить и выживать человек.

*Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, —
С библейской силой зерновой —
Как на терне, взрастал живой.
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.*

¹ Цит. по изд. *Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики.* — М.; Интрада, 1995.

Выразить словами жизнь духа, показать зримые образы незримого по силам поэту, он обладает умением из смутных, противоречивых субъективных состояний души вымостить дорогу, ведущую к объективным вершинам духа. Мы, кажется, отчетливо видим, как истово молятся за своих потомков предки «с ангельским старанием», как сильно и обильно всходит «на пашне фронтовой», «на ниве родовой», куда была положена жизнь за други своя, жизнь новая. Создается это объективное видение и религиозным словарем, и кругом духовных понятий, и библейскими реминисценциями. Поэт вместо предметных слов-значений использует слова-символы, которые семантически подчиняются действию свершения жертвенного подвига, предстояния и молитвы. Очень интересен ряд сравнений в этом отрывке, показательном для всего творчества. Автор подчиняет сравнениям не предметы, а действия или состояния, как например, «с библейской силой зерновой». Наблюдается особое наполнение слова, в частности «сила», которое начинает значить больше своего терминологического значения. Кажется, появляется второй, скрытый ряд образов, происходит их взаимопроникновение. Так поэтом непреднамеренно осуществляется сокрытие строго продуманной логической конструкции стихотворения, основанной на вечных истинах, и она озаряется новизной глубинных смыслов. Стихи Андрея Реброва имеют внутреннюю упорядоченность и строение, которое предполагает неразграничение мира того — евангельского и этого — житейского, так что ценность особую не всегда имеет особая реальность. Автор творит, с «пафосом отдаления» (П. Флоренский), с некоторым нарушением масштаба, что допустимо в духовном пространстве, которое чем глубже, тем ярче озаряет «зоркая свеча», зажженная поэтом, как пред иконой — перед величием Бытия.

*Пронзают сумрак зоркие лучи,
Светло глядящей в зеркало свечи.
И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,
Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.*

Этот авторский стиль прослеживается в большинстве стихотворений, входящих в книгу «Глубокие выси».

При сравнении ее с предыдущими стихотворными сборниками поэта можно заметить, каким длительным и сложным был поиск своего голоса, своего поэтического почерка, как мучительно поэт расставался с излишней, но милой верующему сердцу, изобразительностью. В своих ранних стихах поэтическим словом он создал зримый образ мира с некоторой условностью, которая является следствием образно-изысканной атрибутивности, перегруженности традиционной православной символикой. Старорусские обороты речи утяжеляют композицию стихотворения, отдаляют поэта от читателя, подозревающего автора в использовании заданных приемов, разработанных методик. Хотя понятно, что, часто изображая деревянные церкви, какие испокон веков стоят на Руси, скиты на фоне типично русского пейзажа, автор стремился создать ощущение прочной связи прошлого с настоящим, не навязывая реставрации старины. На том этапе это ему удавалось.

В большинстве новых стихотворений поэтическая картина становится менее красочной, но энергетически более напряженной, духовно емкой, облегчается синтаксически без потери связи с традицией. Она как будто сгущается, умекаясь в нескольких строфах, в небольшом количестве коротких поэтических строк, так что можно видеть, как «в каждом миге длится свет». Автор, кажется, тщательно ищет и находит то слово, которое может позволить выразить в малом объеме значительную структуру бытия.

*Лучатся выси в зареве морозном,
И в синей мгле мерцает сад ночной.
И зарастают изморозью звездной
Куранты колокольни крепостной.*

Для того чтобы отразить переживания и видения своей души, поэт обращается во многих стихах к образам природы, но лучше всего ему удается передать религиозные переживания и прозрения через образы родного Петербурга. Это не просто поэтическое отражение архитектурных и ландшафтных красот любимого города. Поэту удастся увидеть и изобразить другой, сокровенный образ — «Петербург молитвенный лик», символизирующий жизнь духа. Андрей Ребров, создавая поэтические картины, содержащие известные питерские храмы, знаменитые памятники, изображает, по сути, не их гениальные формы, но дает описания, превосходящие предметный, материальный уровень. Эти описания ему удаются, так как они основываются не на суждении, а на сопоставлении смыслов, образы рождаются как бы между строк, не в самом тексте, а в сознании читателя. Они словно открепляются от материального носителя-прототипа и приобретают объективную реальность. Так что не возникает сомнения даже в такой реальности происходящего:

*...вдоль Смоленки Ксения, сияя,
Идет в юдольной мгле по мостовой.
Грядет, сквозь годы в образе беднячком,
Всю Русь вместив в ладонях — на груди.
И я спешу, спешу, но не угнаться —
За ней, идущей тихо впереди.*

Кажется, все в этих строках субъективно, лично, в некоторой степени алогично, близко к оксюмору. Объективный мир как будто поглощается субъективным. Но поэт находит слова, выражающие состояние души, создает неожиданные морфологические сочетания, так что всей совокупностью используемых выразительных средств ему удается передать «невыразимое» и через укоренение объективного в субъективном, выйти и показать более высокий объективный духовный уровень.

Стихи Андрея Реброва запоминаются не только духовно-этическими исканиями, они обладают музыкальностью, эстетическими достоинствами, содержат философские размышления. Его интересуют тема героического подвига, причины, побуждающие к отданию жизни «за други своя», тема царской власти, которую поэт рассматривает исключительно в православной традиции. В своих стихах поэт постоянно возвращается к теме творчества. Хрестоматийным можно назвать стихотворение «Лермонтов», в котором

поэтом найден бесспорный, трехкомпонентный образ, свидетельствующий о неразделимости творчества и веры. В этом стихотворении в соединении одномерного образа листа и трехмерного образа трооперстия создается мощнейшее духовное напряжение, озаряемое светом негасимой свечи.

*Бородино листа,
Свеча,
а выше
Три сомкнутых перста, —
Так крестятся
и пишут.*

Стихи Андрея Реброва разнообразны по темам, ритмике, эмоциональным состояниям, но не кажутся разрозненными произведениями, это не отрывочные образы бытия, все они составляют мощную совокупность, целостную устойчивую конструкцию, некий каркас, спаянный главными, узловыми поэтическими темами, несущий безначальное и бесконечное драгоценное «зеркало времен». Своим поэтическим зрением поэт с болью видит трещины и утраты на поверхности этого зеркала, и как реставратор, пытается своим творчеством «отреставрировать» его, восстановить церковное сознание людей, расколотое воздействием внешних сил. В этом процессе он совершенствует и собственный духовный опыт.

*И пряят над стернею осенней,
И зовут в нощедневной тиши
Светлокрылые строфы — к спасенью,
А не к грешной свободе души.*

Поэт живет и творит на уровне «мистического реализма», в двух сферах бытия, соблюдая их иерархическую неравноценность. Его эмпирическая реальность существует только благодаря вложению в реальность мистическую. Поэту, кажется, легко дано видеть разные миры. Он творит на грани мира реального и мира мнимого, миров неизмеримо близких и столь же далеких. Заглянуть в мир невидимый, тем более существовать в нем, достает сил лишь человеку, одаренному духовно, человеку, чья бесстрастная, возделанная молитвой душа познала пасхальное, торжественное состояние сотворения.

Работая на грани двух миров — зримого и незримого, поэт работает, кажется, на грани двух пространств: перспективного, в котором параллельные прямые нигде не пересекаются, и обратноперспективного, в котором наблюдается множественность точек зрения на один предмет, в котором допустимо увеличение размеров изображаемых фигур по мере отдаления исторических событий. В некоторых стихах Андрея Реброва, кажется, мир является в обратной перспективе, мир, исполненный неземных светов, мир, в котором время бежит навстречу настоящему.

*Время течет... Но о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка —
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность — близка...*

Поэту, пытающемуся рассмотреть собственное значение и предназначение в этом мире, также интересна тема двойника, тема отражения.

*...В полубреду по берегу бреду...
И, наклонясь над лунною рекой,
Крещу себя, чтоб обрести покой,
А тот, который в водах отражен —
Меня рукой дрожащей крестит он.*

Кажется, поэт с большим вниманием вглядывается в тот мир, где деревья растут «вниз своими купами и вверх корнями, поют такие же птицы, разлита такая же лазурь и сияет такое же солнце — все это лучезарнее и прекраснее нашего посюстороннего»¹.

В своем творчестве он как будто боится соблазнов этого «посюстороннего мира», и, как первые церковные строители, во избежание смешения двух сфер бытия отказавшиеся от скульптуры в русском храме, выходит с привычным для русской души максимализмом на отвлеченный уровень видения и передачи мистической реальности. Некоторые стихи Андрея Реброва созданы как будто по законам иконописной композиции, создается ощущение открытого, незамкнутого пространства. Но вместе с тем это пространство организуется поэтом так, что при образной насыщенности его выделяется символическое ядро, главная идея, к которой стягиваются все композиционные нити. Кажется, что между стихотворением и читателем существует невидимая граница, требующая от читателя мысленного преодоления ее. Поэтический мир автора, религиозно преображенный, предполагает включение в свое пространство читателя. Поэт хочет, чтобы переживания его современника и соотечественника совпадали с его собственными переживаниями, соответствовали поэтическому настроению стихотворения, чтобы его идеальный мир, являющийся эталоном гармоничных отношений человека с действительностью, не противостоял читателю. А для этого читатель должен совершить духовное усилие, проникнуть в этот непростой поэтический мир. И сделать это возможно, так как стихи Андрея Реброва имеют глубину, некую умозрительную перспективу, которая одновременно обращена и вглубь, и словно в живописной картине — во вне, как бы в подлежащее пространство — в пространство читателя.

*...Там в алтаре морозной звездной сканью
Мерцают — утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мирозданья,
Творят канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховой мглы
И паки, паки будут дни светлы...*

Поэт приоткрывает завесу Царских врат во время свершения Таинства в алтаре. Читатель получает информацию о том, что там происходит, но от него требуется вся полнота нравственного отклика, полнота эстетического переживания в момент сопричастности к таинству, чтобы постичь невырази-

¹ Флоренский П. Избранные труды по искусству. — М., 1996. — С. 82.

мую суть, понять смысл стихотворения и испытать ту же радость соприкосновения «мирам иным», какую очевидно испытывает и делится ею с нами автор, призывающий к встрече с главным Источником любви, со Христом.

При всей сложности и эмоциональной сдержанности стихи Андрея Реброва очень светлы и радостны, потому что в них говорится о том, что человек может быть свободен, но только в любви, во всех ее проявлениях православного мировоззрения, главное из которых — любовь дающая, любовь покаянная. По сути, все творчество поэта это единый призыв к духовной полноте через ее расточение, поэт не скупится сам раздавать свои духовные богатства, помня о двух главных Христовых заповедях — любви к Богу и любви к человеку, помня Его призыв к нищете духа. Душа скупая, маловерная, заостеневшая во грехах, не сможет осознать этой «нищеты», дающей самое большое богатство — богатство спасения. Душа творческая без этой «нищеты», без расточения своих духовных сокровищ, не сможет творить. Поэтому только произведения, созданные в духе Православия, в будущих веках могут отразиться «в необозримом зеркале времен».

ВЫШЛА КНИГА

Трохин Анатолий, священник, Соколова В. М.

Господня земля. Книга о священнослужителях, монахах и монахинях, похороненных на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга. — СПб.: Logos, 2008. — 190 с.: ил.

В основу книги положен труд прихожанки Спасо-Парголовского храма Санкт-Петербурга Веры Максимовны Соколовой, которая по воле Божией начала поиск могил священников, монахов и монахинь, похороненных на Шуваловском кладбище. В отыскании материалов о них ей помогала Ольга Ивандикова, которой также принадлежит большинство фотографий, помещенных в книгу. При составлении использованы материалы из архива Санкт-Петербургской епархии, Государственного исторического архива, выдержки из Священного Писания, изречения святых Отцов Церкви и духовные стихи русских поэтов о жизни и смерти.

Ирина ВАЖИНСКАЯ

«ПАСХАЛЬНЫМ ОГНЕМ ОЗАРЯЕТСЯ ХРАМ...»

Ирина Николаевна Важинская — родилась в г. Харцызск Донецкой области, Украина. Детство прошло в Калининграде. В 1985 году закончила Высшее инженерно-морское училище им. адмирала С. О. Макарова, в 1995 — Санкт-Петербургский государственный университет. Работала в НИИ Морского флота «Ленморнишпроект», научным сотрудником в Государственном музее истории Ленинграда, в Государственном музее политической истории России, редактором издательского отдела Государственного Русского музея. В настоящее время — старший научный сотрудник отдела народного искусства Русского музея. Искусствовед, кандидат культурологии. Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

*Для меня лучшая пора года — это весна.
Люблю смотреть, как бегут ручьи.*

Юрий Шестаков

Когда бы ни эта зима затяжная,
упорных снегов залежала корка,
из боли потерь я бы вырвалась, зная,
что память не тает, как снежная горка.

Когда бы ни эта зима затяжная...
Из города прочь! —
слушать вешние воды,
где белые ноги в ручьи окунают
березы — насельницы дикой природы.

Когда бы ни эта зима затяжная,
из сердца я вынула б горя занозу,
над талой водою стояла б одна я,
ток жизни вбирая, как эти березы.

9 МАЯ

Вокруг так празднично и людно!
Слежу взволнованной душой,
как одуванчики салютов
в честь той войны, тяжелой, лютой,
легко взлетают над Невой.

РЕЧЬ

1

В стылом городе мартовском —
рябь на воде,
В лихорадке — деревья нагие.
Не согреть мне озябшую душу нигде.
Все хожу и считаю шаги я...

Слышу, бьется Нева
в подребере моста,
Льды крошатся, шипя, словно змеи.
Ну, а мне немота затворила уста,
И замерзшие пальцы немеют.

Я весеннему звуку внимаю и жду,
Что оттает, прорежется речь
И во мне, словно речка,
которой во льду
Ток живой удалось уберечь.

В каждой почке, таящей зародыш листа,
В каждой веточке, с ветром поющей,
Пробуждается жизнь, обновленно-чиста,
Соки движутся слаще и гуще.

А во мне словно чем-то разбавлена кровь.
Может, невской горючей водицей?
И на круги своя возвращаюсь я вновь,
Скомкав слов помертвелых страницы.

В мир душа моя смотрит, как будто в окно,
Из нетленной Вселенной своей —
Только в ней силу слов познавать суждено
С каждым годом ясней и ясней...

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Казалось, день из белого фаянса
Не сможет расколоться никогда:
Ведь январем научен постоянству,
Он был закован в лед и в холода.

Из марта прочь,
как будто от потравы,
Зима спешит под натиском тепла.
Растает снег —
и шевельнутся травы,
Земля забудет, что она спала,

Распарится, ручьями заструится,
Раздышится на солнечном ветру...
И у прохожих посветлеют лица,
А город сбросит наледи кору.

В проталинах заголубело небо —
Слежу за ледоходом облаков:
За ними следом
устремиться мне бы,
Да жаль разбитых зимних черепков.

* * *

Александровский сад.
Там деревья в воде по колено,
Будто слезно промокли они,
почернев от беды.
Но проснулась земля,
отряхнувшись от зимнего тлена,
Расчищая дорожки, к апрелю готова сады.

Потому что предсказано,
что приближаются сроки,
И все ярче пасхальным огнем озаряется храм.
Нестерпимо алеет небесная твердь на востоке,
Словно кровь отражаясь
в земном перекрестии рам.

Вот уже над Невой золотой засветился кораблик —
Это снова воскрес по-весеннему солнечный свет.
Вижу: первый трамвай
прозвенел свою песню, как зяблик.
Слышу благовест ранний:
ни смерти, ни тьмы больше нет.

* * *

*«...я вошла в этот мир, где не то я, не то не я,
но где все так певуче, все недосказано...»*

Из воспоминаний Л. Д. Блок

Ранний март, словно поздний ноябрь.
Разве, друг мой, тебе все равно,
Что ростральный погас канделябр —
И на Стрелке пустынно, темно,

Что Васильевский остров раскис
В мокром снеге и стылом дожде,
День отбросив, как полог кулис,
И прильнув сиротливо к воде?

Не спеши проклинать неуют,
Недовольно подняв воротник.

Над туманами сфинксы плывут,
Воплощая и вечность, и миг.

Мы войдем с тобой в Ректорский дом,
Где родился певучий поэт,
Где себя вспоминают с трудом
Голоса и шаги прошлых лет.

Ты развеешь времен забытье,
В тишине прочитав у окна:
«Дышит утро в окошко твое...»
Ранний март.
Молодая весна.

У ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Стены выбелены да намолены.
Колокольный
звон со звонницы
рассыпается.
Над водицею
ива клонится,

словно кается.
В час молитвенный чуткой птицею
встрепенется душа-паломница...
Всех сторонится
молодой послушник до пострига
в рясе простенькой.

* * *

Тихой птицей опустился вечер
на поля и села вдалеке,
а ему, таинственный, навстречу
месяц выплывает по реке

Млечного пути...
И все в природе
так укромно, но огромно, вроде
бездна неба видит с высоты
увядающих огней цветы.

* * *

Звезда полей, горы, не угасая...

Н. Рубцов

У сонной пристани на Сухоне
Сечет водицу дождик тоненький.
Вдали паром тоскливо ухает,
Льнут сиротливо к храму домики.

И что-то горестное, близкое
Разлито в воздухе окрест,
Где небо северное, низкое
Да колокольни Божий перст,

Поют чуть слышно капли звонкие,
Щебечут, словно птичий хор.
Стою и слушаю в сторонке я
Реки и неба разговор.

Где трудно жить, да легче — с верою,
Приняв смиренно свой удел.
Певец «звезды полей», наверное,
Здесь так же на воду глядел.

Стою и слушаю... Мне чудится:
То райских птиц далекий хор.
И верю, откровенье сбудется —
Души и неба разговор.

ИЗ ЦИКЛА «ЦЕРКОВИЧИ»

1. Храм

Случайный путник добредет едва ли
до стертых прихожанами ступеней.
Здесь прадедов когда-то отпевали,
и тихо опускались на колени
в часы простой, но истовой молитвы —
пред Ликами преображались лица...
Сегодня тут — как будто после битвы:
среди руин надрывно кычет птица,
разбиты стены, вместо сводов — небо.
О прошлой вере плачет тишина.
На месте том, где освящали хлебы, —
репейники, крапива, бузина...

2. Фреска

«Покайтесь, Судия придет скоро!» —
взывает церкви разоренной вид.
Но, кроткий, одноокий, без укора
на всяк сюда входящего глядит
лик Ангела.

Осыпавшись в глуши
на празднике безверья невеселом,
Он — символ нестроения души,
изъеденной сомнением и расколом.

3. Ангел

Ангел светлоликий, длиннокрылый —
Божья сила руку мастера вела...
Ангел синеокий, нас помилуй,
опуская легкие крыла.
Как же мне молиться пред тобою?
Милости просить невмочь.
над моей повинной головою —
только звезды.

Ночь.

Я уйду, а ветер будет снова
травы шевелить у алтаря.
Верно, до пришествия второго
буду помнить — узрела не зря
Ангела прощающее око,
что высоко так и одиноко.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В БОГОСЛОВКЕ

Связую с Богословкой летний зной...

Ю. Шестаков

Ночевала тучка золотая...

М. Лермонтов

Чем гуще знойный обморок травы,
Тем холодней реки тенистой влага.
Но выгорел остаток синевы,
И неба пересохшая бумага
Вот-вот — и вспыхнет,
Нестерпимый жар,
От солнца исходящий, принимая.
И летний день, как раскаленный шар,
Завис над миром. Духота немая
В нем воцарилась, будто бы во сне, —
Ты говоришь, но не расслышать мне.
Внутри меня запела тишина...
И, словно прорывая ватный кокон,
Оборвалась вдруг молнии струна
Вдали...

И гром, и содроганье окон,
Стук редких, зрелых капель дождевых,
И хрустких градин белого налива,
И влажный, облегченный вздох листвы,
Залепетавшей сбивчиво, счастливо —
Так все во мне перерождалось в слух.
Мир обретал живое слово Бога.
В полифонии проявлялся дух
Гармонии.
Я дудочкой убогой
Сама себе казалась в этот час,
Свою мелодию в единый хор вплетая.
Но день прошел, и свет небес погас,
И словно отзвук — тучка золотая.

* * *

Осознав свое предназначение,
Я исполню ли его без суеты?
Надо мною — облака свечение,
Словно зов нездешней высоты.

Оттого и рвусь, как птица, страстно я
Из силков, что ставит косный быт,

В небо духа, в смыслы не напрасные.
Я все рвусь, а облако летит...

В свой черед моя душа нетленная,
Может, так же полетит, легка,
К Богу, — для Него, Царя Вселенной,
Обозримы судьбы и века.

История и современность

Николай КОНЯЕВ

ПАСХА СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

БОЖЬЕ ЧУДО

Сколько прочитано книг о войне! Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов... И все равно получается, что о самом главном так и не знаешь еще.

Нет... Многое из того, что написано, верно.

Да, прямо с колес, порою даже и не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы... Да, насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны — незавершенное перевооружение армии, врасплох заставшая нас война... А с другой стороны — работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

Все это понятно.

Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку — и трамвай ведь шел прямо в центр города! — немцы застряли на этой остановке на два года, да так и не сумели взять Ленинград?

Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов совершено солдатами разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырываются на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывает столицу, но эта рота и останавливает немецкие полчища, всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, polegшие на московских рубежах!

И уж совершенно непостижимо случившееся в Сталинграде. Легко

пройдя тысячи километров, гитлеровцы не сумели пройти последних десятков метров до Волги.

Непостижимо!

Можно, разумеется, рассуждать, дескать, на первом этапе войны «перемалывалась» немецкая военная мощь... Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла. Разумеется, немцы несли тяжелые потери. Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла Советская армия? И разница тут не в два, не в три раза, а в порядки! Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери?

Ну, а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, непрекращающихся бомбардировок и обстрелов? А как же быть с осенью сорок второго года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны?

Увы... Ничегошеньки не объясняет теория «перемалывания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны.

Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет?

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной?

Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология?

Эти альтернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей победе, но они не полностью отражают даже и саму реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не замуривая глаза от того Небесного света, которым наполнены они. Вспомним, что началась эта война 22 июня 1941 года, в день Всех Святых, в земле Российской просиявших... А закончилась 6 мая, на день памяти Георгия Победоносца, потому что на следующий день 7 мая Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции. И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение...

Совершенно другая, осиянная Небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем. И можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлером было выбрано для начала войны 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл — именно в день памяти Всех Святых нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего сокрушение Православной Руси...

Конечно, далеко не все в Германии, и очень немногие в России именно так и воспринимали эту войну.

Но это возражение ничего не опровергает.

Точно так же как и рассуждение о борьбе с Православием, которую в самом СССР остервенело вела ленинская гвардия.

Да, вела...

Но так и не смогли интернационалисты-ленинцы победить укоренившееся в русском языке и национальном характере Православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ. И именно по-

этому силы зла вместо несправившихся с задачей большевиков и избрали орудием борьбы с Православной Россией оккультный Третий рейх.

К сожалению, мы мало пока знаем об этой войне...

Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филадельф, о явлении митрополиту Гор Ливийских Илии самой Божией Матери.

Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна побывать и в Сталинграде... Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался с представителями Русской Православной Церкви и Советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это, возможно, предание...

Но есть и факты. Мы знаем, что И. В. Сталин действительно прекратил гонения на Православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев. Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное Патриаршее управление Русской Православной Церковью.

И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и — это не метафора, а объективная реальность! — произошла материализация Всех Святых, в земле Российской просиявших...

Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и адмиралов!

И не поэтому ли происходило немыслимое?

Не успевшие усестись в трамвай гитлеровцы, словно в оцепенении замерли перед окруженным со всех сторон городом... Внезапно ударившие морозы сковали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады... Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры, словно незримая стена вставала перед ними.

И это было так же непостижимо, как и церковь иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины Сталинграда. Мало кто вспоминает, что именно на Казанскую икону Божией Матери и была завершена подготовка Г. К. Жуковым и А. М. Василевским плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которой, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе наступления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушных армии. Такую мощную силу невозможно было не заметить, но — это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! — немецкое командование не заметило ничего.

И разве случайно, что самое крупное танковое сражение под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, попало на 12 июля 1943 года, на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла?

Конечно, нет!

Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на день памяти Георгия Победоносца.

Это и есть Божие чудо — дарованная нам Победа.

РОССИЯ СТОИТ НА СЕРЖАНТАХ ПАВЛОВЫХ

Однажды мне довелось встретиться на Валааме с паломниками из Троице-Сергиевой Лавры. Помянули в разговоре и старца, архимандрита Кирилла (Павлова).

Кто-то спросил, тот ли это легендарный сержант Павлов из Сталинграда, или все разговоры об этом — обычная поэтическая выдумка, каких немало бродит среди православных.

— И так, и этак говорят... — ответил инок Сергей. — А сам старец Кирилл, по смирению своему, не отвечает на этот вопрос. Но, судя по всему, сержант Павлов — это он и есть.

— Он, конечно! — поддержал его пожилой монах. — Кто еще так против целой армии сумел бы дом оборонить? Только такому молитвеннику, как Кирилл, и возможно этакое...

Собеседники мои ошибались.

Хотя архимандрит Кирилл (Павлов) тоже сражался в Сталинграде в чине сержанта, но командиром пулеметного отделения 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева, 58 дней оборонявшим знаменитый Дом специалистов, был другой сталинградский сержант — Яков Федотович Павлов.

1.

*«Огонька им, ребята, побольше,
чтоб не забывали, гады,
чья эта улица, чей это дом!»*

Сержант Яков Павлов

В прежние времена каждый школьник знал об этом Доме ...

13 сентября немцы обрушились на центр Сталинграда.

13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева чудом удалось приостановить рвущегося к Волге врага всего в нескольких сотнях метров от берега, на площади имени 9 Января.

Когда выдалась передышка, обратили внимание, что на нейтральной полосе остался темно-серый Дом специалистов. Время от времени оттуда доносились автоматные и пулеметные очереди.

Решено было послать разведку.

Выбор пал на сержанта Якова Павлова. Вместе с еф-

Военный плакат

Военный плакат

Рано утром разведчики приняли первый удар врага.

Почти два месяца, пятьдесят восемь дней, штурмовали немцы Дом Павлова и так и не смогли взять его.

Это, конечно, чудо...

Германская армия, легко прошедшая многие тысячи километров, захватившая десятки стран, застряла перед обыкновенным четырехэтажным домом на сталинградской улице, так и не сумела пройти последних метров, ведущих к Волге.

«Как несокрушимый бастион, Дом Павлова стоял на пути врага, защищаемый лишь горсткой советских воинов, — писал потом генерал А. И. Родимцев. — Он стал символом стойкости и мужества защитников Сталинграда».

2

*«Если Господь призывает вас к уединенной жизни — идите!
Если призывает Господь на поприще служения ближнему —
идите на это служение! Послушайтесь, куда вас Господь
призывает. Каждому человеку есть призвание от Бога».*

Архимандрит Кирилл (Павлов)

В те самые сентябрьские дни, когда всей мощью своих армий немцы навалились на Сталинград, защищал город на Волге и другой сержант — Иван Дмитриевич Павлов.

Был он на два года моложе героического однофамильца, но боевой путь его оказался длиннее, потому что начался еще на Финской войне.

И, как и Яков Федотович в Доме на площади 9 Января, Иван Дмитриевич тоже нашел свою судьбу в развалинах сталинградского дома.

Иван Дмитриевич поднял из груды кирпичей разбитую книгу, начал читать ее и почувствовал, как вспоминал он потом, «что-то такое родное, милое для души».

Это было Евангелие.

Иван Дмитриевич собрал все его листочки вместе и больше уже не расставался с найденной Книгой.

Так начался его путь к Богу.

«Когда я начал читать Евангелие — у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события... — рассказывал потом он. — Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся...»

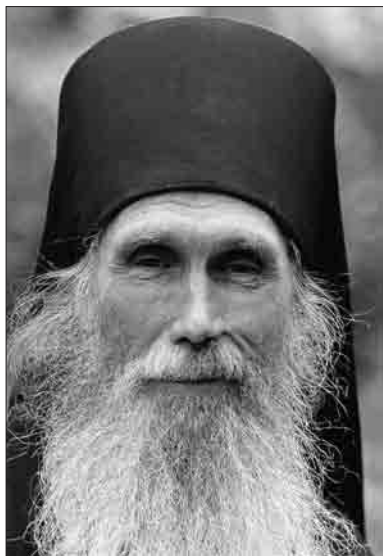
Иван Дмитриевич дошел до Австрии, участвовал в боях на озере Балатон, а в 1946 году, когда его демобилизовали из Венгрии, приехал в Москву.

«В Елоховском соборе спрашиваю, нет ли у нас какого-нибудь духовного заведения. “Есть, — говорят, — духовную семинарию открыли в Новодевичьем монастыре”. Поехал туда прямо в военном обмундировании. Помню, проректор, отец Сергей Савинский, радушно встретил меня»...

Так вчерашний сержант и стал семинаристом.

После завершения семинарии он учился в Московской Духовной Академии, и в 1953 году принял монашеский постриг.

Духовную Академию в 1954 году заканчивал уже не Иван Дмитриевич Павлов, а иеромонах Кирилл.

Архимандрит
Кирилл (Павлов)

3.

*«Нам никогда не забыть сурового и грозного 1942 года.
Четверть века назад здесь решалась судьба нашего Отечества...
Наша клятва — “за Волгой для нас земли нет” — выражала
решимость стоять насмерть, выражала всенародное стремление
разгромить врага в Сталинграде»...*

Я. Ф. Павлов

Судьба сержанта Якова Федотовича Павлова совершенно другая, но — так странно! — все узловые точки ее по времени совпадают с узловыми событиями биографии будущего архимандрита.

В 1944 году Яков Федотович вступил в Коммунистическую партию. Победу он встретил в звании старшины, а 27 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза за подвиг, совершенный еще в Сталинграде.

*Сержант Я. Ф. Павлов
на фоне знаменитого дома*

После войны Яков Федотович окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и работал в народном хозяйстве, трижды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

В 1980-м году он удостоился звания «Почетный гражданин Волгограда». Умер Яков Федотович Павлов в 1981 году и похоронен в Новгороде.

Ну, а вся жизнь архимандрита Кирилла оказалась связанной с Троице-Сергиевой Лаврой. Архимандрит Кирилл стал духовником всей братии главного монастыря России.

Именно старцу Кириллу исповедовались ныне покойные Патриархи Алексий и Пимен. Был он и духовником Алексия II.

Про свое боевое прошлое старец предпочитает не говорить.

— Это осталось в той жизни, — отвечает он докучливым собеседникам.

Рассказывают, что однажды архимандрита Кирилла вызвали в военкомат Сергиева Посада и спросили, что сказать московскому начальству о защитнике Сталинграда Павлове.

— Скажите, что я умер... — ответил старец.

4.

«Тело само свидетельствует о своей смертности, потому что оно разруσιμο и делимо, душа же, напротив, имеет несложное духовное неразрушимое существо и разлагаться на составные части, как тело, и умирать не может»...

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Про архимандрита Кирилла рассказывают немало чудесного.

Некоторые восторженные паломники утверждают, к примеру, что сами видели, как во время молитвы он поднимается над землей.

Но если подобные утверждения можно списать на специфику паломнического восприятия, то страждущие, которым он помог добрым советом, вразумлением и молитвою, — это объективная реальность.

К старцу Кириллу идут, когда никто другой уже не в силах помочь. И старец помогает.

— Очень желаю научиться настоящему покаянию. Пожалуйста, расскажите, как строить свою исповедь?

— Каждый из нас должен трезвиться постоянно и проверять свои помыслы. И какие греховные мысли и страсти борют иногда — надо обязательно это на исповеди открывать духовнику.

— Как бороться с печалью, которая постоянно беспокоит?

— Печаль — это один из семи смертных грехов. Поэтому с печалью надо бороться... Святые Отцы прежде всего призывают к терпению. Надо вооружиться терпением, и в это время молитвою, чтением Слова Божия заниматься и освобождаться от этого духа уныния и печали.

— Будет ли скоро кончина мира и стоит ли вообще учиться и вообще что-нибудь устраивать, в том числе и жизнь?

— Никто не знает ни дня, ни часа, когда будет пришествие Христово... Пока Господь дает нам время, надо над собой работать. Надо бороться со своими греховными наклонностями, своими пороками, искоренять из своей души все злое, худое, порочное. Вот цель и смысл жизни...

5.

*«...У вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”, “а я Христов”.
Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас?
или во имя Павла вы крестились?»*

Я бы не стал объяснять путаницу, которая произошла с сержантами Павловыми в некоторых православных изданиях, одной только не вполне совместимой с профессионализмом восторженностью православных авторов...

Безусловно, сыграла свою роль тут распространенность фамилии Павловых.

Мало кто знает, что только Героями Советского Союза в Сталинграде стало трое Павловых. Этого высокого звания были удостоены капитан Сергей Михайлович Павлов и гвардии старший сержант Дмитрий Иванович Павлов.

А сам сержант Яков Федотович Павлов, как мы уже отмечали, получил звание Героя за свой беспримерный подвиг в Сталинграде только после войны, когда он, наконец, вступил в Коммунистическую партию.

Можно отыскать и более глубинные корни этого соединения разных сержантов Павловых в одно целое.

Сказалось долгое замалчивание роли Православной Церкви и в целом, и миллионов православных людей в отдельности в победе над оккультным рейхом.

Ведь практически ничего не известно о том, что когда фашистская Германия напала на СССР, православное духовенство, забыв о прежних гонениях, встало на защиту Отечества.

Только в одном Сталинграде можно найти немало примеров этого. Священник Днепровский из Казанского собора ходил по осажденному городу и благословлял жителей и солдат на ратный труд. Священнослужитель Борис Васильев в битве на Волге командовал взводом разведчиков, а митрополит Калининский и Кашинский Алексей, тогда еще просто рядовой Алексей Коноплев, был пулеметчиком...

Но и эти объяснения годятся разве только в ответ на язвительные комментарии, которыми сопровождали историю сержантов Павловых наши массовые, весьма далекие от православия издания.

На самом же деле есть в этой истории и та непостижимая до конца, мистическая сторона, которая не позволяет говорить о соединении в православном народном сознании Героя Советского Союза сержанта Я. Ф. Павлова и духовника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кирилла просто как об ошибке.

Впервые я задумался об этом, внимая проповеди, произнесенной архимандритом Кириллом.

Он говорил: «Пусть наши молитвы сольются в единый плач ко Господу, чтобы те, о ком мы молим, возрадовались духом за нашу любовь к ним...»

Вдумываешься в эти слова, и как-то иначе видится история сержантов Павловых...

Не путаницу, а высокий Небесный свет различаешь в ней.

ПОСТСКРИПТУМ

Уже завершая этот очерк, я наткнулся на список 6-й роты 104-го полка 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии, погибшей в Аргунском ущелье в Чечне на высоте 776.0.

Среди фамилий героев-десантников, ценою своих жизней перекрывших путь чеченским бандитам, была и фамилия младшего сержанта Ивана Геннадьевича Павлова...

Юрий БОНДАРЕВ

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Мгновения

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение в спину. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева, и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и д. р., почетный профессор Гос. педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Все чаще приходит мысль, что мир обманывает нас, вселяет в душу надежду на нескончаемость жизни, затушевывает понятие времени, отсоединяя его от пространства и памяти.

Все ли имеет форму на земле и вне земли? Имеет ли форму солнечный свет, воздух, запах? Есть ли смысл утвердительно говорить о форме Вселенной?

Познать форму зрительно и объяснить ее, находясь в самой форме, вряд ли полностью возможно, так как зрению нашему даны границы и видимость становится относительной, и подчас бесформенность представляется формой, а форма — бесформенностью.

Чем ближе к концу жизни, тем яснее, что время не имеет формы, то есть четкого, ощущаемого измерения пройденного пространства, прожитых и пережитых лет, их начала, середины и предполагаемой границы перед исходом. Чаще всего время ощущается как пространство вне границ. И оно в этом случае непознаваемо. Быть может, поэтому в преклонные годы каждое утро кажется оторванным от всей жизни, которой вроде бы и не было, а был только полузабытый вчерашний и наступил сегодняшний день, отъединенный от грядущего завтра. Оно, грядущее, мнится, не имеет последней остановки по причине личного везения и удачливой судьбы, «навечное отсутствие» со мной случится в туманном далеко. Это обманное чувство не признает категорию пространства, непреложно имеющего завершение и конец.

Самый надежный инструмент измерения времени — это память, подкрепленная воображением. Но у большинства людей в свою пору

память и воображение гаснут, притупляются длительность и краткость времени и чувство формы жизни: начала и ее законченности. Это и есть старость.

АТАКА

— Что такое атака, спрашиваешь? А ты вот послушай. Как раз перед нами шоссе Москва—Воронеж проходило, а мы за шоссе на Студенческой улице окопались. Атаковать надо было так: через шоссе броском перескочить, дальше ложбину перебежать, за ней на гору взобраться, а на горе врытые немецкие самоходки и танки в упор бьют по шоссе, нам снизу их стволы видать. Ну а за горкой кирпичный завод, который взять приказано. Там крепенько немцы сидят, кинжальным огнем шоссе простреливают, не то что головы, палец не высунешь — рубит насмерть. Но комбату это не причина, ему одно: взять завод — и точка, никаких рассуждений. Молоденького младшего лейтенанта нашего, москвича, как помню, в первую минуту убило, когда по сигналу атаки шоссе начали перебегать, и по этому случаю роту я на себя принял — больше некому. А атака в полный день была — солнце яркое, все вокруг почище, чем в бинокль видно. Как только мы через шоссе перескочили, самоходки в упор такой огонь стали бешеный давать, что день в ночь превратился — дым, разрывы, стоны, крики раненых. Понял: в лоб завод не возьмем, на самоходки дуrolомом попрешь — всем братская могила. Самоходки дыбят землю огнем, а я кричу: «За мной, братва, так-пере-так! Влево давай! По ложбине, по оврагу, в обход горы, иначе всем похоронки!» И — как угадал в этом соображении. Повезло. Судьба улыбнулась. Вывел остаток роты в овраг слева от завода, а в овраге железный хлам какой-то, железный мусор, хрен знает что. Рвемся, без голосу орем чего-то, задыхаемся, бежим по железному хламу, как сквозь колючую проволоку, того и гляди глаза к дьяволам повыколем. А завод — вот он, на горе виден, метров сто пятьдесят. Уже как черти в аду хрипим, в гору почти на карачках лезем, обмундирование на нас о проволоку, об железо в клочья вкось и поперек разодрано, — и все-таки ворвались в завод с тылу, можно сказать. Помню: пылица в каком-то цехе, спереди немцы из пулеметов по атакующим нашим ребятам режут. Разом ударили мы по ним, вбежали в эту пылицу. Бегу, точно бы вконец обезумелый, строчу из автомата по пулеметчику, вижу вспышки в пыли, кричу что-то вроде «вперед» и вроде трехэтажного мата, сам не соображаю что. И тут накрыло темнотой меня, будто на голову крыша обвалилась... Очнулся в медсанбате, лежу и чувствую: никак живой, тело, руки, ноги при мне, на глазах — повязка. Хочу сдернуть ее, а мне говорят: погоди, мол, контузило тебя и глаза песком засыпало после снарядного разрыва, мол, не волнуйся. Волнуйся, не волнуйся, месячишко поремонтировался — и опять «вперед»...

ГЕРОЙ ИЗ ПОВЕСТИ

Иногда утром на улицах я всматриваюсь в лица людей: в их глазах еще нет отпечатка треволнений дня, нет следов усталости, прожитых и пережитых будней — утром лица кажутся мне открытыми.

Случайно услышанная фраза; беглый взгляд пожилой женщины, брошенный на свое отражение в зеркальном стекле витрины, ее стеснительный жест, чтобы поправить прическу; сосредоточенное или рассеянное выражение лица остановившегося на троллейбусной остановке мужчины средних лет (кто он — мой сверстник?); живое проявление молодости в улыбке незнакомому и немолодого человека — все это с постоянным, порой мучительным узнаванием «тайны» заставляет меня работой воображения угадывать разные варианты судеб; то есть разные стечения обстоятельств, что обычно называют судьбой каждого, представлять чужую жизнь, вчерашнюю или настоящую; счастливую или не совсем счастливую.

...Я встретился с ним после телефонного звонка — звонил журналист А. Шварц. Он сказал мне, что на Московском комбинате железобетонных конструкций работает капитан запаса Владимир Павлович Ластовский, и настойчиво спросил меня, знакомо ли мне это имя, — Ластовский чрезвычайно напоминает одного из героев моей повести «Батальоны просят огня».

Я ответил, что имя это совершенно незнакомо мне, и в то же время, уже повесив трубку, весьма усомнился в категоричности своего ответа, ибо за давностью лет стираются в памяти фамилии, остаются — и то тускнеют, к сожалению, — лишь образы тех, с кем на фронтовых перекрестках встречался когда-то.

И я понял, что не могу не увидеть человека, одного из персонажей повести, который написан был как образ без прототипа, образ, что ли, собирательный, по отдельным черточкам соединенный в единый характер. Затем, увидевшись с бывшим капитаном Ластовским, вдруг поразился не только схожести, но и удивительной идентичности ситуаций, в каких жил, боролся и выстоял мой литературный герой на совсем другом плацдарме — в дни форсирования Днепра.

Капитан Ластовский (ныне он слесарь-механик по ремонту тепловозов, отец двоих детей) приехал ко мне днем, и мы просидели с ним до глубокого вечера в состоянии внутренне возбужденном, какое бывает, когда встречаются однополчане, хотя воевали мы с ним в разных дивизиях и никогда не знали друг друга на фронте.

Он сидел напротив меня за столом, еще по-молодому телесно крепкий, серебристо тронутый сединой, с большими, какими-то добрыми руками (на которые я почему-то все время смотрел), не без достоинства сдержанный, только будто нечаянная улыбка делала его крупное лицо несколько даже задорно-детским, и рассказывал о давних и жестоких боях на Днестре, рассказывал с той свежестью впечатлений, как будто вот сейчас вернулся с плацдарма, с набухшей водой и кровью повязкой на раненой руке, похоронивший сто тридцать три человека из своей роты, но выстоявший до последнего патрона на той песчаной отмели проклятого «пяточка», которую шагами можно было измерить: триста пятьдесят — в глубину, триста — в ширину.

В сорок третьем был он младшим лейтенантом, командовал ротой, и в конце октября ему приказано было первому из 21-го полка 180-й дивизии форсировать Днепр между Вышгородом и Киевом, в районе сильной трехъярусной по крутому берегу обороны немцев, захватить крохотный плацдарм — песчаную отмель, поросшую кустарником, — держаться на нем сколько можно, сколько хватит человеческих сил — так нужно было дивизии.

Их было сто сорок человек. И в туманную холодную ночь эта усиленная рота бесшумно на лодках переплыла полукилометровую ширь воды: окопалась в кустарнике без боя, почти без потерь, только одну лодку все-таки снесло течением во время переправы, прибило к берегу левее отмели, и близкие крики на немецком языке, пулеметные очереди, торопливые взлеты ракет всем объяснили ее судьбу. На помощь прийти было невозможно.

От окопавшейся роты до немецкой обороны было менее сорока метров: даже ручные гранаты, брошенные с высокого берега, достигали ячеек наших солдат. На рассвете немцы обнаружили позиции, а к утру связь с берегом была перерезана. Связисты, посланные на линию, не вернулись. И вот первая немецкая атака началась на заре. И это было только начало. Неистовые атаки не прекращались ни днем ни ночью. Семь долгих дней и ночей кромешного ада. В короткие минуты затишья им кричали из немецких окопов — всем было отчетливо слышно: «Сдавайтесь! Вы безумцы! Сзади Днепр, впереди — смерть, а мы пощадим вас! Вы будете пить водку, любить женщин! Мы повысим вас в чине!»

Они отвечали огнем. И хоронили убитых. Подкрепление, посланное на третью ночь дивизией, было отрезано.

— На шестую ночь, — ровным голосом говорил Ластовский, затягиваясь сигаретой, — сижу в окопе, голова мутная, днем осколком мины ранило, как раз в правую руку. В ушах звенит. Всеми силами стараюсь не заснуть, наблюдаю... В левой руке парабеллум держу, в моем пистолете патроны кончились, а этот у убитого на бруствере фашистского офицера взял, глаза рукавом разлепляю, все думаю: как бы на правом фланге мои ребята не заснули — там уже почти никого не осталось... Вдруг, как во сне, слышу: там на правом фланге — выстрелы, трассы, крики... Потом — ракета. Схватил одной рукой ручной пулемет, бегу со всех ног туда. И поверите — в первый раз не по себе стало, мороз по коже: немцы прямо в рост бегают вдоль наших окопов и в упор солдат расстреливают из автоматов. Или боевое охранение сняли, или заснули... Сон был тогда смертью. Упал с пулеметом на бруствер, выпустил весь диск по этим, над окопами бегающим, а у самого аж горло засадило. Потом все стихло. Иду по окопам, считаю убитых — осталось нас не больше десятка, а из офицеров — я да один командир взвода. Иду и, как в бреду, говорю: «У нас еще, ребята, три пулемета и запас лент остались, назад пути нам нет, а отмель наша. Не спать. Только не спать, ребята. Не такое выдерживали». И тут вижу: в окопчике один солдат сидит, пожилой уже дядька, смотрит на меня, а сам вроде без звука плачет, слезы так и капают, прямо бегут из глаз. Присел к нему: «Чего, — спрашиваю, — ревешь, честно отвечай». — «Пропали, видно, мы здесь, — говорит. — Всем конец». — «Не мы, — говорю, — первые умираем, не мы последние. До нас люди умирали и будут умирать. Если умрем, — считай, что смерть эта обыкновенная». — «А дети?» — спрашивает. «У всех дети, — опять говорю, — у него, у тебя, у всех». — «Да, у всех», — соглашается. «Кончай, — говорю, — это дело. Все мы тут одинаковые».

Ну, последний день и ночь только три атаки было. Помню, у меня в окопе пятьдесят «лимонок» оставалось и две гранаты «эргэде», одна, правда, помятая была, на эту не надеялся — все «лимонки» по фрицам пошвырял, а одну «эргэде» оставил при себе.

А ночь последняя была такая: то луна, то облачко, холодный туманец по кустам. Опять иду по обороне. Нигде ни выстрела, только раненые немцы кричат, стонут за бруствером, а у нас и раненых нет: такие прямые попадания в упор, что одни убитые. И пулеметы все поковерканы уже. Просто металлолом. Всю роту сосчитал, как говорится, по головам: семь человек со мной. И что еще? А я хорошо знаю: ни одного целого пулемета, ни одного патрона в парабеллуме, а только граната «эргэде». Все смотрят на меня. Молчат. И я ну прямо чуть на ногах держусь. Солдаты мои едва живые, все в бородах, дышат с хрипом, исхудалые, но глаза живут еще, смотрят словно внутрь меня, словно спрашивают: «А как дальше будет, лейтенант?» Такое чувство: ближе их никого нет и не будет. Ни мать, ни отец...

Выждал немного, говорю: «Вот граната у меня одна. Мы свое сделали. Все атаки отбили. А сейчас атака — встанем вокруг меня, головами поближе, и я чеку дерну, чтоб, значит, всем сразу... Если кто сомневается — его дело. А сейчас — всем шинели снять».

Ничего не спрашивают, снимают шинели, и сам я шинель снял; потом говорю разведчику казаку Азимову: «А ну, поползи метра три от отдели». Тот перелез через бруствер, пополз в сторону воды. Луна из-за облачка как раз выглянула, и больно ясно его нижняя рубаша на песке белым выделяется. Но немцы не стреляют. Зову его назад и приказываю всем мокрым песком, грязью нижние рубашки замазать. Потом спрашиваю, все ли на воде держаться могут. Оказалось — все. «Так вот, — говорю, — мой приказ: на тот берег переправляемся. По песку ползем так: в середке Азимов с гранатой, все по бокам — ежели немцы возле воды будут окружать, даю сигнал: «Азимов, чеку дергай! За мной!» И поползли. А ползти почти триста метров. Как не заметили нас — до сих пор не знаю. И до сих пор не знаю, как доплыли все. Меня уже без сознания на том берегу вытащили. Вот и история вся. А мне журналист Александр Ефимович Шварц, с нашего комбината парень, сказал, что вы о подобном книжку написали.

— Да, очень похоже, — ответил я, вновь поражаясь сложнейшим и трагическим ситуациям на безымянных днепровских плацдармах, таких многочисленных тогда.

— Вы Красного Знамени за Днепр получили? — опять мысленно обращаясь к плацдарму — отдели, спросил я, глядя на планочки под лацканом его пиджака, на которых заметил ленточку этого ордена.

— Нет, — махнул крупной рукой Ластовский. — Три дня только и отдохнули мои ребята. А потом — наступление от Вышгорода на Киев. Мне опять роту дали. Ну, наступление, сами знаете: вперед и вперед, тут не до наградных. Этот орден за Яссы...

— А ведь за Днепр вам самую высокую награду дать надо, — сказал я, с новой силой вспомнив все плацдармы, на которых приходилось мне бывать, и зная, что это значит: первым форсировать Днепр и продержаться на крохотном плацдарме семь суток отрезанным от своих...

Мы простились с Ластовским так, как будто вместе просидели на плацдарме семь суток и будто это действительно был мой герой. Он ушел, несколько смущенно извинившись за беспокойство, за отнятое время, а от этих слов я был смущен еще больше: я готов был сидеть с ним хоть до утра.

...И теперь, взглядываясь в лица прохожих на улице, пытаюсь угадать их прошлое и настоящее, я часто вспоминаю встречу с Ластовским, сдержан-

ное выражение его сильного, открытого лица, ясное, с твердой добринкой, неускользающее выражение глаз, большие рабочие руки и думаю: все-таки лица человеческие многое говорят.

СУДЬБА

Я очнулся оттого, что нечем было дышать. Я почему-то лежал на дне траншеи, заваленной землей, тупая тяжесть больно давила на грудь, и это было живое ощущение, что я не убит. Я задыхался в угарном смраде удущающего вонью чеснока, ядовитой пылью сгоревшего тола, а в небе, надо мной, кипели черные крутые валы дыма. Там уже не было визжащего ада, наискось мчавшихся к земле пикирующих «юнкеров». И странная тишина была в небе, вдруг неправдоподобно онемевшем. Неподвижность и тишина стояли и в траншее, где недавно нас было шестеро из взвода. И то, что, с трудом подняв голову, я увидел в первую минуту, были торчащие из завалов расщепленные приклады автоматов, покореженные стволы, дырчатый кожух ручного пулемета, клочки гимнастеров. А я был жив, только грудь сдавливало землей, и пьяная зыбкость кружилась в голове вместе с близким железным скрежетом и тонким стрекотом автоматных очередей. Я сделал усилие и ослабевшими руками начал сталкивать с груди и с живота пласты земли, с какой-то отчаянной обреченностью соображая, что в траншее остался я один, а вокруг ни звука голоса, ни команд, ни движения, и лишь вползал в уши скрежет гусениц и непрерывное сверление автоматчиков. Не помню, как я вырыл себя из придавившей все тело тяжести, как откопал автомат, как из последних сил приподнялся на четвереньки и, туманно понимая что я делаю, зачем-то взлез и сел на бруствере, срезанном огромным осколком и показавшемся мне ровным, как гладильная доска. Я тупо смотрел на ворочающиеся танки между развалинами, на серые фигуры бегущих немцев и сообразил, что они продвигаются к берегу Волги, подавив часть обороны. Позади траншеи горел дом, густым жаром наносило в спину, в затылок, меня, всего налитого болью, покачивало вперед и назад, и была неодолимая усталость и вязкое безразличие ко всему на свете, — к танкам, к автоматчикам, к трассам, врывающимся в землю вблизи траншеи. И, как в бреду, тогда я подумал, что вот сейчас хочу, чтобы одна из трасс вонзилась мне в грудь или в голову — и навсегда исчезла бы боль в каждом мускуле, в глазах, исчезла бы смертельная усталость, накопившаяся за дни бешеных боев в этом разрушенном городе — сразу все кончилось бы, исчезло навсегда и легкая пустота понесла бы меня в безмятежный покой. В моем затуманенном сознании тенью скользнуло, что у меня два полных диска, и в болевших от контузии глазах непроизвольно запрыгали серые фигурки немцев меж запыленных туловищ танков, автомат забился в моих руках, захлебнулся очередями, и я едва опомнился, остановил нажатие пальца, чтобы не выпустить весь диск.

В пыли и дыму сразу же после моих очередей трассы немецких автоматов сдвинулись, переместились в мою сторону, пронеслись над траншеей, и я в неистово опалившей меня озверелости выпустил остаток диска навстречу этим трассам, схватил второй диск, щелкнул его, дрожа от нетерпения... Потом оглох от безмолвия, как в ватном мешке — автомат молчал, обдавая сухим жаром, выбросив последнюю очередь. И тогда в сознании мелькнуло: «Все. Конец, все. Скорее бы...»

Не знаю, зачем я уперся кулаками в землю, готовясь подняться в рост на бруствере и, задыхаясь дикими ругательствами и странным смехом, стал жадно ловить глазами трассы, словно направляя их себе в грудь как избавление. «Скорее бы, скорее... И нет боли, и нет усталости... И ничего нет...»

И вдруг, как бывает, наверно, в безумии, я ощутил чье-то незримое присутствие рядом, чье-то движение за спиной, нечто твердо толкнуло меня в бок — и с обжигающей мыслью, что немцы зашли сзади, я окружен, впереди плен, выхода нет — и я, весь в ледяном поту, повернулся и, не веря, увидел обсыпанную пылью и пеплом собачью морду, вытянутую ко мне на передних лапах. Она, собака, лежала на животе, красные от дыма глаза ее по-человечески плакали крупными слезами, снизу смотрели на меня умоляюще и покорно, как смотрят лишь одни собаки. Влажный нос тыкался мне в бок, точно пытаясь столкнуть с места, затем ее зубы оскалились собачьей улыбкой и, плача, с этой улыбкой она схватила меня за край гимнастерки и стала отползать на животе, пятиться, потянув меня за собой. Она не отводила от моего лица слезящихся глаз, и я, еле сознавая, что подчиняюсь этому почти человеческому призыву, нерешительно двинулся за ней, пополз по земляным буграм в направлении горящих домов.

Она привела меня в подвал — погреб разрушенного дома, и я помню, как сидел среди кислой сырости на соломе, и в мутном полусознании гладил лежащую на моем колене теплую морду собаки, представлявшуюся мне то ангелом-спасителем, то непонятной колдовской силой, то раскаявшимся дьяволом, возжелавшим сохранить мне жизнь, чтобы я мог пройти потом всю войну до конца.

Я прошел всю войну, вернулся майором, увешанный орденами с головы до ног, прожил большую жизнь, удачливую и неудачливую, и когда сейчас все чаще чувствую непереносимую усталость от жестокости и глупости жизни, вызывающей мысль скорее уйти навсегда, то вспоминаю те минуты в перепаханной бомбежкой сталинградской траншее, где, контуженный, познал тоску солдатской усталости, боли, одиночества и желание легкой смерти, похожей на избавление, подаренного немецкой автоматной очередью, я вижу преданный умоляющий взгляд неизвестно откуда появившейся собаки, ее дрожащий оскал улыбки, подвал, куда она привела меня, и тщетно ищу ответа: что это было тогда в далеком сорок втором — судьба? Или вмешался неведомый мой добрый покровитель, которого я никогда не узнаю, но который не раз отводил от меня непоправимую беду в течение четырех долгих лет войны?

История и современность

Евгений ТИТКОВ

КРЕМЛЕВСКАЯ ВСТРЕЧА

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Работал деканом исторического факультета Горьковского госпединститута, проректором по учебной работе Арзамасского госпединститута. С 1996 года — ректор АГПИ. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». **Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.**

Многие исследователи считают, что в 1943 г. берет начало «новый курс» государственно-церковной политики в нашей стране. 1943 год как начало «нового курса» государственной церковной политики четко и убедительно обосновывает в своих работах историк О. Ю. Васильева. Она связывает его начало с необходимостью для советского руководства иметь поддержку со стороны Православной Церкви в преддверии грядущих преобразований в Европе в связи с коренным переломом в борьбе против фашизма¹. М. В. Шкаровский также считает, что в начале 1943 г. И. В. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На него повлияла целая группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одной из важных причин была активная патриотическая деятельность подавляющего большинства православного духовенства и мирян, руководства Православной Церкви во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским). За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма, сумела во многом расширить и упрочить свое влияние в стране². Один из руководителей органов безопасности и советской разведки Павел Анатольевич Судоплатов свидетельствовал,

¹Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. — М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1999. — С. 105–106.

²Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 1999. — С. 199–200; Он же. Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Вече, 2010. — С. 210.

что информация оперативных работников НКВД, действовавших на оккупированной врагом территории, «о патриотическом настрое церковных кругов совпала с неофициальными тогдашними просьбами Рузвельта, переданными через Гарримана Сталину, улучшить политическое и правовое положение Православной Церкви». Кроме того, П. А. Судоплатов отмечал роль сотрудников госбезопасности: «В своей записке в правительство мы также поддерживали эти предложения, имея в виду важную консолидирующую роль Православной Церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах»¹.

Патриарх Сергей (Страгородский)

Существенное значение имело обращение в ходе войны к русским патриотическим традициям. То, что руководством страны именовалось «идеологической работой в массах», приобрело совершенно иные, чем прежде, черты. Этот поворот осуществлялся целенаправленно во всех областях — от культурно-исторической до религиозной. В первые два года войны в СССР завершился переход от интернационального к национальному курсу. И в этом курсе Церкви отводилась роль катализатора и цементирующего компонента. В Церкви власть снова увидела опору государственности и патриотизма, без чего невозможно было победить объединенные силы Европы, ведомые фашистской Германией. В армии были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе в июле 1942 г. орден святого князя Александра Невского. В советской кинохронике стали показывать немыслимые совсем недавно кадры, как в освобожденных городах и селах жители с иконами встречают солдат Красной Армии и некоторые из бойцов, осеняя себя крестным знамением, прикладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих. Кроме того, советское руководство стремилось нейтрализовать воздействие немецкой пропаганды, которая представляла Германию защитницей христианства в России. В конце 1942 г. — начале 1943 г. были освобождены некоторые края и области на юге Российской Федерации, и Московская Патриархия

¹ Судоплатов П. А. Остаюсь единственным живым свидетелем // Молодая гвардия. — 1995. — № 5. — С. 40.

понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на подвергшейся оккупации территории. Вскоре на эти земли было направлено до половины начавшего быстро расти епископата Патриархии. Как пишет М. В. Шкаровский, «изменение государственно-церковных отношений можно рассматривать как негласное признание “вождем народов” своей крупной политической ошибки, которое далось ему не без труда. Но Сталин руководствовался прежде всего прагматическими расчетами, в свете которых все идеологические и т. п. аргументы отходили на задний план. Инициатива этого поворота всецело принадлежала председателю СНК. Никто из его окружения, как показывает анализ их идейных позиций, изучение личных качеств, документов, не мог предложить таких радикальных перемен»¹. Такой вывод еще в 1992 г. сделал В. Алексеев в своей книге “Штурм небес отменяется?”².

Прагматизм у Сталина преобладал, несмотря на некоторые факты его склонности к мистике. И в атеизме, и в религии он видел общественные феномены, которые должны служить его системе каждый по-своему. Атеизм был для него также лишь политическим средством, элементом в общей системе формирования людей в нужном направлении. Не случайно всю атеистическую литературу советского периода он называл «атеистической макулатурой» и предпочитал не иметь ее в своей личной библиотеке³.

Первым крупным шагом на пути принципиального изменения в отношениях с Церковью было разрешение открыть специальный счет в Государственном банке для аккумуляции финансовых средств на строительство танковой колонны 5 января 1943 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей предпринял важный шаг на пути фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны в храмах страны. Ответ Сталина был молниеносным. В тот же день он не только поблагодарил Церковь за заботу о бронетанковых силах Красной Армии, но и тут же дал распоряжение открыть банковский счет Патриархии. Это означало юридическое признание Русской Православной Церкви советской властью, чего не было с 1917 г., хотя устанавливающийся юридический статус был весьма ограниченным.

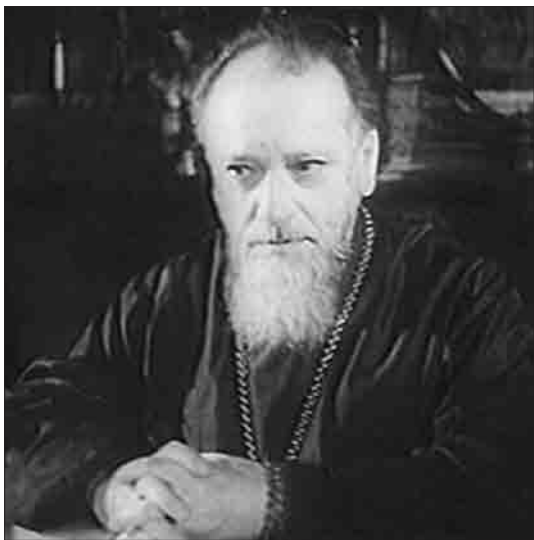
Неизбежность значительного изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с церковью людьми уже вскоре после победы в Сталинградской битве, утверждает М. В. Шкаровский. По докладам органов государственной безопасности, весной-летом 1943 г. многочисленные «бродячие» священники и епископы агитировали верующих подавать властям ходатайства об открытии храмов. Среди московского духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже фактически отказались от прежней линии. Так,

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 1999. — С. 200–201.

² Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. — М., 1992. — С. 185–186.

³ Волкогонов Д. А. Сталин и религия // Наука и религия. — 1989. — № 2. — С. 11.

в 1942–1943 гг. в 14 районах Ярославской области беспрепятственно, хотя и неофициально, без юридического оформления стал функционировать 51 храм. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. В частности в 1943 г. М. И. Калинин указывал Ярославскому облисполкому на «неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви». При этом он указал, что «не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинском районе. По личному указанию председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, который в 1920-х гг. являлся сторонником либеральной религиозной политики, в 1943 г. были также открыты две церкви в Ивановской области¹.

*Митрополит Алексей (Симанский)
во время встречи со Сталиным*

В Красноярске в январе-феврале 1943 г. профессор медицины, ссыльный епископ Лука (Войно-Ясенецкий), исполнявший обязанности главного хирурга военного эвакогоспиталя для раненых бойцов Красной Армии, был вызван первым секретарем обкома ВКП(б). Руководитель обкома сказал ему, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся и Владыка сможет вернуться к своему епископскому служению. Вскоре, в начале марта 1943 г., открылся первый храм в пригороде Красноярска, а владыка Лука митрополитом Сергием был назначен архиепископом Красноярским. 5 марта Владыка писал своему сыну: «Я думаю, что резко изменилось отношение к Церкви: всюду открываются и ремонтируются за счет горсовета храмы, назначаются епископы, митрополит Николай Киевский назначен членом комиссии по немецким зверствам...» Вскоре в Красноярске был открыт еще один храм².

В начале 1943 г. И. В. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о нормализации государственно-церковных отношений. Это определялось общей политической ситуацией внутри страны и широкой патриотической деятельностью религиозных организаций, а также причинами внешними — необходимостью сплочения всех антифашистских сил, включая и религиозные, в странах антигитлеровской коалиции и оккупированных Германией, желанием Сталина показать союзникам, прежде всего США и Англии, что он «дает» религиозную свободу гражданам СССР.

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 1999. — С. 201.

² Там же. — С. 202.

В связи с этим следовало определить, по отношению к какой из религиозных организаций будет сделан первый шаг. Речь могла идти только о Православной Церкви, но либо о ее «обновленческой» ветви, либо о «тихоновской». Сталин подошел к этому выбору как прагматик. «Обновленческая» церковь, возглавляемая эвакуированным в Ульяновск митрополитом Александром Введенским, не пользовалась широкой поддержкой верующих. И за рубежом, среди большинства автокефальных церквей православных, обновленцы не были признаваемы. Они воспринимались как «раскольники» и «узурпаторы» власти церковной. В противоположность им «тихоновская» церковь имела среди верующих широкую поддержку. Зарубежные православные церкви именно ее рассматривали как наследницу тысячелетнего Православия и желали восстановления с ней отношений. Принимался во внимание и тот факт, что на оккупированных территориях немцы закрывали «обновленческие» храмы, тогда как «тихоновских» храмов и монастырей было открыто несколько тысяч.

Таким образом, политическая и религиозная ситуация в стране и за рубежом диктовали Сталину выбор в пользу «тихоновской» церкви¹.

Весной-летом 1943 г. в руководстве СССР активно обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. Вначале было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Однако скоро стало ясно, что этому органу данное направление деятельности явно не удастся, ибо сказывались традиции 1930-х гг. Среди религиозных организаций он воспринимался как наследник их гонителей — ОГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа Советского Союза также было важно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует создать специальный орган, который бы осуществлял связь правительства с Русской Церковью. Тогда родилась идея встречи И. В. Сталина с ее руководителями. К ней стали интенсивно готовиться. С июля 1943 г. начались оживленные переговоры работников Наркомата госбезопасности с представителями Патриархии — митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами Н. Ф. Колчицким².

Было еще одно очень важное обстоятельство, которое обуславливало изменение религиозной политики советской власти. На это обратила внимание О. Ю. Васильева в своей работе³. Речь идет об изменении международной обстановки и стремлении советского руководства играть новую роль в международной политике.

5 июня 1943 г. И. В. Сталин принял в Кремле Наркома государственной безопасности В. Н. Меркулова, который согласно ранее полученным указаниям представил проект секретного документа, именуемого «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР». На основе этого документа Государственный Комитет Обороны принял постановление об утверждении совершенно секретных материалов. Этот до-

¹ Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. — 1995. — № 2. — С. 42.

² *Одинцов М. И.* Другого раза не было // Наука и религия. — 1989. — № 2.

³ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. — М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1999. — С. 106.

кумент означал новую эру в истории политической разведки Советского Союза.

В нем конкретно были расписаны цели и задачи по сбору сведений надлежащего характера. И если многие направления политической разведки для органов Госбезопасности были не новы, то сведения о религиозных организациях впервые оказались в категории серьезных интересов советской внешней разведки. И это было не случайно.

В преддверии грядущих преобразований в Европе после освобождения ее от фашизма Сталин трезво взвешивал шансы СССР в условиях мирного противостояния общественных систем. С одной стороны, симпатии народов Европы, государственных и политических лидеров к СССР как государству, спасшему европейскую цивилизацию от германского фашизма, с другой — настороженность, недоверие к СССР как большевистскому государству, печально известному своими репрессиями, своими преследованиями религии.

Вставала задача максимально использовать эти симпатии и нейтрализовать недоверие.

Морально-этической основой сближения разных государств и народов в новых условиях могла стать религия с ее универсальными ценностями и идеалами. Но для этого надо было показать уважение к ней, терпимость к «чуждым социализму ценностям». Однако внешнеполитические планы не ограничивались задачей завоевания симпатий европейских народов. В своих геополитических устремлениях Сталин претендовал на победу и над умами и душами народов. Он хорошо знал, что умами и душами многих народов Европы правит могущественный Ватикан. Сломить могущество последнего можно было, лишь противопоставив ему Православную Церковь. Возможности для этого, казалось, были.

До 1917 года Русская Православная Церковь имела паству во многих странах. Действовали православные церкви в Северной и Южной Америке, епархия в Бельгии, русские духовные миссии в Иерусалиме, Китае, Корее, благочиния в Австрии, Венгрии, подворья в Белграде и Софии, приходы во многих западноевропейских странах.

И вот Сталин решил превратить Русскую Православную Церковь в центр международного православия с политическим уклоном, своего рода «православный Ватикан», который мог бы стать духовно-нравственной опорой международной политики СССР.

Создание «православного Ватикана» путем объединения автокефальных церквей вокруг Московского Патриархата и перенесения Центра вселенского православия в столицу коммунистического СССР должно было идти под личным контролем И. В. Сталина и В. М. Молотова. А право на «оперативную инициативу» в осуществлении плана было предоставлено «куратору» Церкви — Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви, полковнику госбезопасности Г. Г. Карпову и «специалистам» по внешним сношениям с Лубянки.

Вот это сочетание внутренних факторов и внешнеполитических задач советского государства и обусловило «новый государственно-церковный курс» с осени 1943 г., когда начался период организационного возрождения и укрепления обескровленной большевистским лихолетьем Русской Православной Церкви.

И. В. Сталин

Разработка вопроса о государственном органе, которому можно было бы поручить осуществление новой религиозной политики, велась предварительно. Как уже отмечалось выше, первоначально предполагалось, что этим органом станет созданный в апреле 1943 г. Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ). Однако по целому ряду причин, прежде всего внешнеполитических, а также в связи с непригодностью старых чекистских методов для нового дела, от этой идеи пришлось отказаться. Решение в конечном итоге принимал Председатель Совета Народных комиссаров и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Но он обсуждал этот вопрос со своими соратниками. В обсуждении вопроса принимали

участие: заместитель Председателя СНК СССР, Нарком иностранных дел В. М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, Нарком внутренних дел Л. П. Берия и заместитель Наркома внутренних дел, Нарком госбезопасности В. Н. Меркулов. Органы госбезопасности представили Сталину подробный материал о положении дел в Русской Православной Церкви, дали характеристики на наиболее видных ее представителей — возможных кандидатов на Патриарший Престол.

Из биографической справки на митрополита Сергия (Страгородского), составленной спецслужбой для руководства страны, следует: «Как крупный церковный деятель широко известен в СССР и за границей. Владеет несколькими иностранными языками (японским, финским, английским, греческим, древнееврейским). Вступив на пост Патриаршего Местоблюстителя, мало чем отличаясь от предшественников в своих антисоветских взглядах, он, однако, резко отошел от политики демонстративной и открытой борьбы с советской властью, провозгласив новую церковную политику на основе т. н. лояльного отношения к советской власти. В этом сказалась некоторая прогрессивность митрополита Сергия. Осуществляя этот принцип, он вместе с тем стремится возродить церковь в прежних ее масштабах. С начала войны сам занял патриотическую позицию, организовав патриотическую

деятельность во всей церкви, и этой деятельностью руководит в настоящее время»¹.

Как пишет Б. А. Филиппов, «тем самым можно утверждать, что решения на знаменитой встрече Сталина с митрополитами не были для них столь неожиданными, как было принято считать. Об этом же свидетельствует и состоявшееся в канун возвращения митрополита Сергия в Москву (в июле 1943 г.) собрание архиереев в Ульяновске (предсоборное совещание). Оно интересно как подготовительное совещание перед встречей со Сталиным. На нем Сергей был рекомендован к избранию Патриархом Московским и всея Руси». 31 августа митрополит Сергей вернулся в Москву, где ему сообщили (1 сентября) о предстоящей встрече со Сталиным и о подготовленной для Московской Патриархии резиденции, ранее занимаемой немецким послом в СССР графом фон Шуленбургом².

Конкретный момент для намеченной встречи с руководством Церкви — первые числа сентября 1943 г. — был выбран не случайно. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Великобритании, на которую возлагались большие надежды по открытию второго фронта в Европе. Для оказания воздействия на союзников — Великобританию и США — было решено использовать влияние Англиканской Церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Встреча последней с русскими иерархами во главе с Патриархом отвела бы многие обвинения СССР за религиозные преследования. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви.

После того как все было обдумано, взвешено и решено, Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию было разрешено вернуться в Москву, о чем он просил уже неоднократно, обращаясь в соответствующие органы. В один из июльских дней 1943 г. в г. Ульяновск пришло разрешение на переезд в Москву. Как пишет келейник Владыки Сергия Иоанн Разумов, возвращение это было совершенно неожиданно для Святителя: ведь за несколько дней до этого никто в Патриархии ничего не знал и не предполагал. Думали, что придется пробыть в Ульяновске еще одну зиму. В столицу выехали незамедлительно³.

В Москве Местоблюстителя встречали его соратники митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) и митрополит Киевский Николай (Ярушевич). Они сообщили Сергию о «предложении» органов госбезопасности провести встречу со Сталиным.

Днем 4 сентября 1943 г. на ближней даче в Кунцеве И. В. Сталин собрал совещание, в котором принимали участие Г. М. Маленков и Л. П. Берия. На совещание был приглашен полковник НКГБ Г. Г. Карпов. Незадолго до этого он был откомандирован из штаба партизанских отрядов на Украине и назначен начальником отдела, осуществляющего контроль за деятельностью религиозных организаций. После обсуждения некоторых прак-

¹ Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век. — М.: Изд. ПСГУ, 2009. — С. 412.

² Там же.

³ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси (Страгородский). Жертвенный подвиг стояния в истине Православия. — М.: Правило веры, 2003. — С. 695.

*Митрополиты Николай (Ярушевич),
Сергий (Страгородский)
и Алексий (Симанский) в Богоявленском соборе.
Москва, 1941 год*

соратников. Однако в последние годы появились некоторые основания считать, что это было не совсем так. В мае 1993 г. советский религиовед Э. И. Лисавцев, работавший в свое время в аппарате ЦК КПСС, на конференции памяти о. Александра Шмемана в Петербурге утверждал, что первая встреча Сталина с митрополитом Сергием состоялась в июле 1941 г. Тот же Э. И. Лисавцев говорил также, что в 1943 г. накануне знаменитой встречи состоялся предварительный разговор митрополита Сергия со Сталиным на даче у последнего. Согласно Лисавцеву, «Сталин и митрополит Сергий, оба бывшие семинаристы, нашли общий язык и остались встречей довольны».

Историк Дмитрий Поспеловский сомневается в реальности этих двух встреч. Ибо, по его мнению, этому несколько противоречат, во-первых, сведения другого советского религиоведа В. Алексева о том, что 4 сен-

*Митрополит Николай (Ярушевич)
благословляет бойцов Красной Армии. 1944 г.*

тических вопросов было решено провести встречу Сталина с высшими иерархами Православной Церкви. Тут же из кабинета Сталина полковник Карпов позвонил митрополиту Сергию, чтобы договориться о встрече.

Долгое время считалось, что это была первая встреча Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским) как руководителем Русской Православной Церкви и что она стала полной неожиданностью для Патриаршего Местоблюстителя и его

сотрудников. Однако в последние годы появились некоторые основания считать, что это было не совсем так. В мае 1993 г. советский религиовед Э. И. Лисавцев, работавший в свое время в аппарате ЦК КПСС, на конференции памяти о. Александра Шмемана в Петербурге утверждал, что первая встреча Сталина с митрополитом Сергием состоялась в июле 1941 г. Тот же Э. И. Лисавцев говорил также, что в 1943 г. накануне знаменитой встречи состоялся предварительный разговор митрополита Сергия со Сталиным на даче у последнего. Согласно Лисавцеву, «Сталин и митрополит Сергий, оба бывшие семинаристы, нашли общий язык и остались встречей довольны».

Историк Дмитрий Поспеловский сомневается в реальности этих двух встреч. Ибо, по его мнению, этому несколько противоречат, во-первых, сведения другого советского религиоведа В. Алексева о том, что 4 сентября 1943 г. утром Сталин вызвал к себе на дачу чекиста Георгия Карпова и в присутствии Маленкова и Берии расспросил его о личностях всех трех митрополитов. Во-вторых, как пишет Поспеловский, если Сталин и митрополит Сергий нашли общий язык еще в 1941 г., зачем же тогда Сталин, когда немцы подступили к Москве, буквально выслав в Ульяновск больного митрополита, не сделав того же в отношении к митрополиту

Николаю, и почему, несмотря на ходатайства Сергея, не пускал его обратно в Москву чуть ли не до 3 сентября 1943 г.¹?

Варианты ответов на подобного рода вопросы могут быть разные, но они, пока нет достаточно достоверных данных, могут носить лишь предположительный характер. Мы же пока будем опираться на реально существующие документы, которые дают достаточно полное представление о знаменитой встрече Сталина и трех митрополитов 4 сентября 1943 г. Таким документом является записка Г. Карпова, составленная им на следующий день после встречи. Будем опираться на нее, воспроизводя эту встречу².

Как пишет Карпов, 4 сентября он был вызван к товарищу Сталину, где ему были заданы следующие вопросы:

- а) что из себя представляет митрополит Сергей (возраст, физическое состояние, его авторитет в Церкви, его отношение к властям);
- б) краткая характеристика митрополитов Алексия и Николая;
- в) когда и как был избран в Патриархи Тихон;
- г) какие связи Русская Православная Церковь имеет с границей;
- д) кто является Патриархами Вселенским, Иерусалимским и другие;
- е) что он знает о руководстве Православных Церквей Болгарии, Югославии, Румынии;
- ж) в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергей, Алексий и Николай;
- з) количество приходов Православной Церкви в СССР и количество епископата.

После того как Карпов ответил на поставленные вопросы, ему были заданы три вопроса личного порядка:

- а) русский ли он;
- б) с какого года в партии;
- в) какое образование имеет и почему знаком с церковными вопросами.

После этого Сталин сказал: «Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством Церкви. Какие у Вас есть предложения?»

Оговорившись, что к этому вопросу он не совсем готов, Карпов внес предложение организовать при Верховном Совете СССР отдел по делам культов и исходил при этом из факта существования при ВЦИКе постоянно действующей Комиссии по делам культов.

Сталин поправил Карпова, сказав, что организовывать комиссию или отдел по делам культов при Верховном Совете СССР не следует, что речь идет об организации специального органа при Правительстве Союза и речь может идти об образовании или комитета, или совета. Спросил мнение об этом Карпова, который с ответом затруднился. Тогда Сталин, подумав, сказал: «1) надо организовать при Правительстве Союза, т. е. при Совнарком, Совет, который назовем Советом по делам Русской Православной Церкви; 2) на Совет будет возложено осуществление связей между Правительством Союза и Патриархом; 3) Совет самостоятельных решений не принимает, докладывает и получает указания от Правительства».

¹ *Поспеловский Д. В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. — М.: Библейско-Богословский ин-т св. Апостола Андрея, 1996. — С. 297–298.

² Страж Дома Господня. — С. 713–719.

Танки ОТ-34 колонны «Дмитрий Донской» (обр. 1943 г.), построенной на средства Русской Православной Церкви. Начало 1944 г.

После этого Сталин обменялся мнениями с Маленковым, Берией по вопросу, следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия, Николая, а также спросил Карпова, как он смотрит на то, что Правительство примет их. Все трое ответили, что они считают это положительным фактом. Обратим внимание на тот факт, что Верховный Главнокомандующий и руководитель Ставки Верховного Главнокомандования И. В. Сталин обсуждал вопрос о целесообразности приглашения в Кремль высших церковных иерархов со своими ближайшими соратниками, и даже точка зрения полковника Г. Г. Карпова для него представляла интерес.

После этого тут же на даче Сталина Карпов получил указание позвонить митрополиту Сергию и от имени Правительства передать следующее: «Говорит с Вами представитель Совнаркома Союза. Правительство имеет желание принять Вас, а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать Ваши нужды и разрешить имеющиеся у Вас вопросы. Правительство может Вас принять или сегодня же, через час-полтора, или, если это время Вам не подходит, прием может быть организован завтра (в воскресенье), или в любой день последующей недели».

Тут же в присутствии Сталина, созвонившись с митрополитом Сергием и отрекомендовавшись представителем Совнаркома, Карпов передал вышеуказанное и попросил обменяться мнениями с митрополитами Алексием и Николаем, если они находятся в данное время у митрополита Сергия.

После этого Карпов доложил Сталину, что митрополиты Сергей, Алексий и Николай благодарят за такое внимание со стороны Правительства и хотели бы, чтобы их приняли сегодня.

Двумя часами позднее митрополиты Сергей, Алексий и Николай прибыли в Кремль, где были приняты Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали В. М. Молотов и Г. Г. Карпов.

Беседа Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут.

Тов. Сталин сказал, что Правительство Союза знает о проводимой ими патриотической работе в церквах с первого дня войны, что Правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую Церковью по отношению к государству.

Коротко отметив положительное значение патриотической деятельности Церкви за время войны, Сталин просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но неразрешенных вопросах.

Митрополит Сергий сказал Сталину, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве Церкви, так как почти 18 лет он является Патриаршим Местоблюстителем и лично думает, что вряд ли где есть столь продолжительные вреды; что Синода в Советском Союзе нет с 1935 г., а потому он считает желательным, чтобы Правительство разрешило собрать Архиерейский Собор, который и изберет Патриарха, а также образует орган в составе 5–6 архиереев.

Митрополиты Алексий и Николай также высказались за образование Синода и обосновали эти предложения об образовании как наиболее желательную и приемлемую форму, сказав также, что избрание Патриарха на Архиерейском Соборе они считают вполне каноничным, так как фактически Церковь возглавляет бессменно 18 лет Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий.

Одобрив предложения митрополита Сергия, Сталин спросил:

«а) как будет называться Патриарх;

б) когда может быть собран Архиерейский Собор;

в) нужна ли какая помощь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т. п.)?»

Танковая колонна «Дмитрий Донской»

Сергий ответил, что все эти вопросы предварительно или между собой обсуждались, и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для Патриарха титул «Патриарха Московского и всея Руси», хотя Патриарх Тихон, избранный в 1917 г. при Временном правительстве, назывался «Патриархом Московским и всея России».

Сталин согласился, сказав, что это правильно.

На второй вопрос митрополит Сергей ответил, что Архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и тогда Сталин, улыбнувшись, сказал: «А нельзя ли проявить большевицкие темпы». Обратившись к Карпову, он спросил его мнение, и тот высказался, что если помочь митрополиту Сергию соответствующим транспортом для быстрой доставки епископата в Москву (самолетами), то Собор мог бы быть собран и через 3–4 дня.

После короткого обмена мнениями договорились, что Архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября.

На третий вопрос митрополит Сергей ответил, что для Собора никаких субсидий от государства они не просят.

Вторым вопросом Сергей поднял, а митрополит Алексей развил вопрос о подготовке кадров духовенства, причем оба просили Сталина, чтобы им было разрешено организовывать богословские курсы при некоторых епархиях.

Согласившись с этим, Сталин в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей, а затем еще больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц моложе 18 лет они считают не подходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у молодых людей не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, так как получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда Церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена.

Сталин сказал: «Ну как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, — начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий».

Третьим вопросом Сергей поднял вопрос об организации издания журнала Московской Патриархии, который бы выходил один раз в месяц и в котором освещались бы как хроника Церкви, так и статьи и речи богословского и патриотического характера.

Тов. Сталин ответил: «Журнал можно и следует выпускать».

Затем митрополит Сергей затронул вопрос об открытии церквей в ряде епархий, сказав, что вопрос этот перед ним ставят почти все епархиальные архиереи, что церквей мало и что уж очень много лет церкви не открываются. При этом митрополит Сергей сказал, что он считает необходимым предоставить право епархиальному архиерею входить в переговоры с гражданской властью по вопросу об открытии церквей.

Митрополиты Алексей и Николай поддержали Сергия, отметив при этом неравномерность распределения церквей в Советском Союзе и выска-

зав пожелание в первую очередь открыть церкви в областях и краях, где нет совсем церквей и где их мало.

Сталин ответил, что по этому вопросу никаких препятствий со стороны Правительства не будет.

Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и т. д. Сталин предложил им составить такой список, его рассмотрим, добавил он.

Сергий тут же поднял вопрос о предоставлении права свободного проживания и передвижения внутри Союза и права исполнять церковные службы бывшим священнослужителям, отбывшим по суду срок своего заключения, то есть был поднят вопрос о снятии запретов, вернее, ограничений, связанных с паспортным режимом.

Сталин предложил Карпову изучить этот вопрос.

Митрополит Алексей, попросив разрешения Сталина, специально остановился на вопросах, имеющих отношение к церковной кассе, а именно:

а) митрополит Алексей сказал, что он считает необходимым предоставление епархиям права отчислять некоторые суммы из касс церквей и из касс епархий в кассу центрального церковного аппарата для содержания (Патриархия, Синод), и в связи с этим же он привел пример, что инспектор по административному надзору Ленсовета Татаринцева такие отчисления делать не разрешила;

б) что в связи с этим же вопросом он, а также митрополиты Сергий и Николай считают необходимым, чтобы было видоизменено положение о церковном управлении, а именно, чтобы священнослужителям было дано право быть членами исполнительного органа церкви.

Сталин сказал, что против этого возражений нет. В беседе митрополит Николай затронул вопрос о свечных заводах, заявив, что в данное время церковные свечи изготавливаются кустарями, продажная цена свечей в церквях весьма высокая и что он, митрополит Николай, считает лучше предоставить право иметь свечные заводы при епархиях.

Сталин сказал, что Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств.

Затем, обращаясь к Карпову, Сталин сказал: «Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. д.».

Обращаясь к трем митрополитам, Сталин сказал: «Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру».

После этого, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, Сталин сказал: «Вот мне доложил Карпов, что Вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у Вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у Вас есть нужды и что Вы хотели бы получить от Правительства».

В ответ на вопрос Сталина митрополит Сергий сказал, что в качестве помещений для Патриархии и для Патриарха он просил бы принять вне-

*Один из первых номеров журнала
Московской патриархии,
выпущенный в годы войны*

сенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение Патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделив машины.

Сталин сказал митрополиту Сергию: «Помещения в Новодевичьем монастыре тов. Карпов посмотрел: они совершенно не благоустроены, требуют капитального ремонта, и, чтобы занять их, надо еще много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в XVI в. Правительство Вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив Вам 3-этажный особняк в Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шуленбургом. Но это здание советское, не немецкое, так что Вы може-

те совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк Вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас покажем Вам план его».

Через несколько минут представленный Сталину его помощником Н. А. Поскребышевым план особняка по Чистому переулку, дом 5, с его подворными постройками и садом был показан для ознакомления митрополитам, причем было условлено, что на другой день Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть указанное помещение.

Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, Сталин сказал митрополитам: «На рынке продукты покупать Вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами Вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2–3 легковые автомашины с горючим».

Сталин спросил Сергия и других митрополитов, нет ли у них еще каких-либо вопросов к нему, нет ли других нужд у Церкви, причем об этом он спросил несколько раз.

Все трое заявили, что особых просьб больше они не имеют, но иногда на местах бывает переобложение духовенства подходящим налогом, на что

тов. Сталин обратил внимание и предложил Карпову в каждом отдельном случае принимать соответствующие меры проверки и исполнения.

После этого Сталин сказал митрополитам: «Ну, если у Вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской Православной Церкви, и Председателем Совета предполагается назначить тов. Карпова. Как Вы смотрите на это?»

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост тов. Карпова.

Сталин отметил, что Совет будет представлять собою место связи между Правительством и Церковью и Председатель его должен докладывать правительству о жизни Церкви и возникающих у нее вопросах.

Затем, обращаясь к Карпову, Сталин сказал: «Подберите себе 2—3 помощников, которые будут членами Вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, что Вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность Церкви».

После этого Сталин, обращаясь к В. М. Молотову, сказал: «Надо довести об этом до сведения населения, так же, как потом надо будет сообщить населению и об избрании Патриарха».

В связи с этим Вячеслав Михайлович Молотов тут же стал составлять проект коммюнике для радио и газет, при составлении которого вносились соответствующие замечания, поправки и дополнения как со стороны Сталина, так и отдельные со стороны митрополитов Сергия и Алексия.

Текст извещения был принят в следующей редакции: «4 сентября с. г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем».

Во время беседы митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий.

При беседе присутствовал заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В. М. Молотов».

Это извещение было опубликовано в газете «Известия» от 5 сентября 1943 г. Коммюнике было передано Н. А. Поскребышеву для передачи в этот же день по радио и в ТАСС для напечатания в газетах.

После этого В. М. Молотов обратился к Сергию с вопросом: «Когда лучше принять делегацию Англиканской церкви, желающую приехать в Москву, во главе с епископом Йоркским?»

Сергий ответил, что поскольку Собор епископов будет собран через 4 дня, значит и будут проведены выборы Патриарха, англиканская делегация может быть принята в любое время.

Молотов в связи с этим сказал, что лучше будет принять эту делегацию месяцем позднее.

*Алексий I (Симанский)
в День своей интронизации. 1945 г.*

годняшний день является записка Г. Г. Карпова, которая и воспроизведена нами выше и дает представление о встрече Сталина с тремя церковными иерархами. К сожалению, по вполне понятным причинам до нас не дошло никаких воспоминаний святителей, участвовавших в этой встрече. Возможно, какие-то обрывки из их устных воспоминаний, более или менее искаженные, попали к нам через третьи руки. В одной из подобного рода записей говорится: «В конце беседы... митрополит Сергей был страшно утомлен... Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподиакон, свел его по лестнице вниз и сказал на прощание следующую фразу: «Владыко! Это все, что я в настоящее время могу для Вас сделать»»².

Последняя такого рода встреча состоялась в мае 1924 г., когда Патриарха Тихона принимали Председатель ВЦИК М. И. Калинин и председатель СНК СССР А. И. Рыков. Примечательно, что следующая подобная встреча произойдет 10 апреля 1945 г. И. В. Сталин встретится с Патриархом Алексием (Симанским), митрополитом Николаем (Ярушевичем) и протопресвитером Николаем Колчицким. Речь пойдет о предполагавшемся сооружении

В заключение этого приема у тов. Сталина выступил митрополит Сергей с кратким благодарственным словом к Правительству и лично к тов. Сталину. Молотов спросил Сталина: «Может, вызвать фотографа?» Сталин ответил: «Нет, сейчас уже поздно, второй час ночи, поэтому мы сделаем это в другой раз».

Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета.

Г. Карпов, подробно описавший этот прием у Сталина, в заключение отметил: «Данный прием был историческим событием для Церкви и оставил у митрополитов Сергея, Алексия и Николая большие впечатления, которые были очевидны для всех, кто знал и видел в те дни Сергея и др.»¹.

Об этой исторической встрече долгое время было известно сравнительно мало, причем общалось много недостоверного. Наиболее обстоятельной на се-

¹ Страж Дома Господня. — С. 719; И. Сталин: Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» / Публ. М. И. Одинцова // Диспут. — 1992. — № 3. — С. 153.

² Цит. по: Страж Дома Господня. — С. 696.

в Москве Православного центра с дворцом, духовными учебными заведениями, типографией и т. п.

На следующий день после встречи в Кремле, 5 сентября 1943 г., митрополиты Сергей, Николай и Алексей составили и направили Сталину обращение: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Исторический день свидания нашего с великим для всей Русской земли Вождем нашего народа, ведущим Родину к славе и процветанию, навсегда останется в глубине сердца нас, служителей церкви. Мы почувствовали в каждом слове, в каждом обращении, в каждом предложении сердце, горящее отеческой любовью ко всем своим детям. Русской Православной Церкви особенно дорого то, что Вы своим сердцем почувствовали, что она действительно живет вместе со всем русским народом общей волей к победе и священной готовностью ко всякой жертве ради спасения Родины.

Русская церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь — не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого Отечества.

От лица Русской церкви приносим Вам великую благодарность.

Да сохранит Вас Бог на многие лета, дорогой Иосиф Виссарионович!»¹

В первом номере «Журнала Московской Патриархии» была помещена статья «Верховный вождь страны и Красной Армии». В ней говорилось: «Чувство преклонения перед личностью Иосифа Виссарионовича, перед его мудрой проницательностью, его отеческой сердечностью и изумительным вниманием к нуждам всех без исключения граждан достигло у верующих наивысшего подъема в сентябрьские дни, когда вся страна узнала о состоявшемся в Кремле приеме главой Правительства митрополита Сергея совместно с митрополитами Алексием и Николаем... Русская Православная Церковь молитвенно благословляет жизнь и труды великого вождя страны и Красной Армии».

¹ Власть и Церковь в Восточной Европе 1944–1953. — Т. 1. Документы архивов. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 20.

История и современность

**Архиепископ ПААВАЛИ
(1914–1988)**

ВАЛААМ. ИСТОРИЯ И КАРТИНЫ ЛАДОЖСКОГО МОНАСТЫРЯ (1973 г.)*

*Отрывок
из воспоминаний*

**Перевод с финского Людмилы
Яковлевой*

Документальный материал из истории Русской Зарубежной Православной Церкви интересен вне политических коллизий и спекуляций ярким, правдивым отображением последних дней великой православной святыни, старого Валаамского монастыря, оказавшегося в фокусе социальных катаклизмов, на пути беспощадных войн. Воспоминания о последних днях обители написаны насельником монастыря, одним из его монахов, бывшим нашим соотечественником, ставшим впоследствии архиепископом Финской Православной Церкви. В связи с этим вызывает интерес история неординарной личности архиепископа Паавали.

Паавали (Георгий Гусев) родился 28 августа 1914 года в Петербурге. После революции семья переехала в Выборг и сменила свою фамилию на Олмари. Школьное образование будущий архиепископ получил в классическом лицее Выборга, но в 1932 году оставил уче-

Архиепископ Паавали — русский, родился в Петербурге в 1914 году. Монах Валаамского монастыря. Был архиепископом Карелии и всей Финляндии. Монастырь Новый Валаам под его попечительством превратился в мощный, всемирный центр Православия.

Людмила Яковлева — переводчик, автор более сотни статей и книг на медицинские темы (по медицинской радиологии). В 2008 году в издательстве «Алетейя» вышла первая книга «Человек, утративший надежду. Биография поэта Вадима Гарднера, рассказанная им самим». В 2009 году в том же издательстве — книга «Записки дамы элегантного возраста». Готова к публикации новая книга «Моих странствий ветер...». Печаталась в журнале «Иные берега», издаваемом Объединением русскоязычных литераторов Финляндии, членом которого она является. Живет в Хельсинки, Финляндия.

бу из-за смерти отца. В том же году он поступил в Сортавальскую семинарию и в 1936 году защитил степень кандидата. После окончания семинарии в 1937 году он ушел в Валаамский монастырь. Уже на следующий год там был рукоположен в монахи, а затем и в иеромонахи с именем Паавали. В монастыре в обязанности Паавали входило руководство финноязычным хором послушников. Также он подготовил к изданию брошюры на финском языке о жизни монастыря, опубликованные в серии «Подвижник». В октябре 1939 года, с началом Финской войны, Паавали был призван на военную службу в качестве военного священника. Поначалу зоной его деятельности были острова Валаам и Мантсинсаари. На рубеже 1939–1940 годов он принимал активное участие в эвакуации Валаамского монастыря, был духовным пастырем переселенцев в Йоэнсуу и Каухава. Впоследствии Паавали был призван священником в Олонецкий район, подведомственный Военному управлению Восточной Карелии. Здесь он и некоторые другие православные военные священники решительно противодействовали изначальным попыткам лютеранской церкви обратить в лютеранство православное население, оставшееся на территории Восточной Карелии. Паавали также выступил с предложением включить православное население Восточной Карелии в сферу деятельности Финской Православной церкви. Из-за своих воззрений Паавали был удален из Восточной Карелии. Отработав некоторое время священником в лагере для военнопленных и преподавателем закона Божиего на учительских курсах в Ямса, организованных для слушателей из Восточной Карелии, осенью 1943 года Паавали возвращается на фронт священником. Он вновь высказал мысль о том, что Восточная Карелия является «естественной» сферой деятельности Финской Православной Церкви. В целях укрепления православной духовной жизни Паавали совместно с другими священниками, работавшими в Восточной Карелии, весной 1944 г. основал Православную Братию Валаамского монастыря в Хейнявеси. Основной задачей Братии было укрепление православного духа ее членов и популяризация монастырской жизни. Братия издает выходящий четыре раза в год журнал «Хехкува Хийллос» («Пылающие угли»). С наступлением мира Паавали был направлен исполняющим обязанности кантора в приходе Йоэнсуу. Одновременно он был назначен главным редактором Совета по изданию православной литературы и ответственным редактором журнала «Аамун Койтто».

На Церковном Соборе 1955 году Паавали был избран помощником епископа, а в 1960 году — архиепископом Карелии и всей Финляндии. С этой должности он ушел на пенсию в 1987 году. Деятельность Паавали в сане архиепископа происходила в то время, когда финское общество начало по-новому оценивать собственное отношение к Православию. Люди стали осмысленно относиться к тому, что ранее называлось не иначе как «церковью рюся». На государственном уровне это проявилось в признании Православной Церкви в качестве второй государственной. Закон о Финской Православной Церкви был принят в 1969 году и вступил в силу на следующий год.

Паавали был чрезвычайно харизматичной личностью. Он отличался глубокой духовностью и верой. В своей деятельности выдающийся финский священник русского происхождения уделял много внимания мо-

настырю Новый Валаам, который под его руководством превратился в крупный центр православной культуры.

Умер архиепископ Паавали 2 декабря 1988, в Куопио.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МОНАСТЫРЯ

Летом 1939 года туристский сезон был оживленнее обычного. Заметно больше других было паломников из Эстонии: это были группы, руководимые как священниками, так и мирянами. Особенно привлекательным для них было паломничество в район рыбных озер и уединенные убежища Коневского скита, где уже в течение семнадцати лет в тиши природы вел подвижнический образ жизни схимонах Николай. Но с приходом осени монастырь затих. Грозовые облака войны, нависшие над Европой, не могли не бросить своей тени на монастырь, это убежище мира. Уже тогда явственно ощущалось предчувствие рокового изменения в судьбе монастыря. Тем не менее монастырская жизнь пока предоставляла монахам укрытие от преждевременных потрясений: всё в воле Божьей.

Одним из признаков наступивших в нашей жизни перемен были ограничения в потреблении продуктов питания с последующим их регламентированием. Экономия в первую очередь касалась сахара и чая — самых популярных в монастыре продуктов. В месяц было определено по полтора килограмма сахара на человека, однако на самом деле для населения монастыря это нормирование оказалось наоборот увеличением порции, так как до этого в месяц на душу тратилось 800 грамм.

Военнообязанные и рясофорные монахи получили повестки на повторные военные сборы. Мы с иеромонахом Петром ожидали своей очереди. Наши повестки пришла 12 октября, когда братство обедало. Так мы сменили рясы на военную форму, но никто не знал, надо ли стричь волосы и брить бороду? В истории монастыря никогда ничего подобного не было. Однако длинные волосы и борода как-то не вязались с военной формой, и мы сами решили постричься и побриться. Но на что были годны два превратившихся в солдат иеромонаха? Этот вопрос стал проблемой также и для командующего подразделением майора Z. Выход нашелся в том, что одного из нас назначили заведовать продовольствием, а другой получил должность «каптенармуса». Хорошо, что нам позволили жить в наших кельях и в свободное время не запрещали принимать участие в церковных службах монастыря. Тем не менее вскоре из главного штаба пришло распоряжение, в котором круг деятельности военных пасторов определялся более точно. Нашему майору, который родом был из западной Финляндии и для которого и Православие, и нужды карельского населения были полностью непонятны, это распоряжение было совершенно непостижимо. Как грекокатолический священник, да еще и проживший всю жизнь в монастыре, мог служить в финской армии?! Не думает же он, что весь монастырь кишит шпионами? Но майор все-таки устроил обыск в каморках монахов, отыскав у иеромонаха Аркадия радиоприемник, в дровяном сарае монаха-садовника двустволку, а в конюшне — вторую. Игумен Харитон, которому было официально предписано заранее объявить, сколько в монастыре приемников, был в связи с этим вопрошаем, почему он не объявил о том, что у кого-то есть второй приемник и что делают монахи с двустволкой. Никому и голову

О. Валаам. Монастырь с южной стороны. Старинный рисунок

не пришло, что игумена мало интересует и то, сколько приемников приобрели монахи, и то, что кому-то из них иногда надо попутать птиц, кому-то резать скотину. Но пошли слухи, что будто бы в Сортавале, в монастыре под алтарем организована подпольная радиостанция и будто кто-то видел, как монастырского игумена препроводили в Сортавальскую тюрьму. Позднее слишком активного майора перевели в другое место, а его место занял известный с давних пор на Валааме майор Корвенхейм; он установил доверительные отношения между военными и монастырскими властями, сотрудничая с ними на паритетных началах.

В то же время два лютеранских пастора продолжали свою работу в Валаамском подразделении. Военный пастор Матти Туовинен причащал лютеранских верующих отдельно в Иерусалимском скиту. Первый раз в церкви Валаама зазвучали лютеранские песнопения. У православных военных пасторов был относительно большой приход, особенно в Мантси, где охраняющая его группа войск состояла в основном из православных жителей острова. В нижней же части Валаамского архипелага, где было расположено совсем небольшое подразделение, службы проводились как для лютеран, так и для православных. На эти службы приходилось плыть сквозь осенние ладожские бури на небольшом судне. Меня мучили приступы морской болезни, так что обычно я стоял один на палубе, высокие волны окатывали меня брызгами, а ряса совсем не спасала от холода. Второй военный пастор Пауль Йохки был откомандирован на остров Мантси.

Вскоре после начала войны стали проводить эвакуацию мирного населения. 12 декабря с острова были вывезены мальчики из детского дома и послушники, которые были размещены в Старой Сюсманской школе в Оутокимму. Следующая эвакуация была проведена 20 декабря, когда вывезли

всех больных, а также тех монахов, кто не являлся гражданами Финляндии. Во время отхода судна я находился на монастырском берегу. В памяти осталась картина, как отшельника Пиона, совершенно слепого старика из Кастаянского скита, утешали другие, зрячие монахи, напоминая ему, что и народ Израилев по воле Бога был вынужден покинуть свою землю. Возглавляемая иеромонахом Саввой группа отправилась в район центральной Финляндии в Каннонкоски.

В это же время было эвакуировано самое ценное церковное имущество: святой ковчег, серебряный алтарный престол и наиболее ценные иконы. До сих пор помню, как во время церковной службы позвякивала упаковываемая утварь. Во время молитвы я почувствовал, как внутри меня словно что-то обрушилось, как я что-то потерял навсегда: это «что-то», вероятно, было мое собственное участие в совершенной, дружной, одухотворенной монастырской жизни.

В последние дни декабря, пока еще не весь залив покрылся льдом, я переехал на остров Мантси, где мне приходилось нести ту же службу, только в других подразделениях. В один из январских дней, окруженный вечерним полумраком, я ехал на лыжах по острову Лункула. Дорога была не длинная, всего 2 километра. Часть острова уже была оккупирована противником, и мне следовало быть очень осторожным, чтобы не ошибиться в направлении. Когда наконец добрался до места назначения, я тотчас прочитал вечернюю молитву сильно уставшим солдатам, еще даже не получившим палаток. Заночевать пришлось вместе с другими людьми в «черной» бане, одновременно служившей и «штабом». Вечером наступила глубокая тишина, но это было затишье перед бурей — рано утром началось наступление врага, сопровождавшееся артобстрелом. Так и я получил боевое крещение, а поздно ночью, возвращаясь на остров Мантси, узнал, что атака врага была отбита, да еще и без потерь.

Какова же была жизнь оставшегося в монастыре братства в период войны? Самые страшные переживания настигали монахов во время частых воздушных ударов, которым подвергался монастырь. Сигнал воздушной тревоги подавали при помощи так называемого Воскресного колокола на колокольне главной церкви. Настоящего бомбоубежища не было, и, услышав звук колокола, братья устремлялись под укрытие храма. Толстые стены его, действительно, спасали от осколков, но даже под прикрытием Бога не стоило проверять, что произойдет в случае прямого попадания бомбы.

Среди братства были и такие, кто во время налета не бежал в церковь. Одним из них был иеромонах Памва; келья его находилась в том же коридоре, что и моя. Во время бомбежки он не покидал своей кельи по той простой причине, что зачастую из-за своей глухоты просто не слышал звука колокола. Так однажды бомба разорвалась во дворе монастыря примерно в пятидесяти метрах от главного здания, но он проснулся только тогда, когда на него посыпались осколки разбитого стекла. Тем не менее мне пришлось быть очевидцем другого случившегося с ним происшествия: братья вернулись с обеда и только собрались отдохнуть, как раздался гулкий звон тревожного колокола. Зайдя в свою комнату, я почему-то сразу же подумал о своем соседе, отце Павме. Я стучал ему до тех пор, пока его белая голова не показалась в дверях. «Тревога!» — сказал я. «Хорошо», — ответил отец Памва, волоча за собой одеяло. И под раздражающий слух вой налетающих

самолетов мы побежали. В спешке я как-то не придал особого значения тому, что на этот раз отец Памва бежит вместе со мною, а не остался в комнате, махнув рукой, как он делал это обычно. Когда бомбежка закончилась, и мы вернулись в кельи, он обнял меня и произнес: «Спасибо, ты спас мне жизнь. Когда я вернулся в свою комнату, то увидел, что каменная стена упала прямо на мою постель!» Впоследствии я узнал, почему на этот раз он послушался моего совета. Ночью, во сне, ему привиделся игумен Павел, у которого в молодости отец Памва был прислужником, и сказал, что пришел за ним. Так как эти вести пришли из другого мира, отец Памва понял, что настал его смертный час. Но затем я позвал его, и он, под влиянием своего сна, последовал за мною. Таким образом, игумен Павел, прислав вести из другого мира, спас его жизнь. И другие монахи во время бомбежки также получали подобные предостережения.

Во время той бомбежки, когда отцу Памве удалось спастись, бомбы угодили в некоторые здания монастыря. Этот декабрьский день был не первый и не последний в длинном ряду налетов и бомбежек: впереди оказалось еще много, много таких дней. Однако, начиная с 6 января, бомбежки стали более жестокими, с прямыми попаданиями в монастырские строения. Особенно тяжелую память оставили налеты, случившиеся 24 и 25 января. Дневник одного из монахов рассказывает об этом так:

«В субботу игумен с помощью иеромонахов служил всенощную. Когда хор запел: «Се человек», услышали мы громкий рокот моторов, затем запели самолетные пулеметы. Я почувствовал, как все силы ада обрушились на наши головы. Были слышны сильные разрывы, бомбы падали на монастырские здания... Священники переместились в заднюю часть церкви и начали литию. Мощные разрывы бомб с перерывами громыхали все сильнее. Кто знает, думалось нам, может быть, через мгновение мы все будем погребены под развалинами храма возле святого ковчега Отца Нашего. Но сознание, что эта судьба постигнет нас в Божьем храме посреди святой молитвы, вселяла в наши сердца покой, и мы полностью положились на волю Божию...»

«Всенощная закончилась. Звуки налета на время затихли. Мы увидели развалины одного из строений, но человеческих жертв не было, поскольку все находилось в церкви на службе. На следующий день во время ранней литургии вчерашнее началось сызнова. Вечером луна скрылась за облаками, и это принесло было нам ночной покой. Но нет, с полуночи опять тревога, опять мы собрались в церкви и опять адские птицы парят над нами, подстерегая свою добычу. На этот раз их жертвой стала конюшня. Человеческих жертв не было, но на сей раз бомба разорвала в клочки лошадь. Одновременно загорелся древесный склад, и горящие щепки взвивались выше церковной колокольни...»

«29 января, в то время как братство находилось в столовой, отец игумен обратился к нам с такой речью: «Святые отцы и братья! Эти страшные минуты, которых мы ожидаем с каждым смертельно опасным налетом, ниспосланы нам от Бога. Нам нужно правильно понимать их значение. Внезапный ночной налет, цель которого уничтожить наши данные Богом жизни, перед всеми нами рисует картину нежданного второго пришествия Нашего Господа и Избавителя, когда Он рассудит и живых и мертвых, спящих и бодрствующих. Если сердца наши твердой верой, любовью и надеждой обручены

О. Валаам. Никольский скит. Старинный рисунок

с Богом, нас не испугает конец бренной жизни, и мы покорно вступим в Царство Спасителя. Угроза жизни, что ниспослана нам Господом, говорит о том, что Сам Господь стучится в двери наших сердец... Не воспринимайте тревогу в виде конкретной опасности. Звук колокола тревоги не может спасти ни наших тел, ни наших душ...”»

«Сразу же после этих слов раздался звук колокола, и столовая опустела. Через минуту опасность миновала, и мы опять собрались вместе. Отец игумен продолжал: “Христианин не бежит от опасности, христианин обращается к Богу, дабы укрыться в том месте, где обитает Святый Дух. В эти страшные времена усталости и страха последнее место защиты для каждой испуганной души — Божий храм. На том стоим мы, это наша сила, наше утешение и очищение”».

Самые большие разрушения монастырских строений произошли 2 и 4 февраля. Во время этих налетов на монастырь пал настоящий дождь из бомб. Четвертое февраля был днем прекращения регулярных монастырских служб. Когда настал вечер и волны бомбовых атак стихли, весь монастырь походил на огненное море. Боковое крыло главного здания, в котором находилась больница, было все охвачено пламенем, отсюда огонь быстро распространился на здание склада, где хранились церковное облачение и утварь, а также и на библиотеку. Не могло быть и речи о тушении пожара, так как домик, в котором располагался пожарный насос, сгорел еще раньше. Для того чтобы спасти хоть что-то из церковной утвари, необходимо было действовать чрезвычайно быстро. Молодые монахи бегом, буквально из огня успели вытащить церковные облачения, утварь для причастия и другие ценности, перетащив все в церковь, где в полном потрясении и ужасе от случившихся потерь пребывала другая часть братства. Судьба монас-

тырской библиотеки, ценнейшая часть которой состояла из 29 тысяч томов, висела на волоске. Для ее спасения не было ни сил, ни времени: пламя уже опалило всю верхнюю часть второго этажа, пожирая дорогое церковное оборудование.

Но что с библиотекой?! Поговаривали, что кто-то будто бы видел изда-лека, как игумен Дамаскин предпринимал меры к тому, чтобы находящиеся на первом этаже библиотечные помещения выстояли при пожаре. Нам не оставалось ничего другого, как с напряжением ожидать, действительно ли это так... И все-таки чудо произошло! Библиотеку удалось спасти, хотя в верхнем этаже все сгорело. Но был и другой напряженный момент: горящий второй этаж имел сообщение с главным храмом посредством сводчатого прохода. Когда-то его хотели взорвать, но не успели. Ко всеобщему облегчению, огонь не смог распространиться на своды и не составил угрозы для храма. Одна из бомб все-таки угодила в собор, но пожару помешали вспыхнуть. Количество бомб, упавших на здания и двор монастыря, невозможно было сосчитать, но и на этот раз толстые церковные стены спасли братство от летящих осколков. Буквально в нескольких метрах от главных дверей храма во внутренний двор упала самая большая за все это время бомба, вероятнее всего, предназначавшаяся именно для разрушения храма. Попадание в цель привело к судьбоносным для братства последствиям.

В день, ниспосланный после этой ночи, девять потрясенных стариков-монахов на грузовых машинах были отправлены в Лахденпохья, после чего их путь продолжился до Каннокоски. А оставшиеся в монастыре смотрели на страшное зрелище: жемчужина Ладоги, которой восхищались и далеко за морем, превратилась в обгоревшие развалины, над которыми время от времени поднимались всполохи пламени.

После отъезда братства в монастыре нас осталось всего пять человек: оба военных священника, монах Ираклий, имевший прозвище Ладожский Медведь, иеромонах Симфориан, мирянин, инженер Владимир Кудрявцев, а также капитан судна по имени Сергей. Наша задача состояла в том, чтобы сохранить спасенные от бомбежки и пожара монастырские ценности. Все церковное облачение и утварь, а также частично и библиотеку мы перенесли в подвалы под храмом. Их своды были столь низкими, что в некоторых местах нам приходилось пробираться ползком. Все предметы мы протаскивали через люк, расположенный сбоку от алтаря, куда могли входить только мужчины. Спали же мы все это несмотря на морозы, в холодном, неотапливаемом уличном подвале; только здесь можно было отдохнуть, не слыша вой по-прежнему кружащих над стенами монастыря самолетов. Наше убежище, в случае попадания в храм бомбы, стало бы нам и братской могилой.

И вот забрезжил рассвет. 13-го марта совершенно неожиданно наступила полная тишина: постоянно несущийся с поля сражения гром прекратился, и на смену ему пришла оглушающая тишина. Мир наступил, но мы вынуждены покинуть Валаам. На эвакуацию монастыря осталось всего несколько дней. По приказу полковника Ярвинена сначала следовало вывезти самые ценные монастырские произведения искусства, отправив их в краеведческий музей в Рауталампи. Другие ценности — церковное облачение и чаши для причастия предстояло с такими же трудностями вытащить из хранилища под храмом. Благодаря любезности капитана Лойканена в нашем распоряжении оказались машины и саперная рота солдат, которые цепью перенесли все

спрятанное нами ранее церковное имущество. К этому времени на Ладоге уже установился лед, так что военные грузовики перевезли в Лахденпохья сначала военное оборудование, а затем и все имущество монастыря. У нас уже не было времени тщательно все упаковывать. Вынутые из рам иконы, подобранные в соответствии с размером, были сложены лицом друг к другу, грубо заколочены гвоздями в ящики, беспорядочно сваленные в кучу. Большую часть книг из библиотеки мы смогли запихать в картофельные мешки, благо их на монастырском складе оказалось предостаточно. Иконы из Нижней церкви удалось эвакуировать полностью, а вот из Верхней — только частично, так же, как и небольшие колокола и прочее имущество, которое можно было снять и транспортировать. По призыву архиепископа мы постарались эвакуировать почти все реликвии из скитов, а также церковные колокола. В Лахденпохья вывезенное из монастыря имущество погрузили в железнодорожные вагоны и постепенно перевезли все в Суолахти, где стали ожидать решения о новом месте расположения монастыря.

Мы, последние члены монастырского братства, покинули это святое место утром 18 марта, когда закончилось выделенное на эвакуацию время. Это был последний день Старого Валаама. В знак печального события главный шестнадцатитонный колокол монастыря печально прозвонил двенадцать раз. Правда позднее, в ходе продолжавшейся войны, на Валааме оставалась небольшая группа монастырского братства, но это не означало возобновления деятельности монастыря: никогда уже не гудел колокол, от него осталась только отколовшаяся при взрыве часть.

Тем не менее образ и дух монастыря не умерли. Обычаи и традиции Старого Валаама были восстановлены в Новом Валааме. Как раз во время написания этих строк я узнал, что Объединение Православной Молодежи, молодежь церковной общины, начала строительство храма в Новом Валааме, объявив об этом монастырскому братству, а также и тем тысячам людей, которые ежегодно посещают монастырь. Почти тысячелетняя история Валаама продолжается.

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

МОЯ СМОЛЕНКА

Стихотворения
сотрудников
и ветеранов
МИД России

ДИПЛОМАТИЯ И ПОЭЗИЯ

Само сочетание этих слов кажется несовместимым. Тютчевское «молчи, скрывайся и таи и мысли, и мечты свои» — квинтэссенция дипломатической практики. Поэзия же вся — обнаженный и обожженный нерв. Не у каждого достанет сил соединить в себе не-соединимое. Но синтез тем не менее происходит.

Традицией России было то, что, несмотря на все повороты в политике правящих, царствующих, генсекствующих и президентствующих, в Министерстве иностранных дел (МИД) всегда было много «отечестволюбов», то бишь (чтобы не напугать записавшихся в либерал-демократы) патриотов. И еще: МИД в сознании наших людей, да и в действительности — самое образованное, самое интеллектуальное министерство. Ну, не будем говорить о неизбежной прослойке блатных выдвиженцев, присланных на укрепление аппаратчиков, для которых понятия Родины и образованности были отнюдь не самыми главными в их продвижении. «Извозчик довезет куда надо Митрофанушку», — вещала госпожа Простакова из руководящей советской квартиры ранее, современного новорублевского коттеджа сегодня. А остальные мидовские пахари, вышедшие от корней провинциальных и московских, добросовестно грызли гранит науки, упорно изучали, наряду с английским, суахили, пушту, тамильский, хинди и множество других, не встречающихся на просторах России, а потому экзотических, хотя и нужных для дипломатических, политических, экономических контактов державы языков. Многие из них хорошо знали и знают историю.

К достоинствам нашей дипломатической школы (конечно, у лучших представителей) отношу и восприятие литературы как составной части дипломатического знания и способности представлять страну. Причем и русской, и литературы той страны, где они представляли Отечество. Отечественный дипломат всегда любил читать, но еще и сам, в большом количестве, писал. Иногда «в стол», иногда в издаваемую книгу.

Ныне, когда в общественное сознание России стали возвращаться такие понятия, как патриотизм, национальный интерес, национальная идея, сын Отечества, малая Родина, возродилась и поэзия в этих координатах.

Понятно, что образ жизни в немалой степени влияет и на образ мысли, в том числе и поэтической. Дипломат долгое время находится за пределами России. Часто он видит лучшие образцы жизни, чем у нас. Как я понимаю, для российского дипломата смысл его работы — достойно представлять Родину, утверждать ее интересы и стараться перенести в ее пределы лучшее из-за границы. Хотя понятно, что все это в рамках государственных и министерских установок. Но сердцу-то и душе не прикажешь. И они дают оценки и проявляют привязанность, которые отнюдь не следует проявлять во время дипломатической службы, на переговорах и даже приемах. А вот в стихах (иногда потаенных) — пожалуйста.

Результат этого сердечного дыхания перед вами, дорогие читатели.

Валерий Ганичев,
профессор, председатель Союза писателей России

АНДРЕЙ ВОРОБЬЕВ

ПАСХА-2003

Наконец-то издалёка
Мартовским снегам назло
Солнышко катит высоко,
Стало вдруг совсем тепло.

И всего-то за неделю
На реке растаял лед,
Мир, еще недавно белый,
Ожил и Знаменья ждет...

Снова в полуночном бдении
Нам звучат колокола,
Это — Истины мгновенье,
Пасха Красная пришла!

Помоги нам, Боже Вышний,
По Твоим заветам жить,
И врагов своих, и ближних,
Как себя самих, любить...

БОЛГАРСКОМУ ПОЭТУ МАТЕЮ ШОПКИНУ

Один поэт, болгарин из Софии,
Мне прочитал тревожные стихи:
«Когда друзья уверуют в Россию —
В нее поверят крепко и враги»...

Колоколов кремлевских канонада
Отозвалась надеждой перемен
В расстрелянных людских сердцах Белграда,
Софии, придунайских деревень...

Балканы гордые, земля седая —
Орел отсюда начал свой полет,
Крылом полмира дерзко осеняя,
Соединяя Запад и Восход...

Что спорить, было всё... Но век от века
В трагических пленительных чертах
Всегда угадывалась тайна света
И глас надежды: «Господи, воззвах!»

Орел расправит раненые крылья,
Мы шрамов не считаем на груди.
Вот только б нам уверовать в Россию —
Как верят до сих пор в нее враги.

ЮРИЙ АНДРОПОВ (1914–1984)

* * *

Да, все мы — смертны, хоть не по нутру
Мне эта истина, страшней которой нету.
Но в час положенный и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет седая Лета.

Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг; небытие — навеки.
Крутится во Вселенной шар земной.
Живут и исчезают человеки.

Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколения на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

АЛЕКСАНДР БЕССМЕРТНЫХ

КОНИ

С детства сон: несутся кони,
Словно в диком исступленье.
Я не знаю — мы в погоне
Или в дерзком наступленье.
Стук копыт, как ритмы боя.
Хрип коней, что рык шамана,
Ветер глушит, сипло воя
Низким голосом органа.
Я, умытый конским потом,
В вихре странного участия
Вопреки земным заботам
Преисполнен жгучим счастьем...

Знаю, горный дух Алтая
Жив в крови его народа.

И, как мышцы Сартакпая,
Крепка памяти природа.
В грозный день Солнцеворота,
Внемля кличу Ургень-бога,
Орды прашуров — ойротов
С гор спустились в путь-дорогу.
Кони в битвах их спасали,
По степям, как смерч, носились.
И, что предки испытали,
В снах потомка воскресилось.

Но куда же рвутся кони,
Толщу времени пронзая?
Я о том совсем не помню.
И пока еще не знаю.

ВЛАДИМИР МАСАЛОВ

УТРО

Еще моя деревня спит,
А петухи уже горланят,
Дух луговой из дома манит,
И над рекой туман стоит,
И росы серьгами висят,
Лягушки квакают в болоте,

И рыбаки, как на работе,
На полавки свои глядят.
Иду и радуюсь. Живу.
Вдыхаю счастье с росной синью.
И песнь тебе пою, Россия!
И эту песнь не оборву!

РОССИЯ

Когда звездой взметнешься славной,
Россия, до былых высот?
Когда надежды православных
Сомкнешь в один живой оплот?

Оплот для малых, слабых, сирых,
Для обездоленных Судьбой,

И мы единым встанем миром
Перед раздором и бедой?

Явись надеждою, Россия,
Над миром крылья распахни,
Явись Божественным Мессией, —
Объединенья дух вдохни!

НИКОЛАЙ БАКУШИН

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь средь деревни,
Купол крыт железом,
Крест над ним из меди
Не блестит, как прежде.

Со своей деревней
Старилась церквушка.

Весь приход у древней —
Дьяк да три старушки.

Лик икон все суше
От лампад горящих,
Но очистит душу
Всяк сюда входящий.

* * *

Господи праведный, что же мы делаем?
На переходе — глаз не поднять, —
Нищая женщина — волосы белые.
Господи! Это же — Родина-мать!

Возле нее копошится котенок,
Рваным ботинком играет щенок.
Каждый из них — это чей-то ребенок.
Дети страны — у босых ее ног.

Мимо нее на машинах с мигалками
Или на джипах ценой в самолет
Мчатся, бахвалясь, с огромными «бабками»
Напрочь забывшие нищий народ.

Господи праведный! Сердцем отчаянным
Буду кричать до Твоих светлых врат:
В том, что сегодня страна неприкаянна,
Каждый из нас хоть чуть-чуть виноват.

ГЕННАДИЙ БРЕДИХИН

* * *

Вот и мне пришлось чужой баланды
Похлевать, хоть не убог и сир...
Попытать умишка в Нидерланды
Прилетает ныне «третий мир».

Лет прошло с тех пор уже немало,
Как страна тюльпанов, что сестра,
Запросто, радушно принимала
Государя русского — Петра...

Приезжал не просто, а по делу,
Хоть не ближний свет, не край земли,
Научился быстро и умело
Ладить мачты, строить корабли.

Сильный, ловкий, стройный, моложавый
Мог кому угодно дать отпор —
Славною балтийскою державой
Сделал он Россию с этих пор.

Прячем друг от друга вздох бессилья,
Но в душе с надеждой говорим —
Нет, не «третий мир» еще Россия —
Есть, была и будет — «третий Рим»!

* * *

Старушка в пальтишке кримпленовом
На лавочке вяжет носки.
От нас отделяет Поленово
Лишь гибкая лента Оки.

А ветер октябрьский полощет,
Рябит и щекочет Оку.
Напротив «Березовой рощи»
Церквушка на том берегу.

Глядим, погружившись в блаженство,
И вовсе не знаем пока,
Что это и есть совершенство —
Поленово, роща, Ока!

БОРИС КУРОЧКИН

МОЛИТВА

Когда туман рассеется над полем,
Увижу ту далекую черту,
Где высь небес с земным сольется горем,
Где свет небес встречает темноту.

Ты все быстрее и все короче, время.
Твой взгляд в себя, как в зеркале свеча,
Ты хоть на миг замри, людское племя,
Не торопись и не руби с плеча.

Гляжу в себя и вижу: свет и тени,
Гляжу в тебя, истерзанная Русь,
И опускаюсь молча на колени,
И за детей, и за тебя молюсь.

ВАЛЕРИЙ ЛЕВИКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ФРОНТОВИКИ

«Как стали годы коротки!» —
Невольно шепчут с укоризной
Последние фронтовики...
Последние мы в этой жизни!

О, ты, Великая война!
Сегодня ты гремишь с экрана.
Для нас, последних, ты — одна
Незаживающая рана!

Тобой заполнен книжный вал,
И кверху он еще стремится:
Однополчанин дописал
Еще одну его страницу.

И мы в пылу былых атак
Спешим судьбе своей навстречу.
Победа — наш нагрудный знак!
Да будь для Родины ты вечен!

АНАТОЛИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

БЕЛЫЙ ХРАМ

Памяти Игоря Талькова

Уж так устроен белый свет —
И это снова повторится —
Когда рождается поэт,
То перед ним или вослед
В ночи рождается убийца.

Лишь небеса над головой
У них всегда одни и те же,
И в этой схватке роковой
До срока — дым пороховой,
Как дым табачный — безмятежен.

Поэт не верит в этот срок,
Как зной не верит в день метельный,
Над перекрестками дорог
Крыла его летучих строк
Оберегает крест нательный,

Но без конца болит душа,
И вместо песенок «во славу»,
Столпы сановные круша,
Стекает боль с карандаша —
За оскорбленную державу!

Ему шептать бы о любви,
Ему б сюжеты интересней!
Но на слезах и на крови,
Держа иконы, алтари,
Как белый храм,
восходит песня!

Она восходит там, где мгла,
Где славят лживого мессию...

Ея сияют купола
И бьют ея колокола:
Спаси и сохрани Россию!..

Кому опасен ты, поэт?
Кому от слов твоих не спится?

Смолкает зал,
И гаснет свет,
Лучи находят силуэт,
И поднимается
Убийца...

...Но храм из музыки и слов
Стоит весь в белом на опушке.

Неотомщенные,
С крестов
Глядят Рубцов и Гумилев,
Есенин, Лермонтов и Пушкин.

...И вновь рождается поэт.

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВ

ЛЕНИНГРАД

Ирине Владимировне Одоевцевой

Легчайшей пургой припорошен,
Ты вновь принимаешь парад,
И пусть величайшее — в прошлом,
Я верен тебе, Ленинград.

И пусть подступила граница —
Подъемлю веселый финал,
Гранитная наша столица,
Незыблемый наш идеал!

СЕРБЫ

Если вновь разрывается сердце,
Если нечего больше сказать, —
Посмотрите, как держатся сербы!
Посмотрите, как надо стоять!

От бомбежек ночных
охраняя мосты,

Посреди темноты,
посреди пустоты,
Посреди
клеветы.

Неужели мы все это стерпим
И раздастся упреком нам всем
О последнем оставшемся сербе:
«Посмотрите, как держится серб»!?

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Марина САПРОНОВА

СЕВЕРНАЯ АФРИКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА XIX ВЕКА

Марина Анатольевна Сапронова — родилась в Москве. В 1991 году окончила восточное отделение МГИМО СССР. Доктор исторических наук, автор нескольких монографий и многочисленных статей по проблемам государственно-политического развития стран Арабского Востока. Работала и проходила научные стажировки в Алжире, Тунисе, Египте, Иордании, Франции и других странах. В настоящее время — профессор кафедры востоковедения МГИМО (Университет). **Живет в Москве.**

К Северной Африке общественный и научный интерес в России пробудился значительно позднее, чем к ближневосточному региону, хотя интерес политический впервые обозначился еще при Петре I, который, руководствуясь военными и торговыми соображениями, стремился расширить сферу влияния империи на южные районы Черноморского побережья, за которыми лежали просторы Средиземноморья и далекой Атлантики. Однако препятствием на пути осуществления планов Петра I было господство Османской империи на южных рубежах России, и все попытки создать хотя бы плацдарм на какой-либо части черноморского побережья успеха не имели. Долгие годы отношения России с Магрибом (Алжир, Тунис, Марокко) отставали от развития связей с ближневосточными странами и поддерживались только через доверенных лиц в странах Западной Европы, поскольку сообщение по Средиземному морю не представлялось возможным, а отдаленность территорий не позволяла государству вести здесь активную внешнюю политику. Поэтому внимание общественности к североафриканскому региону увеличивалось постепенно, по мере активизации политики Российской Империи в этом направлении.

В годы правления Екатерины II Россия, наконец, смогла утвердиться на северных берегах Черного моря, тогда же были установлены первые непосредственные контакты с Марокко, остававшимся фактически независимым государством, с которым Россия обменивалась грамотами, где обе стороны выразили желание развивать дружеские и торговые связи, обеспеченные взаимным режимом наибольшего благоприятствования. Факт существования дипломатических отношений между Марокко и

Россией уникален в истории арабских стран, так же как и переписка султанов Марокко с российскими монархами в XVIII—начале XX вв. Начало ей было положено перепиской марокканского султана Сиди Мохаммеда Бен Абдаллаха и русской императрицы Екатерины II в 1778—1783 гг. Россия стала единственной из великих держав, которая не приняла участия в империалистическом разделе Марокко, а миссия первых русских посланников в регионе была наблюдательной и беспристрастной¹.

Что касается Алжира, то первые достоверные сведения о контактах России с этой страной относятся еще к самому началу XVIII в. В этот период связи между двумя странами осуществлялись главным образом в рамках российско-турецких отношений². После получения Россией по договору 1720 г. с Турцией права свободной торговли во всех турецких владениях и на всех территориях, так или иначе связанных с Высокой Портой, русские суда начали совершать заходы также и в алжирские гавани. В середине XVIII в. ими осуществлялась, в частности, перевозка грузов и пассажиров между Алжиром и Александрией. Статистику торговли России с Александрией дает в своей книге «Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.» Авраам Норов, один из первых путешественников по этому региону. В частности он приводит данные о том, что с 1822 по 1829 гг. в Александрию прибыло 346 купеческих судов, а в обратном направлении отправилось 327. Причем с каждым годом их количество увеличивалось: если в 1822 г. в Александрию прибыло только 10 судов из России, то в 1827 г. их было уже 35³. Интересные наблюдения делает А. Норов и в отношении местных жителей, отмечая, в частности, что арабы «проницательнее турок; они учатся скоро и легко, у них много природного ума». Особое внимание А. Норов обращает на восточную специфику, неразрывно связанную с исламом и характеризующуюся особым консерватизмом. «Молодые люди, — пишет Норов, — пробыв 7 или 8 лет в Европе, возвратились в свое отечество с прежними предубеждениями и даже с большим фанатизмом и с большею,

¹ История русско-марокканских отношений связана с именем Александра Михайловича Горчакова (1798—1883), государственного канцлера и министра иностранных дел России. В бытность поверенным в делах России во Флоренции А. М. Горчакова интересовала проблема средиземноморской политики России. Занимаясь вопросом обеспечения «национальных интересов торговли» России в бассейне Средиземного моря, Горчаков обратил внимание МИД на выгоды от налаживания отношений и торговли с Марокко.

² В 1518 г. султан Алжира (бывший корсар) Орудж Барбаросса признал себя вассалом Турции. В 1671 г. власть над Алжиром фактически перешла от турецких пашей в руки практически независимых от Константинополя деев, избравшихся советом янычарских офицеров и командирами корсарских кораблей. В 1705 г. последний турецкий паша был изгнан из Алжира. С этого времени власть Высокой Порты над Алжиром носила чисто номинальный характер. Выплата Алжиром постоянной дани Турции прекратилась, хотя деи и продолжали время от времени посылать в Константинополь подарки в знак вассальной зависимости. Фактически же Алжир превратился в XVIII в. в самостоятельное государство. В Европе продолжали рассматривать Алжир как территорию, юридически зависимую от турецкого султана. 5 июля 1830 г. Алжир был занят французскими войсками. Турция ограничилась при этом формальными протестами. — См.: S. Gsell, G. Marcais, G. Yver. *Histoire de l'Algerie*. — P., 1927; G. Tahar. Dorgouth Rais. *Le Magnifique Seigneur de la mer*. — Tunis, 1974; Н. А. Иванов. Османское завоевание арабских стран (1516—1574). — М., 2001.

³ Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. Авраама Норова. — Санкт-петербург, 1840. — С. 184.

чем прежде, ненавистью к франкам... Христианство и ислаимзм разделены ужасной бездною, и кто знает, когда она будет засыпана»¹.

Россия не имела намерений приобретать заморские владения, как это делали западноевропейские державы, и не принимала участие в территориальном разделе африканского континента. Неучастие России в колонизации Африки, в том числе стран, номинально подчинявшихся Стамбулу, ставило ее в выгодные условия, при которых Россия выглядела в глазах африканцев как держава, не навязывавшая своего господства. Доброе отношение местного населения к русским отмечают многие, посетившие этот регион. «Влечение к нам арабов, — пишет Ю. Н. Щербачев, посетивший Северную Африку в 1883 г., — в самом деле, трогательное, ибо стоит вне всяких личных расчетов... Звание русского подданного имеет такое же высокое значение, как в Древнем мире звание *civic Romanus*»².

Установление и развитие связей между Россией, Марокко и Тунисом способствовало расширению контактов между населением этих стран, важную роль в которых играли поездки в Северную Африку русских писателей, географов, художников, торговцев и просто туристов. Русская читающая публика имела возможность познакомиться с североафриканским регионом еще в конце XVIII—начале XIX вв., в частности из произведений известного польского аристократа графа Яна Потоцкого, который служил в Коллегии иностранных дел России и много путешествовал по миру. Еще в 1779—1780 гг. граф Я. Потоцкий в составе мальтийского флота плывал к берегам Северной Африки, где состоялись его первые знакомства с берберскими корсарами, а в 1791 г. он посетил Марокко. Со специальной дипломатической миссией он делает остановку в Танжере. Наблюдения за самобытными особенностями местной жизни нашли свое отражение в книге Я. Потоцкого, озаглавленной «Путешествие в Марокко», которая вышла в 1792 г. в Варшаве³. Произведения английских и французских путешественников (в частности африканские очерки А. Дюма) также были доступны русским читателям (в 40—50-е гг. XIX в. в России широко публиковались очерки и путевые заметки иностранных авторов, которые печатались в «Отечественных записках», «Современнике», «Русском вестнике» и др.), однако общей чертой этих публикаций являлось преувеличенно романтическое восприятие, прятывшее недостаточное знание этих стран и формировавшее стереотип «далекого экзотического края». Более того, западные путешественники писали о Востоке с изначальной мыслью о превосходстве всего европейского и смотрели на восточную жизнь с европейской точки зрения, как на некую диковину, или курьез.

¹ Там же. — С. 375—376.

² Поездка въ Египетъ. Из Константинополя въ Каиръ. *Ю.Н. Щербачева*. — Москва, въ Университетской типографіи. М.: Катковъ, 1883. — С. 28.

³ Одним из первых среди европейских ученых Я. Потоцкий очень удачно сумел подметить особую роль ислама в жизни североафриканских народов, который формирует определенный тип менталитета, отражается на своеобразии местной культуры. Далее в своих записях он дает характеристику отличающемуся необузданной жестокостью марокканскому султану Мулаю Исмаилу. В своей книге «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкий живо и образно описывает берберскую атмосферу Марокко, Туниса и Алжира, рассказывает о жизни мавров, изгнанных из Испании и унесших с собой неутолимую жажду мести. См: *Я. Потоцкий*. Рукопись, найденная в Сарагосе. — М.: Художественная литература, 1971.

Создание в 1845 г. Императорского Русского географического общества знаменовало собой определенный этап в развитии географических исследований и дало новый толчок востоковедным исследованиям. В середине XIX в. внимание русских географов привлекла проблема научного исследования Азии — задача, на протяжении многих десятилетий ставшая для общества основной. Экспедиции же в регионы, непосредственно не примыкавшие к Российской Империи, занимали в деятельности общества незначительное место. Как правило, общество не направляло в эти регионы собственные экспедиции, но давало поручения лицам, выезжавшим по линии организаций и ведомств. Такие поручения, в частности, выполняли А. А. Рафалович, одесский медик и антрополог, командированный в 1848 г. в Африку и на Ближний Восток для изучения чумы, и Э. И. Эйхвальд, совершивший в 1847 г. путешествие в Алжир. Изучая распространение чумы в странах Ближнего Востока и Северной Африки, А. А. Рафалович описал и общественную жизнь, экономику этих стран и внес немалый вклад в географическое изучение Северной Африки. К сожалению, А. А. Рафалович умер молодым (1816—1851), и его полные записи о поездке в Северную Африку не были опубликованы.

Следует упомянуть и о поездке Е. П. Ковалевского. В 1847 г. он был направлен для поисков и разработки золота в Восточном Судане. Узнав о командировке Ковалевского, Врангель обратился в Совет географического общества с предложением послать вместе с Ковалевским ученого — географа и этнографа. Так, с Ковалевским был отправлен Л. С. Ценковский, для которого общество подготовило специальную инструкцию. Экспедиция Ковалевского наряду с успешными розысками золотоносных россыпей провела детальное изучение других районов Северной Африки, и по возвращении из поездки Ковалевский написал о своем путешествии серию статей.

Со второй половины XIX в. Северную Африку активно начинают посещать русские путешественники, что связано и с существенным изменением интересов России по отношению к этим странам ввиду все большего их вовлечения в сферу региональной и международной политики. В это время обострилось соперничество западных держав за сферы влияния на африканском континенте, а эпицентром этого соперничества становится Северная Африка и, прежде всего, Марокко (занимающее выгодное географическое и военно-стратегическое положение на стыке Европы и Африки, вблизи Гибралтарского пролива, на пересечении важных морских путей). Россия при этом не преследовала каких-либо корыстных целей в Северной Африке, поэтому долгие годы не проявляла особой дипломатической активности. После Крымской войны (1853—1856) значительно ускоряется процесс захвата французскими колонизаторами Алжира; победа в войне Франции и Англии, приведшая к изменению соотношения сил в Европе, позволила Франции выделить дополнительные войска и средства на подчинение и «освоение» своей новой колонии. В новой политической обстановке, которая сложилась в Европе после Крымской войны, Петербург стремился путем сближения с Парижем внести раскол в ряды противостоящих России западноевропейских держав, поэтому Россия пересматривает свою позицию в вопросе об оккупации Францией Алжира. Она признает де-факто эту оккупацию, а в декабре 1859 г. учреждается российское вице-консульство

в Алжире¹. Когда противостояние западноевропейских государств достигло апогея и грозило перерасти в крупный международный конфликт, роль России, определявшаяся ее статусом великой державы, начала сводиться к тому, чтобы не допустить резкого обострения отношений между заинтересованными сторонами, не дать какому-либо западноевропейскому государству укрепить свои позиции в Магрибе за счет или в ущерб другим. К тому же на помощь и поддержку России рассчитывало руководство Марокко, крайне заинтересованное в том, чтобы исключить иностранное вмешательство в свои внутренние дела, с тем чтобы сохранить свободу и независимость².

Еще более активизируется политика России в Северной Африке в результате победы России над Турцией в войне 1877–1878 гг., а также экспансии Великобритании в Египте и Франции в Тунисе (1881–1882). 20 октября 1897 г. Государственный Совет Российской Империи принял решение учредить российское консульство в Танжере. В это же время устанавливаются контакты и с регентством Тунис.

Путевые впечатления и собранные путешественниками второй половины XIX в. сведения стали не только важной основой для дальнейшего научного изучения этого региона, но и подняли на гораздо более высокий уровень исследование пройденных ими территорий и населявших их народов. Интересно отметить, что во второй половине XIX в. значительно расширяется кругозор путешественника (особенно тех, кто не следует традиционными паломническими маршрутами), в поле его зрения, а главное — в его произведение, помимо «священных предметов» и реликвий начинают попадать не только какие-то исключительные достопримечательности и памятники (например, пирамиды), но и более обыкновенные вещи. Основная идея богоискательства, доминирующая³ в трудах паломников, отступает на второй план. Путешественники обращают больше внимания на быт, обычаи, нравы местного населения, но также и на политическое развитие и государственное устройство страны, на специфику системы управления и т. п. У путешественников возрастает не только исторический, но уже и исследовательский интерес к посещаемым странам, результатом чего становятся важные аналитические наблюдения, размышления о судьбах восточных народов и мировой политики в целом. «Не даром колониальная политика в нашу эпоху, — пишет в путевых заметках Э. Циммерман после посещения Северной Африки, — при настоящем социальном построении европейских наций сделалась неизбеж-

¹ Ограниченность контактов между Россией и Алжиром привела к закрытию российского консульства в 1862 г., которое было вновь открыто только в 1884 г.

² Для решения всех перечисленных проблем в город Танжер — центр международной активности в Марокко — в 1898 г. Генеральным консулом Российской Империи был назначен старший советник в звании камер-юнкера Василий Романович Бахерахт, кавалер ордена святого Владимира. С этого времени Россия стала непосредственно представлена в Марокко наравне с другими государствами, что позволило ей оперативно и в соответствии с собственными интересами решать вопросы своей геополитики.

³ Так, например, Авраам Норов, совершивший путешествие по Египту в 1834 г., пишет: «Единственный светоч в истории первобытной — есть Библия. Я старался постоянно руководствоваться ее указаниями и читать исполнение Боговдохновенных пророчеств по лицу земли фараонов... Первые воспоминания, пробудившиеся во мне, были Библейские... тут колоссальный образ Моисея с распростертыми руками над народом израильским, предстал моему воображению». — Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. *Авраама Норова*. — Санктпетербург, 1840. — С. 1, 29.

ной необходимостью цивилизованных стран... и французское правительство смотрит на свои громадные затраты по поводу Алжира как на неизбежное зло, переносимое в настоящее время ввиду будущих благ»¹.

Несмотря на то, что это были люди разных профессий и их путешествия совершались в различных целях, общим для всех становилось стремление объективно понять и разобраться в общественных и политических событиях, происходивших в этих странах, понять жизнь местного населения.

В 1881 г. Марокко посетил известный русский путешественник, член Географического общества Франции К. А. Вяземский. Он стал первым россиянином, побывавшим не только в Танжере, но и во внутренних районах страны, куда добирался по труднодоступным горным тропам, подвергая себя смертельным опасностям и лишениям. Марокканские впечатления и наблюдения Вяземского необычайно интересны, многие данные, собранные путешественником, до сих пор представляют научную ценность. Описывая природно-географические условия страны, автор отметил почти совершенную первозданность окружающей среды, благодатный климат, наличие плодородных земель и изобилие дичи. Мемуары Вяземского содержат ценные сведения о нравах и обычаях, господствовавших в середине XIX в. в высших кругах Марокко, об их отношении к России, интересны описания визитов Вяземского к султану и его визирю, которые не довелось нанести другим русским путешественникам².

В 50-х годах XIX в. И. А. Гончаров опубликовал путевые очерки «Фрегат «Паллада», написанные им во время кругосветного плавания в 1852–1855 гг. Автор описал свое плавание от Испании вдоль атлантического побережья Африки³. В октябре 1847 г. на несколько дней остановился в Танжере А. Н. Демидов — один из отпрысков знаменитого рода заводчиков Демидовых, оставив в своих воспоминаниях восхищение увиденным им городом. Еще раньше, в 1845 г. поездку в Марокко совершил В. П. Боткин, литературный критик и философ-западник. Во время путешествия по Испании Боткин, воспользовавшись случаем, посетил и Танжер, где остановился на четыре дня. В опубликованные им впоследствии путевые очерки под названием «Письма об Испании» был включен и очерк о Танжере⁴. Эти заметки вызвали большой интерес у русских и зарубежных читателей. В «Письмах» описаны не только туристические впечатления Боткина, бросившего поверхностный взгляд на людей и страны, через которые он проезжал, но и видно искреннее его стремление понять испанскую и, особенно, африканскую действительность. В. П. Боткин хорошо знал историю завоевания Алжира и был осведомлен о фактах бомбардировки Танжера, предпринятой французскими колонизаторами в 1845 г. Танжерский очерк Боткина, где автора крайне тревожит судьба народов Северной Африки, которые когда-то создали свою цивилизацию, а теперь влачат нищенское

¹ Циммерман Э. По северным окраинам Африки. Путевые очерки. — Вестник Европы. Кн. 7. 1899. — С. 331.

² Отдельные дневники К. А. Вяземского опубликованы в книге Т. Л. Мусатовой «Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое». — М.: Наука, 1990. — С. 75–91.

³ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. — М.: Наука, 1976.

⁴ Письма об Испании В. П. Боткина публиковались в журнале «Современник»: № 3, 10, 12, 1847 г.; № 11, 1948 г.; № 1, 1849 г.

существование под угрозой европейской колонизации, обогнал свою эпоху. Интерес к нему особенно проявился в России после испано-марокканской войны 1860 г., когда марокканский вопрос выдвинулся на авансцену европейской политики. Советский исследователь «Писем об Испании» Б. Ф. Егоров характеризует позицию Боткина как прогрессивное явление своей эпохи, когда «едва ли не впервые в истории передовой русской мысли» прослеживается столь «горячее выступление в защиту народов Востока»¹.

В 1883 г. были изданы путевые записки А. Сумарокова, посетившего Алжир, Тунис, Марокко и побывавшего в Сахаре. Сравнивая страны Северной Африки, Сумароков опровергал бытовавшее утверждение о том, что Марокко является замкнутой страной, что обычно отпугивало европейских путешественников и заставляло их объезжать западную оконечность Магриба стороной. «Здесьшний народ вовсе не так фанатичен, как о нем говорят, — писал А. Сумароков, — и даже ни в какой части Африки, не исключая и Алжирии, я не видел туземцев, дружелюбнее обращающихся с европейцами»².

Таким образом, тезис европейских политиков о противопоставлении восточного варварства и деспотизма европейской демократии и культуре был поставлен под сомнение.

Начиная с 70-х гг. XIX в. русские путешественники часто посещали и Тунис. В 1873–1874 гг., впервые путешествуя по Северной Африке, здесь побывал известный русский путешественник и исследователь Африки врач В. В. Юнкер (1840–1892). Во время своей поездки он изучал арабский язык, знакомился с обычаями и нравами местного населения. Занимаясь в дальнейшем изучением Восточной и Центральной Африки, В. В. Юнкер с большим вниманием приглядывался к окружавшим его племенам, изучал язык, наблюдал черты, отличающие народности и отдельные племена друг от друга, старался выяснить причины их переселений. Юнкер тщательно и подробно описывал оружие, утварь, одежду. Но это описание — не только формальное описание вещей: повсюду за вещами вырисовываются люди, их создавшие. Юнкер подчеркивает высокое совершенство техники в производстве оружия, изумительное знание свойств металла, чувство гармонии, помогающее сооружать прекрасные галереи и дома³. При этом, описывая украшения и виды одежды и уборов, автор рассматривает их не с точки зрения бессмысленного курьеза, а видит в них известный элемент самобытной культуры.

В сентябре 1875 г. Тунис посетил русский путешественник Л. Ф. Костенко (1841–1891). Его путевые записи («Путешествие в Северную Африку»), вышедшие в 1880 г., представляют интерес для географического и этнографического исследования Туниса. Для книги характерна многогранность наблюдений: приводятся описания народов страны, ее государственного устройства; дается характеристика климата, растительности, достопримечательностей и т. д. В 1884 г. совершил две экскурсии по Тунису русский путешественник, врач и антрополог А. В. Елисеев (1858–1895). Он посетил

¹ См.: *Звигильский А.* Творческая история «Писем об Испании» и отзывы о них современников. — Ленинград, 1976.

² *Сумароков А.* Картины Африки и Азии (Русского путешественника). — СПб., 1883.

³ *Юнкер В. В.* Путешествие по Африке. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1949.

развалины Карфагена, где, присутствуя на раскопках, изучал подземные жилища пещеры Эль-Хаурис. Наибольшее значение для изучения Магриба имели его антропологические и этнографические наблюдения.

Важно отметить, что все авторы, стремясь смотреть на жизнь арабов как на самобытную действительность, с большим уважением отзываются о национальном характере и психологии, об истории арабов, их архитектуре; в их записках и мемуарах появляются этнографически точные, живописные сцены. В воспоминаниях видны удивление и восхищение тем, что они увидели. Вместе с тем их поражали глубокие контрасты в местном обществе: наряду с добротой и кротостью приходилось сталкиваться с грубостью и жестокостью; роскошь и просвещенность соседствовали с нищетой и невежеством. «Пребывая в безвыходном бедственном состоянии, — пишет Э. Циммерман, — феллах совершенно равнодушно относится ко всяким, не касающимся непосредственно его личности, событиям и к политическим или социальным переворотам в его родной стране. Ему все равно, кто бы ни царствовал в ней — он не ищет выхода из своего печального экономического положения, тем более что он, как бы по преемству отличается робкими, миролюбивыми свойствами... При всем том, они трудолюбивы и круглый год без перерыва трудятся в поле, а орошение почвы требует значительных усилий»¹.

Во второй половине XIX в. русское общество переживало идейный кризис, который обострил интерес интеллигенции и других слоев населения к социальным проблемам, в том числе к проблеме колониализма. Внимание интеллигенции и представителей политических кругов все более привлекала политика Франции в Северной Африке, широко освещавшаяся в прессе того времени². Российское посольство в Париже регулярно информировало Петербург о событиях в Алжире, а передовые люди России внимательно следили за вооруженным сопротивлением алжирцев колонизаторам, проявляя при этом большой интерес к личности их вождя. Высокая оценка личных качеств Абд аль-Кадира была дана, в частности, членом-корреспондентом Петербургской академии наук Э. И. Эйхвальдом в книге «Отрывки из путешествия в Алжир», которое он совершил в 1847 г. Характеризуя эмира как «дерзкого предводителя арабов», он подчеркивал, что Абд аль-Кадир «водил в битвы сам фанатически преданных ему кабилы и арабов, служа им примером мужества... потому-то кабилы, предводительствуемые Абд аль-Кадиром, и одерживали победы».

¹ Циммерман Э. По северным окраинам Африки. Путевые очерки. — Вестник Европы. Кн. 7. 1899. — С. 187.

² Когда в 1830 г. Алжир был захвачен Францией, Россия длительное время воздерживалась от официального признания этого факта. Такая позиция России объяснялась двумя факторами: с одной стороны, царское правительство не могло не считаться с тем, что передовые люди России резко выступали против захватнической политики Франции, а с другой, оно опасалось неизбежного усиления позиций Франции в Средиземном море в случае, если ей удастся закрепиться в Алжире, и выжидало, рассчитывая на то, что Франция завязнет в колониальной войне на алжирской земле. Действительно, после взятия столицы Алжира 5 июля 1830 г. французской армии потребовалось еще почти 20 лет для того, чтобы ценой гибели 100 тыс. солдат и офицеров подавить сопротивление алжирского народа. С 1835 г. борьбу алжирцев возглавил эмир Абд аль-Кадир, который вынужден был прекратить сопротивление только в 1847 г. после того как Франция заставила султана Марокко Абд ар-Рахмана взять на себя обязательство прекратить всякую помощь алжирскому восстанию.

Все русские, побывавшие в Алжире, с восхищением писали о героической борьбе алжирского народа против колонизаторов, высказывали свое возмущение политикой, проводимой французскими властями. Так, А. А. Рафалович, посетивший Алжир в 40-х гг., отмечает в своих записках «умножившуюся бедность» местного населения «через то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы», а также вследствие «губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями» арабам.

Среди работ русских авторов особое место занимает книга путешественника М. М. Ковалевского¹, которая впервые вскрыла истинные мотивы политики французских властей в Алжире. М. М. Ковалевский показал, что разложение общинного землевладения проводилось насильственным путем в целях разрушения крепкой организации родовых и общинных союзов, представлявших опасность для сохранения господства Франции в Алжире.

Подробнейшее описание Алжира оставил русский ученый и путешественник, географ, геолог и дипломат, почетный член Петербургской академии наук П. А. Чихачев², трижды — в 1835, 1846 и 1877 гг. — посещавший Северную Африку с научными целями. В 1880 г. в Париже была издана книга П. А. Чихачева «Испания, Алжир, Тунис»³, в которой последовательно был изложен маршрут путешествия в форме писем, посылаемых П. А. Чихачевым известному французскому ученому и другу Мишелю Шевалье. В этой работе наряду с проблемами естественно-географических наук автор касается также вопросов политической жизни арабского народа в Северной Африке. С чувством глубокой симпатии писал П. А. Чихачев об алжирцах и их сопротивлении французам. Так, описывая свое посещение оазиса Бискра, он отмечает, что от находящейся в нем «деревни Заджа остались лишь полуразрушенные стены и большие кучи обломков — памятники героической борьбы, происходившей между арабами Заджи и французами в 1849 г. Войска последних численностью 8 тыс. человек при 15 орудиях примерно в течение двух месяцев осаждали эту несчастную деревню, бомбардируя ее жалкие домишки, построенные из саманных кирпичей. Деревню защищало примерно 2 тыс. арабов, вооруженных плохими ружьями... неприятель занял Заджу, только когда все ее защитники пали на поле сражения, когда их дома были совершенно разрушены. Французское правительство запретило восстанавливать деревню — довольно сомнительная мера предосторожности, если учесть, что развалины Заджи должны не только напоминать арабам кару победителя, но и быть для побежденных раздражающим воспоминанием прошлого и надеждой на будущее отмщение»⁴.

¹ Ковалевский М. Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения. — М., 1879.

² Выдающийся русский путешественник и ученый Петр Александрович Чихачев родился 16 августа 1808 г. в Санкт-Петербурге (Гатчине). После окончания дипломатической школы был определен на работу в Министерство иностранных дел и одновременно приступает к глубокому изучению естественных наук. С 1834 по 1836 гг. П. А. Чихачев посетил различные страны Южной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки. Но, уступая своему призванию дипломата, в 1836 г. оставляет службу и всецело решает посвятить себя научным исследованиям.

³ *P. de Tchihatchev. Espagne, Algerie et Tunisie.* — Paris, 1880; в 1975 г. книга была переведена на русский язык и при участии Института этнографии АН СССР издана в Москве.

⁴ Чихачев П. А. Испания, Алжир, Тунис. — М., 1975. — С. 204.

П. А. Чихачев резко выступал против распространяемого в то время во Франции апологетами колониализма негативного мнения об арабах. «Часто забывают, что дело идет об одной из самых способных и более, чем другие, восприимчивых к цивилизации рас земного шара, — отмечал он в одном из выступлений¹. Так, в ходе своей поездки в Тунис П. А. Чихачев особое внимание обращает на предпринимаемые тунисскими властями попытки модернизировать социально-политическое устройство страны. «Несмотря на довольно плохую административную систему в Тунисе, — пишет он, — та безопасность, которая царит не только в городе, но и в местностях, расположенных от него в значительном расстоянии, достойна удивления, ибо эта страна еще малоцивилизована. Однако же с этой точки зрения она оказывается более культурной, чем некоторые государства Европы, например Италия, где Сицилия и даже некоторые окрестности Неаполя еще ничуть не напоминают культурную страну, если говорить об общественной безопасности. Таким преимуществом Тунис обязан энергичным мероприятиям, проведенным нынешним беєм и его предшественником»².

Эдуард Циммерман, путешествовавший по северным окраинам Африки позднее, в 1897 г., дает подробный сравнительный анализ систем управления в Алжире и Тунисе, отмечая, что «протекторат в Тунисе оказался для Франции во многих отношениях выгоднее неограниченного господства ее в Алжире... где господствует не столько земледельческая или коммерческая колониальная система, а скорее бюрократическая или, точнее, чиновничья»³. Подчеркивая значительно более обоснованный характер управления в Тунисе, Э. Циммерман подчеркивает, что «в Тунисе бей царствует, но не правит, а администрацией края распоряжается уполномоченный представитель французской республики. Господствуя, таким образом, в завоеванном крае, французы, однако, не только стараются поддержать уважение туземцев к личности их бейя, но сверх того — разумно избегают всего, что могло бы нарушить административные традиции населения. Разместив в стране пятнадцатитысячное войско, состоящее из африканских батальонов, французское правительство беспрепятственно подчиняет своей власти полуторамиллионное население. Французская администрация всячески старается применить к традиционным обычаям и порядкам нации. Всякие приказы и распоряжения исходят из канцелярии французского резидента, но они подписываются самим беєм и скрепляются его печатью. Французское правительство не только признало широкую свободу вероисповедания в стране, но предоставило населению управляться в своих округах по исконно заведенному порядку: те же туземные чиновники, что и прежде, заведуют внутренними делами каждой из областей, те же шейхи, избираемые местными жителями, но утверждаемые беєм, остались административными главами племен и сборщиками податей, налагаемых французским протекторатом, но все-таки за подписью бейя. Сверх того, устроив для европейских колонистов особую судебную палату высшей инстанции, французское правительство оставило, однако, неприкосновенным существовавшее туземное

¹ Цит. по: *Шведов А. А., Подцероб А. Б.* Советско-алжирские отношения. — М., 1986. — С. 21.

² *Чихачев П. А.* Испания, Алжир, Тунис. — М., 1975. — С. 291.

³ *Циммерман Э.* По северным окраинам Африки. Путевые очерки. — Вестник Европы. Кн. 7. 1899. — С. 301, 330.

судопроизводство, основанное на Коране и отличающееся крайней простотой»¹. Подробно анализирует Циммерман и причины столь упорного желания Франции захватить территории в Северной Африке. «Несмотря на такие расходы, — пишет автор, — Франция все-таки удерживает за собой свои колонии. Дело в том, что обильные произведения фабрик и заводов в республике не находят себе достаточного сбыта в Европе и нуждаются во внешних рынках. Из всех стран, с которыми Франция могла бы вступать в более тесные коммерческие сношения, Алжир и Тунис по своему положению представляются наиболее надежны в этом отношении. В случае отказа от них Франции другая средиземноморская держава, в особенности Италия, неминуемо овладеет покинутыми землями»².

О событиях в Алжире в это время часто писали «Современник», «Сын отечества», «Русский инвалид», «Военный сборник» и другие популярные русские журналы³. Наиболее же крупные и обстоятельные исследования этого региона, особенно Алжира, появившиеся еще в 50–70-х гг. XIX в., принадлежали перу русских военных. Командировки военных представителей носили большей частью военно-научный характер и были призваны дать материал о действиях колониальных войск других держав, а также об организации управления на покоренных территориях. Офицеры Генерального штаба командировались в Африку, как правило, официально в качестве военных наблюдателей. Собранный ими материал должен был послужить основой для разработки политики России на Кавказе. В этих трудах тщательный обзор и исследование иностранных источников подкреплялось собственными наблюдениями авторов. Офицеры Генерального штаба являлись основными руководителями и реализаторами военной разведки Российской Империи и в значительной мере способствовали формированию ее внешней политики.

Еще в конце XVIII в. русские военные подробно изучили систему управления и организации армии в Алжире, который в это время мог выставить армию численностью до 100 тыс. человек, из которых 10–12 тыс. приходилось на очаг янычар — своего рода гвардию правящего режима.

В 1776 г. русский офицер М. Г. Коковцев был командирован с целью ознакомления с портами Туниса и Алжира. В своих записях он воспроизвел политическое устройство Туниса, описал населявшие страну народы, которые четко разграничил на местные — арабов и берберов и пришлый — турок. Через все описание утверждается мысль о неверности господствовавшего в Европе мнения об отсталости народов Туниса. Отмечая положительные качества тунисских жителей, М. Г. Коковцев заявил, что отсталым является не народ, а форма государственного правления, так как дей, по сути дела, находился на положении пленника. Внутренний механизм янычарской тирании строился на рабской взаимозависимости деспота и при-

¹ Циммерман Э. По северным окраинам Африки. Путевые очерки. — Вестник Европы. Кн. 7. 1899. — С. 298.

² Там же. — С. 331.

³ Позднее, находясь уже в изгнании в Дамаске, Абд аль-Кадир был награжден Россией высоким орденом Белого Орла за спасение 10 тыс. восточных христиан во время мусульмано-христианской резни в Сирии в 1860 г. Царское правительство, пойдя на этот беспрецедентный для тогдашней России дружественный в отношении национального алжирского героя жест, стремилось подчеркнуть чувства симпатии русских людей по отношению к алжирцам.

вилегированной корпорации его подданных. Этот порядок был закреплён ритуальными правилами. Дей выступал как своего рода пожизненный президент, избиравшийся без ограничения срока полномочий. Для его избрания требовалось единогласное решение, вследствие чего выборы превращались в длительную процедуру, которая продолжалась, как свидетельствует М. Г. Коковцев, «дотоле, пока все согласятся в наименовании себе начальника»¹. Если достичь согласия не удавалось, то противоборствующие стороны выясняли отношения с помощью оружия (в 1672—1816 гг. из 25 деов 14 пришли к власти путем военного переворота). После избрания дея разлучали с семьей и водворяли во дворец. У себя дома он мог проводить лишь один день и одну ночь в неделю. Придворные неусыпно следили за каждым его шагом. Даже свое имущество дей не мог передать наследникам, после его смерти оно отчуждалось и поступало в казну.

М. Коковцев свидетельствует о том, что фактически за пределами трех управляемых провинций начинался «совершенно иной мир», охватывавший коренное население. Этот мир жил по своим законам. Он имел собственных вождей-шейхов, не подотчетных в племенных делах чиновникам дея. Арабские и берберские племена были автономными ячейками, социально и политически обособленными от янычарского государства. «Каждое поколение сего народа, — писал М. Коковцев, — составляет особливую Республику под ведением своих Шеков, коих они из старших своего рода избирают»². Эти «республики» представляли собой в действительности арабские или берберские племена, в которых господствовал клановый дух, враждебный всякой централизованной системе государственной власти. Господство янычар распространялось примерно на 1/6 часть современного Алжира. Кочевые племена Сахары, берберское население горной страны Кабилии совершенно не признавали власти янычарских правителей. Многие племена в отдаленных от побережья районах находились в очень слабой вассальной зависимости от турок. Но даже и те племена, которые населяли прибрежную часть страны, терпели власть янычар лишь до тех пор, пока она не вмешивалась в их внутреннюю жизнь и не покушалась на их собственность.

На интенсивность практических востоковедных работ, проводившихся в военном ведомстве, решающее влияние оказывала внешняя политика российского правительства на восточном направлении. Начало 50-х годов характеризовалось, как известно, назреванием так называемого восточного кризиса, главным стержнем которого были русско-английские и русско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке. Пристальное внимание к колониальной политике европейских держав, особенно к военным акциям Англии и Франции в Азии и Африке, побудило военное ведомство России уже вскоре после заключения Парижского мирного договора 1856 г. направить во Францию двух преподавателей Николаевской Академии Генерального штаба, подполковников В. М. Аничкова и А. И. Беренса. В программу их командировки кроме ознакомления с французскими военными учреждениями входила поездка в Алжир. Отчет офицеров об этой поездке включал очерк о военной и гражданской администрации Алжира, характеристику местных племен и описание военных действий в 1857 г. в Кабилии. А. М. Беренс непосредствен-

¹ Коковцев М. Г. Достоверные известия об Альжире. — СПб., 1787. — С. 58.

² Там же. — С. 48.

но принимал участие в военной экспедиции французских войск в Кабилию, имевшей целью одним ударом положить конец независимости, сохраненной племенами этой области до 1857 г. Статья В. М. Аничкова, опубликованная в журнале «Современник» в 1857 г., представляла собой блестящий пример антиколониальной публицистики, в которой автор с глубокой симпатией рассказал об алжирском народе, который «никогда не расстанется с мечтой о свободе»¹. А. М. Беренс в 1858 г. напечатал в «Военном сборнике» статью «Кабилия», в которой автор дал не только детальное описание хода и анализ военных действий, окончившихся покорением Кабилии, но и сообщил сведения о географии, топографии этой горной области, описал ее население, его обычаи (это было первое на русском языке описание этой горной области). А. М. Беренс подчеркивал высокие качества кабиллов как воинов, приводил яркие примеры мужества и доблести горцев. Рассказал он и о тех методах, благодаря которым французам удалось покорять племена: полное разорение края, угроза голодной смерти для населения. «Нам кажется, — пишет А. М. Беренс, — что и в настоящем взгляде образованных наций по отношению к младшим... братьям своим по человечеству преобладает предрассудок, будто бы единственным средством к цивилизации их служит сила оружия... В причинах, которые увлекли французское правительство прибегнуть к силе оружия для завоевания этой страны, нам кажется, весьма ясно отражается убеждение в преимуществах такого насильственного способа перед всеми остальными мирными средствами... Кабилы... по своему общественному и политическому устройству далеки от первобытного, дикого состояния»².

В 1849 г. была опубликована книга полковника Генерального штаба М. Н. Богдановича «Алжирия в новейшее время»³, в которой подробно анализировались боевые операции армии эмира Абд аль-Кадира, сопротивлявшегося французскому завоеванию. Эта работа интересна тем, что является одной из первых книг на русском языке об этой стране и, кроме того, как ее определяет сам автор, представляет собой «свод всех лучших сочинений об Алжире». М. Н. Богданович так же, как и А. М. Беренс, с большой симпатией относится к вождю алжирского народа, давая ему следующую характеристику: «соединяя с приятной наружностью высокие душевные качества — великодушие, неустрашимость, бескорыстие, умеренность, — Эмир иногда увлекался гордым сознанием своих достоинств, и тогда в его взоре отражались глубокие думы хитрого политика и искусного военачальника. Порою мимолетная улыбка являлась на устах его, не изменяя задумчивого, несколько грустного выражения, обычного ему — назначенному от колывели к уединенной жизни марабута. Но когда он являлся на коне в челе своих воинов, то, несмотря на небольшой рост свой и простоту одежды, затмевал всех своим мужеством. Не раз он кидался во всю скачь навстречу пускаемым с французских батарей ядрам и гранатам, стараясь поселить в арабах презрение к опасности»⁴. Одновременно критикует автор и ме-

¹ Хмелева Н. Г. Вооруженная борьба алжирского народа за независимость в XIX в. — М.: Наука, 1986. — С. 19.

² Беренс А. М. Кабилия в 1857 г. — СПб.: Военный сборник, 1858, № 11, 12.

³ Алжирія в новѣйшее время. М. Н. Богдановича, Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной академіи профессора. — Санктпетербургъ, Въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, 1849.

⁴ Там же. — С. 66.

тоды управления покоренной территорией. «Покорение Алжира было так быстро, так неожиданно, — пишет М. Н. Богданович, — что французы не знали, какое сделать употребление из завоевания... Французы уничтожили в завоеванной стране издавна существующий образ управления, не заменив его другим, сообразным с свойствами и обычаями жителей... Изгнание из страны турок... было большой ошибкой... Вместо того, чтобы действовать на туземцев кроткими мерами, французы... резали головы, истребляли целые племена без различия возраста и пола и опустошали страну. Война превратилась в отчаянную беспощадную борьбу, которая стоила дорого обеим сторонам»¹.

Рассказывая о жестокостях, чинимых французскими войсками в Алжире, М. Н. Богданович подробно описывает уничтожение 19 апреля 1845 г. в горах Кабилии целого берберского племени Улед-Риа. «У самого входа в пещеру, — пишет автор, — тяжкий могильный запах подал первую весть об ужасной участи кабиллов. Остатки истлевшей одежды и животных, совершенно обнаженные тела людей, обращенных лицом к земле и облитых кровью; таковы были предметы, представившиеся взору французов. В числе жертв этой страшной драмы были многие женщины, погибшие вместе с детьми, находившимися у них на руках. Из 800 человек, укрывшихся в пещере, в живых осталось не более 40»².

Интересно, что автор подробно рассматривает военные учреждения, созданные Абд аль-Кадиром, и показывает недостатки плана Бюжо по покорению Алжира, которые отмечает в своей работе и сам маршал³. «Колонизация идет весьма медленно. Французское правительство для содержания в повиновении страны держит 5 линий укреплений, армию до 65 тыс. человек. Девятнадцать лет войны стоили французскому правительству 1300 млн. франков (325 млн. рублей серебром). Единственные выгоды, доставляемые французам этой страной, заключаются в том, что она служит школой для французских войск, и правительство имеет возможность удалять туда беспокойных людей»⁴. Важно подчеркнуть, что, подробно анализируя политику Франции в Северной Африке, М. Н. Богданович проводит параллель с политикой России на Кавказе, одновременно указывая на неаналогичность положения Франции в Алжире. «Подобным образом Россия, для владения Закавказьем, принуждена вести беспрестанную войну с непокорными племенами на пути в эту страну, но эта война необходима, потому что Россия, отказавшись от обладания Закавказским краем, не только потеряла бы многие пункты соприкосновения с Турцией и Персией, не только лишилась бы богатой страны..., но еще подвергла бы набегам полудиких кавказских племен пределы империи на всем пространстве между Черным и Каспийским морями»⁵.

¹ Алжирія в новѣйшее время. *М. Н. Богдановича*, Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной академии профессора. — Санктпетербургъ, Въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, 1849. — С. 56, 64.

² Там же. — С. 162.

³ *Bugeaud*. L'Algerie. Des moyens de conserver et d'utiliser cette conquete. — Montrond, 1843.

⁴ Алжирія въ новѣйшее время. *Богдановича М. Н.* Генеральнаго Штаба Полковника, Императорской Военной Академии Профессора. — Санктпетербургъ. Въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, 1849. — С. 180—181.

⁵ Там же. — С. 181.

В 1860 г. была опубликована работа А. М. Макшеева¹, который побывал в Алжире в 1858 г. Автор детально описал различные стороны жизни в Алжире и высказал интересные замечания об управлении страной французами.

Во второй половине XIX в. изучение Востока в военном ведомстве получает свое дальнейшее развитие. Связано это было с тем, что в ходе преобразований в России, затронувших и русскую армию в 60–70-х годах, существенно изменился взгляд на роль и значение науки вообще в военном деле. Постепенно и не без сопротивления сходили со сцены генералы «николаевской школы», подобные военному министру, печально известному своей деятельностью в период Крымской войны В. А. Долгорукову или его преемнику Н. О. Сухозанету, которому принадлежало знаменитое сравнение науки в военном деле с мундирной пуговицей. Новое время требовало новых людей, новых идей и взглядов. Наиболее ярким представителем нового типа военных деятелей был Д. А. Милютин, который в течение 20 лет (1861–1881), будучи на посту военного министра, оказывал огромное влияние на ход преобразований в вооруженных силах России, на внешнюю политику страны и на систему военного образования. Милютин ставил перед офицерами Генерального штаба задачу всестороннего изучения государств (прежде всего сопредельных с Россией). При этом требовал он от военной географии не только описательной, но и аналитической работы².

Дважды (в 1884 и 1898 гг.) побывал в Северной Африке известный российский географ, исследователь и путешественник, офицер Генерального штаба М. И. Венюков. Он был послан на средства Русского географического общества при содействии Военного министерства и, кроме Северной Африки, посетил острова у восточного побережья континента³.

Еще раньше, в конце августа 1874 г. в Алжир в составе французских экспедиционных войск отправился капитан Генерального штаба А. Н. Куропаткин. В качестве военного агента при французской армии он участвовал в военных экспедициях французских войск в Сахару. Богатый материал, собранный им во время пребывания в Алжире, послужил основой для нескольких публикаций в «Военном сборнике»⁴ и книги «Алжирия»⁵. В этой работе автор значительное место уделит колониальным французским вооруженным силам: их организации, обзам, способам передвижения и ведения войны в пустыне. При этом он подробно рассмотрел историю завоевания Алжира французами,

¹ *Макшеев А.* Очерк современного состояния Алжирии // Вестник Русского географического общества. — СПб., 1860 г. № 3.

² Взгляды Д. А. Милютина на военную науку проявились еще в середине 40-х годов, когда он был назначен преподавателем военной географии в Академии Генерального штаба. В академическом отчете за 1845 г. указывалось, что он, «выпущенный из академии в 1836 году, успел в течение 8 лет приобрести столько сведений и опытности, что, приступив к преподаванию одного из самых трудных предметов, вполне оправдал выбор начальства: способности его и познания, обогащенные приобретенными им во время поездки за границу и в бытность его на Кавказе сведениями, принесут, без всякого сомнения, много пользы академии». — *Н. П. Глиноецкий.* Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. — СПб., 1882. — С. 62.

³ Изучение Африки в России (дореволюционный период): сборник статей. Отв. ред. А. Б. Давидсон, Г. А. Нерсесов. — М.: Наука, 1977.

⁴ *Куропаткин А.* Алжирия: военно-статистический обзор. — СПб.: Военный сборник, 1876. — № 3–7.

⁵ Алжирія. Составил Генерального Штаба Капитанъ *Куропаткинъ*. — СПб., 1877.

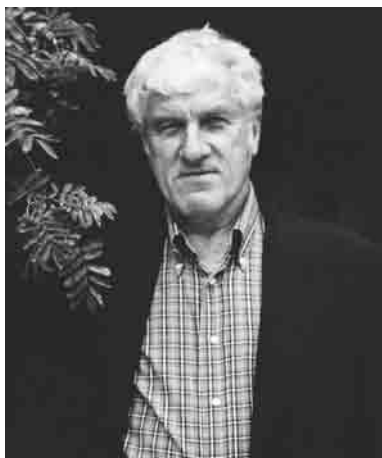
привел богатый этнографический материал, рассмотрел организацию управления колоний. А. Н. Куропаткин объективно оценил причины поражения алжирцев в их борьбе за независимость под руководством Абд аль-Кадира, методы и последствия политики колонизаторов. Объясняя первоначальные успехи французских войск междоусобной борьбой между различными алжирскими племенами, он отмечал, что «при этих условиях завоевание Алжирии могло бы продвигаться весьма быстро, если бы не появление талантливой личности Абд аль-Кадира, соединившего под свои знамена как жителей городов, так и жителей гор, как кочевников, так и оседлых. Завоевание Алжирии сопровождалось разорением побежденного народа... Вместе с наплывом европейского населения, часть которого составляют далеко не сливки общества, в туземное население стали проникать пьянство, азартные игры, разврат и связанное с ним распространение сифилиса... В результате уменьшилось туземное народонаселение». Автор резко осуждал французскую колониальную систему как бесперспективную в политическом и невыгодную в экономическом отношении, поскольку она сопровождалась разорением населения. «Несмотря на видимую солидность административной организации в Алжире, — пишет Куропаткин, — она имеет весьма важный недостаток, заключающийся в недоверии населения к лицам, поставленным для его управления. С одной стороны, этого недоверия трудно избежать в отношениях побежденного к победителю, с другой, сами победители еще увеличивают его, назначая начальниками туземцев (шейхами, каидами, ага) лиц, им неприятных, часто верных только по наружности и постоянно играющих двуличную роль. Лучшим выходом из этого затруднения было бы разрешение туземному населению самому выбирать своих ближайших начальников (шейхов и каидов), но французы, в видах политических, еще не считают возможным даровать им это право»¹.

Подводя итог обзору основных работ русских путешественников и военных, посетивших с разными целями и задачами Северную Африку, необходимо отметить, что все эти работы представляют собой ценный вклад русской науки в изучение африканского континента. Их труды имеют большое и важное значение для географии, этнографии, истории и формирования политических систем в арабских странах.

Несмотря на то, что их записки и воспоминания неравномерны по объему, полноте охвата тех или иных сторон жизни, степени объективности увиденного (что зависело от продолжительности пребывания в регионе, эрудиции и образованности авторов, меры их заинтересованности и понимания действительности), их общие взгляды были глубоко гуманистичны и продолжали просветительские идеи передовой дворянской интеллигенции XVIII в. Недостаточность знаний о Северной Африке, специфика политических воззрений, господствовавшие в это время в России, несомненно, влияли на их мировоззрение и зачастую мешали объективно и беспристрастно анализировать восточную действительность. Однако можно утверждать, что высокая оценка восточной культуры, ее вклада в сокровищницу мировой цивилизации, равно как и искреннее сочувственное отношение к угнетенным с одновременным протестом против угнетателей стали традиционным в восприятии Востока русской общественностью, которая знакомилась с далекими странами Магриба через записки путешественников и донесения офицеров Генерального штаба.

¹ Алжирія. Составил Генерального Штаба Капитанъ *Куропаткинъ*. — СПб., 1877. — С. 124.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег ПЕРЕСЫПКИН

ЕГИПЕТ — ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Олег Герасимович Пересыпкин — родился 12 августа 1935 года в г. Баку. В 1959 году окончил МГИМО МИД СССР, работал на дипломатических должностях в Северном и Южном Йемене, в Ираке. Был послом СССР в Йеменской Арабской Республике, Ливии и Ливане. Член Союза писателей с 1982 года, член Союза журналистов с 1964 года. Профессор, доктор исторических наук. Автор более 20 книг, лауреат премии им. В. Маяковского и других литературных премий. **Живет в Москве.**

Эти строки я пишу в то время, когда в египетской столице на центральной площади Тахрир молодые египтяне, сбившиеся в огромную живую толпу, требуют отставки президента Хусни Мубарака. Президент находится у власти более тридцати лет. Когда он занял этот пост, в Египте проживало 40 млн человек, а сегодня — более 80 млн. Египет в настоящее время переполнен молодыми людьми, которые родились в эру Мубарака, получили среднее образование, а некоторые и высшее образование, но не смогли найти своего места в жизни. Нищенское существование и отсутствие четких перспектив улучшения жизни в будущем толкнули египтян выйти на площадь Тахрир и предъявить свои требования президенту Мубараку и его команде.

Каир расположен в 3000 км. от Москвы и, кажется, что нам, россиянам, до этой страны, большинство населения которой никогда не жило в материальном достатке, не говоря уже о демократических свободах и других атрибутах гражданского общества. Но нам все-таки не безразлично, как складывается ситуация в Египте хотя бы потому, что ежегодно на красноморских курортах этой страны за сравнительно небольшие деньги отдыхает до 2 млн россиян, а аэропорт Хургады, города хорошо известного нам, живущим в северных широтах, принимал до недавнего времени ежедневно десять чартерных рейсов из России. На момент начала внутривосточных событий на египетских курортах оказалось около 65 тыс. российских туристов.

* * *

Особый интерес к Египту Россия стала проявлять в X веке, после принятия христианства. И это

не случайно: Египет сыграл важную роль в становлении Православия как мировой религии. Здесь, на полуострове Синай, пророк Моисей получил каменные скрижали с десятью заповедями, сюда бежали от преследования иудейского царя Ирода Дева Мария с Младенцем Иисусом и обручником Иосифом, здесь проповедовал апостол Марк и сложились нормы отшельничества и миссионерские традиции, ставшие общими для всех православных церквей, а в пригороде Каира на кладбище при монастыре св. Георгия, находящееся на попечении православного папы и патриарха Александрийского и всея Африки, похоронены русские эмигранты первой волны.

В XVII–XIX веках российский флот вышел на просторы Средиземного моря и заходы в египетские порты стали регулярными. В 1856 году было создано Русское общество пароходства и торговли, которое открыло свое представительство в египетской Александрии и активно использовало введенный в эксплуатацию в 1869 году Суэцкий канал для доставки российских товаров на Дальний Восток.

В 1888 году Египет посетили братья Александра III, а в 1890 году — его сыновья — будущий Царь Николай II и его брат Георгий. Египетские королевские особы тоже были нашими гостями — в 1888 году Санкт-Петербург посетил будущий правитель Египта Аббас II Хельми, а его брат Мухаммед Али побывал в России даже три раза.

Во время своих визитов в Каир я всегда посещал район старого Каира, называемый сегодня по римской традиции Вавилон, где находится коптская церковь, построенная на башне древней крепости, и греческий монастырь св. Георгия и обширное кладбище с небольшой церковью над гротом, где скрывалась Дева Мария с Младенцем Иисусом. Рядом с этой церковью есть несколько могил наших эмигрантов, оказавшихся здесь после 1917 года. Вот общая могила княжны Марии Михайловны Волконской и Михаила Ивановича Старицкого. Чуть в стороне похоронены гвардии полковник Целибеев Николай Федорович и генерал императорской российской армии Васильев Иван Андреевич, «родившийся на Дону в 1860 году и скончавшийся в Каире в 1933 году». Всего здесь, по словам кладбищенского сторожа, находится около двадцати русских могил и небольшая скромная часовенка, недавно пристроенная к внешней стене этого кладбища. Наконец, я нахожу могилу Смирнова Алексея Александровича, главы русской дипломатической миссии в Каире с 1905 года.

Алексей Александрович Смирнов был незаурядным человеком. После окончания в 1881 году факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета он был назначен в Азиатский департамент МИД Российской империи, который всегда считался первым департаментом дипломатического ведомства императорской России. В 1905 году Смирнов стал Генеральным консулом России в Египте, а в 1911 году получил дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посланника. С 1908 года он стал дуаейном, то есть старшим, дипкорпуса в Каире, и занимал этот пост до октября 1923 года, когда правительство Египта постановило не признавать русского дипломатического и консульского представительства и прекратить выплату ежемесячного взаимообразного пособия. Фактически Смирнов стал частным лицом с декабря 1917 года, когда Совнарком большевистской России уволил всех царских дипломатов.

Он умер в феврале 1924 года в страданиях от экзотической болезни, называемой «нильскими нарывами», вызванной долгим пребыванием в жарком климате, усугубленной переломом ноги и последующим заражением крови, случившимся в результате наезда редкого автомобиля на каирской улице. Еще при жизни Смирнов написал завещание, в котором просил после смерти похоронить его в Египте, не приносить венков, не произносить речей и сделать простой каменный крест. Так и случилось — на греческом кладбище на могиле Смирнова я вижу простой каменный крест и лаконичную надпись — «Алексей Смирнов. Родился 1 сентября 1857 г., умер 5 февраля 1924 г.».

Алексей Александрович Смирнов был не только блестящим дипломатом и доброй души человеком, помогавшим устроить жизнь многочисленной колонии российских эмигрантов. Он был востоковедом, писал «изящные поэтические очерки» о Востоке и о Византии, сочинял стихи и прозаические произведения. Египетский ежедневник «Иллюстрасион ежипсьен» 23 февраля 1924 года писал, что «присутствие на похоронах большого количества высших египетских и иностранных чиновников свидетельствует о том глубоко уважении, которое вызывал к себе покойный дипломат и литератор А. Смирнов».

У входа в Суэцкий канал из Средиземного моря находится небольшой город Порт-Саид, который приятно отличается от шумного загазованного Каира и главных морских ворот Египта — Александрии с ее шестимиллионным космополитическим населением. Традиционно все средиземноморские города Египта имеют многонациональное население, где заметное место занимали православные греки, итальянцы-католики и левантийцы, жители Восточного Средиземноморья. На греческом кладбище находится мемориал с могилами моряков российского крейсера «Пересвет», подорвавшегося на немецкой мине 4 января 1917 года. Из команды в 815 человек погибли 122 человека. Тела 27 матросов были извлечены из морской пучины и похоронены на кладбище. В 1954 году был устроен памятник погибшим морякам, а в 1989 году этот мемориал был перестроен, стал более ухоженным и солидным: невысокая граненая колонна, белые мраморные плиты, два черных якоря, полный список погибших и имена моряков, похороненных за чугунными цепями ограды. Не скрою, этот памятник вызывает у меня гордость за нашу Отчизну, которая помнит о своих погибших вдалеке от национальных границ сынах. Я собираюсь уходить и вдруг замечаю в мраморной вазе небольшой букет живых цветов, явный признак того, что наш памятник на этом запущенном греческом кладбище все же кто-то посещает.

Российские туристы, побывавшие в Египте, хорошо знают его знаменитые пляжи в Хургаде, Сафеге и Дахабе, красоты подводного мира Красного моря в Шарм-эль-Шейхе и, разумеется, знают Сфинкса с загадочной улыбкой, пирамиды в Гизе, средневековый рынок Хан аль-Халили и каирскую цитадель. В Египте есть и приметы нового времени: Асуанская плотина, турбины которой дают более 30 % потребляемой Египтом электроэнергии, завод в Наг-Хаммаде по производству алюминия, металлургический комбинат в Хелуане, предприятие по сбору наших автомобилей и другие объекты. Образцы советской военной техники — танки, самолеты и бронетранспортеры — обозначают въезд в гарнизоны египетской армии по всей стране, что говорит о масштабах нашего двустороннего экономического и военного

сотрудничества в прошлом. Но в Египте есть и другие приметы наших связей, которые, может быть, не так бросаются в глаза, но явно свидетельствуют о глубине наших отношений.

Египет известен рядовому российскому туристу как один из мировых центров древней цивилизации. Редкий турист не увезет из Египта купленную картинку на папирусе с его загадочными богами и фараонами, небольшие копии пирамид и Сфинкса, а то и майку с отпечатанным на ней иероглифическим алфавитом. Однако мало кто знает, что огромный вклад в изучение древней истории Египта внес российский ученый Владимир Семенич Голенищев, который справедливо считается отцом египтологии.

Профессор Голенищев прибыл в Каир в 1915 году. Он основал в Каире Национальный египтологический центр, создал кафедру египтологии в Каирском университете и составил учебник по грамматике древнеегипетского языка. На свои средства он вел раскопки на территории Египта и собрал уникальную коллекцию египетских древностей, которые сегодня находятся в музее им. А. С. Пушкина в Москве. Ученики Голенищева, умершего в 1947 году, — В. М. Викентьев, А. Н. Пьянков и М. В. Малинин, приглашенные им в Египет, продолжали активно работать по изучению древней цивилизации этой страны. И вполне справедливо, что бюст российского египтолога Голенищева установлен на специальной аллее во внутреннем дворе Национального музея в Каире, а сегодня, продолжая его традиции, Российский египтологический центр, возглавляемый Г. Беловой, ведет раскопки на выделенных участках в окрестностях Мемфиса и Фив, столиц Древнего Египта, и в других местах.

* * *

Дипломатические отношения между нашими странами установлены 26 августа 1943 года после победы в изнурительных боях на Сталинградском фронте и разгрома танкового корпуса генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля, наступавшего из Ливии на египетскую Александрию. Наши отношения получили мощный импульс после антимонархической революции в июле 1952 года и прихода к власти группы «Свободных офицеров» во главе с Гамаль Абдель Насером. В Москве восприняли неоднозначно июльские события 1952 года в Египте. Из нашего посольства в Каире поступала информация о том, что у Насера не ладятся отношения с США и Великобританией, которые отказываются предоставлять кредиты на реализацию проектов экономики и поставлять современное оружие. Это радовало Москву, искавшую союзников в «холодной войне». Вместе с тем настораживала информация о том, что в окружении Насера есть лица, разделяющие идеи национал-социализма Гитлера и даже готовившие выступления в поддержку фашистского наступления на Александрию. Разобраться в ситуации Н. С. Хрущев, бывший в то время Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Совмина СССР, направил Дмитрия Шепилова, секретаря ЦК КПСС и главного редактора газеты «Правда». Советский эмиссар остался доволен встречей с Насером, доложил соответствующим образом Н. С. Хрущеву и уже через несколько недель в Египет пошли поставки советского оружия из Чехословакии.

После возвращения Шепилов был назначен министром иностранных дел и на этом посту встретил тройственную агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта, который национализировал в 1956 году Суэц-

кий канал. Перу Шепилова принадлежит ультиматум, в котором Москва выражала готовность «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке». После этого заявления в течение двух суток военные действия против Египта были прекращены и египтяне до сих пор с благодарностью вспоминают наше вмешательство, остановившее агрессоров.

Гамаль Абдель Насер впервые посетил Москву в апреле 1958 года. В характеристике, подготовленной нашим посольством в Каире, говорилось, что он «общественные интересы ставит выше личных, безразлично относится к личному благополучию и накопительству». Как пишет Вадим Кирпиченко, известный советский разведчик, долго работавший в Каире, Н. С. Хрущев спросил Насера, чем он занимается в свободное время. Насер ответил, что он снимает любительские фильмы на черно-белой пленке. А почему не на цветной? Потому что у меня нет на цветную пленку денег, ответил Насер. Он умер 28 сентября 1970 года от хронического переутомления, и у него, президента Египта, на счету в банке оказалось 600 египетских фунтов, что-то около 1000 долларов США.

Во время очередной арабо-израильской войны 1973 года арабы смогли одержать победу над Израилем и сделали это с помощью советского оружия. Война началась 6 октября, когда египтяне форсировали Суэцкий канал и ввязались в бой на оккупированном в 1967 году израильянами Синайском полуострове. Сирийцы двинули свои танки на Голанские высоты. Израиль в первые дни потерял треть своих танков и треть своей авиации, нес большие потери в живой силе. США срочно по воздушному мосту направили в Израиль танки, ракеты, боеприпасы и своих добровольцев. СССР призывал к миру, но Израиль был настроен на отмщение, и Москва стала помогать Египту и Сирии. В Средиземном море были сосредоточены 34 боевых корабля, а 24 октября СССР объявил повышенную боевую готовность ВДВ. Была подготовлена группировка для отправки на Ближний Восток на выручку 3-й египетской армии, блокированной израильянами на Синае. США объявили боевую готовность в системе ядерных вооруженных сил, что повергло в ужас их европейских союзников по НАТО. «Холодная война» грозила превратиться в «горячую», однако благодаря совместным усилиям 25 октября в Совете Безопасности ООН была достигнута договоренность о прекращении затянувшихся военных действий.

Анвар Садат, пришедший на смену Насеру, был упоен победой. Он был прямой противоположностью Насеру и в политике, и в личном поведении. Садат пошел на сепаратные переговоры с Израилем, чем вызвал возмущение и последующую изоляцию Египта в арабском мире. Штаб-квартира Лиги арабских государств переехала из Каира в Тунис. Объявив политику «открытых дверей» для привлечения иностранного капитала, он душил государственный сектор экономики. Садат разорвал Договор о дружбе с СССР, который сам подписал в 1971 году, выслал советских военных и гражданских специалистов, закрыл российские консульства и культурные центры. Советско-египетские политические отношения, экономическое и военно-техническое сотрудничество были фактически заморожены.

Мне довелось переводить переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Садата в Кремле. Садат, с плохо скрываемым раздражением, выслушивал советы кремлевских старцев быть гибче, искать

мирные пути разрешения арабо-израильского конфликта. Ему была нужна маленькая победоносная война, которая и случилась в октябре 1973 года. По итогам этой войны Синайский полуостров был превращен в демилитаризованную зону и возвращен Египту. Садат при каждом удобном случае говорил нашим дипломатам, что он вернул Синай без единого выстрела и не потеряв ни одного солдата.

6 октября 1981 года на параде по случаю годовщины победы в войне 1973 года Садат в результате покушения группы исламских радикалов был убит, а стоявший в десяти сантиметрах от него вице-президент Хусни Мубарак был легко ранен в руку. Спустя неделю после смерти Садата Мубарак стал президентом.

Мубарак родился в 1928 году в семье среднего достатка в провинции Менуфия в дельте Нила. После окончания средней школы он поступил в летное училище, окончил его в 1950 году и стал преподавателем в том самом училище, которое окончил. В его биографии была короткая стажировка в Академии Генштаба Советской Армии им. М. В. Фрунзе в 1964 году. Судя по всему, Мубараку пребывание в Москве было не только полезно, но и приятно, о чем он неоднократно говорил нашим дипломатам и даже называл номер автобуса, на котором добирался до Военной Академии на Большой Пироговке.

Карьера военного летчика Мубарака складывалась удачно. Гамаль Абдель Насер ценил квалифицированного, работающего и скромного военного летчика. Октябрьская война 1973 года внесла новые коррективы в судьбу Мубарака. Египетские ВВС под его командованием обеспечили прикрытие с воздуха пехотных и бронетанковых частей, форсировавших Суэцкий канал и вышедших на Синайский полуостров. В 1974 году Мубарак был награжден высшим орденом Египта «Звезда Синая», в 1975 году назначен вице-президентом страны, а через несколько лет стал заместителем председателя правящей Национально-демократической партии. Назначение Мубарака на высокие государственные посты объяснялось не только его высоким авторитетом в вооруженных силах Египта, но и ошибочным мнением Садата о нем, как о политически нейтральной и лишенной амбиций фигуре, всегда находящейся в тени главы государства.

Президенту Мубараку досталось тяжелое наследство. Население Египта насчитывало в 1980 году 40 млн человек, причем у 90 % уровень жизни был ниже официальной черты бедности. Страна находилась в международной изоляции, а нефтедобывающие арабские страны, бывшие ранее донорами Египта, отказались предоставить ему финансовую помощь. Политическая и экономическая поддержка США и западных стран не могла спасти положение. Две лепешки из трех, которые съедал ежедневно в то время простой египтянин, выпекались из американской муки. Разрыв отношений с Советским Союзом не прибавлял уважения политическому руководству Египта.

За шесть лет своей работы в качестве вице-президента Мубарак приобрел большой политический опыт, а оказавшись во главе Египта, не дал свергнуть его в политический и экономический хаос. Он форсировал создание «промышленных зон», что дало возможность снизить безработицу и насытить рынок дешевыми товарами первой необходимости. Особое внимание стало уделяться развитию туризма, и десятки гостиниц в Хургаде, Шарм-эль-Шейхе, Сафаге и Дахабе, где отдыхают сегодня российские туристы,

были построены по прямому указанию Мубарака. За время его нахождения у власти в 30 раз увеличились ассигнования на здравоохранение и в 20 раз — на образование. Более того, семьи, чей доход ниже 100 долларов США в месяц, освобождаются от всех налогов. Экономика развивается по пятилетним планам с увеличением ВВП на 5 % ежегодно. В стране легально действуют 19 политических партий, включая партии оппозиции.

Позитивные изменения произошли и во внешней политике. Египет вышел из международной изоляции, штаб-квартира Лиги арабских государств вернулась в Каир, были отменены санкции в отношении наших учреждений в Египте, и наши страны вновь обменялись послами. США продолжают оказывать помощь Египту в размере около 2 млрд долл. ежегодно, но египтяне называют свои отношения с Вашингтоном «браком по расчету». Мубарак и его помощники стали играть заметную роль в поисках путей разрешения арабо-израильского конфликта и восстановления единства палестинских рядов. Ощутимые достижения во внутренней и внешней политике привели к тому, что Мубарак пять раз избирался президентом Египта.

Однако у режима Мубарака были и свои проблемы. Первым его законодательным актом было введение режима чрезвычайного положения, причем принятие этого закона оправдывалось терактом и гибелью Садата. Претензии оппозиции были связаны и с законом о выборах, по которому на президентские выборы выносятся та кандидатура, которую поддерживали две трети членов парламента. Если принять во внимание, что правящая Национально-демократическая партия имела большинство в парламенте, то результат был очевиден.

Мубарак уловил настроения египетского общества и создал в 2004 году Комитет по правам человека, который возглавил бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутруос Гали. В мае 2005 года была изменена статья 76 конституции и в сентябре 2005 года президентские выборы прошли на альтернативной основе: кроме Мубарака, выдвинутого на пятый шестилетний президентский срок, в выборах участвовало еще 10 других кандидатов. Именно поэтому Мубарак в своих телевыступлениях во время последних событий хотел остаться на своем посту до сентября 2011 года, когда кончается его срок пребывания в президентском дворце.

При всех положительных качествах, таких как работоспособность, нелюбовь к публичным выступлениям и высокий авторитет в армейский кругах, Мубарак совершил ряд просчетов. Он в течение тридцати лет не отменял закон о чрезвычайном положении, что давало возможность полиции злоупотреблять своим служебным положением. Оппозиция, которая имеет свои легальные партии, критиковала Мубарака за отсутствие демократических свобод, фальсификацию выборов в парламент и преследование оппозиционных лидеров мусульманских организаций. Мубарак и его команда полностью упустили из вида демографическую проблему и за тридцать лет его правления население Египта, зажатого пустынями с востока и запада, увеличилось до 80 млн человек. Сегодня более 40 % населения страны — молодые безработные люди, и поэтому призывы назначенного Мубараком вице-президента Омара Сулеймана вернуться на работу — «нам нужны ваши руки» — вызвали законное негодование толпы на площади Тахрир. Прокормить свое население только за счет собственных ресурсов Мубарак и его команда не могли, и отсюда обращения к США и нефтедо-

бывающим арабским странам с просьбой о помощи и приеме египетских эмигрантов. Мировой финансовый кризис привел к снижению бюджетных расходов на содержание госаппарата, армии и полиции, преподавателей университетов и средних школ. Последней каплей, подорвавшей личный авторитет Мубарака, было озвученное им желание передать власть в Египте своему сыну Гамалю, занимавшему пост секретаря правящей партии по международным связям.

После нескольких неудачных выступлений по государственному телевидению на шестнадцатый день народных выступлений вечером 11 февраля объявил о своей отставке и передал власть Высшему военному совету во главе с министром обороны Хусейном Тантави. Военные чины, выразив Мубараку благодарность «за службу египетскому народу», поспешили заявить, что армия «не пойдет против народа и не обманет его ожидания». Сегодня трудно предположить, как в Египте будут развиваться события, но скорее всего произойдут изменения в сложившейся системе власти, в которой будут представлены и оппозиционные партии, легально работающие в стране. Большинство лидеров иностранных государств приветствовали уход Мубарака. Можно только сожалеть, что это случилось слишком поздно, на шестнадцатый день народных выступлений в Каире и других городах, за время которых Египет потерял десятки миллиардов долларов. Хотелось бы надеяться, что египетские военные выполнят свои обещания, найдут разумное решение существующих в стране внутривластных проблем, сохранят высокий авторитет страны в международном сообществе и вернут Египет в число наиболее любимых россиянами курортов для отдыха.

ВЫШЛА КНИГА

Иванов В. И.

Трехстишия / Виктор Иванов. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2010. — 328 с.

С удовольствием представляем, возможно, самую главную книгу петербургского поэта и философа Виктора Иванова. В своем трактате «О трехстишии в свете традиции» автор обозначил, что трехстишие, которое он сотворяет, только «приподнимает завесу с предмета, слегка просвечивает его «божественный мрак», его неизреченную тайну». Согласно учению св. Дионисия Ареопагита, «божественный мрак» является атрибутом Бога, и поэт отнюдь не случайно использует данную дефиницию для обозначения собственных поэтических исканий.

Академик Александр Панченко в свое время указал на уникальную неповторимость стиля В. Иванова: «В двадцатом веке было много поэтических поисков, но Виктору Иванову удалось создать нечто принципиально новое в каноническом жанре поэзии».

Книга является настоящим подарком для всех ценителей настоящей глубокой духовной поэзии.

Леонид ИВАШОВ

РОССИИ ПРИДЕТСЯ ЛЕЧИТЬ ГЛОБАЛЬНОЕ СУМАСШЕСТВИЕ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государственных участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. Живет в Москве.

Представляется, что в последние 15 лет произошли революционные изменения в развитии человеческой цивилизации. Кардинальным образом изменилась геополитическая структура мира. После Второй мировой войны на планете сформировались две суперцивилизации.

Одна — основанная на традиционалистском мировоззрении, примате духовно-гуманистических ценностей, приоритетах интеллектуального развития личности, ее встроенности в коллективистские общественные структуры.

Научно-техническое и экономическое развитие государств этой цивилизации ориентировалось на достижение общественно значимых, государственных успехов. Индивидуально-личностному обогащению и просто материальному благосостоянию граждан уделялось второстепенное внимание. Человек в таком обществе принадлежал коллективу, жил в коллективе, его благополучие зависело от общего благополучия коллектива, общества и государства.

Основу данной суперцивилизации составляли СССР и мировая система социализма, исламский мир, КНР, страны, освободившиеся от колониальной зависимости (Африка, Азия, Латинская Америка). Геополитическим кодовым смыслом (кодом) этой суперцивилизации являлись совесть, справедливость, Господь Бог. Отношение к природе здесь формировалось как к храму, божеству, гармонии. И, соответственно, воспитывался отвечающий поставленным целям архетип человека.

Другая суперцивилизация была антиподом первой. Ее мировоззренческой основой был монетаристский

рационализм, запущенный две тысячи лет назад (после распятия Иисуса Христа). Накопление денег, оборот денег, приносящий прибыль, расширение пространства денег, усиление влияния денег на все стороны жизни общества постепенно возвращали власть денег.

В то же время концентрация финансовых ресурсов в рамках государств, корпораций и физических лиц способствовала развитию технического прогресса, повышению материального уровня жизни, комфорта, индустрии развлечений. Отставали в развитии высокая культура, фундаментальная наука. Духовная сфера коммерциализировалась.

Эти две суперцивилизационные системы, оформленные в два геополитических блока, находились в жестком комплексном, а не только идеологическом противостоянии. Главный стержень борьбы двух систем лежал в следующей плоскости: доминанта идей и духа против доминанты денег и материальных богатств, выступающих источником власти. Но обе системы решали глобальные задачи. Первая — установление на планете принципов международной и социальной справедливости, вторая — мировое господство сверхбогатых людей.

Вместе с тем жесткая конкуренция двух глобальных оппонентов являлась хорошим стимулом для мирового развития, поскольку существовал рынок идей и концепций, а стороны хотели выглядеть лучше и красивей по отношению друг к другу. Параллельно с двумя суперцивилизациями существовал и развивался «третий мир», сочетавший в себе духовно-социалистические идеи и одновременно капиталистические принципы экономики и традиционную систему власти. Такая трехполюсная модель мироустройства была перспективной, стратегически стабильной (несмотря на ядерное противостояние) и позволяла народам и государствам выбирать собственный путь развития, находиться в относительной безопасности. Впервые в истории человечества сложилось устойчивое геополитическое равновесие планетарного измерения.

2

Крушение СССР и мировой социалистической системы придали мировому развитию контуры однополярности. Запад объявил себя победителем, евроамериканская элита стала считать себя мировой элитой, мнение финансово-политических кругов Запада — мировым общественным мнением.

Сложившаяся в ходе геополитического баланса сил система международных отношений и принципы международной безопасности стали разрушаться и заменяться стандартами силы и превосходства. Глобальная власть постепенно переходит к обладателям мировых денег и крупному капиталу. Двухтысячелетняя стратегия монетаризма подошла к своему финалу — глобальному подчинению человеческого сообщества власти денег в мировом масштабе, превращению не только человека, но и государств из субъекта истории в объект денежного рабства. Природа также стала объектом и источником новых прибылей и удовольствий. Человек стал деградировать духовно и интеллектуально, все более приближаясь к состоянию животного.

Таким образом, в результате революционных изменений последних 15–20 лет изменилась функциональная сущность человека и международного сообщества в целом. Обозначился явный духовно-нравственный тупик в развитии человеческой цивилизации, научно-технический прогресс утратил гуманистические начала. Усилилась эксплуатация природных ресурсов, целые народы (включая российский) перешли от плуга, станка, книги к сплошному торгашеству, сколачиванию денежных состояний любым, в том числе аморальным, путем, международные законы и стандарты диктуются финансовым интернационалом и крупными транснациональными корпорациями. Эксперты ООН бьют тревогу: коэффициент полезного действия мировой экономики понизился до 20 %.

Государства, как субъекты международного миропорядка, утрачивают свою роль, теряют атрибуты государственности и суверенитета, а принадлежащие им природные ресурсы объявляются общечеловеческим достоянием и скупаются или завоевываются более сильными и богатыми субъектами.

По сути дела на фоне строительства глобальной империи капитала развязана мировая экономическая война, в которой широко применяются военная сила, боевые инфекционные вирусы, финансовые кризисы, организация голода и нищеты, банкротство государств, долговое удушение. И всё это для увеличения прибылей сверхбогатой «элиты» человечества.

Активным и эффективным оружием стали СМИ, подконтрольные мировым финансовым центрам. Именно через них формируется выгодная ситуация, в нужную сторону разворачивается общественное мнение, ломается и искажается человеческое сознание.

В противовес ООН и другим международно признанным институтам в рамках империи капитала создаются новые глобальные структуры власти (Бельдербергский клуб, «семерка», Давосский форум), силовые компоненты (армия США, НАТО, международные силы), система трибуналов, тюрем, тайные силы спецопераций. На глобальном уровне сформирована фарисейская система власти.

Государства, сопротивляющиеся включению в глобальную империю и пытающиеся проводить самостоятельный курс развития, уничтожаются военной силой США и НАТО и расчленяются на мелкие квазигосударства (Югославия, Ирак), в важных стратегических и ресурсных регионах создаются очаги конфликтов и хаоса, провоцируются межнациональные и межконфессиональные войны (Косово, Палестина, Ливан, Ирак).

Принципиальным является формирование новой мировой элиты на идейно-религиозной основе богоизбранности, все другие народы и социальные группы должны стать обслуживающим персоналом, лишние уничтожены.

Главы государств и правительств назначаются из мирового центра при имитации демократических процедур (как ныне в России избираются губернаторы субъектов Федерации). Они превращаются в уполномоченные органы в глобальной структуре управления.

Вполне естественно, что в империи не может быть двух и более идеологий, нравственных систем, финансово-экономических и иных стандартов. Именно потому разрушаются и дискредитируются традиционные религии, ценностные ориентиры, национальные жизненные нормы и установки. Они

заменяются неким стандартизированным суррогатом, например, как на Украине — хасидско-православной верой. Да и в России к этому идет.

В Европе процессы не менее сложные. В этом регионе идет этнокультурная перестройка параллельно с повышением эффективности экономики ЕС. По оценке французского правительства, для поддержания конкурентоспособности экономики ЕС потребуется 75 млн иммигрантов, большинство из которых будут мусульманами. Вместе с тем лидеры стран ЕС (Британия, Франция, Германия) заявляют о провале планов мультинациональной Европы. Признав Косово независимым государством, США раскололи Европу и способствуют ее форсированной исламизации, ослабляя своего конкурента.

Таковы общие контуры наступающей эпохи мондиализма.

3

Вместе с тем попытки выстроить на планете глобальную империю капитала на основе финансового фундаментализма нереальны, но в то же время крайне опасны для многих государств и человеческой цивилизации в целом.

Реализация на практике монетаристской теории в глобальном измерении уже выявляет главное противоречие эпохи — антагонизм между монетаристской деятельностью человека и природой. Окружающая нас среда не выдерживает чрезмерной эксплуатации ее человеком и мстит пожарами, ураганами, наводнениями. Это противоречие обостряется интенсивным ростом численности населения планеты. По данным Национального совета США по разведке уже к 2015 г. 3 млрд людей планеты окажутся лишними, поскольку им не будет хватать ресурсов для выживания.

Второе по масштабности противоречие — это антагонизм между атлантической и другими цивилизациями. По С. Хантингтону мир вступил в эпоху столкновения цивилизаций, и это только начало. События в Косово, Ираке, Афганистане, Египте, Тунисе и в целом на Ближнем Востоке — это, прежде всего, не борьба за территориальную целостность, автономию или вывод иностранных войск — это война ислама, православия против атлантизма, иудео-протестантизма, либерально-монетаристского глобального императива, война против нового «органа всемирно-политической власти» (по З. Бжезинскому). И главная сфера этой войны — духовно-цивилизационная.

Бездуховная, алчная и эгоистичная по природе западная цивилизация, отрицающая наличие высшего разума, Бога, не в состоянии победить в такой войне. Поэтому эпоха однополярного либерально-монетаристского мира неосуществима. Нельзя считать нормальным, когда 200 сверхбогатых людей планеты обладают богатством, равным совокупному богатству 41 % населения мира.

Состояние основного инструмента монетаристской власти американского доллара, не обеспеченного материальным содержанием, крайне неустойчиво, зона его действия сужается. Политика США, поддерживающих свою экономику за счет финансового разбоя, тотального подчинения национальных банков американским финансовым институтам, вследствие галолирующей

щего роста их долгов перед всем миром терпит крах. Мировая финансовая система на грани крушения.

Нарастает финансово-экономическая напряженность внутри атлантического ареала, в отношениях США с Китаем, Россией, Латинской Америкой, Европой. Да и в самих Соединенных Штатах реализуется стратегия установления полицейского режима, снижается уровень жизни населения. Мировая финансовая элита в условиях отсутствия глобального конкурента, каким был СССР, не желает прилично содержать 300 млн американцев.

Так что мы можем стать свидетелями нарастания цивилизационных противоречий внутри самой Америки. Возможно, Дж. Патрик Бьюкенен, предрекший в своей книге «Смерть Запада» распад США к 2025 г. на три самостоятельных государства — афроамериканское, латиноамериканское и англосаксонское, — окажется прав. Да и успех на выборах в президенты США афроамериканца Б. Обамы вызывает к серьезному размышлению. Как и фотография от 21 января 2011 г., где судьбы мира обсуждают афроамериканец Б. Обама и китаец Ху Цзиньтао.

Третье глобальное противоречие лежит в природно-ресурсной сфере. Монетаристский подход вызвал повсеместный и безудержный рост потребления природных ресурсов и, прежде всего, углеводородного сырья. Истощение их запасов инициирует обострение борьбы за контроль над ними и маршрутами их транспортировки. Нарастание виртуальной долларовой массы в преддверии ее девальвации вынуждает обладателей миллиардов материализовать их в природно-ресурсные активы, то есть еще больше усиливать окружающую среду.

Выиграть битву за нефть и газ с помощью нефтедолларов и военной силы мировая элита не в состоянии, но она способна обострить военно-стратегическую ситуацию и развязать новые войны и конфликты, потому что не отказывается от претензий на мировую власть, на построение однополярного мироустройства, на создание глобальной империи.

С этой целью Соединенные Штаты наращивают беспрецедентную военную мощь, реализуют безумные идеи глобальной ПРО, доктрину превентивных ударов, включая ядерные, пытаются взять под прицел всю планету. Настойчиво реализуется формула мирового господства, основанная на контроле ключевых районов мира, стратегических коммуникаций и глобальных ресурсов.

НАТО из оборонительного союза превратилось в агрессивный инструмент политики монетаризма и мирового господства, не защищает интересы европейских стран и Канады, а скорее противоречит им, втягивает Европу в конфронтацию с Россией и исламским миром. Старая европейская цивилизация не желает такой участи и пытается сохранить свою культурную традицию, политическую и экономическую независимость.

Усиливая военный потенциал США и НАТО, монетаристские силы стремятся достичь решающего превосходства над всеми другими цивилизациями, закрепить военно-технологический отрыв от остальных стран. По сути дела НАТО уже стало охранно-разбойной организацией глобального капитала.

На глобальном уровне мы отмечаем противоборство двух принципов обеспечения военной безопасности: баланса сил и доминирующего превосходства. Россия, Китай, Индия, Франция, Германия, Бельгия, Италия, Финляндия, страны исламского мира, Латинской Америки исповедуют принципы баланса сил (или оборонной достаточности), как на глобальном, так и на региональном уровнях. Военно-технологическое превосходство стало государственной идеологией США и оформилось в мировоззрение финансово-политической элиты Запада.

4

Противостоять катастрофическому развитию ситуации на планете возможно лишь через возвращение к нравственным основам бытия. Но как это сделать?

Прежде всего, нужен духовный лидер мира. Таковым может быть только Россия, как сохранившая в себе и чистоту христианства (Православия), и душу, обладающая (пока ещё) огромным геополитическим потенциалом.

Второй, может быть, парадоксальный вывод: необходимо на основе Православия оформить идеологические принципы бытия и развития, творчески сопрягая их с ценностями духовно близких нам цивилизаций. То есть объединить и развить коллективистские начала, как способ планетарного выживания. И опять на первый план выходит Россия.

И третье. Активнее форсировать становление Шанхайской организации сотрудничества в качестве полюса мира, альтернативного западно-монетаристскому. Полюса более справедливого, более духовного и базирующегося на принципе гармоничного развития всех мировых цивилизаций.

И здесь у России — ведущая роль. Никто другой этого сделать не сможет. Но Россия может стать глобальным координатором, только возродившись в качестве мировой цивилизации, восстановив обе культурно-цивилизационные матрицы: православно-славянскую и русско-тюркскую. Соединив их в едином цивилизационном пространстве и предложив собственный глобальный проект.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр ВАВИЛОВ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве.**

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Опасность распространения исламского радикализма в бывших советских среднеазиатских республиках трудно переоценить. Она подпитывается целым рядом факторов постсоветского развития рассматриваемой группы независимых государств и мира в целом.

Главный из них — заметное ухудшение или в лучшем случае стагнация социально-экономического положения в большинстве из этих стран. Годы независимого развития, как и в подавляющем большинстве постсоветских республик, не только не дали решения имевшихся социально-экономических проблем, но и породили новые. Об их остроте можно судить хотя бы по неуклонному нарастанию числа среднеазиатских гастарбайтеров, в том числе и нелегальных, на наших улицах и стройках. По подсчетам некоторых специалистов, их число в будущем году достигнет 25 % от жителей столицы (Советская Россия. 20.09.10). Эти люди стремятся всеми возможными способами закрепиться в ней, так как их труд, по большей части бесправный, неквалифицированный и малооплачиваемый, нередко служит единственным источником средств к существованию для них и их, как правило, весьма многочисленных близких, оставшихся на родине.

По данным столичного ГУВД, подавляющее большинство тяжких преступлений в Москве (ок. 70 %) совершается приезжими гражданами, а наиболее дерзкие из них — этническими группировками. В городе наблюдается рост, причем очень высокий — около 80% — изнасилований. Приезжие бессемейные молодые люди ведут себя весьма раскованно. В результате в городе растут ксено-

фобские настроения: по опросам ВЦИОМ, две трети москвичей выступают за ограничение притока мигрантов (Московская правда. 26.09.10). На этом фоне протесты некоторых жителей Текстильщиков против строительства в их районе мечети не требуют комментариев (Le Point. 30.09.10).

Вторым не менее важным фактором видится ослабление и в недалекой перспективе постепенная утрата населением этих республик и, что особенно прискорбно, молодежью наработанных в прошлом связей с общемировой культурой и цивилизацией, главным каналом которых был русский язык. Среднеазиатские молодые люди, работающие у нас, всё в большей мере нуждаются в переводчиках для повседневного общения с населением страны пребывания. Об уровне образования и квалификации и говорить не приходится. Как представляется, в рассматриваемом нами ареале возрождаются «феодално-байские пережитки» и происходит все большее автаркическое замыкание в узких национальных рамках, что идет вразрез с бурно развивающимися объективными процессами глобализации всех сфер жизни цивилизованного общества.

Недавние трагические события в Киргизстане и Таджикистане стали тревожным выплеском нарастающих внутрирегиональных конфликтов, создающих серьезную геостратегическую угрозу на юге России. Наркотрафик, оргпреступность, терроризм — опасные вызовы постсоветской эпохи, не обошли стороной и этот регион. Отнюдь не случайно поэтому начальник Генштаба РФ генерал армии Н. Е. Макаров в одном из сентябрьских интервью отметил, что «у нас резко изменилась обстановка на юге, в Средней Азии, где она стала очень взрывоопасной» (Интерфакс. 27.09.10).

И, наконец, среднеазиатские республики вряд ли могут похвастаться заметными достижениями на пути развития народовластия. По оценкам многих их жителей, и киргизский пример лишнее тому подтверждение, постсоветские режимы имеют по преимуществу авторитарные черты в своем внутривластном поведении.

Перечисленные основные факторы, как наглядно показывает печальный опыт ближних и дальних единоверных соседей наших бывших среднеазиатских братьев, создают питательную среду для прорастания ядовитых семян радикализма и экстремизма, удобно рядящихся в религиозные и другие националистические одежды и дающих время от времени смертельные террористические выбросы.

В современном подъеме исламистского движения находят своеобразное преломление поиски государств «третьего мира» новых ориентиров и идеалов, своего пути и места в качественно иной обстановке, сложившейся на международной арене после развала социализма и ухода в небытие одной из прежних великих держав — СССР.

Дело в том, что многие десятилетия вся политическая структура и культура мусульманских стран, в том числе и нынешних среднеазиатских, формировалась и развивалась в достаточно жесткой и стабильной системе глобальных геополитических координат. Под ее воздействием складывался политический менталитет светского и мусульманского истеблишмента, его взгляды на внутреннее, региональное и международное положение и перспективы его эволюции. Сегодня, когда бывшие советские республики находятся в «свободном плавании», когда исчез один из балансов прежнего мирового равновесия, и вся система международных отношений «провисла»

и претерпевает глубокую эволюцию, в них вынуждены пересматривать привычное мировидение, отказываться от прежних стереотипов, определяться, искать свои модели дальнейшего движения вперед.

Трудные проблемы самостоятельного развития после обретения политической независимости и государственного суверенитета, с которыми мусульманские страны столкнулись на рубеже 70–80-х годов, утрата ими возможности извлекать политическую, да и немалую материальную выгоду из глобальной и региональной конфронтации великих держав, внутренняя нестабильность, стагнация экономики, падение уровня жизни, а с ним и обострение социальных противоречий в большинстве из этих стран привели к нарастанию радикальной составляющей в деятельности исламистов, решивших, что настает их «звездный час».

При этом они рассматривают Центральную Азию как вполне подходящее и весьма широкое поле для своей миссионерской деятельности среди своих единоверцев, которых надо лишь излечить от коммунистической ереси, а неразумную молодежь познакомить с догматами истиной веры. Отнюдь не случайно в этой связи проведение в саудовской столице — г. Эр-Рияде еще в 1995 г. под патронажем местного МИДа международной конференции на весьма показательную тему: «Страны Средней Азии — перспективы развития по пути ислама». Автору довелось выступить на ней с подробным докладом, а затем отвечать на весьма дотошные и заинтересованные вопросы участников этого представительного форума. Общий вывод конференции был сформулирован вполне прогностично и прагматично: в силу сохранявшегося в течение многих десятилетий мощного советского безбожного влияния страны региона пока не готовы к полноценному возвращению в священное лоно Ислама, однако будущее, несомненно, за ним.

Иракская авантюра США и в этом ракурсе принесла свои горькие плоды: поведение американцев на захваченных территориях дало мощный стимул и подпитку исламистам. Ирак наряду с Афганистаном превратился в международную школу и поставщика боевиков-террористов во все конфликтные регионы планеты. И все эти коловращения происходят практически под боком у Средней Азии, открытой в силу отмеченных факторов «всем ветрам». Весьма показательным в этой связи включение этого проблематичного и многовариантного региона в изобретенный в Вашингтоне «Большой Ближний Восток».

ОПРОМЕТЧИВАЯ РЕАКЦИЯ ЗАПАДА

Для западных политиков и политологов, да и для широких слоев населения, национально-патриотические чаяния и готовность к самопожертвованию ради блага своего народа и веры, распространенные в мусульманской среде, даже трудно себе представить. Ведь они обитают и работают в постиндустриальном мире, во многом лишенном духовных идеалов и устремлений помимо повседневной изнуряющей и иссушающей душу гонки за личным комфортом и обогащением. Отсюда частое непонимание истоков и причин экстремизма и терроризма, порождаемых во многом высокомерным и презрительным отношением Запада и, прежде всего США, к исламскому миру.

Как в этой связи не вспомнить не совсем продуманные и взвешенные заявления французского президента Н. Саркози о «неспособности мусульман присоединиться к цивилизованным странам», итальянского премьера С. Берлускони о «превосходстве западной цивилизации над исламской» и Дж. Буша-младшего о «крестовом походе» против терроризма (The Independent. 23.04.09).

Мусульмане Ближнего Востока, предки которых в далеком Средневековье немало страдали от крестоносцев, отнесли слова американского президента на свой счет. Отнюдь не случайно в этом контексте появление в риторике У. бен Ладена и его окружения призывов к мусульманам освежить историческую память и отразить всеми силами и средствами «натиск новых крестоносцев».

О бездумном предвзятом отношении Запада красноречиво свидетельствовал «карикатурный скандал», вспыхнувший еще в сентябре 2005 г. после публикации в одной из датских газет оскорбительных для мусульман сатирических рисунков, персонажем которых был пророк Мухаммед. Исламский мир, как и следовало ожидать, не остался равнодушным и ответил на эту провокацию волной массовых демонстраций и погромов западных представительств. В адрес художников и редакции посыпались угрозы физической расправы, и они были вынуждены скрываться и просить защиты у полиции (Независимая газета. 21.03.08). К началу 2010 г. в результате «антикарикатурных» столкновений погибло полсотни человек. В первый день 2010 г. датской полиции удалось сорвать очередное покушение на одного из авторов святотатственных рисунков — К. Вестергаарда. Престарелый незадачливый «сатирик» с внуком чудом избежали топора «народного мстителя» из Сомали, поддерживавшего, как выяснилось в ходе следствия, контакты с террористическими группировками «Аль-Каида в Магрибе» и «Аш-Шабаб» (EuroNews. 03.01.10).

Только через пять лет после первых скандальных публикаций, в феврале 2010 г. лишь одна из «отличившихся» датских газет — «Политикен» сочла нужным публично извиниться перед мусульманами за «шаг, ранивший их религиозные чувства», резервируя в то же время за собой право на перепечатку оскорбительных шаржей. Другие замешанные в этом деле издания сочли такой разумный поступок «капитуляцией и отступлением от свободы самовыражения» (Ashark Alawsat (далее: А. А.). 27.02.10). За такую «свободу» скандальный карикатурист — провокатор К. Вестергаард в сентябре 2010 г. был даже удостоен Потсдамской премии СМИ, на церемонии вручения которой присутствовала сама канцлер ФРГ А. Меркель (Известия. 10.09.10). В том же месяце в Дании с молчаливого согласия властей и несмотря на протесты Организации Исламская конференция (ОИК), объединяющей большинство мусульманских стран, вышла целая книга с оскорбительными карикатурами на пророка Мухаммеда (А. А. 01.11.10).

Любители острых политических карикатур с мусульманской стороны не остались в долгу: в сентябре 2009 г. «Арабская европейская лига» распространила рисунок, в издевательской форме оспаривавший сам факт холокоста, что еще больше разожгло межконфессиональное недоверие и напряженность. Прокуратура Нидерландов в этой связи объявила о намерении предъявить Лиге обвинения в разжигании национальной розни (Первый канал. 03.09.09).

В середине сентября 2006 г. последовал еще один скандал, на этот раз вызванный неосторожным цитированием Папой Бенедиктом XVI высказывания византийского императора Мануила II Палеолога о том, что пророк Мухаммед своей идеей «священной войны» привнес в мир «злое и бесчеловечное».

В России к вновь осложнившейся взрывоопасной ситуации отнеслись со всей серьезностью. Совет Муфтиев РФ расценил высказывания Бенедикта XVI как «неудачную и неуместную для современной действительности иллюстрацию». Он призвал Папу Римского «принять верное решение и принести свои извинения», а власти и народы мусульманских стран — «сделать все, чтобы пожар конфронтации не разгорался».

Понтифику пришлось публично объясняться, чтобы сбить волну протестов и беспорядков, нараставшую в мусульманском мире. Однако сделал он это весьма неуклюже, чем вызвал еще большее недовольство мусульман. «Реакция Папы, — нелицеприятно отмечала в те дни лондонская «Гардиан», — на волну возмущения в мусульманском мире, вызванную его словами, была еще более оскорбительной, чем сами эти высказывания. Он извинился не за свои слова, а фактически за мусульман, которые, дескать, не смогли понять, что он имел в виду. Высказывания Папы служат для мусульман от Танжера до Джакарты убедительным свидетельством того, что против них в открытую ведется война — причем сразу на трех фронтах: политическом, военном и религиозном. Понтифику не стоит удивляться, что его слова вызвали столь мощную реакцию в исламском мире: мусульман до глубины души возмущают попытки отбросить их назад, в эпоху колониализма и “цивилизаторской миссии” Запада».

Папскому престолу пришлось пойти еще дальше: 25 сентября 2006 г. Бенедикт XVI впервые в истории римско-католической церкви принял в своей летней резиденции представителей мусульманских общин.

Однако и этот беспрецедентный шаг не снял напряженности, возникшей в результате неосторожных аллюзий понтифика.

В ноябре 2006 г. впервые в истории в обстановке протестных демонстраций мусульманского населения облаченный под сутаной в бронезилет Папа посетил Турцию. Его совместная с местным Верховным Муфтием служба в главной мечети Стамбула должна была сгладить прежние обиды, открыть новую страницу в отношениях католиков и мусульман. Чтобы еще в большей степени понравиться принимавшей стороне Папа на 180 градусов изменил свою прежнюю негативную позицию и высказался за прием Турции в Евросоюз.

Курс Ватикана на диалог с мусульманским миром был продолжен в ходе паломничества Бенедикта XVI в Святую Землю в мае 2009 г. Стоя в Вифлееме перед возведенной оккупантами стеной, искусственно разделившей «по живому» библейский город, он к неудовольствию израильских властей в своей молитве сделал акцент на прекращении насилия и страданий палестинского народа, нуждающегося в независимом государстве (Le Temps. 15.05.09).

Отрицательное отношение исламского мира к антимусульманским вывертам Запада, как и в целом, уроки истории (вспомним в этой связи хотя бы убийство на этно-конфессиональной почве в 2004 г. голландского режиссера Т. ван Гога), как обычно, никого и ничему не научили. В июле

2007 г. произошел новый скандал, на этот раз вокруг посвящения Елизаветой II в рыцарское звание С. Рушди, печально известного автора провокационных «Сатанинских стихов», опубликованных еще в конце 80-х гг. и преданных анафеме тогдашним руководителем Ирана Аятоллой Хомейни. Приговоренный им к смерти этот литератор был вынужден в течение девяти лет скрываться в Британии в подполье, опасаясь приведения вердикта в исполнение.

Реакция в мусульманском мире не заставила себя долго ждать. С протестами выступили Иран и Пакистан, второй человек в «Аль-Каиде» А. аз-Завахири в интернет-обращении пригрозил королеве и Т. Блэру «точным ответом» на такой провокационный шаг.

Урок, как показали последующие события, оказался не впрок. В конце августа 2007 г. в одной из шведских газет был напечатан новый сатирический рисунок, на этот раз изображавший пророка в виде собаки, считающейся у мусульман нечистым животным. Такой провокационный выпад, разумеется, не только не способствовал ослаблению напряженности по линии Запад—мусульманский мир, но и подбрасывал дополнительный выигрышный пропагандистский материал исламским радикалам. Представители «Аль-Каиды в Ираке» назначили за голову художника-святоотатца Л. Вилкса приз в 100 тыс. долл. и потребовали от правительства Швеции официальных извинений, пригрозив в противном случае терактами в присутственных местах и официальных учреждениях. Извинений потребовал и совет мусульман Швеции.

Цепочка антиисламских провокаций на этом не закончилась. В феврале 2008 г. после того, как была раскрыта подготовка покушения на одного из авторов издевательских для мусульман карикатур, датские газеты, провокационно демонстрируя свою «приверженность свободе слова», вновь воспроизвели одну из них, где пророк Мухаммед изображался в тюбани в виде бомбы (The Washington Post. 20.03.08). Кстати сказать, оскорбление было двойным, так как Ислам категорически запрещает изображать пророка даже в благоприятном свете.

В ответ У. бен Ладен не замедлил разразиться в адрес радетелей свободы самовыражения гневной филиппикой и пригрозил им всеми возможными карами. «Если вы необузданны в своих словах, — заявил он в одном из видеообращений, — то будьте готовы к тому, что мы будем необузданны в своих действиях» (The Washington Post. 20.03.08).

Через месяц в Интернете появился короткометражный документальный фильм с вызывающим названием «Фитна» (по-арабски смута), состряпанный голландским парламентарием, лидером правой Партии свободы Г. Вильдерсом. В нем безосновательно утверждалось, что некоторые положения Корана — «фашистской книги» наподобие «Майн Кампф» провоцируют терроризм, и содержался провокационный призыв к борьбе с «исламской идеологией» (Плещунов Ф. О. Великобритания и ислам: толерантность против свободы слова // www.iimes.ru).

На этот раз власти Нидерландов (из 16 млн жителей 1 млн мусульман) проявили благоразумие, запретив публичный показ этой провокационной поделки. Фильм и его создателя подвергли критике генсек ООН, Евросоюз, Совет Европы, генсек ОИК и многие мусульманские государства. Сам «автор», опасаясь за свою жизнь, был вынужден, как и С. Рушди, запросить

круглосуточных телохранителей, менять квартиры и секретарей. В начале 2009 г. британские власти, опасаясь резкой реакции местных мусульман, сочли благоразумным воспрепятствовать въезду в страну печально прославившегося Г. Вильдерса. Игнорируя запрет, он заявился, было, в лондонский аэропорт Хитроу, откуда был с позором выдворен восвояси. В октябре он предпринял новую попытку появиться у британского парламента, но был изгнан мусульманами с возгласами «Аллах наивелик!» А в январе 2010 г. в Амстердаме над этим правым экстремистом начался судебный процесс по обвинению в разжигании межрелигиозной вражды (А. А. 21.01.10). Однако тот не унимался: уже находясь под судом, он предложил провести в Нидерландах по примеру Швейцарии референдум о запрещении строительства минаретов (Попов В. В. Цивилизационный разлом. Усиление противостояния исламского и западного миров // www.mgimo.ru).

На волне нараставших антиисламских настроений в Западной Европе Партия свободы на местных выборах в Нидерландах в феврале 2010 г. одержала неожиданную победу. А уже в марте ее гиперактивный лидер Г. Вильдерс, несмотря на протесты британской общественности, вновь объявился в Лондоне со своей провокационной киноподелкой «Фитна», продемонстрировав ее теперь уже не кому-нибудь, а членам палаты лордов, что в мусульманских кругах Западной Европы было, разумеется, расценено как провокационный шаг (The Washington Post. 05.03.10).

«Россия, — отмечалось в марте 2008 г. в сообщении МИД РФ для СМИ, — последовательно выступающая за налаживание межкультурного диалога, взаимное уважение и учет обычаев и традиций различных религиозных конфессий, решительно осуждает демонстрацию этого фильма и расценивает его как провокационный, способный привести к тем же негативным последствиям, как недавняя история с публикацией в ряде европейских СМИ карикатур на пророка Мухаммеда» (www.mid.ru.31.03.08).

В первом квартале 2008 г. в бельгийском Антверпене состоялся слет правых партий стран ЕС, выступивший против «исламизации Европы» и потребовавший прекратить строительство мечетей (их число перевалило за 6 тысяч), являвшихся, по мнению участников этого шаша, «рассадниками экстремизма и терроризма», запретить ношение хиджаба (паранджи) и жертвоприношения животных. Слет принял хартию, под которой подписалось 28 европейских правых партий. Один из лидеров бельгийских радикалов Ф. Дьонтр позднее изложил аналогичные взгляды, добавив к ним требование о сокращении иммиграции из мусульманских стран в Европу, в вышедшей через год книге под издевательским арабизированным названием «Иншаалла» («Если захочет Аллах»). (А. А. 03.03.09).

Осенью 2008 г. в Нидерландах прошла новая провокационная затея: в г. Гуда провели выставку фотографий, представлявших в неприглядном виде пророка Мухаммеда и его последователей. «В России, — отмечалось по этому поводу в сообщении МИД РФ для СМИ, — резко осуждают эту акцию и призывают все стороны воздерживаться от шагов, которые могут осложнить межкультурное согласие».

В череду антиисламских акций в Европе вписывались и несуразные результаты референдума, инициированного в Швейцарии в ноябре 2009 г. правой Народной партией вопреки позиции федеральных властей, о запрещении строительства в стране новых минаретов (на 200 действовавших в

то время в стране мечетей их приходилось всего 4). Это решение 57,5 % из принявших участие в голосовании, как и следовало ожидать, вызвало волну негативных откликов на Западе и, разумеется, в исламском мире. В ЕС его мягко назвали «вызывающим удивление», а в России Совет Муфтиев жестко счел итоги всенародного голосования в Швейцарии «вспышкой религиозной нетерпимости». О нарушении религиозной свободы заявил и Ватикан (РТР. 01.12.09). Спецдокладчик ООН по вопросу о свободе религии и убеждений А. Джахангир выразила обеспокоенность в связи с результатами референдума. Запрет, по ее мнению, стал «неоправданным ограничением свободы исповедовать религию» и представлял собой «явную дискриминацию в отношении членов мусульманской общины в Швейцарии» (Интерфакс. 01.12.09). Верховный комиссар ООН по правам человека Н. Пиллей назвала принявший такое решение референдум «чрезвычайно неудачным шагом», разжигавшим ксенофобию (Коммерсант. 04.12.09; The Washington Post. 01.12.09).

«Это — нарушение прав мусульман, проживающих в Швейцарии», — констатировал генеральный секретарь Лиги арабских государств А. Муса (РИАН. 02.12.09). Муфтий Египта А. Гумма присоединился к хору протестовавших, заявив, что принятое в Швейцарии решение «не только нарушает свободу вероисповедания, но и оскорбляет чувства мусульманской общины в этой стране и за ее пределами» (РИАН. 30.11.09). Турецкий премьер Р. Эрдоган заявил, что итоги референдума свидетельствовали «о растущем влиянии расизма и фашизма в Европе». Главный переговорщик Турции с Евросоюзом, госминистр Э. Багыш призвал богатых представителей исламского мира переводить свои накопления из банков Швейцарии в банки его страны, а Ливия в знак протеста даже предложила удалить из Женевы представительства органов ООН (А.А. 03.12.09). Это предложение было поддержано К. Бильдтом, министром иностранных дел Швеции, председательствовавшей в тот период в ЕС (The Washington Post. 01.12.09).

Наиболее острую и реалистичную оценку результатов швейцарского референдума дал ливийский лидер М. Каддафи: «Запрет на строительство минаретов, за который проголосовала Швейцария в ходе недавнего референдума, — огромная услуга и хороший подарок “Аль-Каиде”, а также всем, кого Запад считает исламскими террористами. “Аль-Каида” в действиях Швейцарии обрела лучшее подтверждение своим утверждениям о том, что Европа — враг, сеющий ненависть, с которым необходимо воевать до победы». Он призвал страны Запада при принятии подобных решений «подумать и учесть свои экономические интересы в исламском мире». «Вы нуждаетесь в нефти, нуждаетесь в газе, нуждаетесь в портах, нуждаетесь в море, нуждаетесь в солнечной энергии, нуждаетесь в инвестициях. Так думайте, прежде чем принимать подобные неосторожные решения», — эмоционально подчеркнул М. Каддафи. (РИАН. 06.12.09; Haaretz. 07.12.09).

Реакция же исламских активистов, действовавших от имени 400 тыс. живущих в Швейцарии мусульман (на 7,5 млн населения), была настораживающей. У офисов Народной партии прошли многолюдные пикеты и митинги. В ответ была осквернена мечеть в Женеве (The New York Times. 30.11.09). В накалявшейся обстановке министр иностранных дел Конфедерации М. Кальми-Ре с тревогой признала, что результаты голосования могли представить угрозу для национальной безопасности страны (Der Spiegel.

02.12.09). Берн под угрозой обострения внутренних межконфессиональных отношений и осложнения финансово-экономических связей с исламским миром был вынужден оправдываться. Власти стали ссылаться на то, что голосование инициировала ультраправая партия, а они де убеждали население не поддерживать эту идею.

Зато европейские правые дружно приветствовали результаты швейцарского референдума. «Даже терпеливая Швейцария устала от экспансии мусульманской иммиграции», — заявила в коммюнике сенатская фракция итальянской коалиции «Дом свободы» премьер-министра С. Берлускони (Время новостей. 01.12.09).

Много шума в марте 2010 г. наделало судебное разбирательство с коренной американкой К. Лароуз, ставшей под влиянием исламистской пропаганды мусульманкой и взявшей боевой псевдоним Джихад-Джейн. С пятью сообщниками она вербовала людей для участия в джихаде через Интернет. В августе 2009 г. она выезжала в Западную Европу, чтобы подготовить отмищение Л. Вилксу — шведскому художнику, автору святотатственной карикатуры на пророка Мухаммеда (Независимая газета. 19.03.10).

По ее стопам в мае 2010 г. пошли двое косоваров, попытавшихся поджечь жилище художника-святотатца, который к тому же до этого заработал удар головой в живот в ходе нападения на университетской конференции в Стокгольме (Le Monde. 16.05.10).

Карикатурный скандал воздействовал и на жителя Чикаго Д. К. Хэдли, признавшего в марте 2010 г. под следствием в своих намерениях совершить диверсию против одной из датских газет, опубликовавших злонамеренные рисунки (РИАН. 19.03.10).

В том же месяце напряженность в отношениях между право-радикальными европейцами и мусульманами вылилась в открытые потасовки на ступенях городской мэрии в британском Болтоне, в ходе которых несколько человек, в том числе и полицейские, были ранены, а свыше 70 с обеих сторон — арестованы (Россия 24. 21.03.10).

Не способствовала межэтническому и межрелигиозному взаимопониманию развернутая в ряде европейских стран (Бельгия, Франция и некоторые другие) пропагандистская возня вокруг законодательного запрещения ношения в общественных местах традиционных для мусульманок бурки и никаба (паранджи и хиджаба) (Независимая газета. 01.04.10). Правозащитные организации Бельгии выразили серьезное опасение по поводу возможных межэтнических и межрелигиозных столкновений в стране, когда запрет на ношение этих элементов традиционной мусульманской женской одежды был впервые законодательно закреплён.

Одобрение (один депутат против и ряд партий не участвовал в голосовании) нижней палатой национального собрания Франции в середине июля 2010 г. аналогичного законопроекта вызвало неоднозначную реакцию во французском обществе, где, по самым скромным подсчетам, каждый пятый был мусульманином, и, прежде всего, в среде правозащитников (EuroNews. 14.07.10). Исламский мир не замедлил с отрицательной реакцией: через несколько дней в Пакистане прошли многотысячные демонстрации протеста под антизападными лозунгами (EuroNews. 18.07.10).

Межэтнические отношения во Франции к лету 2010 г. достигли нового накала после вспыхнувших в Гренобле беспорядков, напомнивших бурные

столкновения в предместьях Парижа 2005 г. Высказывания на сей счет официальных лиц не всегда способствовали разрядке обстановки. Министр внутренних дел Б. Ортефе в июне был оштрафован на 2,7 тыс. евро за расистские высказывания («Когда араб один, это нормально, но когда их много, вот тут начинаются проблемы») (Газета. 05.06.10). Ситуация еще более обострилась после одобрения французским сенатом запрета на ношение мусульманками предметов традиционной одежды (против голосовал лишь один сенатор).

В результате непродуманных действий поборников «свободы слова и самовыражения», как пришлось признать в марте 2010 г. комитету по делам общин и местного самоуправления британского парламента, «реализуемая правительством стратегия противодействия насильственному экстремизму заклеила позором мусульман и вместо взаимодействия с ними привела к их изоляции» (ИТАР-ТАСС. 30.03.10). А такой обратный ожидавшемуся результат грозил Великобритании, как и всей Западной Европе, дальнейшей поляризацией общества и новыми опасными вспышками межэтнических и межрелигиозных противоречий.

Обострявшаяся проблема межрелигиозных отношений в Европе вызвала нараставшую озабоченность и в США, о чем было прямо заявлено в ежегодном докладе госдепа по правам человека (А. А. 12.03.10). Да и самим американцам пришлось столкнуться с ярким проявлением такой проблемы, когда пастор малосенькой маргинальной религиозной общины из Флориды Т. Джонс вдруг сумасбродно объявил («свобода слова» все-таки) о намерении в день очередной годовщины трагических событий 2001 г. публично сжечь Коран. Вольно или не вольно он приурочил свою акцию к великому мусульманскому празднику разговения «Ид аль-Идха» после месячного поста священного месяца рамадан. В условиях наэлектризованной атмосферы в отношениях Восток—Запад и информационной глобализации эта подрывная «идея», на которую еще недавно никто бы и не обратил внимание, мгновенно облетела весь мир и, разумеется, вызвала в нем резкое неприятие. В Пакистане и Афганистане тысячи правоверных вышли на шумные демонстрации протеста, в ходе которых яростно жгли американские флаги и скандировали: «Смерть Америке, Западу и христианам!»

Такая спонтанная реакция лишний раз свидетельствовала о не спадавшей, несмотря на «протянутую руку» Б. Обамы исламскому миру, а, напротив, день ото дня нараставшей напряженности по линии Восток—Запад, в сферу которой волей-неволей в силу все той же информационной глобализации и религиозной принадлежности большинства местного населения втягивались и страны среднеазиатского региона.

В такой накалившейся обстановке командующий войсками США в соседнем Афганистане генерал Д. Петреус с обоснованной тревогой был вынужден предупредить о возросших рисках для «американских солдат, борющихся с терроризмом». К осуждению готовившегося святотатственного акта пришлось подключиться даже самому президенту Б. Обаме, вновь заверившему мусульман в лояльности своей страны к их вероисповеданию. А скандально прославившийся на весь мир дотоле никому не известный самодетельный пастор все не унимался, требуя отменить разрешение Белого дома на строительство мечети близ места расположения рухнувших «башен-близнецов» на Манхэттене (Россия 1. 10.09.10).

Когда этот номер не удался, провокатор ретировался, но бездумно посеянные им семена раздора дали ядовитые всходы: двое его коллег из других штатов священную книгу мусульман все-таки демонстративно сожгли.

Все эти трудно объяснимые с точки зрения здравого смысла шаги переводят противостояние Запада и Востока с государственного на общественно-бытовой уровень, и делают его всеохватным. Так во многом сбывается мрачное предсказание С. Хантингтона о грядущем «столкновении цивилизаций», которое якобы станет двигать историей. А такое «движение» в наш глобализованный и насыщенный оружием массового поражения век грозит человечеству немалыми бедами.

Взять хотя бы неизбежную проблему все тех же гастарбайтеров с Востока. Уже убедительно доказано, что без них дряхлеющей по возрасту своего коренного населения Европе просто не выжить. Расширяющийся год от года импорт дешевой рабочей силы из мусульманского мира ведет к нарастанию исламского фактора во внутренней жизни европейских стран. И его никакими запретами и препонами не остановить. Вместо того чтобы искать точки соприкосновения и общие интересы с прибывающими работниками, европейские политики и общественные деятели взялись защищать от «мусульманского нашествия» христианские ценности. Возникающее таким образом все большее отчуждение грозит взрывами помощнее уже упоминавшихся событий в предместьях Парижа.

АКТИВНАЯ ЛИНИЯ РОССИИ

Таким образом, многие условия для активизации псевдопатриотической, а на деле подрывной деятельности исламистов в странах Центральной Азии налицо. Нет нужды много говорить о том, что усиление их влияния в корне противоречат интересам России в этом ее «мягком подбрюшье», которое вполне может превратиться в жесткое. Этого хотят не только зарубежные исламистские доброхоты, но и геостратегические конкуренты России.

Для профилактики такого развития обстановки у Москвы есть неоспоримые козыри: это и разветвившиеся за долгие десятилетия советской власти многообразные связи, и еще действующие воспитанные в пророссийском духе руководящие кадры, и сохраняющиеся пока светские модели социально-политической жизни. И, конечно же, нельзя недооценивать такие форматы взаимодействия как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС.

Россия активно включилась в формирование благоприятных политико-дипломатических условий для решения глобальной задачи по налаживанию междоцивилизационного диалога. В июне 2005 г. она получила статус наблюдателя в ОИК. В 2008 г. при штаб-квартире этой организации в саудовском городе Джидде было учреждено российское постоянное представительство.

«Культурно-цивилизационное многообразие человечества — заявил министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, радушно встреченный на саммите ОИК в марте 2008 г. в Дакаре, — фундаментальная характеристика нашей эпохи. Все значение этого фактора раскрывается только сейчас, когда с окончанием “холодной войны” глобальная конкуренция приобретает цивилизационное измерение. Главное — чтобы эта конкуренция была честной. Залогом мирного сосуществования и стабильного развития каждого государства служит полноценная реализация потенциала всех культурных и ре-

лигиозных традиций. Без уважения нравственных начал нельзя обеспечить права человека.

У нас широкое поле взаимодействия в международных делах. В лице России вы всегда найдете союзника в усилиях по обеспечению справедливости и равноправия в современном мире, демократизации международных отношений, чтобы каждое государство, независимо от его размера и цивилизационной принадлежности, могло рассчитывать на достойное место в сообществе наций, на равную защиту международным правом... Защищая международную законность, мы отстаиваем жизненно важные интересы всех без исключения членов мирового сообщества. Мы не приемлем деление государств и народов на разные категории, когда за одними признается меньше прав, чем за другими». (www.mid.ru. 14.03.08).

В марте 2009 г. для участия в Специальной международной конференции по Афганистану под эгидой ШОС в Москве находился генсек ОИК Э. Ихсаноглу, который был принят Президентом РФ Д. А. Медведевым.

Только в 2009 г. в качестве государства-наблюдателя Россия участвовала в работе 36-й конференции министров государств-членов ОИК в Дамаске, в традиционной министерской встрече государств — членов и наблюдателей этой организации «на полях» Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, а также в экономическом саммите ОИК и юбилейном 25-м заседании постоянного комитета по экономическому и торговому сотрудничеству ОИК в Стамбуле (www.mid.ru. 18.12.09).

В сентябре 2007 г. в ходе 62-й сессии Генассамблеи ООН Россия выдвинула инициативу о создании под эгидой этой всемирной организации Консультативного совета религий — диалогового форума, предполагающего регулярные встречи представителей наиболее важных конфессий мира по вопросам международной повестки дня.

Россия также поддерживает многостороннее взаимодействие в рамках созданного в 2005 г. под эгидой генсека ООН Альянса цивилизаций (АЦ). Его цель — консолидация усилий государств и гражданского общества для преодоления раскола и отчужденности культур, недопущения цивилизационного раскола. Приоритетами работы АЦ являются образование, молодежная политика, СМИ и миграция. Россия входит в Группу друзей Альянса, общая численность которой насчитывает 127 членов.

24 сентября текущего года «на полях» 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась министерская встреча Группы друзей АЦ. Ее участники высказались за использование Альянса в качестве инструмента «мягкой силы» в руках ООН, с упором на развитие межкультурного диалога и превентивные действия по предотвращению конфликтных ситуаций. Важное значение в этом процессе призваны сыграть укрепление религиозной составляющей, а также парламентская дипломатия. Большое внимание было уделено новому измерению в деятельности Альянса, связанному с развитием регионального сотрудничества. Разрабатываются региональные стратегии по развитию межкультурного диалога, предпринимаются первые шаги в направлении выработки аналогичного документа для Центральной Азии.

С российской стороны была высказана принципиальная поддержка развитию этого процесса. Выражена заинтересованность в том, чтобы многовековой российский опыт гармоничного межкультурного и межконфессио-

нального общения, мирного общежития многочисленных народов и этносов был бы востребован. Россия, которая на протяжении целого ряда столетий выступает в качестве естественного межцивилизационного моста, связующего Европу и Азию, имеет значительный потенциал в этой области (www.mid.ru. 25.09.10).

Аналогичная работа проводится по линии ЮНЕСКО и других организаций ООН. Выступая с трибуны 64-й сессии ГА ООН, Президент России Д. А. Медведев отметил, что «мы считаем крайне полезным создание при Генеральном директоре ЮНЕСКО Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу. Это особенно актуально в преддверии 2010 года, который объявлен Организацией Объединенных Наций Годом сближения культур» (www.mid.ru. 24.09.09).

Активные шаги по взаимодействию с исламским миром предпринимались и на неправительственном уровне. В июле 2006 г. по инициативе Русской православной церкви в Москве прошел Всемирный саммит религиозных лидеров. В том же году был создан Центр исламских и арабских исследований для развития связей с научной общественностью мусульманских государств и подготовки специалистов-исламоведов. Большой вклад в развитие связей России с мусульманским миром вносит Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, а также телеканал «Россия сегодня» на арабском языке.

Межцивилизационный диалог находится в центре внимания созданной в 2006 г. по российской инициативе Группы стратегического видения (ГСВ) «Россия — исламский мир». В ее формате в 2008 г. в Москве прошли две международные конференции — «Россия и исламский мир» и «Ислам победит терроризм». По оценке автора, участвовавшего в их работе, эти форумы внесли весомый вклад в выработку общих подходов к оценке такого опасного феномена современной международной жизни, как терроризм, и рассмотрение путей совместного противостояния ему. В октябре 2009 г. в Москве прошла представительная международная конференция «Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности».

В октябре 2008 г. в Джиdde состоялось четвертое заседание ГСВ, где была выражена поддержка российской инициативе по созданию под эгидой ООН Консультативного совета религий, созвучной предложению короля Саудовской Аравии об активизации межрелигиозного диалога.

«Россия в качестве наблюдателя в Организации Исламская конференция настроена на расширение конструктивного диалога с исламским миром, который будет способствовать созданию более справедливой системы международных отношений», — указывалось в приветственном послании Президента РФ Д. А. Медведева участникам и гостям пятой встречи ГСВ в декабре 2009 г. в Кувейте (ИТАР-ТАСС. 21.12.09). Его участники выступили с предложением обсудить вопрос о начале широкого движения интеллигенции, деятелей культуры, искусства и религии за партнерство цивилизаций, которое могло бы базироваться на традиционном тесном сотрудничестве России и исламских государств» (www.mgimo.ru 11.01.2010).

Важным шагом в этом направлении стало подписание в декабре 2009 г. Меморандума об учреждении Российско-Арабского форума сотрудничества (Интерфакс. 29.03.10). Начались консультации о формировании системы стратегического диалога по линии Россия — Совет сотрудничества арабских

государств Персидского залива, призванные заложить перспективные механизмы партнерских отношений по различным направлениям (www.mid.ru. 06.05.10).

Заметный вклад в поощрение контактов представителей интеллектуальной, политической, культурной, духовной и деловой элит со всех континентов вносит созданный по инициативе российской общественности Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», который в 2006 г. был зарегистрирован в Вене в качестве международной НПО (www.mid.ru. 15.05.09). В октябре 2009 г. на греческом острове Родос прошла VII ежегодная сессия этой организации, в работе которой приняло участие свыше 400 человек из более 60 стран мира (Интерфакс. 08.10.09).

А в конце июня 2010 г. в Москве прошла представительная Международная научно-практическая конференция «Россия и исламский мир: сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман», организованная Институтом востоковедения Российской академии наук.

Укрепляются контакты России с исламскими государствами и в сфере экономики и финансов, о чем свидетельствовала прошедшая в июне 2008 г. в Казани международная инвестиционная конференция под эгидой Исламского банка развития. Развиваются связи и в гуманитарной сфере, в том числе и с Исламской организацией по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО).

Предпринимаются и другие активные шаги по утверждению в мировой политике и международном общественном мнении императива сохранения культурно-цивилизационного разнообразия как основы гармоничного мирового развития, по формированию полицентричной международной системы, основанной на принципах справедливости, равенства всех государств и солидарности перед лицом общих вызовов и угроз (www.mid.ru. 02.10.09).

* * *

Вместе с тем эти позитивные наработки не застрахованы от размывающего воздействия фактора времени, а также соперничества за Среднюю Азию со стороны региональных и глобальных сил. Все это настоятельно требует повышенного и приоритетного внимания к сохранению и преумножению связей России со странами этого геостратегически важного для нее региона.

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МЕЧТА?*

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». Живет в Москве.

*Материал подготовлен на основе выступления перед членами Совета по правам человека ООН.

Не существует цивилизаций или государств, где идеи свободы, равенства, защиты прав человека не имели бы первостепенного значения. Однако в нашем многоликом мире толкование этих основополагающих и крайне важных понятий не одинаково. Да, мир сегодня взаимозависим, однако это не значит, что он однороден. В этом его богатство и красота.

Несмотря на то, что многочисленные ответвления рационалистической и формационной теории и продвигают идею о глобальном сверхобществе, слишком многие уважаемые во всем мире человеческие ценности не могут интерпретироваться одинаково. Многие религиозные и рационалистические концепции основаны на совершенно различных парадигмах отношений человека с Богом и материальным миром, с ближними и с обществом, с природой и Вселенной. Народы создавали разные этические системы, основанные на представлениях каждой культуры о грехе и добродетели, о правде и лжи, о добре и зле, и именно благодаря этому они и стали явлениями мировой истории и культуры. Различные цивилизации принимали собственные кодексы чести и долга, придавая свое значение категориям свободы и прав человека, вырабатывали свою этику отношений мужчины и женщины, родителей и детей, и выстраивали свое видение правовых норм и государственного управления.

Современное общество многогранно, именно поэтому демократия признана оптимальным механизмом, регулирующим сосуществование и взаимодействие различных частей в обществе, утратившем в XX веке единую религиозно-философскую основу. Истинная демократия необходима для сохранения взаимопонимания, взаимоуважения и плодотворности.

творной интеграции. Демократия должна охраняться и поддерживаться не только внутри государства, но в отношениях между государствами и цивилизациями. Важность проблематики прав и свобод человека для современного общества настолько велика, что она неизбежно становится предметом политических манипуляций и средством политического давления.

Демократия — идеал, еще не достигнутый в международных отношениях. В отношении определенных государств создаются стереотипы и предрассудки, в то же время формируются непогрешимые образы других стран, выступающих все более самонадеянно в роли менторов, обладающих эксклюзивным правом устанавливать критерии, судить и наказывать без оглядки на международное право.

Глава 1 Устава ООН под названием «Цели и принципы» не отдает предпочтения ни одной общественно-политической системе, в ней вообще не упоминается слово «демократия», однако с абсолютной однозначностью утверждается суверенное равенство всех субъектов международных отношений. Это означает абсолютное равноправие республики и монархии, религиозного и секулярно-либерального (западного типа) общества. С точки зрения международного права и Устава ООН они равноценны и между ними нет отношений высшего к низшему, прогрессивного к отсталому.

Вопреки распространенному заблуждению, в мире нет единого и всеми признаваемого свода критериев и подходов ко всем аспектам категории прав и свобод человека. А это, в свою очередь, ведет, с одной стороны, к возможности нарушать права человека, а, с другой стороны, к возможности применять двойные стандарты. Устав ООН увязывает провозглашение и соблюдение прав человека с такими основными принципами международного права, как невмешательство во внутренние дела государств и признание их суверенного равенства. Он дает согласованный перечень основных прав человека, не давая им содержательного толкования. Очевидно, что это не случайно, ибо толкование содержания прав слишком зависит от ценностных критериев различных цивилизаций. Похоже, настало время провести серьезное изучение интерпретаций категории прав человека представителями различных культур.

Разработка подобной методологии позволила бы нам понять, почему одни и те же конституционные правовые нормы по-разному осуществляются на практике в культурах, имеющих различные религиозно-философские основы.

Новый Совет по правам человека мог бы инициировать серьезный разговор на тему природы человека, так как современная антропология провоцирует серьезные противоречия между религиозной традицией и гуманизмом сегодняшнего дня, более всего подходящим на большевизм.

Как всем нам известно, изначальный универсальный призыв ко всем народам защищать основные права и свободы человека содержится в Уставе ООН. И именно в нем было также провозглашено уважение к традиционным ценностям различных культур.

Сегодня те, кто громче всех кричит о защите прав человека, с ненавистью обрушиваются на традиционные ценности и моральные критерии, идущие от религиозно-философских основ цивилизации. Мишенями для нападок также становятся естественные институты, обеспечивающие преемственность традиционных ценностей, такие как семья. В Европе сегодня христианин лишается

своей должности, осмелившись публично высказать суждение, являющееся частью вероучения. Так, например, ультралевые феминистки с тоталитарным рвением порицают традиционные концепции поведения и воспитания девочек, утверждая, что любое обращение к традиционным моральным устоям является препятствием к осуществлению прав и свобод человека. Хотелось бы напомнить, что самыми жестокими гонителями прав и личных свобод человека в XX веке были как раз режимы, отринувшие традиционные ценности в попытке революционного переустройства общества.

Основная движущая сила европейской концепции прав человека — идея о том, что существуют абсолютные, глубинные ценности, которые ни при каких обстоятельствах не должны нарушаться — пришла из греко-христианской традиции естественного права, которую развивали Аристотель, Цицерон («О законах»), на Западе — Блаженный Августин и Святой Фома Аквинский. Согласно этой концепции, существуют определенные объективные стандарты справедливости, добра и зла, и обязанность государства — поддерживать их. Государство не должно отходить от этих стандартов ни при каких обстоятельствах. В давние времена, если воля правителя — декрет или закон — противоречила моральным устоям и обязательствам, неподчинение ей было морально оправдано (пример — «Антигона» Софокла).

Согласно традиционной христианской концепции государства, правитель сам предстает перед Божественным судом. Его действия строго ограничены традиционными и нравственными нормами (не только религиозными, но и светскими — государственным законом, особыми правами и привилегиями, предоставленными определенным городам или сословиям, и пр.).

Идея равенства и свободы была придумана вовсе не Советом Европы! Эти принципы утверждаются уже в Великой хартии вольностей 1215 г., провозгласившей верховенство закона и заложившей основы уважения к основным правам и свободам человека. Русский князь Владимир Мономах в своем «Поучении» наказывает наследникам соблюдать христианский закон и не чинить произвол и насилие. То же читаем у св. Кирилла Белозерского.

Хотя Европа испытала на себе влияние множества культур, однако именно традиционная христианская система ценностей вдохновила европейцев на пылкую борьбу за справедливость и равноправие, основанное на учении о достоинстве каждого. Именно традиционное стремление достичь морального идеала в повседневной жизни во все времена вдохновляло борцов за свободу.

Ни один честный европейский историк не сможет отрицать, что именно благодаря христианскому представлению о человеческом достоинстве было постепенно осуждено и искоренено рабство, создан справедливый суд, приняты общественные социальные стандарты, сформирована утонченная этика человеческих отношений. Сама концепция прав человека — главная европейская идея — уходит корнями в традиционное христианское учение о достоинстве каждого отдельного человека.

Сегодня мы становимся свидетелями саморазрушительного отступления европейской цивилизации от своих собственных корней и попытки противоестественного отделения прав человека от традиционных нравственных ценностей. Однако о нравственных ценностях говорится даже в Европейской конвенции по правам человека, и правозащитное движение обязано это учитывать.

В основополагающем документе Совета Европы, Уставе (Статуте), подписанном в 1949 году, государства-подписанты вновь утверждают «свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии». Защищать права человека означает также защищать институты, обеспечивающие преемственность традиционных ценностей. Такими институтами, в первую очередь, являются община и семья — природная ячейка, где человек впервые учится терпимости и терпению, одновременно долгу, ответственности и милосердию и способности прощать. Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что именно «семья является естественной и основной ячейкой общества», а не индивид (Статья 16).

Основным гарантом соблюдения прав человека является, конечно, государство, задача которого — обеспечение справедливого разрешения конфликтов между противоречащими друг другу требованиями (правами) с помощью законодательства и в рамках политических границ. Отцы-основатели современной концепции общественного устройства, такие как Монтескье, утверждали, что хотя государство само нередко нарушает права индивидов, только государство в состоянии гарантировать соблюдение гражданских прав и свобод.

Важно понимать, что существует несколько поколений прав человека.

Первое поколение прав человека — это гражданские и политические права — равенство полов и национальностей, свобода совести, вероисповедания, слова, собраний и политических объединений, равенство перед законом полов и сословий, неприкосновенность жилища, недопустимость несанкционированного ареста и т. п. Эти права утвердились после Французской революции в борьбе против абсолютизма, деспотии, злоупотреблений католической церкви, неравенства сословий перед судом. Эти завоевания имеют бесспорную непреходящую ценность и давно стали всеобщими, они включены в Устав ООН.

Второе поколение — это социальные и экономические права. Это такие права, как право на труд, право на жилище, на равную оплату за равный труд, недискриминация по полу, расе, национальности, возрасту, запрет или ограничение детского труда, нормированный рабочий день, пенсии и доступ к медицинской помощи. Эти два поколения прав человека вошли в Устав ООН, во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, а также в Международные пакты о правах человека 1966 года. Надо отметить, что согласование содержания пактов заняло 18 лет, что отражает сложность выработки единых подходов и перечня, не говоря уже о критериях для столь разных цивилизаций и исторических, культурных и экономических условий мира.

Наконец, третье поколение прав человека — то, что вынесено на мессинское знамя нынешней «либертарной революции». Это так называемое исключительное право индивида на выбор любого поведения, невзирая на существующие традиционные понятия о морали. Именно эта категория прав человека вызывает весьма различное толкование в разных цивилизациях, а некоторые, крайние ее интерпретации, даже вступают в конфликт с нравственными устоями, присущими множеству цивилизаций и культур.

По иронии судьбы проповедники такой неограниченной свободы сами одновременно выступают за ограничение свободы суждения о таком поведении со стороны придерживающихся иных взглядов. Ведь консервативную часть европейского общества сегодня заставляют молчать абсолютно недемократическими, тоталитарными методами.

Это означает, что воинствующе либертарное толкование свободы и прав личности вступает в противоречие с первым поколением прав человека, то есть наступает на саму основу демократии — право на свободу вероисповедания, свободу совести и мнений.

Даже беглый анализ трех поколений прав человека показывает, что первое из них относится к понятию демократия, второе — к понятию социального государства, кстати, вытекающего из евангельских заповедей «обуть, одеть и накормить ближнего», а третье — к либерализму. Таким образом, мы оказались у черты, когда вырождение либерализма в либертарианство может уничтожить демократию.

Разумеется, демократия подразумевает защиту прав меньшинств. Но ни одна демократия не должна позволять представителям меньшинства покушаться на все, что свято для большинства.

Или же мы возвращаемся во времена теократии, с той лишь разницей, что в роли воинствующего клерикализма сегодня выступает атеистическое либертарианство, использующее тоталитарные методы своего побежденного собрата — коммунизма?

Демократия — это категория институциональная, функциональная, категория формы. Еще выдающийся немецкий философ права К. Шмитт подметил, что демократия «не имеет ценностного содержания и есть только форма организации». Она не требует единства мировоззрения и может осуществляться с участием разных идеологий. Только поэтому демократия и стала оптимальным механизмом в плюралистическом обществе без единого идеала.

Опыт применения демократии в XX веке демонстрирует массовое и достаточно успешное внедрение демократических конституций и институтов на всех континентах, что позволяет признать ее универсализм.

Но даже классический либерализм, не говоря уже о либертарианстве — это философия, мировоззрение, определяющее ценностное наполнение категорий гуманитарных прав человека, которое не может быть универсальным. На ранней стадии либерализм восставал против принудительно религиозного государства, в котором бесспорно ложно увязывались как, якобы, богоустановленные — сословное неравенство и внеэкономические основы общественной иерархии. Сегодня всё заметнее тревожные симптомы вырождения либерализма в либертарианство, которое становится нетерпимым к иным мировоззрениям, к любой традиции.

Один из основателей либеральной философии открыто провозгласил абсолютную свободу самовыражения индивида, каким бы экстравагантным оно ни было. Это означает полный отказ от понятия греха, без которого невозможно существование абсолютной морали, что неизбежно ведет к ценностному нигилизму, а значит, к деградации и упадку человеческой цивилизации.

Ценностный нигилизм — это, в сущности, философия конца истории. В таком случае для Европы заканчивается поиск смысла бытия, порожденный духом, остро чувствительным к грани добра и зла. Остается технократическая цивилизация. Это уже не метафизический «Рим» — незримый центр,

где свершается всемирно-историческое, это Рим языческий с его паническим страхом перед физическим несовершенством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством — водопроводом, термами, Колизеем и Форумом, уже был сметен Аларихом Вестготским.

Было бы абсурдным отрицать колоссальные достижения Европы и Запада в целом в сфере защиты прав человека. В России многое еще несовершенно. Однако для того, чтобы плодотворно развивать те же основы в России, необходимо учитывать культурно-исторический подтекст. И работать в первую очередь над восстановлением традиционных, национальных и религиозных ценностей, которые включают в себя четкие понятия о грехе и добродетели, возвышают совесть человека — основное и необходимое условие для развития гражданских и политических свобод. Восстановление и освящение моральными ценностями национального самосознания народа есть необходимое условие для формирования настоящего гражданского сознания и уважения к правам других. Только тот, кто ценит и любит свое наследие, способен с уважением и почитанием относиться к подобным чувствам других.

ВЫШЛА КНИГА

Важинская Ирина Николаевна

Розовое пламя. — СПб.: Издательство Гороховского, 2010. — 184 с.

Что такое поэзия? В чем особенности поэтической речи? Что означает для автора иметь собственный голос? Все эти на первый взгляд простые вопросы очень тесно связаны с проблемами преемственности традиций русской поэтической школы.

Стихийный разгул дилетантизма в области литературы, особенно поэзии, привел к тому, что полки книжных магазинов заполнила низкокачественная в содержательном и художественном смысле печатная продукция, хотя и красиво изданная, в ярких, словно конфетные обертки, обложках.

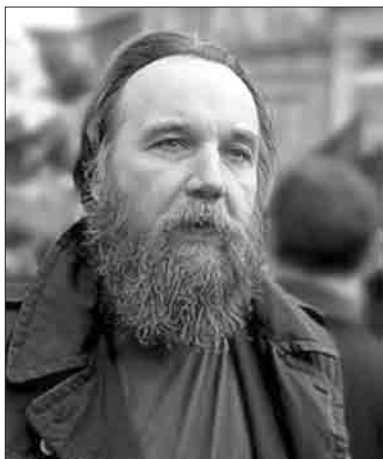
Постмодернистские, ложно-интеллектуальные игры со словами и смыслами, бездумное плавание в потоке сознания «на авось» — все это привело к другой крайности: переусложненности и перегруженности текстов, мелкотравчатой философии «творческого самовыражения» на уровне «тихо сам с собою», а читатель «пусть дорастет».

Обращение к творчеству трех выдающихся поэтов XIX века Евгения Баратынского, Федора Тютчева и Афанасия Фета позволило проследить линию развития русской поэтической школы.

В наши дни возникла настоятельная потребность сохранить чистым источником поэтической речи, освободить ее от наносных наслоений несущественного и затертого лексикона. Ведь в поэзии особенно ценно новое образное выражение, еще не воплощенное в живом слове.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Александр ДУГИН

МНОГОПОЛЯРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 году в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

ДЕКОНСТРУКЦИЯ, ПОЗИЦИИ, МИФЫ

Новый постялтинский мир требует новой стратегической архитектуры. Старая, в значительной мере сохранившаяся до сегодняшнего дня, обладает некоторыми отражающими реалии прошедших эпох свойствами. Двуполярным видением мира, признанием государств, наций «ньютоновским», линейным пониманием силового потенциала и стратегического превосходства (контроль над источниками энергии, финансовая мощь, количество боевых единиц, уровень вооружений). Сюда же относится восприятие границ как строгих линий, а также заинтересованность государств и правительств в первую очередь в удержании власти внутри страны и сохранении независимости от внешних источников влияния.

ПОСТЯЛТИНСКИЙ МИР И ЕГО УСЛОВИЯ

Условия постмодерна и крах восточного лагеря привнесли в международные отношения радикально новые черты. Это наличие и рост саморасширяющихся глобальных сетей; десоверенизация национальных государств и выход на первый план негосударственных акторов — финансовых корпораций, религиозных объединений, этносов, НПО; повсеместное распространение локальной рациональности (бытовой постмодерн); усиление роли «хаотических процессов» в технических, экономических и социальных областях; становление новой планетарной информационной среды; стирание и изменение национальных границ и установление границ нового типа — этнических, цивилизационных, религиозных, границ-полос (а не линий); новая психология правительств с

элементами постмодерна, непредсказуемости, ослабление и мутация воли к власти в пользу рассеяния, демократизации, децентрализации и экстерриториализации источников принятия решений.

Все это требует нового осмысления вопросов безопасности и идентификации глобальных угроз. В современном мире общая стратегическая модель представляется переходной: в значительной степени все еще действуют стереотипы ялтинского мира и модерна, но все больше нарастают факторы угроз и стратегий нового поколения. Образ того, от чего мы уходим, довольно ясен и выписан отчетливо, к чему мы идем — гораздо более расплывчато и условно. Цель транзиции глобальной стратегической системы безопасности не очевидна и не определена. Более того, здесь существуют альтернативы.

ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР И ЕГО БЕЗОПАСНОСТЬ

Одну из версий стратегической картины будущей глобальной безопасности предлагают аналитики и стратеги США. Согласно их видению, мы движемся к однополярному миру, состоящему из центра (ядра) и периферии. К ядру относятся страны НАТО (США, Европа и их союзники). На противоположном краю — слаборазвитые и недостаточно вестернизированные страны Азии, Африки, Латинской Америки. Между этими границами (центром и периферией) располагаются промежуточные страны — достаточно состоятельные экономически, но с ярко выраженной цивилизационной самобытностью, со специфическими политическими режимами и культурными особенностями, представляющими собой определенные препятствия для полной интеграции в ядро. Это в первую очередь страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), а также ряд бурно развивающихся экономик тихоокеанского региона.

Новая модель глобальной безопасности в однополярном мире строится на следующих принципах.

- Главным приоритетом глобальной безопасности является безопасность центра, сохранение, укрепление и расширение их планетарного контроля. Этот приоритет должен быть учрежден, утвержден и признан глобально: «Что хорошо для США, хорошо для всего человечества».

- Главным вызовом этой системе безопасности являются спорадические попытки периферии атаковать центр. Ярким примером этого служат события 9/11. Бен Ладен — символическая фигура, воплощающая в себе тень и агрессивные аспекты периферии (в цивилизационном, культурном и геополитическом смыслах).

- Глобальную сеть и появление новых акторов МО следует превратить в оружие центра для влияния на периферию, исключив или максимально ограничив возможности обратного процесса.

- Промежуточная зона между центром и периферией (БРИК и связанные с ними страны и территории) должна постепенно интегрироваться в центр через процессы глобализации и вестернизации. При этом не исключена и даже желательна фрагментация этих крупных геополитических образований и их разделение на разнородные территории — развитые анклавные ускоренно интегрируются в центр, слабо развитые «падают» в периферию.

- Социально-психологический и культурный код постмодерна должен внедряться аккуратно и неравномерно: центр сохраняет в той или иной

степени рационал модерна (волю к власти, рациональное мышление, учет силового баланса, способность к концентрации управленческих усилий), но одновременно имитирует «самодемократизацию», ускоряя тем самым фрагментацию периферии и промежуточных зон («демократия», по выражению американского стратега Стивена Манна, будет распространяться как «саморазвивающийся вирус»).

- Процесс десуверенизации национальных государств и появление новых негосударственных акторов должен проходить по алгоритму постепенной передачи властных полномочий наднациональным образованиям, контролируемым центром, или напрямую самому центру. При этом будет происходить «хаотизация», «дефрагментация», иногда «этнизация» национальных единиц. Основной проблемой здесь будет сохранение контроля со стороны центра или лояльных ему региональных менеджеров над видами вооружений и технологиями, способными причинить глобальный вред всей мировой системе.

В этом направлении и идет в настоящее время трансформация общемировой системы безопасности. При этом инструменты Запада эпохи ялтинского мира — военный блок НАТО, МВФ, ВТО, а также институты, служившие ранее для интеграции между собой капиталистических стран (Бильдербергский клуб, Давосский форум, Трехсторонняя комиссия и т. д.) — постепенно трансформируются в глобальные институты, способные обеспечить центру планетарный контроль.

ПОПАСТЬ В СЕТЬ

Контроль центра над миром требует новых механизмов и процедур, так как старые с этими проблемами просто не справляются. Полностью интегрировать в общую рационально действующую мировую систему все территории и народы центр не способен. Отсюда идея поддержания «управляемого хаоса» на периферии и сетевой принцип глобального контроля, жестко устанавливаемый только над точечными терминалами, вокруг которых будут бушевать слабо управляемые местные стихии при условии, что они не смогут всерьез повредить самой глобальной сети.

Способные и желающие подключиться к сети будут постепенно вестернизироваться и глобализироваться, впитывая механизмы новых моделей подчинения/приказания, на сей раз на основе не линейного иерархического управления, но кодовых модуляций и интеграций в динамически развивающиеся и постоянно перестраивающиеся системы (по аналогии с пульсацией мод, флуктуациями трендов и атаками навязчивых мировых брендов).

США и страны НАТО в настоящее время занимаются перестройкой глобальной системы безопасности именно в таком ключе, тестируя новые подходы, отлаживая сетевые структуры, проверяя эффективность основных механизмов глобального контроля в версии постмодерна.

МНОГОПОЛЯРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Признавая необратимость краха ялтинской системы и объективные изменения, связанные с постмодерном, можно было бы предложить альтернативный сценарий мироустройства и глобальной безопасности. Этот

сценарий можно назвать многополярным и ожидать, что его предложат те страны, которые в однополярной модели попадают в промежуточную зону, то есть страны БРИК. Для выдвижения какого-то внятного проекта у крайней периферии нет ни достаточных оснований, ни достаточного масштаба, поэтому выдвигаемые ею проекты будут носить заведомо экстравагантный и нереалистичный характер (как, например, идеи мирового «Исламского государства» или антиглобалистские призывы к «мировой анархии»).

Многополярный мир призывает решить сложившуюся глобальную ситуацию следующим образом. Надо распределить зоны ответственности за человечество между несколькими инстанциями, число которых будет больше двух, но гораздо меньше, чем количество нынешних номинально суверенных государств-наций. Приблизительно количество полюсов многополярного мира должно соответствовать числу мировых цивилизаций. Безусловными кандидатами на статус полюса обладают Китай, Россия, Индия, к ним примыкает интеграционный проект стран Латинской Америки (с ядром в Бразилии), возможное в будущем объединение исламских стран (арабских отдельно, евразийских отдельно) и в более отдаленной перспективе «Соединенные Штаты Африки». В случае успеха такой инициативы на самостоятельный полюс могут претендовать также Европа и Япония, в данный момент интегрированные в западный центр.

Каждый из полюсов многополярного мира организует зону своего приоритетного влияния, включая политическую, мировоззренческую, социальную, культурную, языковую и экономическую модель — Pax China, Pax Indiana, Pax Russica, Pax Latino-Americana и т. д. Границы между ними пройдут не по линии ныне существующих государственных рубежей, но по иным, более гибким и менее формализованным признакам (язык, этнос, культура, хозяйственная модель, религия и т. д.).

США и странам, входящим в центр однополярного мира, будет предложено удовольствоваться ролью полюса, решающего в границах своей цивилизации, но не обладающего глобальной гегемонией. Очевидно, что в такой ситуации речь пойдет о редукции глобального влияния Запада и о прямом конфликте со стратегией построения мира однополярного. В таком случае остаточные модели ялтинского мира, например ООН, смогут служить переходными инструментами к миру многополярному в противовес тем институтам, где доминанция Запада, особенно США, очевидна.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Именно США и НАТО в следовании их нынешнему курсу и должно быть оказано максимальное сопротивление со стороны тех стран, которые исторически заинтересованы в установлении многополярности. Для успешной реализации стратегической многополярности необходимо объединить усилия всех стран промежуточной зоны — в первую очередь БРИК. В перспективе так или иначе, но должен быть создан военно-политический союз на базе БРИК, ШОС и иных региональных интеграционных объединений. Этот союз должен активно проводить совместные учения, отлаживать управление вооруженными силами в случае военных действий, апробировать координацию, соучаствовать в развитии военно-технического потенциала друг друга.

Полюса многополярного мира (БРИК и другие) должны активно продвигать военно-стратегическую интеграцию в зонах своего контроля, вовлекая соседние страны, не имеющие потенциала стать самостоятельными полюсами, в пространство своего военного влияния. Для этого следует создавать на их территории военные базы, размещать ограниченный контингент войск, создавать смешанные военные бригады. Примером такого процесса может служить ОДКБ.

Полюса многополярного мира должны обеспечивать защиту от проявлений «хаотизации» на своих собственных территориях. В частности необходимо противодействовать сепаратистским и этноцентрическим настроениям, нивелировать негативные аспекты «демократизации». Возникновение и поведение новых неправительственных акторов должно контролироваться полюсами: одни должны поддерживаться, другие подавляться.

ПЕРЕХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Когда мы говорим о глобальной безопасности, то имеем в виду нечто неопределенное. Эта неопределенность, однако, легко раскладывается на три составляющие.

- Инерциальный дискурс ялтинского мира, лишенный содержания и подобный фантомной боли.

- Однополярный дискурс, где глобальная безопасность трактуется как безопасность центра. Это американская, атлантистская парадигма. К ней примыкает тот сегмент европейской политики, который строго следует в русле атлантизма. На сходных позициях (хотя и менее отчетливых) стоят многочисленные представители атлантистской сети влияния в мировом масштабе, включая сами страны БРИК, и все остальные державы. Именно такая однополярная трактовка проблемы глобальной безопасности как на словах, так и в заявлениях, поступках конкретных политических деятелей и позволяет однозначно выделить эту сеть.

- Многополярный дискурс (точнее субдискурс, более напоминающий подразумевание), озабоченный прежде всего сохранением суверенного контроля над региональными зонами перед лицом всех видов десуверенизации — как в пользу надгосударственных глобальных инстанций (на практике в пользу центра), так и в пользу более мелких внутренних акторов (сепаратизм, издержки демократизации). Этот дискурс чрезвычайно редко проявляется напрямую, и его следует идентифицировать чаще всего по косвенным признакам: оппонирование однополярным инициативам в области глобальной безопасности, саботаж и запутывание обсуждений и решений, ведущих к укреплению позиций центра и усилению его стратегий, упорство в отстаивании собственных региональных интересов в ущерб мнению управляемой из центра мировой общественности.

Для полноты картины можно выделить еще громкий и яркий маргинальный дискурс, выдвигающий экстравагантные модели мироустройства и связывающий проблемы глобальной безопасности с гипертрофированными, хотя подчас и довольно реалистичными, в конечном счете, угрозами. Сюда относятся исламский фундаментализм, антиглобализм, неомарксизм, крайний национализм и т. д. Они подчас идентифицируют главный вызов — в лице американской глобальной гегемонии — даже еще яснее, неже-

ли сторонники многополярного мира. Но в качестве альтернативы выдвигают неприемлемую и не обеспеченную никакими ресурсами карикатуру, тем самым подрывая когерентность и реалистичность многополярной альтернативы, которую атлантистские критики легко отождествляют с этими маргинальными, искаженными и экстремистскими утопиями и на этом основании отбрасывают без дальнейшего рассмотрения. Можно предположить, что повышенное внимание, уделяемое всем формам красочного, но малоосмысленного экстремистского антиглобализма, и, напротив, системное замалчивание корректных и взвешенных многополярных подходов служат одной цели и далеко не случайно. Это своего рода опережающий ход сторонников однополярного мира, призванный заведомо дискредитировать и извратить позиции своих реальных оппонентов.

ПО МЕСТАМ

Какой вывод можно сделать из данного анализа применительно к России? Мы должны четко классифицировать определенные организации и даже отдельных экспертов по их позициям в обсуждаемом вопросе. Например, «агент влияния атлантизма» или «сторонник однополярности». Это никак не должно умалять достоинства организаций и экспертов или бросать тень сомнения на их компетентность. Столь же ясно надо определить пул экспертов и организаций, стоящих на позициях многополярного мира. Таким образом, можно будет обозначить любое мероприятие, связанное с обсуждением проблемы глобальной безопасности: например, атлантистский (однополярный) круглый стол о глобальной безопасности, или евразийский (многополярный) круглый стол, или обмен мнениями атлантистов-однополярников с евразийцами-многополярниками.

Для тех, кто еще оперирует стереотипами двуполярного мира, можно учредить отдельные «ялтинские» встречи (в России чрезвычайно живучи инерциальные представления, сопряженные со стереотипами эпохи биполярности). И, наконец, пусть маргиналы всех мастей устраивают сходки в духе антиглобалистских конгрессов.

Такую же дифференциацию стоит провести и в отношении международных мероприятий, посвященных этой теме. Пока же сумбур царит и в выступлениях лидеров страны, которые вместо внятной позиции по вопросам глобальной безопасности декламируют каноны, где одно строго противоречит другому. Лидеров можно понять, они лавируют. Может быть, внешнеполитическая нечленораздельность в нынешних условиях и оправданна, ибо она предназначена зарубежным слушателям. Среди своих мы все же должны расставить вещи по своим местам.

Северная СТОЛИЦА

Михаил ЗАРУБИН ПЕТЕРБУРГ ПРОТИВ НЕБОСКРЕБОВ*

*Глава из книги «Прогулки
с Андреем Толубеевым»*

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 году в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Председатель Общественного Совета Кировского района, член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член СП России. Автор пяти книг публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Иногда случалось, что мы возвращались домой вместе — или после спектакля в БДТ, или после заседания Общественного Совета города. В любом случае это были интересные прогулки — эмоциональные и познавательные. У Андрея, кроме всего прочего, были наклонности настоящего просветителя, педагога. Он и был просветителем и педагогом — как иначе назвать его работу на телевидении и в театральном институте? Он увлекался историей Петербурга, многое знал, умел доносить свои знания до слушателей. Все, к чему бы он ни прикасался — писал ли книги, играл в театре, выступал в Общественном Совете — он выкладывался до предела. Наши прогулки с ним тоже были в значительной степени просветительскими. В отличие от Андрея, я сибиряк, хотя давно обосновался на берегах Невы. Жил в Ленинграде, теперь живу в Петербурге, здесь выросли мои дети и внуки. И необыкновенный этот город тоже считаю своим, родным. И все-таки с помощью Андрея получил немало знаний о его истории и людях. Эти драгоценные минуты общения были для меня незабываемыми: я и сейчас слышу его удивительный, бархатный голос — в нем всегда слышались теплота и внимание к собеседнику, Андрей часто рассказывал о своей писательской работе, жаловался на компьютер, с которым не может совладать, на нехватку времени, упрекал самого себя в неорганизованности. Я про себя искренне удивлялся. Мне казалось, что такой успешный человек, как Андрей, просто не может чего-то не уметь — он гениален и на сцене, и в кино, и за письменным столом, и в студенческой аудитории. Про себя он говорил с грустной полуулыбкой,

*Печатается в журнальном варианте.

утверждал, что многое делает не так, и если бы ему было дано прожить две жизни, он жил бы, конечно, совсем не так...

И все же главной темой наших разговоров оставался Петербург.

Конечным пунктом наших мини-путешествий был Синий мост и река Мойка. Наши дома разделяет эта река.

Санкт-Петербург называют Северной Венецией не просто так. Город в буквальном смысле стоит на воде. Здесь протекает девяносто рек, каналов и проток, общей длиной более трехсот километров. Кроме того, в Санкт-Петербурге находятся десять больших озер.

Без сомнения, главной рекой города является Нева. Но его нельзя представить себе и без Мойки с ее великолепной гранитной набережной, с чугунными решетками и мостами. Река протекает через центральную часть города, она — неотъемлемая часть водного кружева Петербурга. Мойка берет свое начало из реки Фонтанки в районе Летнего сада и примерно через пять километров впадает в Неву. В первые годы строительства Петербурга Мойка была мутной речкой, вытекающей из болота. В те годы она называлась — «Река Мья». Осушение и застройка ее топких берегов начались вместе со строительством города. Берега укрепили деревянным брусом в двадцатых годах восемнадцатого века, а в начале девятнадцатого одели в гранит. Позже установили литую чугунную ограду с неповторимым геометрическим орнаментом. Мосты, перекинутые через Мойку, имеют свои истории и легенды. Например, Поцелуев мост, построенный в середине восемнадцатого века.

Сегодня практически ни одна свадьба не проходит без посещения этого моста и долгого поцелуя на нем. Считается, что молодожены будут счастливы, если они в день свадьбы проедут или пройдут по мосту, целуясь, причем поцелуев нужно начать на одной стороне моста, а закончить — на другом берегу Мойки. Другое поверье гласит: если близкие люди расстанутся и прощание их происходит на этом мосту, то они обязательно скоро встретятся снова, то есть уехавший человек непременно вернется. По другой версии, в старые времена этот мост, находившийся на самой границе города, служил местом тайных свиданий молодежи. Многолетние попытки объяснить происхождение названия Поцелуев мост не ослабевают, появляются все новые легенды, хотя есть вполне прозаическое объяснение: своим названием мост обязан трактиру с названием «Поцелуй», находившемуся на левом берегу Мойки, на углу Никольской улицы в доме купца Поцелуева...

Многие здания, расположенные на Мойке, являются архитектурными памятниками, связаны с именами великих русских писателей, художников, поэтов.

Есть удивительное место на Мойке — Синий мост. Он соединяет Исакиевскую площадь с переулком Антоненко и Вознесенским проспектом. При этом мост является «невидимкой»: из-за своей рекордной ширины он воспринимается частью площади. Название «Синий» идет от первоначально деревянного моста, выкрашенного в синий цвет. Мост является рекордсменом: это самый широкий мост в Санкт-Петербурге, его ширина по внешнему габариту почти сто метров. Он неоднократно был реконструирован, изменялись его размеры, конструктивные особенности. Несмотря на это, его внешний вид не изменился и дошел до нас практически в первозданном виде. К мосту, как и к Марининскому дворцу, применимо высказывание: два импе-

ратора от него отвернулись. Это действительно так: и «Медный Всадник», и памятник Николаю Первому смотрят в противоположную сторону.

Однажды мы стояли с Андреем на мосту, смотрели, как тяжелые серые волны пенисто разбиваются о гранит набережной. В это время каждый думал о своем. Мимо нас проходили катера, прорезая себе путь сквозь отраженные в реке дома, и расступалась закованная в камень темная холодная вода...

— И откуда вдруг появилась эта странная башня? — без всякой связи с предыдущей темой спросил меня Андрей.

— Какая башня?

— На Охте, газпромовская.

— Вот ты о чем! Выброси из головы, пока это все — прожекты.

— Это у нас с тобой — прожекты, а у власти всегда — проекты, и реальность их очень велика.

— Я неплохо знаю эту историю, там речь идет, в конечном итоге, о строительстве. Но я убежден — если и будут строить эту пресловутую башню, ни одна российская компания не сможет выиграть тендер. Почему? Это отдельный разговор.

— Ну хорошо, так откуда же появилась эта странная идея?

— Если разобраться, то ничего странного в ней нет. Еще 8 декабря 2004 года петербургские газеты сообщили о том, что «Газпром» получил в аренду участок на пересечении Большоохтинского проспекта и Конторской улицы для проведения изыскательских работ. Площадь участка, согласно постановлению Смольного, составила шестнадцать тысяч квадратных метров. «Газпром» объявил о своем желании построить офисное здание для всех дочерних компаний, работавших тогда в Петербурге и области.

В газете «Коммерсант» утверждали, что эта сделка позволит городу за несколько лет рассчитаться с госдолгом, который к концу 2005 года составит шестнадцать миллиардов рублей, а к концу следующего 2006 года перевалит за двадцать миллиардов.

Андрей слушал очень внимательно.

— Как думаешь, построят?

— Не сомневаюсь в этом. Лично я — против строительства, но не потому, что здание очень высокое. Эйфелева башня тоже высокая, но без нее не было бы Парижа. Я против, потому что «Газпром» — компания государственная, а у государства есть куда потратить деньги, у нас еще многие деревни и поселки не газифицированы. И, наконец, главное — как только начнут строить, стоимость газа для населения моментально вырастет, как бы ни уверяли в обратном газпромовские чиновники.

В городе полно дворцов, которые подлежат восстановлению — берите, восстанавливайте, работайте в них...

— Я тоже против этой пресловутой башни, Константиныч, только по другой причине. Этот скандал, разделивший город на сторонников и противников строительства, высветил очень важную проблему... Я смотрю телевизор — и ничего не понимаю! Боярский и Мигицко уговаривают телезрителей, что башня чудовищной высоты на Охте необходима городу, как воздух. В это же время уважаемый академик Пиотровский пишет президенту и правительству письма с резкими протестами. Кому же верить?

— Мне, — шутя сказал я. — Хотя бы на том простом основании, что я следил и слежу за событиями на Охте, начиная с 2006 года. Разумеется,

я тоже могу заблуждаться... Хочешь, расскажу эту историю так, как я ее понимаю?

— Сделай одолжение...

— Ну, Андрей, потерпи.

28 сентября 2005 года «Газпром» подписал с инвестгруппой соглашение, обязывающее его приобрести семьдесят три процента акций «Сибнефти» по четыре без мелочи доллара за акцию. Кроме этого пакета «Газпром» выкупил у «Газпромбанка» три процента акций, получив таким образом квалифицированное большинство в совете директоров. Нефтяная компания обошлась «Газпрому» в тринадцать миллиардов долларов, которые, как сообщило «Эхо Москвы» со ссылкой на Агентство газовой информации, позаимствованы у консорциума западных банков.

Весной 2006 года совет директоров «Сибнефти» принял решение переименовать ее в «Газпромнефть» и перерегистрировать в Санкт-Петербурге. Процесс ребрендинга «Сибнефти» начался 13 мая. Руководство компании заявило также о строительстве крупного офисного комплекса в Петербурге с целью размещения там штаб-квартиры. Тогда-то и утвердилась цифра «300 метров» — высота центрального офиса, затем она поднялась до 400.

В июле 2006 года Валентине Ивановне Матвиенко было направлено коллективное обращение Санкт-Петербургского Союза архитекторов, подписанное его президентом Владимиром Поповым, где утверждалось, что небоскреб разрушит облик города. Архитекторов Петербурга поддержал Союз архитекторов России, который утверждал, что объявленный конкурс нарушает все международные и отечественные нормы и правила. В знак протеста Союз бойкотировал конкурс, поэтому все его участники оказались иностранцами. Проекты представили американцы, англичане, французы, немцы, итальянцы, швейцарцы. В жюри пригласили четырех знаменитых архитекторов: Нормана Фостера, Кисё Курокаву, Рафаэля Миноли и Петера Швегера. Первые трое вышли из состава жюри, направив в Смольный официальное письмо, в котором обосновали свое отрицательное отношение к конкурсному заданию и обратили внимание властей на опасность «агрессивного воздействия высотного здания на силуэт города».

Общественное движение «Живой город» в числе своих основных задач назвало недопущение строительства небоскреба вблизи исторического центра Петербурга. Историки, архитекторы, педагоги, депутаты, актеры требуют референдума по этому вопросу — пусть наконец сами люди решат судьбу спорного проекта. Но увы — власти с маниакальным упорством противодействуют референдуму.

Против строительства выступают археологи. Их основная претензия связана с нахождением на территории строительства «Охта-центра» памятника «Шведская крепость Ниеншанц», который охраняется законом с 2001 года. Здесь же обнаружены другие археологические памятники. Руководитель научной экспедиции в своем предварительном отчете писал, что на территории раскопок были выявлены культурные слои и сооружения эпохи неолита. Неолитические слои мощностью до двух метров распространены на территории около 10 тысяч квадратных метров. Этот археологический памятник уникален с точки зрения ученых, на нем, как в Трое, можно одновременно наблюдать части сооружений разных периодов истории, и подобные исторические сооружения попадают под охрану с момента их выявления.

Строптивых археологов заменили на более покладистых. Никаких проблем! Санкт-Петербургская археологическая экспедиция, которую фактически отстранили от раскопок, сравнила сложившуюся ситуацию с рейдерским захватом и сообщила газетчикам, что «...раскопки средневековых крепостей проводятся людьми, далекими от знания средневековой фортификации...» Ученые бьют тревогу: верхняя часть так называемого Карлова бастиона уже существенно разрушена, сложилась угрожающая ситуация вокруг южных рвов Ландскроны и бастионов Ниеншанца. Руководство новой экспедиции не принимает каких-либо мер по сохранению памятника, а петербургских специалистов на территорию объекта не допускает.

В ноябре 2006 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» провела опрос. Вопрос сформулировали так: считаете ли вы возможным строительство 300-метрового небоскреба на месте крепости Ниеншанц (у Большеохтинского моста)? 90 % опрошенных высказались против строительства небоскреба напротив Смольного.

В июле 2007 года против строительства было собрано более 10 тысяч подписей. Как утверждали газеты, основная масса подписавшихся — молодежь. Среди подписавшихся — известные ученые и деятели культуры, академики РАН и университетские профессора, писатели и архитекторы, художники, актеры, музейщики, журналисты...

В общем, мнения разделились, одни — за строительство, другие — против...

Больше двух лет прошло с той памятной мне прогулки, когда я рассказывал Андрею Толубееву историю «Охта-центра». Нет уже Андрея. К строительству так и не приступили; теперь эта гипотетическая стройка стала удобным полигоном для политиков всех рангов и направлений: в словесных баталиях они оттачивают мастерство полемистов. Деятели культуры пишут коллективные письма Президенту, который скорее «против» строительства, чем «за».

Осенью прошлого года министр культуры России Александр Авдеев высказался против строительства: «Наше мнение — отрицательное. Я как министр культуры против строительства такой башни, мое мнение разделяют и другие сотрудники министерства. Мы будем принимать решительные меры, чтобы не допустить возведения небоскреба». Авдеев пообещал, что его министерство выступит с официальным заявлением по этому вопросу, «когда будет сделан полный юридический анализ документов...»

На чрезвычайном заседании Всероссийского общества охраны памятников выступил известный археолог Анатолий Николаевич Кирпичников: «Совершенно ясно, что на этом месте вообще ничего строить нельзя...» На том же заседании об опасности, которая нависла над городом, вновь высказался директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский.

Вот обычные записи на форуме в интернете:

«Я против строительства небоскреба «Газпром-сити» на набережной Невы, напротив Смольного собора. Потому что:

- Не хочу, чтобы уродовали исторический Петербург;
- Не хочу, чтобы нарушали закон или меняли его под кого-то;
- Не хочу — как налогоплательщик — финансировать строительство офисов и жилья для менеджеров богатейшей компании...»

Разговоры о сооружении «Охта-центр» не умолкают. Сведения об этом похожи на сводку с поля боя. Вот только некоторые из них:

- Сорок четыре петербургских писателей и ученых направили Президенту России Дмитрию Медведеву письмо с протестом против строительства небоскреба на Охте;
- Градозащитники пригласили на акцию против «Охта-центр» Владимира Путина, но не как премьера, а как петербуржца;
- Марш за сохранение Петербурга не разрешен властями, но организаторы призывают собраться возле станции метро «Спортивная»;
- Губернатор Петербурга Валентина Матвиенко подписала постановление о разрешении на отклонения от предельных параметров при строительстве высотной доминанты общественно-делового центра на Охте;
- Первый заместитель председателя Госдумы и лидер партии «Единая Россия» Олег Морозов заявил: «Власть не должна принимать решения, если подавляющее число жителей с ними не согласны...»;
- Министерство культуры России против высоты «Охта-центр»;
- Пресс-служба «Охта-центр»: «Слова министра культуры о недопустимости строительства небоскреба в Санкт-Петербурге — это навязывание личной точки зрения...»;
- Общественность Северной столицы обратилась с открытым письмом к Президенту России Дмитрию Медведеву и губернатору Валентине Матвиенко в поддержку проекта «Охта-центр»;
- Министр культуры Александр Авдеев обратился в прокуратуру по поводу нарушений законодательства при вынесении решений о строительстве «Охта-центра»;
- Пресс-служба губернатора: «Разрешение на отклонение от высотных параметров при строительстве комплекса «Охта-центр» было принято правительством Петербурга в полном соответствии с законом и при соблюдении всех юридических процедур»;
- Каждый второй гражданин не одобряет строительство. Большинство считают, что нарушение панорамы исторического центра недопустимо. Такие данные опроса обнародовал ВЦИОМ;
- Около Дворца спорта «Юбилейный» прошел митинг в защиту Петербурга, собрав несколько тысяч человек;
- Широко разрекламированный митинг в поддержку небоскреба собрал в воскресенье на Пионерской площади... трех человек;
- Бульдозеры разрушили крепость Ниеншанц. Делом занялась прокуратура;
- Первый телеканал в воскресном выпуске программы «Время» раскритиковал проект строительства «Охта-центра»;
- Фракция «Справедливая Россия» в Госдуме требует остановить строительство в Санкт-Петербурге небоскреба «Охта-центр». «Эсеры» считают, что возведение этого объекта разрушит архитектурно-исторический облик уникального города;
- Спикер Совета Федерации Сергей Миронов призвал федеральные власти вмешаться в ситуацию вокруг проекта строительства высотного центра;
- Министерство регионального развития первым из федеральных ведомств поддержало позицию Министерства культуры;
- В городскую избирательную комиссию Петербурга подано ходатайство о регистрации инициативной группы по проведению референдума о строительстве высотной доминанты общественно-делового района «Охта-центр»;

— Работы на стройплощадке «Охта-центр» ведутся и днем, и ночью, и в выходные дни;

— Депутаты Законодательного собрания признали несоответствующими законодательству вопросы, предложенные инициативной группой для референдума по поводу «Охта-центр»;

Здесь перечислена лишь малая толика информации, которая обнаружена в прессе, на радио и телевидении.

Мне грустно, я твердо уверен, что от исхода этой «схватки» зависит становление гражданского общества в России. Андрей был прав. Кому, как не мне, знать, какие тяжелые последствия влекут за собой непродуманные, волюнтаристские решения наших российских властей! Я видел своими глазами, как скрывались под водой сибирские села, где еще недавно жили люди, как горели их дома, и некому было остановить этот беспредел.

В своей предыдущей книге «Илимская Атлантида», в главе «Прости меня, мой край», я рассказывал о десятках илимских деревень, нашедших свою могилу на дне нерукотворного моря.

«...Тридцать пять лет прошло после потопа! Вернее, не потопа, а убийства деревень и сел. Говорят, со временем боль от утраты притупляется, рана заживает... Но у меня эта рана — открытая. Перед глазами — родной Илим. Моя родина. Мое детство. Могила моей мамы, что на Красном Яру. И душа ее кричит, как кричат птицы, что летают над бескрайним морем, не находя дорогих сердцу мест: Кулиги, Малой Речки, Россохи, Тушамы...

А история, между тем, повторяется. Только в другом государстве и с другой конституцией, которая обязывает власти прислушиваться к мнению граждан, блюсти их интересы. Но — удивительное дело! — все остается так же, как и прежде, никто не собирается «блюсти» и «прислушиваться». Родные гидростроители снова готовят большой сибирский потоп. Снова уйдет под воду огромная таежная территория, которую предстоит очистить от леса, от городков и деревушек, которые станут дном искусственного моря. Дома и лес, как в былые времена, будут жечь, людей переселять...»

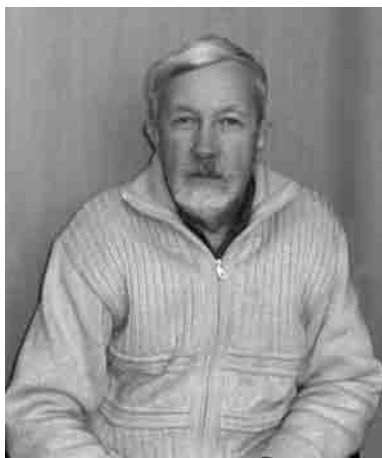
Реформы в России, объявленные властями, идут медленно и трудно. Впрочем, так было всегда в нашей стране. И все-таки кое-что меняется в сознании людей, они уже не те бессловесные «винтики» и «колесики» в огромной и бездушной государственной машине — они начинают поднимать голос против несправедливости, против хамства, против вседозволенности, и этот голос становится год от года все громче и настойчивей. Трудно сказать, чем кончится история со строительством «Газпром-сити», кто в ней прав, кто виноват, однако она выявила очень существенное обстоятельство: не все у нас решается с помощью денег, есть что-то более важное, обо что споткнулся даже «Газпром» с его сверхмощными финансовыми потоками.

Наши политики частенько цитируют слова Петра Аркадьевича Столыпина, сказанные им в Государственной Думе: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия...». Правда, забывают (или не знают!) о том, что за этой эффектной фразой царского премьер-министра последовало уточнение, данное лидером русских националистов Василием Шульгиным: «Нам нужна, прежде всего, справедливая Россия...»

P.S. И все-таки это был прожект. Огромной башни за Смольным на правом берегу Невы не будет. Распоряжением губернатора Санкт-Петербурга в декабре 2010 года все отменено.

Андрей, ты слышишь...

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Юрий СТИШКОВ

ПРИМЕР УСПЕШНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Михаил ПАВЛЕЙНО

**Научно-образовательный
центр «Электрофизика» —
пример успешного
сотрудничества современного
промышленного предприятия
с высшим учебным заведением**

В последнее время в России идет активный поиск инновационных форм подготовки вузами специалистов, востребованных отечественной наукой и промышленностью. Система высшего образования, сложившаяся при социализме, обеспечивала высокий уровень подготовки выпускников, но тогда действовала система их планового государственного распределения по научным и промышленным предприятиям. Сейчас такая система уже не действует и многие выпускники университетов не находят спроса в области своей узкой специализации. Это означает, что средства, выделенные государством на их образование, потрачены, по меньшей мере, неэффективно. Не менее важно, что неэффективно

Юрий Константинович Стишков — родился в 1941 году в Тбилиси. Окончил физический факультет Тбилисского государственного университета по специальности физическая кибернетика. Доктор физико-математических наук, профессор кафедры радиофизики СПбГУ. Директор Научно-образовательного центра «Электрофизика», один из основателей направления «Прикладные математика и физика». Ведущий специалист в области электрофизики и электрогидродинамики жидкости, автор более 200 научных работ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Михаил Анатольевич Павлейно — родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил физический факультет ЛГУ. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры радиофизики СПбГУ, заместитель директора Научно-образовательного центра «Электрофизика». Автор более 30 научных работ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

оказывается использованным и время научно-преподавательского состава, которое можно было бы потратить с существенно большей для страны пользой. На подготовку каждого, в том числе не востребовавшего, специалиста уходят 4–6 лет, а если учесть, что часть выпускников поступает в аспирантуру, то получается и вовсе 9 лет.

Чтобы исправить эту ситуацию, нужно возвращаться к системе плановой подготовки специалистов, но планирование целесообразно осуществлять не на общегосударственном уровне, а на уровне непосредственных «потребителей» выпускников — научно-исследовательских институтов и производственных предприятий. Однако роль предприятий не должна сводиться к простому оформлению заявки на требуемое число подготавливаемых специалистов и в дальнейшем пассивном ожидании их прихода. В идеальном случае процесс подготовки новых кадров должен вестись совместно вузом и самим заказчиком, причем взаимодействие должно быть достаточно тесным.

В Санкт-Петербургском государственном университете имеется многолетний положительный опыт такого сотрудничества. Он интересен в первую очередь тем, что сторонами такого взаимодействия являются классический университет, один из лучших вузов в стране, и современное динамично развивающееся промышленное предприятие, выпускающее высокотехнологичную конкурентоспособную на мировом рынке продукцию. Это — Промышленная группа «Таврида-Электрик».

Компания «Таврида-Электрик» была образована 20 лет назад небольшой группой севастопольских инженеров. Ее продукцией является оборудование для электрических сетей. В первую очередь это коммутационная аппаратура, использующаяся для управления передачей электрической энергии от генерирующих объектов к потребителям разного уровня: от городов и крупных промышленных объектов до бытовых потребителей. Другой важной решаемой задачей является обеспечение бесперебойного энергообеспечения, сведение к минимуму потерь, вызванных различного рода авариями. Важно отметить, что выпускаемая фирмой продукция проходит внутри нее все этапы создания, от разработки и производства до пуско-наладочных работ и последующего обслуживания. На сегодняшний день «Таврида-Электрик» является российской компанией, региональные отделения которой расположены в Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии. Ее продукция поставляется более чем в 100 стран мира. По объему продаж она занимает сейчас второе место в мире.

«Малой родиной» компании, где она, собственно, и родилась, является Севастополь, город со славной историей, имеющий самую тесную духовную связь с Россией. В Севастополе расположены конструкторские бюро, являющиеся основными разработчиками для Промышленной группы. Наиболее значимые производственные мощности компании находятся в России.

Помимо производственной деятельности, компания «Таврида-Электрик» известна своими социальными и историческими проектами. Среди наиболее масштабных проектов последних лет — восстановление уникального оборонительного комплекса в Севастополе на территории 35-ой батареи, где во время ожесточенных боев в 1942 г. погибло более 50 тысяч защитников города. Другим значимым проектом явилось создание многосерийного документального фильма «Севастопольские рассказы», показанного недавно по центральному российскому телевидению. Фильм охватывает практически всю более чем двухвековую историю города, начиная от его основания

*Профессор Ю. К. Стишков и группа молодых сотрудников
ПГ «Таврида-Электрик», подготовленных на базе НОЦ «Электрофизика»*

Екатериной Великой до момента передачи Крыма во времена Хрущева Украине. Последнее событие оказало поистине трагическое влияние на историю Севастополя. К 150-летию Крымской войны был открыт памятник воинам, погибшим в Инкермановском сражении. Компания «Таврида-Электрик» не только выделила средства на реконструкцию памятника, но и осуществляла руководство этим проектом. При финансовой поддержке компании издан ряд книг по истории Крыма и Севастополя, которые служат основой для преподавания краеведения в севастопольских школах.

На вопрос корреспондента одного из севастопольских изданий о том, за счет чего компании удалось достичь таких высоких производственных результатов и выйти на одно из ведущих мест в мире, ее генеральный директор А. М. Чалый ответил: «В первую очередь за счет технического уровня продукции. По этому показателю у нас конкурентов, по большому счету, нет. Наши серийные продукты заметно превосходят конкурентные аналоги любых компаний по основным характеристикам». Уровень сотрудников фирмы, занимающихся научными исследованиями и разработкой новых устройств, действительно, очень высок. Но еще 10–12 лет назад А. М. Чалый говорил о том, что для обеспечения устойчивого развития компании в ближайшей перспективе и в обозримом будущем необходимо провести существенное кадровое пополнение. В первую очередь речь шла о необходимости привлечения в компанию молодых людей, способных генерировать и воплощать в жизнь идеи, позволяющие разрабатывать продукцию мирового уровня. Попытки пополнить свой кадровый состав, привлекая к работе выпускников севастопольских и российских вузов, принципиально проблему не решали.

Было принято другое решение — набирать группы абитуриентов из выпускников севастопольских школ, которые проявляли желание учиться и впоследствии работать на фирме, и обучать их на платной основе в одном из вузов России. Было сделано несколько попыток наладить работу с различными вузами, но испытание временем выдержало только сотрудничество

с физическим факультетом СПбГУ, более конкретно — с его научно-образовательным центром «Электрофизика». Почему наше сотрудничество оказалось успешным?

К середине 90-х годов на физическом факультете СПбГУ образовалась инициативная группа преподавателей и сотрудников, которая поставила перед собой цель открыть новое учебное направление, названное впоследствии «Прикладные математика и физика», в дополнение к существующим классическим направлениям. Суть предполагавшихся изменений заключалась в следующем. По классической схеме студент в течение первых четырех лет обучения в бакалавриате получал знания в области классической физики и математики, приобретал опыт проведения экспериментов в общефизических лабораториях. Далее в магистратуре он специализировался в одном из научных направлений, становясь квалифицированным специалистом в выбранной научной области. Однако в большинстве случаев выпускники факультета по разным причинам не находили спроса в области своей узкой специализации. В итоге они устраивались работать по смежным областям, используя в дальнейшем лишь багаж классических знаний.

На новом направлении предполагалось готовить специалистов широкого профиля, способных в короткие сроки решать прикладные задачи из самых разных областей физики и техники. При сохранении фундаментальной физико-математической подготовки, характерной для классического университета, планировалось применение современных компьютерных технологий в обучении студентов. В первую очередь это касается систем компьютерного моделирования физических процессов, которые позволяют за достаточно короткий срок без применения классического программирования глубоко проанализировать явления из различных областей физики: механики, гидродинамики, теплофизики, электродинамики и др. с учетом реальных свойств материалов конструкций и при сложной геометрии исследуемых объектов. Кроме того, планировалось обучение студентов современным автоматизированным методам проведения физического эксперимента и компьютерной обработки получаемых данных.

Предложение со стороны «Тавриды-Электрик» о целевой подготовке для нее студентов на физическом факультете поступило как раз в момент разработки учебного плана нового направления. Введение в него значительного числа курсов лекций и практических занятий, посвященных обучению современным системам компьютерных расчетов, в полной мере отвечало потребностям фирмы, так как разработка новых сложных наукоемких устройств в современных условиях практически невозможна без проведения цикла предварительного компьютерного моделирования их параметров и режимов работы.

Первый прием на новое учебное направление «Прикладные математика и физика» (ПМФ) был осуществлен в 2002 г. Было принято 18 человек, 10 на бюджетную форму обучения и 8 целевых студентов из Севастополя. Все они проходили обучение, специализируясь в области электрофизики. Именно это научное направление наиболее близко соответствует потребностям фирмы. Для более успешной подготовки студентов в этом направлении в 2006 г. на физическом факультете СПбГУ в рамках национального проекта «Образование» был создан одноименный Научно-образовательный центр — НОЦ «Электрофизика». Его соучредителями выступили НИИ радиофизики СПбГУ, Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН и ПГ «Таврида-Электрик» при активной поддержке выпускающей кафедры Радиофизики.

*Вручение премии ПГ «Таврида-Электрик» на заседании
Ученого совета физического факультета СПбГУ*

Основной задачей центра является осуществление инновационной образовательной деятельности и проведения научных и прикладных исследований по электрофизике, а также использования результатов исследований в производственной деятельности организаций-соучредителей и в учебном процессе. НОЦ «Электрофизика» готовит как целевых, так и бюджетных студентов, а также курирует сквозное обучение студентов с момента поступления вплоть до выпуска. НОЦ широко и разнопланово использует в учебном процессе современные компьютерные технологии.

Для успешной реализации инновационных образовательных технологий при активной помощи заказчика на физическом факультете создан ряд новых учебных лабораторий, составляющих основу центра: «Лаборатория информатики и технологий компьютерного моделирования», «Лаборатория методов обработки и передачи информации», «Лаборатория электротехники», «Высоковольтная лаборатория». Все лаборатории оснащены современным вычислительным и научным оборудованием.

В процессе обучения студенты не только осваивают учебный материал, но и проводят на базе НОЦ под руководством его сотрудников современные научные исследования и выполняют практические разработки в интересах заказчика. Для поощрения работы наиболее отличившихся студентов из средств ПГ «Таврида-Электрик» ежегодно выплачиваются гранты и премии в дополнение к ежемесячной стипендии, размер которой существенно превышает бюджетный. Вручение премий происходит в торжественной обстановке на Ученом совете физического факультета. Целевые студенты ежегодно проходят летнюю производственную практику в различных подразделениях ПГ «Таврида-Электрик» в Севастополе, Москве и Санкт-Петербурге, где их работа также оплачивается. Во время практики студенты «погружаются» в круг тех научных и производственных проблем, с которыми они столкнутся

при работе на предприятии. Многие из них впоследствии становятся темами курсовых и дипломных работ.

К настоящему времени осуществлены первые три выпуска студентов, прошедших полный курс обучения на базе инновационного Научно-образовательного центра «Электрофизика». Всего были защищены 26 магистерских диссертаций, из них целевых — 18. Защиты прошли очень успешно. Оценки «отлично» получили 85 % студентов, «хорошо» — 15 %. В настоящее время выпускники НОЦ «Электрофизика» работают в различных подразделениях ПГ «Таврида-Электрик». Часть выпускников пополнила преподавательский состав НОЦ и обучаются в аспирантуре по специальности «Электрофизика, электрофизические установки», которая была открыта на физическом факультете в 2009 г.

Исследования, проводимые студентами в квалификационных работах, находятся на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует активное участие наших студентов и аспирантов в работе различных научных конференций, проводящиеся как в России, так и за рубежом. На базе центра в Санкт-Петербурге систематически проводятся международные конференции «Современные проблемы электрофизики и электрогидродинамики жидкостей» (сопредседатель программного оргкомитета проф. Стишков Ю. К). В работе последней конференции в 2009 г. принимало участие 130 специалистов из 34 организаций России, Украины, Белоруссии, Молдавии, США, Литвы, Германии, Франции. В решении оргкомитета конференции особо отмечается активное участие в организации и работе конференции студентов и аспирантов НОЦ «Электрофизика».

Среди наиболее значимых международных конференций, на которых только за последние три года с докладами выступали наши студенты и аспиранты, следует отметить международный симпозиум по диэлектрическим жидкостям во Франции, международные симпозиумы по электрической изоляции и разрядам в вакууме в Румынии и Германии, международный симпозиум по электрогидродинамике в Малайзии, а также международные конференции по электронной обработке материалов в Молдавии и «Физика импульсных разрядов в конденсированных средах» на Украине. Кроме этого, было опубликовано значительное число работ в российских и зарубежных научных журналах.

Разнообразие тематик проведенных исследований и высокий научный уровень сделанных студентами и сотрудниками НОЦ докладов на конференциях самого высокого уровня говорит о сформировавшейся научной школе в области электрофизики и электрогидродинамики в СПбГУ. Это стало возможным благодаря инновационным методам преподавания, используемым в НОЦ «Электрофизика».

Подготовка целевых специалистов для ПГ «Таврида-Электрик» продолжается. Сейчас формируется очередная группа школьников, поступающих в этом году на первый курс физического факультета, уже десятая по счету. Вот как отзывается о нашем сотрудничестве А. М. Чалый в своем письме сотрудникам НОЦ по случаю 20-летнего юбилея фирмы: «Ваш вклад в развитие компании значителен. Особенно, если принять во внимание создание интеллектуального потенциала, который, надеюсь, всерьез “выстрелит” в ближайшие годы».

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

**Архиепископ
Екатеринбургский
и Верхотурский
ВИКЕНТИЙ**

ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Современное российское общество переживает духовно-нравственный кризис, следствием которого является то, что совокупность ценностных установок, присущих сознанию (в том числе детскому и молодежному), во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. В обществе исчезли представления о высших ценностях и идеалах, оно стало ареной необузданного эгоизма и нравственного хаоса. Духовно-нравственный кризис порождает кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере нашей страны.

Утрата стержневой роли традиционной религии, изменение понимания сути духовности в современной культуре приводят к возникновению кризисных явлений в духовно-нравственной сфере. Внерелигиозный контекст не дает возможности четкого различения понятий добра и зла, правды, достоинства, долга, чести, совести; искажает и подменяет традиционные представления о человеке и смысле жизни. В связи с

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий (Виктор Александрович Морарь) — родился в 1953 г. в Молдавской ССР. В 1974 г. поступил в МДС, в 1982 — в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия. В 1981 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1982 — во иеромонаха. С 1982 г. нес послушание в Троице-Сергиевой Лавре. В 1985 г. возведен в сан игумена, а затем — архимандрита. В 1990 г. в Христорождественском соборе г. Кишинева Святейшим Патриархом Алексием II и сонмом архиереев хиротонисан во епископа Бендерского, викария Кишиневской митрополии. В 1995 г. назначен епископом Абаканским и Кызылским. Награжден орденом прп. Сергия Радонежского II степени. Председатель Макариевского фонда. В 1999 г. возведен в сан архиепископа. С июля 1999 г. — архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский.

этим в современной культуре изменяется традиционное понимание «нравственности» как благонравия, согласия с абсолютными законами правды, достоинством, долгом, честью, совестью человека.

Недостаток нравственного воспитания подрастающего поколения составляет одно из величайших зол нашего времени, с которым необходимо бороться, иначе человечество дойдет до окончательной гибели и нравственного разложения. Народная пословица говорит: «К чему в юности привык, то в старости сделал». Сама жизнь подчеркивает ее правильность: если человек еще во дни своей юности вступил на путь добродетели, то он твердо будет стоять на нем и в старости.

В связи с этим задача духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения имеет чрезвычайную значимость: ее необходимо осмыслить сегодня как одну из приоритетных в деле развития нашего государства. Но сегодня воспитательные функции системы образования сведены к минимуму. Спасением в преодолении кризиса для России может стать восстановление и распространение традиционной духовно-нравственной культуры. Для России нет другого пути выхода из кризиса в духовно-нравственной сфере кроме возрождения самобытной российской цивилизации на традиционных ценностях отечественной культуры.

Необходимо совместными усилиями решать проблему «духовно-нравственного воспитания», под которым понимается процесс содействия духовно-нравственному становлению человека, формированию у него нравственных чувств, нравственного облика, нравственной позиции, нравственного поведения.

В России духовно-нравственное воспитание традиционно содействовало духовно-нравственному становлению человека на основе православной культуры во всех формах ее проявления (религиозной, идеологической, научной, художественной, бытовой). Это давало и дает русскому человеку возможность иного, более полного и объемного восприятия мира, своего места в нем. Православно-христианские принципы любви, гармонии и красоты в устройении мира, человека и общества обладают неоценимыми образовательными и воспитательными возможностями. Именно на их основе возможно преодоление современного кризиса культуры, науки, образования, кризиса внутреннего мира человека. Ведь согласно православному мировоззрению, целью человека в его личной жизни, смыслом семейного бытия, общественного служения и государственного существования в России являлось и является посильное воплощение в жизнь тех высоких духовных начал, бесценным хранителем которых выступает Православная Церковь.

В этой связи методологической основой духовно-нравственного воспитания детей и молодежи России необходимо становятся традиции православной культуры и педагогики. Реализация духовно-нравственного воспитания возможна в нескольких аспектах: культурно-историческом (на основе примеров отечественной истории и культуры), нравственно-этическом (в контексте нравственного православно-христианского учения о человеке, цели его жизни), этнокультурном (на основе национальных православных традиций русского народа).

В основе национальных ценностей, духовных и нравственных ориентиров лежит наша тысячелетняя культура. Именно воплощением христианских идеалов наших предков являются величественные храмы, иконо-

пись, литература. Поэтому так важно привлечь подрастающее поколение к отечественной духовной традиции. Изучение православной культуры в государственной школе в форме отдельного предмета — это одна из наиболее полных форм освоения учащимися знаний о православной религиозной традиции и, следовательно, наиболее эффективное средство решения проблем духовно-нравственного воспитания. Духовно-нравственный потенциал православной культуры позволяет существенно повысить образовательные возможности социально-гуманитарного образования. Спецификой изучения курса «Основ Православной Культуры» является ориентация содержания данного предмета на учебно-воспитательные задачи, обеспечивающие не только накопление учащимися рациональных знаний о религии, но и приобщение их к имеющим общенациональное значение ценностям православной культуры, формирование и развитие социального опыта учащихся, российской мировоззренческой, культурной и гражданской идентичности. Православное мировоззрение, христианские ценности пронизывают всю российскую культуру, историю, поэтому без изучения «Основ Православной Культуры» невозможно быть культурным и полноценно образованным человеком. Таким образом, изучение курса «Основы Православной Культуры» ориентировано прежде всего на формирование активного нравственного и культурного сознания, активной нравственной позиции учеников.

Учитывая, что школа сама по себе не в состоянии решить вопросы, связанные с воспитанием, мы считаем чрезвычайно важным укрепление института семьи, потому что воспитательная работа должна начинаться в семье, а школа должна только проводить и завершать воспитательную работу. Современное состояние российской семьи является результатом нерешенных проблем подготовки молодежи к семейной жизни. Этому не уделялось достаточно внимания, и многие современные проблемы — распад семей, низкий уровень рождаемости, аборт, брошенные дети — это результат такого подхода. Если оставить всё, как есть — проблемы будут только углубляться. Ведь большая часть того, что дети и молодежь слышат и видят в средствах массовой информации, не только не готовит к семье, но наоборот приобщает детей к греху. Православное учение о семье, о взаимоотношениях людей — вот средство для решения названных проблем. Болезни современного общества сейчас нужно не только лечить, но и заниматься своевременной и эффективной профилактической работой, влияя на семью, организуя досуг молодежи, объединяя подростков и детей для совершения добрых дел.

Не надо думать, что образование заключается в получении человеком какой-то определенной суммы знаний. Нет, образование — это раскрытие полноты образа Божия в человеке через совершеннейшее уподобление Богу. Православная культура — это не что-то, давно бывшее, но живущее и сейчас на земле, сохраненное в Церкви, это основа для подлинного образования. Осуществление образования на основе православной культуры принесет добрые плоды в лице наших подрастающих воспитанников, которые послужат на благо нашего родного края. В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на слова Патриарха Алексия II: «Истинная свобода — свобода от греха, вражды, страданий — обретается на пути спасения и нравственного совершенствования, по которому ведет нас Господь Иисус Христос».

Божие благословение да пребывает на всех вас, подвижающихся на поприще образования и воспитания.

Василий ДВОРЦОВ

«ЦИКЛОН В ПОЛЯХ, МЕТЕЛЬ В КРОВИ...»

Василий Владимирович Дворцов — родился в 1960 году в Томске. Как художник и реставратор поработал во многих городах СССР. Автор четырех книг прозы, сборников стихов, пьес, множества публицистических статей. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии журнала «Москва» 2002 года за роман «Аз буквы ведал...».

Секретарь Правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Там, за стеклом, снега, снега.
И Петербург все ближе, ближе.
Ночных просторов жемчуга
Стальной иглою поезд ниже.

Искрит качание равнин
Под такт качаниям вагона.
«Одна ты там... тут я один...» —
Гремит на стыках перегона.

Разбит, разрыт, разворошён,
Лицом в стекло, лицом в метели.
А там безвидный белый сон,
Остывшие полей постели.

А там забытое для всех,
Ничье томленье и сомненье.
И мой порыв или побег —
Судьбой смешное возмущенье,

Попытка тысячам причин
Предать в последствиях законность.
«Ты там одна ... я тут один...» —
Твердит стальная многотонность.

Стыкуя временной раскат,
Стучат колеса в искрах пыли.
«...а снегопад — как звездопад...»
Ожгли слова. И осветили.

Деревьев разрежённый ряд
Прозрачным гребешком в тумане.
А снегопад — как звездопад! —
В нем невозможно без желаний!

Как невозможно без любви
В ночном раскачанном вагоне:
Циклон в полях, метель в крови,
Судьба в разгоне и возгоне.

Там, за стеклом, поля летят.
Метется белая пустыня.
На стыках скоростной набат:
«А снегопад — как звездопад!»
А снегопад — как звездопад...»
И эхом, эхом твое имя.

* * *

Мы сдвинем города
И сядем рядом.
Косматая звезда
Увязнет садом.

В сплетении ветвей
Забьет лучами.
Ладонь твоя в моей
Сожмет печали.

Смещая русла рек,
Хребты сминая,

Вернется беглый век
К исходу рая.

Где росный вертоград
На сонном склоне,
Безмолвный звездопад,
Ладонь к ладони.

Где помнят все всегда
Не осуждая...
Мы сдвинем города —
К порогу рая.

* * *

Я тебе расскажу, — ты лишь слушай! —
Расскажу о пожарах в снегах,
О восторгом опоенных душах,
Что кружат в грозových облаках.

Я тебе расскажу, — ты доверься!
Про великий и малый миры,
Про Стожар и Чигирь, про медведиц,
Про хозяйку подводной дары.

Ты доверься и слушай, и слушай:
В той дали, где я жил без тебя,
По границам меж хлябью и сушей
Лебединные девы трубят.

Реки там не познали пределов,
И ветрам заграждения нет.
Люди искренни, мысли их смелы...
Там закат зажигает рассвет.

В ковыли оседают курганы,
Древних воев и полубогов.
И таятся во льдах караваны,
С закаспийских зайдя берегов.

Бивни мамонтов сломанным лесом
Стелют гати бескрайних болот...
Ты послушай меня, ты доверься —
То тебя мое время зовет.

ИЗ ПОЛКУ ИГОРЕВА

Встали плотно плечом в плечо.
За спиной догорает небо.
Разве ж кто-то под смертью не был?
Встали плотно плечом в плечо.

Долгий выдох и острый прищур.
Ожидания пепельный ветер.
Будет сход дерзновенен и светел.
Долгий выдох и острый прищур.

Будет бой как довременный пир.
С босым волком кобель угрызется.

С яра-тура руда изольется.
Будет бой как довременный пир.

Нет нужды ничего объяснять.
Стали плотно, прищур и выдох.
Равнославны в живых и убитых.
Нет нужды ничего объяснять.

За шеломом родная земля.
За спиной догорает небо.
Мы не ради казны или хлеба —
За шеломом родная земля.
Разве ж кто-то под смертью не был?

* * *

Вострубили ангелы зарю...
Я уже почти что не тоскую.
О судьбе ухмыльно говорю,
Оценивая прошлое всухую.

Я уже опять почти герой
И вот-вот начну дарить советом.
Только вспыхнет солнце над горой,
Облучит мой мир теплом и светом,

Только шелохнутся тополя,
Заискрятся на реке разводы,
Выстелет земля свои поля
Ветреным любезностям свободы —

Уж готов и петь, и хохотать,
Задирается, городить, мозолить —
За что в детстве поддавала мать,
Я готов теперь себе позволить.

Хватит вялых и невещих снов,
Время явность обрести руками.
Разнотравье разноцветных слов
Заплетя сонетными венками,
Разрумянить рифмами девиц.
Осадив трибуна пред толпою,
Усладиться смутой важных лиц...

Да сбежать болотную тропую
Упражняться в хороводье птиц
Ангельской заутренней трубою.

* * *

По болоту ржавыми ручьями
Собиралось озеро кривое.
В нем зеркально небо отражалось,
Небо черное, где облака из крови.
Там жила-была одна царевна,
Не мигая, в облака смотрела,

Все смотрела: не летит ли стрелка
Легкая, да острая, да с перьем,
Не несет ли скорую свободу

На пиры, на танцы да забавы
Пред глазами милого Ванюши...

Но летели только самолеты,
Где-то, где-то поезда стучали,
Да охотники палили порох.
Видно, нет царевичей на свете,
Чтобы чудо в мире совершилось,
Чудо-чудное — любовь как жертва.

ПЕРЕЗВОН

Где-то там — там — там —
За далекой горой,
Стоит храм — храм — храм
По-над смуглой рекой.
Там — храм,
Храм — там.
Высоко... Далеко...

Там, где солнце осело в пыли,
Туго рожь васильки оплели,
Кружат пчелы в тяжелом меду,
Родники пузыряются в пруду,
Вечер пьян облаками огня
Без меня.

Где-то там — там — там —
За далекой горой...

Знал я, знал мокрый лес и стога,
Где шиповник хранит берега,
Где царь-рыба в кочарах лежит,
Стрекоза над кувшинкой дрожит...
Вечер пьян облаками огня
От меня...

Стоит храм — храм — храм —
По-над смуглой рекой...

Все стремительней годы в глазах.
За беспамятство прячется страх.

Зацепившись, держусь за покой,
И уже каждый день дорогой.
В каждый вечер все меньше огня
Для меня.

Где-то там — там — там —
За далекой горой,
Стоит храм — храм — храм
По-над смуглой рекой.
Там — храм,
Храм — там.
Высоко...
Далеко...

ОСИНОВАЯ КУПИНА

Ах, года вы мои золотые!
Вам цена — прокипевшая кровь.
По осенним ландшафтам России
Я вернуться пытаюсь вновь.

Узнаю, и как будто бы заново
Проживаю бывшие пути:
Перелесок под взорванным заревом,
Выгибаемый ветром, гудит,

Поле мокрое, холм скособоченный,
Над гумном ожерелье ворон.
На коньке пастушок озабоченно
Объезжает разбитый загон...

Так в точь я —
в мелкий дождик еланями
Собирав одичавших телят,
В негорячем осиновом пламени
Услыхал, как мечты говорят.

Повело, понесло, позаснежило
В расцарапанных в зиму полях...
Я живым пронесен был по нежиле,
Чтобы мир не ценился в рублях.

Чтобы платой за всё — только алая
В сизых мшаниках осыпь осин.
И чтоб золото запоздалое
Уступало богатству седин.

Чтоб сродниться не с опрометчиво
Закопавшим таланты рабом,
А с таким же,
предсмертьем освещенным,
Говорившим со мною кустом.

Перед робким октябрьским пламенем
Я стоял *не снимая сапог...*
Неужели опять то же знаменье?
Тот же мокрый насквозь пастушок?!

Он коня понуждает коленами,
Он замерз, и устал, и сердит.
Только я уже знаю наверное:
Перед ним тихо ангел летит.

И когда пастушок вдруг очутится
За оградой хозяйских забот,
Пусть ему тоже, тоже почудится,
И пусть шепот листвы позовет.

Позовет в города отдаленные,
Там, где люди красивы как сон...
Я здесь вновь, чтобы было позволено
Быть зарытым под этим кустом.

Чтоб под палой листвой отсырелою
Раствориться в отчизну свою.
Где, сойдясь, пастухи поседелые
Отслужили б по мне литию.

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед». «Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г. и № 1 за 2011 г.

III и IV члены Символа Веры (конспективно)

27/9 сентября 1951 года

1. От чего нужно было спасти людей?

От греха, проклятия и смерти.

2. В чем состояло преступление человека?

Три зла породил человек своими преступлениями заповедей Божиих:

а) оскорбил Бога;

б) исказил в себе Образ Божий: помрачил разум, извратил волю, ожесточил сердце;

в) произвел пагубные последствия в своей природе и во всей Вселенной.

3. Мог ли человек своими силами загладить такие поступки свои?

а) Нужно было удовлетворить бесконечному, оскорбленному грехом правосудию Божию и принести Ему такую жертву, которая бы равнялась безмерно тяжкой вине целого рода человеческого и вполне искупила бы все грехи и всех вообще людей.

Такую жертву человеку принести вообще невозможно: он не мог искупить не только всех грехов мира, а и ни одного из своих собственных...

Здесь ясно ощущалась нужда в помощи высшей, Божественной.

В самом деле, кто мог удовлетворить Бесконечному, как не Бесконечный же? Кто, как не Истинный Бог, Сын Божий, Который сказал о Себе:

Аз есмь изглаждай беззакония твоя Мене ради, и грехи твоя не помяну.

б) Во-вторых, нужно было исправить человеческую природу, возобновить в ней Образ Божий, Который помрачился в ней, и внести в нее свет и жизнь, которых она лишилась через грех.

Исполнить это могло только Лицо Божественное.

Для возобновления Образа Божия в поврежденной природе человеческой необходимо было прийти на землю Тому, Кто есть Совершеннейший Образ Бога Невидимого, то есть Сыну Божию, Который есть Истинный Бог. Равным образом внести в поврежденную природу человеческую Свет и жизнь мог только Истинный Бог — Сын Божий, Который сказал о Себе:

Аз Свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тьме не пребудет (Ин. 12, 46).

Что же касается до человека, то он сам собою не мог ни возобновить в себе Образ Божий, так как он не есть Образ Божий, а только сотворен по образу Божию, ни внести в природу свою света и жизни, ибо не имел в себе самом источника к тому.

в) В-третьих — нужно было, разрушив дела диавола и победив его совершенно, загладить все следствия греха в целом мире, восполнить полноту мира и возглавить всяческая, по слову Апостола, то есть надобно было воссоздать мир.

Исполнить это еще более невозможно было для человека. Как он мог победить диавола, когда не имел над ним никакой власти, а, напротив, сам находился под властью диавола? Как человек мог уничтожить расстройство в видимой природе, когда не мог исправить своей собственной?

Один только Истинный Бог — Сын Божий — мог победить диавола, ибо Он имел над ним власть как Творец мира Невидимого, а равно воссоздать мир как Творец мира видимого.

Посему-то мы и веруем, что Иисус Христос нас ради человек, нашего ради спасения сшел с небес, воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился.

А сделал это Он не по иному побуждению, но для нас, для нашего спасения. Как Бог вездесущий Сын Божий всегда есть, был и будет на небе и на земле.

Но, говоря «сшедшего с небес», разумеем сошествие Его в нашей человеческой природе. Природу нашу Сын Божий принял не так, как мы принимаем. Он принял ее от Духа Святого и Марии Девы, Которая и до Рождества, и во время Рождества и после Рождества пребыла Девою. Как это могло быть, понять невозможно: велия есть благочестия тайна — Бог явился во плоти (1 Тим. 3, 11).

«Сын Божий вселился в Пречистую Утробу Преподобной Девы Марии, принял плоть человеческую и сделался человеком, со всеми членами человека и разумною душою, соединившеюся с Бо-

жеством, и в одном и том же Лице стал Истинный Бог и истинный человек» (Православное исповедание).

И говорим в Символе Веры: «вочеловечшася», разумея в этом слове, что Сын Божий действительно стал человеком полным, имел все, что есть в человеке, кроме греха, а не какое-то призрачное тело, только вид человека. В Слове Божиим содержатся ясные свидетельства тому:

Иисус Христос, как все люди, радовался (Лк. 4, 2; 10, 2);
возмущался, скорбел (Ин. 11, 33);
устал, жаждал, алкал, нуждался во сне и проч. (Мф. 4, 2; 26, 37).

Да и самое дело спасения человека требовало, чтобы Сын Божий был истинный человек (Мк. 4, 3).

г) Жертвою, Которая вполне удовлетворила бы бесконечной Правде Божией и таким образом заслужила бы прощение всем-всем людям, могли быть только страдания и смерть Бесконечного Существа — Сына Божия.

Но как мог пострадать Сын Божий — Бесстрастное Существо?

Как мог умереть Тот, Кто Сам жизнь и Источник всякой жизни?

Не иначе это могло быть, как только через восприятие плоти человека, которая может и страдать, и умереть.

д) Прекрасно говорит св. Иоанн Дамаскин, объясняя, почему Искупитель обязательно должен быть Богочеловек:

«Сын Божий сделался человеком, чтобы побежденное победило. Дьявол победил человека и держал его под властью своею.

Всемогущий Бог мог всякий момент вырвать человека из власти мучителя Своею Всемогущею властью и силою, но тогда мучитель имел бы предлог жаловаться, что дьявол — своею силою победил человека, но потерпел насилие от Бога. Потому-то Милосердный и Человеколюбивый Бог восхотел самого побежденного и падшего человека явить победителем дьявола и делается человеком, чтобы восстановить подобное подобным».

ПРОЗА

**Иеромонах РОМАН
(МАТЮШИН)**

С ТОГО СВЕТА

Рассказ

Иеромонах Роман (Матюшин) — родился в 1954 году в селе Рябчевске. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 году принял монашеский постриг. В 1985 году рукоположен в иеромонахи. Автор многих книг стихотворений и песен. **Живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.**

Пост подходит к концу, казалось бы, радоваться надо приближающемуся Рождеству. Да вот узнал о декабрьских событиях, и душа закровоточила: то ли страна уже летит в пропасть, то ли в безвыходнейшем тупике. Кругом корыстолюбие, лукавство, обман. С ног до головы покрылись нравственной проказой, да еще, ко всем прочим напастям, ветхозаветный плен. А грозовые тучи все собираются и собираются, готовя народу величайшие потрясения. И по человеческому разумению — нет ни единой возможности выкарабкаться из трясиного тупика. Ни единой! Несколько дней душу постоянно саднило покаянным воплем: — *Господи, спаси ны, погибаем!* И Господь вразумил! И как же вразумил! Вот об этом расскажу подробнее.

В понедельник нацепил тонкие беговые лыжи и пошел по болоту в Боровик. Намеревался прийти к обеду, поздравить отца настоятеля с днем рождения, немного пообщаться и затемно вернуться в скит.

Так было на прошлой неделе, когда Вячеслав, местный рыбак, ягодник и грибник, приносил в Ветрово почту. Тогда он пришел распаренный, измотанный дорогой по глубокому снегу. За чаем, узнав, что собираюсь его провожать до деревни, стал меня отговаривать:

— Батюшка, не пройдет! Там все заросло, снегу полно, я на лесных лыжах еле дошел.

— Посмотрим, будет видно.

В самом деле, путь оказался нелегким, но я шел за рыбаком,

и мы благополучно добрались. В доме о. Ф. переоделся в сухую одежду хозяина, пообщались за трапезой и я пошел обратно, чтобы затемно вернуться в скит. Так и получилось. Лыжня указывала направление, и до темноты уже открывал двери скита. То же самое намеревался проделать и в его день рождения. Но... все оказалось гораздо сложнее: прежний след от лыжни покрыло снегом, лыжи утопали, становились грузом на ногах, втыкались в кочки, путались в порослях кустарника.. После десяти метров понял, что не дойду, решил пойти по реке. Еле развернулся в зарослях и кочках и пошел по льду. По реке идти легче, но на повороте ткнул палкой в лед и увидел под снегом воду. Опасно! Развернулся и снова попытался пройти по болоту. Дойдя до электролинии, выбился из сил, посмотрел в сторону деревни, пожелал всех благ имениннику и стал пробираться в Ветрово.

И вот настал четверг — 23 декабря 2010 года. Истопил печь, попил чаю, надумал посетить о. Ф. Помня о неудачной попытке, решил пойти в легких брезентовых сапогах с прорезиненной материей на уровне галош. Сунул в сумку гостинец — шкатулочку с видом своего Храма, вложил туда просфору. Одедся по-осеннему — тонкий подрясник, спасательный жилет на случай коварного льда, легкую куртку и русский куколь на голову. Взял топор, чтобы заодно почистить проход паломникам, помолился и пошел. Деревня стоит на другой стороне речушки. Лед выдержал, но все-таки решил идти болотом. Тропинка затерялась под снегом, ориентировался на виднеющуюся полосу леса. Проваливаясь в сугробы — где по пояс, где по колено, медленно двигался в сторону деревни. Выдохся и промок быстро: сказывался пост. Опираясь на топор, переводил дыхание, утирал пот с лица и шел дальше. Идти-то всего ничего, полторы версты напрямик, самое большое — час ходу. Вошел в лес. Тропинка полностью заросла кустарником и молодыми березками. Тут главное вовремя свернуть влево, немного пройти, повернуть вправо и дальше уже двигаться напрямик. Так и сделал. Как мне казалось, в нужном месте свернул влево и вправо, но это только показалось. Ушел влево от прямой тропы, пытаюсь выйти на эту самую тропу. Сапоги проваливались в болотную жижу, мокрую материю сразу охватывал снег, намокал, леденел, образуя тяжеленную броню. Бил обухом топора по сапогам — снег, не успевший стать льдом, разлетался под кустарники и ольху. Ко всему прочему, потянул левую ногу. Идти стало тяжело. Превозмогая боль в ноге, надумал взять вправо, чтобы выйти к берегу. Промок насквозь быстро. В сапогах чавкала вода, перчатки и одежду можно было выжимать, но сильного холода не чувствовал, хотя было —10 градусов. Даже падая в снег, испытывал холод, который отрезвлял, заставлял быстрее вставать и отходить от сугроба. Сколько так продолжалось, час, два? Трудно сказать. Вместо ожидаемой речушки неожиданно вышел на опушку. Увидел стог сена, обрадовался, направился к нему отдохнуть. Стог сена оказался

огромным корнем поваленного дерева. Великанская шапка снега превратила корень в стог сена. Заблудился!

Топором сгреб снег со ствола, присел. Ноги и руки начали коченеть. Поогогокал на все стороны — тишина. Нет, пока еще не стемнело, пока есть силы, нужно идти назад по следу, который выведет в Ветрово. Видно, сегодня мне уже не попасть в Боровик. Но, даже если выйду из леса и узнаю дорогу в скит, хватит ли сил дойти? Пошел назад, выбился из сил, через час притащился к этому же месту! От напряжения сердце рвалось из груди, в висках стучало, пот заливал глаза. Значит, надо немного вернуться и пойти совсем в другую сторону: раз тут опушка, напротив должна быть река. При одной мысли, что снова придется возвращаться и неизвестно куда пробираться, становилось не по себе. Но была надежда выйти к реке. Трудно сказать, сколько времени шел или плыл в глубоком снегу — вышел на просеку. Совсем незнакомые места — холмы, огромные сосны. Откуда на болоте взялись холмы? Вдоль просеки шла заснеженная дорога. Видимо, летом сюда приезжали за лесом. Куда она ведет? Куда бы ни вела, куда-то выведет. Побрел по ней. К моей беде, снегу на дороге было не меньше, если не больше, чем в лесу. Нет, долго так не пройду, таяли последние силы. Метров через двести увидел пенёк, смахнул с него шапку снега и понял, что лес возили несколько лет назад: пенёк был трухлявый, сплошь покрытый мхом. Приплыли! Опустился на пенёк. Пораженческая мысль обволакивала страхом: не выйти! Скоро стемнеет, не выбраться! Глупая смерть! Как мог выйти из дома без фонаря, без спичек, без ручки и бумаги? Да хотя бы взял телефон, сейчас бы сообщил, что заблудился, организовали бы поиски. А теперь станут искать только перед Рождеством. А если повалит снег, тогда только по весне отыщут, если волки или медведь не найдут раньше. Достал из шкатулки просфору, надкусил, освящаясь перед смертью. Надо же, даже завещания не составил! Написать на снегу, что заблудился? Буквы останутся до первой поземки. Спокойно, никаких эмоций, никаких резких движений! А если разложить по полочкам? Все мы ходим под Богом! Не просто так мне это попущено. Да, по человеческому разумению шансов никаких: годы не молодые, тело не тренировано, слабость от поста, оделся по-осеннему, насквозь мокрый. А может это милость Божия? Господь сказал: «В чем застану, в том и том и буду судить». Есть возможность умереть на молитве, а это уже великий дар, которого удостаивались верные дети Божьи. Месяц назад тебе исполнилось 56 лет. Молись, кайся, пришло твое время. Начал усиленно молиться: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя! Святителю отче Николае, моли Бога о мне грешнем! Все святии, молитесь Бога о мне грешнем! Господи, если сейчас меня призывает, да будет Твоя Святая воля, прости только мою окаянную жизнь! Ангеле Хранителю, отогнал Тебя своими грехами,*

прости меня! Помолился и своей приснопамятной матери: — *Мать Зосима, твой сын в беде, если можешь, помоги, помолись, чтобы на мне исполнилась воля Божия!* Может, дать какой обет, принять великую схиму, если выживу? Да ведь и монашеские нарушены, какая тебе схима! Ног уже не чувствовал, пошевелил пальцами, вроде пока слушаются. Скорчился, переключился на Иисусову молитву. Странно, при полной уверенности, что не выйду, не было отчаяния, глубоко теплилась не угасшая надежда, голова была ясной. Жил, как во сне, помираю, как в сказке. Ели, сосны, пни, валежник и кустарник укутаны толстым слоем снега. В другое время глядел бы и не нагляделся. Ну вот, любил красоту и умираешь в красоте. На душе легко и покойно. Попросил прощения у тех, кого ненароком обидел, помолился о любящих и ненавидящих меня. И тут подумал, какой удар должны выдержать мои родственники, вспомнил о тех, с кем общаюсь и общался. А бедный кот Барсик? Ждет хозяина; сколько протянет на морозе без еды? Пропадет животное! Перед глазами обрывками проносилась вся жизнь, вспоминалось не самое лучшее...

Ну что ж, пора готовиться ко Встрече. Хотя, если застыну на этом пенечке, потом и в гроб не войдешь, надо поискать место, где можно лечь и скрестить руки. Но... если лягу сейчас, могу оказаться самоубийцей: за жизнь надо бороться! Посмотрел на дорогу — придется возвращаться по своим следам. А не залезть ли на сосну и посмотреть по сторонам? Мысль неплохая, но силенок явно не хватит. Смеркалось. Нужно идти, идти с молитвой, без резких движений, не сбивая дыхание, оберегая последние силы. Даже если Господь сотворит чудо и выберусь, с ногами, видимо, придется попрощаться. Отошел от мощных старых сосен и углубился в чащу кустарника. То и дело натыкался на свои следы, пересекал их, в надежде найти более мелкий снег. Темнело на глазах. Обессилев, прислонялся к березке, ольхе, обнимал их и, закрыв глаза, переводил дыхание. И молился, молился, молился! Вспомнились кадры с птицефермы: женщины выносят ящики с однодневными цыплятами, высыпают их в бочки и заливают водой. Несколько цыплят упали в снег, нахотелись, замерзают. Жуткая съемка нечеловеческой жестокости! Как жить после этого? Разве вопиющий грех останется ненаказанным для человечества? Не останется! А сейчас и сам, как тот беспомощный цыпленок в снегу. Слава Богу, кто-то же должен платить!

Стемнело быстро. На мутном снегу угадывались стволы и сучья кустарника. Почудился собачий лай. Сдернул куколь с головы, прислушался, покричал — тишина. Куда идти? Если раньше снег холодил, отрезвлял, то сейчас, при падении в сугроб, оделял дрожью и ознобом. Значит, совсем немного осталось потерпеть. Сел на толстую ветку, посмотрел на небо. Всюду оно одинаковое, безпросветное. Впрочем, по правую сторону, кажется, светлее. Или блазнится? Нет, в самом деле, светлее. Снова пошел в обратную сторону. Падая в снег, проваливаясь в болото, продираясь через кусты, шел какое-то

время в сторону света. Остановился, посмотрел — нет, небо такое же, как и везде. Или, все же, не такое? Какая разница! Иди, пока не свалился окончательно. И тут, с правой стороны, тускло блеснули огоньки. Волки! Один, два, три. Ну вот и докричался, конец странствию. Удивился себе: не испытал никакого страха от внезапной встречи. Наоборот, опасность придала сил и взбодрила.

— Волки, я здесь! Доведите до деревни! — прокричал с неким вызовом. Волки стояли на том же месте. Поглядел на хлипкий кустарник — некуда взбираться, а убежать ослабевшему даже мысль не пришла, да и куда? Перекрестился, сжал топор и пошел на них: все равно ведь помирать. Стоят, как застыли. Еще прошел. Стоят, не перебегают, только огоньки глаз засветились посильнее. А может, это не волки, а огоньки от костров браконьеров: завалили лося или кабана и свежуют? Покричал им — никто не отозвался. Приковылял еще поближе — огоньки хат! Присмотрелся и понял, что это дом о. Ф., вид со стороны леса. Собрал последние силенки, продрался сквозь кустарник и наткнулся на сетку изгороди. С третьей попытки перевалялся через сетку, удержался на ногах и снова, по пояс в снегу, поплыл по грядкам к дому. Возле гаража вышел на очищенное твердое место и будто костылями задвигал негнущимися ногами. Увидев меня, псаломщица Лия, оставив ведро, бросилась навстречу:

— Батюшка Роман, откуда?

— С того света, — прошептал не слушающимися губами. Выскочивший о. Ф. подхватил меня, помог взобраться по ступенькам. В теплом доме с его помощью сунул руки под холодную струю воды, избавился от заледеневшей обуви и одежды, переоделся в сухое.

— Вышел к вам около 12 часов.

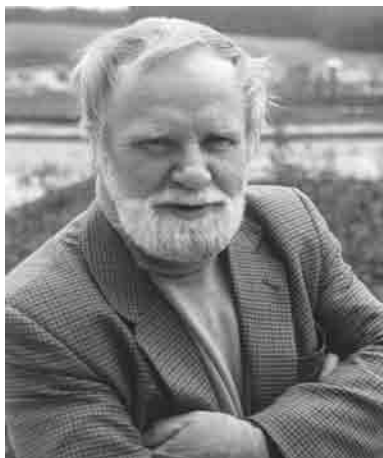
Отец Ф. быстро глянул на часы: — Сейчас около восьми. При чем стемнело часа два назад, вы шли шесть часов днем и два часа в полной темноте — итого, восемь часов!

...Всю ночь не мог уснуть, лежал, смотрел на огонек лампы и творил Иисусову.

Утром встали на лыжи: без них бы не доковылял. Отец Ф. проводил до скита и поспешил обратно. Затопил печь, накормил кота и сел в кресло. Сильно клонило в сон, но все же встал, облачился и начал служить благодарственный молебен за явленное чудо — возвращение с того света.

А через несколько дней осенило: да ведь это ответ Свыше на переживания и тяжкие думы о Родине! Не усомнился, взмолился человек, и Господь сотворил чудо, вывел! Одного помиловал, народ ли не помилует? Ах, как бы нам стать Его народом! Братья и сестры! Не оплакивайте Россию, глядя на Ее уничтожение: жива Она! Живы и мы! Нам бы только сплотиться, взмолиться, и Любящий Спаситель сотворит Чудо — выведет! Нет бездорожья в Пути! Нет лжи в Истине! Нет смерти в Жизни! Нет поражения во Христе!

ПРОЗА

Василий БЕЛОВ

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

Весной в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. Жизнь и земля со всею природой выходят из своих берегов и топчут душу в безжалостном счастье. Это тогда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала.

Прошла единственная минута, короткий момент исчезания последнего холода. Ушла, изморилась вконец поверженная апрелем зима. Вот в тревожной темени родилось и двинулось всесветное, уже не слоистое, а тугое, плотное тепло, превращая себя в мощный и ровный ветер. Дрогнули готовые распуститься деревья. Где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сшиблись широкими лбами темные облака. Неяркая вешняя молния сиганула в лесную теплую мглу, и первый трескучий гром чисто и смело прокатился над миром.

Будто раскатилась каменка нездешней, какой-то сказочно богатырской бани.

Странная тишина томится в лесу после этого грохота. Ветер не дует, а давит сплошь, все замирает.

Дождь прошипел в ночи обильно и коротко. Везде в снующей, исчезающей темени сопит пахнувшая корнями земля: это зашевелились в несметном числе травяные ростки, поднимая и распахивая прошлогодние листья, хвоинки и сгнивающие сучки.

Утром золотые столбы испарений поднимаются в лесных прогалинах, словно добрые призраки, они безмолвно и быстро

меняют свои исполинские контуры. На березах еле слышно оживают размякшие ветки, от лопающихся почек они тоже меняются, делают свой уток и основу. На восходе легко и неторопливо выпрастываются из почек маленькие, в детский ноготок, листочки. Солнце выходит очень быстро. Яростно-новое, с неопределенными очертаниями, оно греет еще бледную, но густеющую с каждой минутой зелень березняка. Птицы поют взахлеб, земля продолжает сопеть и попискивать, все поминутно меняет свой образ. Везде в мире жизнь и свобода, и сердце сопереживает чувство освобождения: да не будет конца свободе и радости!

Да не будет конца. Но там, за чередой весенних дней, земля уж обрастает жирной травой. Зелень полян незаметно теряет свою первозданную свежесть, и жесткими бородавками покрывается когда-то нежный березовый лист. Ленивеют и толстеют в небе опаловые облака, идущие все в одну сторону, надменно, самодовольно начинают рычать огрубевшие громы. И тогда в лесистых чащобах рождаются полчища кровожадного гнуса, ползут и ползут по веткам бородастые мхи. В земле, меж миллионов корней, враждующих и борющихся за ее кровь, цепко ветвятся, проползают грибницы. И никому не известно, что творится в темном земном нутре, только поверх тут и там поднимаются красные шапки мухоморов. В такую пору в лесу впервые ощущается запах гнили. Еще не стихло зеленое, разнузданное пиршество лета, а нити грибных дождей уже напрасно сшивают самобранную июльскую скатерть: в сентябре одно за другим все умирает, засыпает будто в похмельном сне.

Зачем же, ради чего была тогда и весна? Если в декабре снова все в мире оцепенело, если опять все сковано ледяными цепями, белою снежною шубой?

Но снова ждешь почему-то такой же весенней ночи. Ждешь, хотя знаешь, что с нею придет то же самое и что все будет точь-в-точь как и раньше.

Родная РЕЧЬ

**Борис
СЕРГУНЕНКОВ**

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Борис Борисович Сергуненков — православный, родился в 1964 году. Предприниматель. Окончил геологический факультет ЛГУ. Работал научным сотрудником во ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского, руководителем научно-производственной фирмы «ВАПА» и научно-технического центра «ВАК». Общественная деятельность — является членом Правления Александро-Невского Братства и сообщества «ДелоРус». Живет в Санкт-Петербурге.

«Кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностью употреблены быть могут».

А. С. Шишков

Проблема изучения истинных глубин и основ русской жизни и русского государства требует от нас более вдумчивого и объективного отношения к славяно-русскому (церковнославянскому) языку.

Необходима серьезная доработка методик преподавания русского и славяно-русского языка. Стоит признать, что существуют два связанных направления — исторический (память—сохранение) и современный (применение—развитие).

В настоящий момент методики преподавания русского языка не в полной мере сочетают эти направления и основываются, главным образом, на историческом аспекте, который может вводить обучающихся в заблуждение об исключительно последовательной эволюционности развития русского языка.

Основная ошибка, на наш взгляд, кроется как раз в том, что при этом подходе недостаточно подчеркивается живая сторона славяно-русского языка в современных условиях и единство славянского и русского языка только декларируется.

В первую очередь, необходимо договориться о том, что церковно-славянский не язык-памят-

ник, а корнеобразующая живая часть современных русского, украинского и белорусского языков — духовная их составляющая. Главным доказательством этого является с каждым годом нарастающее войско православных и близких к православию людей, которые являются живыми носителями славяно-русского языка. Они буквально отвоевывают духовное поле в современных условиях.

В народном и гражданском образовании вопрос древности славяно-русского языка уходит на второй план, а выглядит главным — современное развитие и применение в жизни высшего стиля русского языка. Необходимо говорить о применении живого языка во всей его полноте, а не о прекрасном памятнике.

Раскрывая духовную, сакральную сущность славяно-русского языка, мы подходим к неизбежности изучения его нашими верующими соотечественниками. Но есть еще очень важный аспект, касающийся современных слов и речи. Дело в том, что более 50 % используемых слов в литературном и значительная часть в обывденном языке — это славяно-русские слова, которые никак нельзя отнести в разряд памятников. Так, и атеисты, и сектанты, и люди других верований, если они в своем общении используют русский язык, сами того не зная, применяют славяно-русские (церковно-славянские) слова.

Поэтому основной языковой проблемой современного русского человека является проблема — насколько он забыл свой духовный (славяно-русский) язык и заменил его на инородные и иноземные языки.

Нам, русским людям, необходимо стремиться к тому, чтобы наши дети не лишались полноты и единства русского языка, и не допускать подмены его различными подделками советского, постсоветского или иноземного происхождения. Нам не нужен псевдорусский язык псевдорусского мира.

Всем, кто болеет о судьбе русского народа, необходимо постоянно помнить о важности изучения и применения своего языка во всей его полноте, тем самым приближая неизбежность позитивных изменений, связанных с падением злополучной безбожной химеры.

Превращение людей без роду и племени в послушных рабов и биороботов или думающая, творческая, созидаящая деятельность наших соотечественников и их преображение — вот какой выбор стоит перед нами при осмыслении проблем изучения и применения русского языка в современных условиях.

Иногда можно услышать и прочесть о необходимости перевода языка православного богослужения на светский язык. Предлагается убрать из церковного обихода славяно-русский язык. Это большая ошибка, и здесь важно всем, сообща, твердо стоять на позициях, поддерживающих сохранение, применение и развитие славяно-русского языка. Языки духовный и светский должны занимать каждый свою нишу, и стоит вспомнить о том, что в XX веке славяно-русский язык

насиленно был изъят из народного образования, но его невозможно было вытравить полностью из сердца русских людей.

Состояние духовной и мирской жизни народа отражается в отношении народа к своему языку. По тому, что мы читаем и слушаем, как мы пишем и говорим, можно судить о наших сердечных и душевных возможностях. Именно в языке проявляются самобытность и все особенности нашего русского характера.

Духовная глубина языка, красота слова и чистота нашей речи — обязательные составляющие благополучия народной жизни.

Наша зависимость от культуры других народов проявляется в частоте использования иноземных слов и словосочетаний.

Сложное время, переживаемое нами, время смуты и разорения всех народных устоев наблюдается в исторической перспективе не в первый раз. Были времена, когда русская знать увлекалась немецким, польским и французским языками. Все эти увлечения заканчивались вполне конкретными бедами для нашего народа. Сейчас наблюдается пагубное для нас увлечение английским языком, американизмами и «языковыми болячками».

Важно то, что мы наконец-то заговорили об языковых проблемах и о неблагоприятной и опасной тенденции разрушения русского языка.

Все больше и больше наших соотечественников пытаются применять русский язык во всей его полноте, а образование, которое дается и утверждается светской властью сегодня, ничем не отличается от советского времени.

Как можно говорить о полноценном современном гуманитарном образовании без его основы — славяно-русского языка?

Вся классическая русская литература пропитана славяно-русским (церковно-славянским) языком, без него современный русский язык выглядит бедным и ущербным. Важно сказать, что современный русский язык без славяно-русского языка существовать не может, и такой язык относится к псевдорусскому.

Ущемление полноты русского языка влечет за собой и отказ от изучения и восприятия всего того, что с духовным языком связано. Поэтому то, что мы сегодня обсуждаем — это реакция на негативные и опасные проявления в области изучения, преподавания и применения нашего языка.

Вряд ли простыми действиями можно решить накопившиеся проблемы. Но организованная реакция русского общества, безусловно, должна повлиять на дальнейшую судьбу русского языка, ведь для нас это жизненно необходимо.

В заключение отметим, что возрождение и духовное преображение нашей жизни после смертельных испытаний XX века предопределены. И едва ли это пройдет быстро, без сопротивления злых сил, но нам важно соборно и с молитвой последовательно отстаивать права своего народа (языка).

Галина КУЧИНА

«СВЕТЛЫЙ И ДОБРЫЙ ОБЛИК...»

*Из воспоминаний
«Встречи с артистами»*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее разворачивает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Событие года! А было это в 1986 году 20 апреля. Государственный симфонический оркестр под управлением Евгения Светланова в Мельбурне! Реклама и в газетах, и на телевизионных каналах, и по радио. Билеты заказаны, еду на концерт. Концертный зал переполнен. Атмосфера ожидания чего-то необыкновенного... Медленно, спокойно идут на сцену музыканты, занимают свои места. Входит Светланов. Стройный, одухотворенный, светлый, всем своим видом подтверждающий свою фамилию — Светланов. Зал замер. Взялась рука с волшебной палочкой и полилась божественная музыка.

Играли увертюру Шестаковича «Фестиваль». Все 115 оркестрантов творили чудеса под вдохновенным руководством гениального Евгения Светланова. Я не могла оторвать взора от него. Это неистощимая энергия, энтузиазм и элегантность в каждом движении. Его светлый и добрый облик является вдохновенным источником, дарящим людям радость и жизненную силу. Восторженные аплодисменты долго не смолкали. Много раз пришлось Е. Светланову выходить на сцену, пока не вышел артист с мировой известностью Валерий Климов.

Выступления Валерия Климова на западе, особенно в Америке, вызывали бурный восторг, и нам, жителям Австралии, удалось испытать радость слышать талантливейшего скрипача и поражаться, как в огромном зале, на сцене которого находилось 115 оркестрантов, возможно слышать звук такого маленького и нежного инструмента, как скрипка. «Он — воистину скрипач огромного таланта, большой духовной силы, незаурядного мастерства», — сказал о нем композитор Арам Хачатурян.

Играл Климов Violin concerto in D minor Хачатуряна. Эта божественная музыка уносила в неизведанный мир радости и покоя.

Зал гремел от восторженных аплодисментов.

Концерт окончен, я с подружками стремительно лечу к выходной двери для артистов. Выходят музыканты, некоторые из них бережно несут свои инструменты, другие неуверенно приглядываются к окружающей публике. Мы — это я и мои подружки, не теряя ни минуты, знакомимся, благодарим за доставленное нам удовольствие, выражаем восторг от концерта, и незаметно возникает вопрос можно ли пригласить их в гости. На оживленных лицах музыкантов появляются улыбки, строятся планы как и когда осуществить встречу. Их так много, а нас всего три женщины-подруги, которых связывает любовь к искусству и любовь к России и соотечественникам.

В самый разгар разговора появляется мужчина, роль которого даже мы, не искушенные в нюансах советской жизни, поняли, и, к нашему общему счастью, уже до его появления мы успели составить план. Мои подружки подъедут в назначенное время и заберут столько музыкантов, сколько они смогут поместить в три автомобиля. Я остаюсь дома, накрываю стол, подготавливаю все для встречи. Дело в том, что весь оркестр был размещен в двух отелях. Они мне сказали в какой отель нужно приехать за ними. Кстати, мы всегда так делали и принимали артистов балета, цирка, артистов эстрады, и подобные встречи всегда проходили в моем доме, двери которого были обычно открыты для друзей.

К назначенному времени подходят одна за другой машины, гости входят несмело, я с радостью приветствую их и очень быстро восстанавливается атмосфера доверительная и непринужденная. Стол наполняется закусками, салатами и прочими блюдами, приготовленными и привезенными подружками и друзьями. Когда устраивались подобные спонтанные встречи, то все приносили что-то к столу и застолье всегда получалось обильным, а после одного-двух тостов уже становились друзьями. Так и тут. Из разговора с одним музыкантом выяснилось, что у нас есть общий друг — главный дирижер Московского цирка, который сразу после гастролей попал в госпиталь с симптомами порока сердца и продолжительное время пробыл в Мельбурне. С ним мы все близко познакомились и старались помочь ему в процессе выздоровления. В очередной раз выяснилось, что мир тесен.

Сергей Красавин, играющий на бассун, рассматривая мой дом, заинтересовался иконами. У меня в каждой комнате в переднем углу иконы. Он задает мне вопрос: «Вы верующая?» Я говорю: «Да, я верующая, а Вы?», на что он отвечает: «Да, я верующий. Я пришел к заключению, что во что-то надо верить. Многие верят в коммунизм, кто-то в Бога. В коммунизм я не верю, а в Бога верю, но не так, как мой крестный. А знаете кто мой крестный?» «Ну где же мне знать!» «Мой крестный Никита Михалков. Вот он истинно верующий. Мне очень жаль, что я не знал Вас раньше, я бы привез Вам старинную икону». Я ему сказала, что это невозможно, на что он мне уверенно ответил, что он нашел бы способ это сделать.

Веселье у нас продолжалось. Ели, пили, пели и танцевали, прозвучало много тостов и подошло время прощаться. Завтра второй концерт и ребята не могли долго понять, почему я не смогу быть на этом концерте. Я объясняю, что по радио я слышала, что билетов больше нет. Полный аншлаг.

Евгений Федорович Светланов

«Какие билеты? Мы Вас проведем без билета. Мы не позволим Вам покупать билет» (кстати билеты были очень дорогие). Но они при всей своей доброте не могли понять, что если уже нет свободных мест, то посадить даже одного человека невозможно. Слышать не хотят, что я не буду завтра на концерте. «Хорошо, — я объясняю, — я запишусь на лист тех, кто отказывается от билета в последний момент».

Раз обещала, значит нужно данное слово сдержать. Приезжаю в театр за два часа до начала концерта. Действительно, нет ни одного билета. Ставлю

свое имя в надежде, что кто-то откажется от своего билета, и вдруг вижу Мишу-скрипача. Он спокойно идет со своей скрипкой. Увидел меня, обрадовался, что я еще раз получу несказанное удовольствие от предстоящего концерта, но я его разочаровала, что по всей вероятности мне не удастся получить билета. Миша и я — люди из двух миров. Он не может понять, что такое может случиться. Не успокаивается, говорит: «Галя, возьмите скрипку и идите со мной». Я уверенной походкой со скрипкой в руках прохожу все коридоры и оказываюсь на сцене. Он меня знакомит с менеджером сцены, который меня приятно поразил и своими манерами, и тем, как он одет — костюм, белая сорочка, галстук, не так, как одеты наши работники сцены. Между нами возникла очень оживленная беседа, как вдруг появляется тот господин, с которым мы познакомились вчера. Менеджер знакомит меня с ним: «Познакомьтесь с очаровательной дамой...» «Мы уже познакомились вчера. Она увела всех солистов к себе, не пригласив меня». Мой новый знакомый менеджер сцены опешил, он не знал всей истории, но тем не менее говорит господину, что должны провести меня в зал. Я скромно стою и спрашиваю, как мне себя вести, а мой вчерашний обиженный «друг» говорит мне: «Вы спрашиваете меня как вам себя вести? Это вы, которая устроила у себя прием для солистов и не пригласила меня! Стойте здесь и ждите!» Причем все это было сказано строго, без намека на шутку. Он не знал о том, что я лично не приезжала за музыкантами, я ждала их дома, и мы не знали, что все были размещены в двух отелях. В этом отеле были солисты, а остальные были в другом отеле неподалеку, и их увезли смотреть какой-то фильм по инициативе самого управляющего. И фильм этот им не понравился, поэтому он был страшно недоволен.

До начала концерта времени оставалось много, музыканты подходят и очень бережно кладут свои инструменты на отведенное для них место. Вдруг заходит на сцену Валерий Климов, узнал меня несмотря на то, что вчера встреча была мимолетной, на лестнице он поднимался, а я спускалась, но тем не менее с очень приветливой улыбкой сейчас успел мне сказать, что рад меня видеть.

Мне было очень интересно наблюдать за тем, что происходит на сцене. Беседа наша продолжалась, я уже чувствовала себя спокойно, независимо,

хотя положение у меня было не очень привлекательное. Стою, как бедная родственница в ожидании подачи, как вдруг быстрой походкой подходит мой вчерашний знакомый, так обиженный на меня, и говорит: «Пошли, следуйте за нами». Я вижу Е. Edgley, за ней идут статная интересная дама и молодой господин. За ними иду я. Нам ставят четыре кресла, потому что, как я говорила раньше, ни одного места свободного в зале не было. Дама оказалась женой В. Климова.

Играли увертюру П. И. Чайковского «Ромео и Джульета». В зал полились дивные звуки музыки, но мое внимание полностью во власти Светланова. Его поворот головы, его движения сильные, энергичные, сменяющиеся нежными, плавными и сопровождающиеся улыбкой, меня просто завороживали. А как он дает понять оркестрантам, что он доволен ими, благодарен и сам аплодирует им по окончании исполнения увертюры.

Меня очень заинтересовала жена Климова. На следующий день я узнала от Сергея Красавина, что она певица и оставила свою карьеру (может быть на время) и полностью делит успех мужа, заботясь о нем и создавая ему условия для творческой работы, в чем я и убедилась. Еще до начала концерта она говорила, что в их номер поступают телефонные звонки, которые нарушают отдых Валерия Александровича. Она искренне возмущалась и отключила телефон.

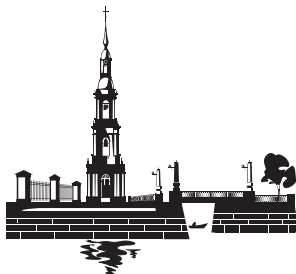
Климов играл Violin concerto in D major Чайковского.

Когда концерт был закончен, она вместе со всей аудиторией неистово аплодировала. Восторженные аплодисменты постепенно стихали, она продолжала аплодировать, и снова поднималась новая волна аплодисментов. И это продолжалось три раза.

Я пригласила ее на бокал шампанского во время антракта, но она говорит: «Что вы? Я бегу поздравить мужа с успехом!» И она действительно бежала. А ведь сама, как я потом узнала, знаменитая певица Раиса Бобринева, заслуженная артистка РСФСР, после стажировки в Ла Скала концертировала по миру, выступала в крупнейших концертных залах, в том числе с Е. Светлановым и Ю. Темиркановым в Карнеги-холле.

Е. Светланов поразил публику и в очередной раз показал свою гениальность. Он начал балет «Гаяне» Хачатуряна и ушел со сцены. Оркестр играл без дирижера, но когда закончил, Светланов входил на сцену с радостной улыбкой и долго аплодировал своим оркестрантам.

Раиса Михайловна, глядя и восхищаясь Светлановым, с волнением сказала мне: «Ведь он каждый раз постепенно умирает, отдавая столько эмоций и энергии!» А я была другого мнения. «Мне кажется, что он каждый раз заряжается новой энергией». Не знаю кто прав.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРО- НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

23 января 2011 года в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, где покоятся мощи Святого Благоверного Князя Александра Невского, состоялся торжественный вечер, посвященный награждению лауреатов Всероссийской православной литературной премии имени св. князя Александра Невского за 2010 год.

Эта единственная в стране, учрежденная монастырем, литературная премия вручается уже в шестой раз.

Среди лауреатов премии за прошлые годы — Глеб Горбовский и Нина Карташова, Николай Коняев и Михаил Дунаев, Валерий Ганичев и Валентин Голубев, Станислав Куняев и Виктор Линник, Владимир Крупин и Андрей Ребров, Михаил Смолин и Борис Дверницкий, Татьяна Шорохова и Сергей Котьяло, Нина Саблина и Нина Орлова, священник Алексей Мороз и Ольга Николаевна Куликовская-Романова, протоиерей Николай Агафонов и Игорь Смолькин, Александр Крутой и Алексей Любомудров, Андрей Печерский, Татьяна Батурина и Александр Горелов, Валерий Хатюшин и Николай Рачков, Лидия Сычева и Аркадий Белый, Александр Ужанков и Диана Кан, Евгений Семичев и Валентин Степашкин, Владимир Скворцов и Борис Костин, Алексей Любегин и Сергей Каширин...

— Наша премия вручается здесь, вблизи мощей Святого Благоверного Князя Александра Невского, рядом с могилой великого русского полководца Александра Суворова в зале

Свято-Духовского центра, где раньше находилась церковь, в которой 130 лет назад примерно в эти же дни, 28 января (9 февраля) 1881 года, отпевали Федора Михайловича Достоевского, — говорит духовник литературной комиссии, наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры Назарий епископ Выборгский. — Эти три имени и являются духовными ориентирами, которыми литературная комиссия руководствовалась при отборе работ, выдвинутых на конкурс.

В отмеченных в этом году произведениях воплощается идея неразрывной связи русской литературы с Русской Православной Церковью, с многовековым духовным опытом русского народа...

Первой премией в области поэзии отмечены стихи Николая Зиновьева из Краснодарского края, особой премией «За вклад в православную поэзию» творчество священников Анатолия Трохина из Санкт-Петербурга и Леонида Сафронова из Вятки.

Первая премия по прозе присуждена в этом году самарскому писателю Александру Громову за его роман «Паракало». Записки паломника, побывавшего на Святой Горе.

Сюжет романа достаточно прост — русские паломники ищут нужного им старца, и в ходе поисков перед читателем разворачивается целая галерея современных насельников Афона и паломников. Однако это внешняя интрига повествования. Есть в романе и внутренний сюжет, те духовные перемены, которые неосознанно для спутников повествователя, а порою и его самого, происходят в нем.

«Ночью в поезде я не мог уснуть. Монахи на Афоне вставали на молитву, а я думал, зачем я ездил на Афон? Зачем Господь привел меня туда? И Афон стал частью меня — зачем? И как я смогу распорядиться этим даром».

В номинации «Документально-публицисти-

Епископ Выборгский Назарий

*Священник Анатолий Трохин и Николай Коняев.
Фото Антона Жоголева*

*Андрей Грунтовский вручает награду
Антону Жоголеву*

Особой премией — «За вклад в православную журналистику» отмечено творчество Николая Переяслова из Москвы.

В области критики и литературоведения первой премией отмечена фундаментальная монография сотрудника Пушкинского дома Владимира Алексеевича Котельникова «Что есть истина?», посвященная исследованию той духовной составляющей русской литера-

*Николай Зиновьев.
Фото Антона Жоголева*

ческая проза» первая премия присуждена тоже самарцу Антону Жоголеву за книгу «Блаженная схимонахиня Мария» и сборник «Капельки вечности», рассказывающий о наших современниках, ищущих путей спасения и своего собственного, и всей страны. Как известно, человеческими силами достичь спасения невозможно. Но что невозможно человеку, то возможно Богу. Книга «Капельки вечности» не случайно носит подзаголовок «Промысл Божий и судьбы людские».

туры, которую автор называет «критическим идеализмом». О смысле и содержании этого понятия говорят сами названия глав книги «Синай—Иерусалим—Константинополь: святыни и утопии». «Иван Кириеевский: славяно-христианская версия критического идеализма», «На закате идеализма: критика мира и проблема смысла»...

Премия «За развитие научно-популярного жанра православного литературоведения» присуждена Анатолию Козлову (Санкт-Петербург) за книгу «Десять веков русской литературы».

В номинации «Книга для детей» отмечены работы Ирина Рогалева из Санкт-Петербурга.

«За вклад в развитие русской литературы» премией Александро-Невской лавры отмечен журнал «Москва».

На вручении премии член литературной комиссии по присуждению премии Александра Невского писатель Николай Коняев говорил о том, что нынешняя церемония награждения проходит накануне 180-летия со дня рождения великого русского писателя Николая Семеновича Лескова, про которого Владимир Маяковский говорил, дескать, Лесков рядом с Толстым был виден только в большой телескоп.

В принципе это так, но дело тут не только в величине Льва Толстого, а в той странной, выработанной в русском человеке слепоте на самые главные русские проблемы.

Русская литература чрезвычайно богата гениями, но, наверное, никто из них не сравнится с Николаем Семеновичем Лесковым тем глубинным знанием русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах его произведений.

К сожалению, ситуация, когда великого писателя, являющегося гордостью России, «передовому» человеку надо рассматривать в большой телескоп, чтобы различить его, не изменилась за истекшее столетие.

Разумеется, литературная премия имени Александра Невского, присуждаемая Александро-Невской лаврой, не способна в одиночку коренным образом изменить сложившуюся ситуацию, но она помогает обозначить направление, в котором нам следует двигаться, чтобы открылись глаза у русского человека.

*Александр Громов.
Фото Антона Жоголева*

Марина Дейнекина

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (812) 677-03-52 (референт редакции)
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры Г. А. Ильина, Н. П. Першакова
Дизайн обложки Г. Ю. Алкаева
Компьютерная верстка Т. Б. Макаровой

Подписано в печать 28.03.2011 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1102208.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.